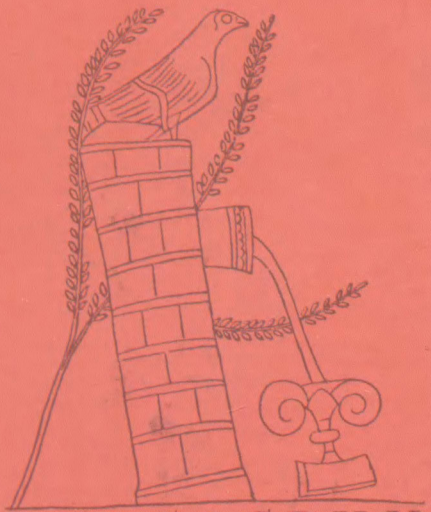
АРНОБИЙ

ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ



VER SACRUM

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

VER SACRUM

Религиозные верования и культы в античном мире

АРНОБИЙ

ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ

В русском переводе, с введением
и указателем имен и предметов Н. М. Дроздова

Под редакцией *А. Д. Пантелеева*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 86.31
А84

Редакционная коллегия серии
А. Б. Егоров,
О. В. Кулишова,
А. Д. Пантелеев,
Р. В. Светлов,
Э. Д. Фролов (председатель),
Н. С. Широкова

Арнобий (III–IV вв.) — один из крупнейших латинских раннехристианских авторов. Преподаватель риторики, учитель другого великого христианского писателя — Лактанция — он написал сочинение «Против язычников», чтобы доказать искренность своего обращения в христианскую веру. Книга интересна как любопытным синтезом христианских и языческих представлений о Боге, мире и человеке, так и содержащимися в ней бесценными сведениями об античной религии.

Издание предназначено для всех, кто интересуется историей античного мира и раннего христианства.

© А. Д. Пантелеев, коммент., 2008
© Издательство С.-Петербургского университета, 2008

ISBN 978-5-288-04692-6

О новой серии Издательства Петербургского университета «Ver Sacrum»

Многообразные религии античного мира всегда были феноменом истории, характеризующимся видимой ясностью и доступностью для восприятия другими эпохами и культурами, но вместе с тем их более глубокое понимание и объяснение всегда сопровождались решением бесконечных загадок и тайн. Мы надеемся, что предлагаемая вниманию читателей новая серия изданий «*Ver sacrum*» внесет посильный вклад в изучение феномена античной религиозности.

Религия играла важнейшую роль в духовной жизни Древней Греции и Рима, обеспечивая единство всей античной культуры. Это принципиальное значение понималось уже самими древними, и когда христианство вышло из палестинского гетто на Средиземноморскую арену, то перед идеологами нового движения встал вопрос об отношении к античной культуре — возможно ли для настоящего христианина пользоваться ее достижениями, и не потерпит ли он какого-нибудь урона оттого, что все в ней проникнуто «идолопоклонством»? Такие авторы, как Тертуллиан или Татиан, утверждали, что необходимо отказаться от всей суетной языческой мудрости, но в конечном итоге верх одержала иная точка зрения. Труды Юстина, Климента Александрийского и Оригена обеспечили восприятие адептами новой веры лучших достижений языческой древности, а вместе с ними в христианство вошли и многие понятия и обычаи, берущие начало в античной религиозной практике. Точно так же и для критиков христианства, философа Порфирия и императора Юлиана классическая культура — это единое целое, и невозможно, признавая поэзию Гомера, не верить в то, что он говорит о богах, или пользоваться философией Платона и одновременно отказаться от представления о предсуществовании души и метемпсихозе.

Греческая религия и мифология с самых ранних этапов их развития, религиозные представления этрусков и римлян, различные восточные культы, хлынувшие на Запад после походов Александра Великого, иудаизм в Римской империи и, наконец, раннее христианство во всем его многообразии — вот круг тем, которым будут посвящены книги новой серии. Она будет состоять из двух частей — «Источники»

и «Исследования». Мы планируем как переиздания классических переводов и монографий, так и подготовку новых. Их авторами станут ведущие ученые-антиковеды из Санкт-Петербурга и других городов России.

Изучение античной религии и раннего христианства в нашей стране имеет давнюю историю. Уже основоположники Петербургской исторической школы — ее патриарх Ф. Ф. Соколов, а затем его ученики В. В. Латышев, Н. И. Новосадский, С. А. Жебелев и И. И. Толстой — уделяли значительное внимание вопросам религиозного развития античного мира. Безусловно, особый интерес в этой связи представляют труды выдающегося историка культуры Ф. Ф. Зелинский, который сделал религию основным полем своих занятий. Его работы по древнегреческой и эллинистической религии и концепция «психологической подготовки» христианства эллинизмом внесли существенный вклад не только в отечественную, но и в мировую, науку. Кроме того, активно развивалась церковно-историческая наука, представленная именами выдающихся ученых: А. А. Спасского, А. П. Лебедева, В. В. Болотова, М. Э. Поснова и др. В советский период изучение этой области особо не поощрялось, но и тогда появляются исследования С. А. Жебелева и С. Я. Лурье, посвященные античной религии. Истории христианства повезло меньше. Борьба с Церковью новой власти и в первые десятилетия ее существования привела к сильнейшей идеологизации этой области исторической науки. В дальнейшем давление постепенно начинает ослабевать, и появляются замечательные исследования А. Б. Рановича, С. И. Ковалева, И. С. Свенцицкой. Отечественная наука старается в меру возможностей идти в ногу со всем миром, и прекрасный пример этого — издание и исследование И. Д. Амусиным текстов Кумрана и работы М. К. Трофимовой о библиотеке гностических текстов из Наг-Хаммади (оба собрания были обнаружены сразу после Второй мировой войны).

Созданный в июне 2007 г. на Историческом факультете СПбГУ Центр изучения религий античного мира и раннего христианства призван продолжить эту традицию и координировать усилия историков-антиковедов по изучению духовной жизни античности. Одной из форм деятельности Центра должна стать подготовка книжной серии, первый выпуск которой Вы держите в руках. Ее название *«Ver sacrum»* — «Священная весна» — не случайно. Как древние римляне посвящали все, что должно родиться в ближайшую весну, богам, так и мы направим все свои усилия на то, чтобы изучать античную религиозность и сделать результаты этого поиска доступными для читающей публики.

Труд латинского автора начала IV в. Арнобия «Семь книг против язычников» как нельзя более удачно подходит для открытия этой серии. Арнобий — христианин, но его сочинение является бесценным источником как по истории античной религии, так и о взглядах христиан на нее. Арнобий прекрасно образован, он был ритором, и его апология содержит массу цитат из античных авторов. Будучи до обращения в христианство убежденным язычником, он так позднее описывал свое поведение: "Не так давно я поклонялся образам, только что вышедшим из печи, богам, изготовленным молотом на наковальне, из слоновой кости, картинам, лентам, повязанным на чахлых деревьях. Когда же я видел камень, смазанный и облитый оливковым маслом, я восхвалял его и беседовал с ним, как будто в нем была сила, готовая помочь, и просил милостей у бесчувственного пня" (Adv. nat. I, 39).

На рубеже III и IV столетий Арнобий обращается в христианство и пишет сочинение «Против язычников», но при этом не отказывается от своей языческой образованности. Стоит отметить любопытный прием, применяемый Арнобием при полемике. По замечанию В. В. Бычкова, «он не верит в богов языческого Рима, но как истинный римлянин, обращающийся к римлянам, не оскорбляет их... Читатель как бы сам должен прийти к выводу о том, что богов-то этих придумали поэты и сочинители мифов». Арнобий пользуется большим количеством сочинений античных авторов (более 60), причем делает это тщательно, при каждом спорном случае призывая своих оппонентов проверить то или иное утверждение, «чтобы кто-либо не заподозрил нас в бесчестной клевете», и в доказательство того, что это «не ложное обвинение и не клеветнический донос» и что «мы ничего не вымышляем с лукавой целью». Это в высшей степени интересное сочинение было переведено на русский язык и прокомментировано Н. М. Дроздовым. Символично, что оно вышло в свет в непростом 1917 г., и, таким образом, стало одной из последних книг, выполненных в русле старой русской церковно-исторической науки. Эта книга была обречена стать библиографической редкостью, и мы рады тому, что возвращаем отечественному читателю одного из крупнейших христианских апологетов IV в.

Будем надеяться, что книги этой серии окажутся интересны и полезны преподавателям и студентам гуманитарных факультетов университетов, а также всем, кому интересна история европейской цивилизации.

Доктор исторических наук, профессор Э. Д. Фролов

СОДЕРЖАНИЕ

Н. М. Дроздов

Древнехристианский писатель Арнобий и его апология христианства (Adversus nationes)

I. Биографические сведения об Арнобии, по блаженному Иерониму .. 9

II. Время написания апологии Арнобия 14

III. Задача апологии, предмет и содержание ее 18

IV. План апологии и, в частности, отношение 35–51-й глав седьмой книги к прочим частям апологии 31

V. Источники апологии 37

VI. Арнобий как полемист и апологет 58

VII. Арнобий как богослов 66

1. Понятие о религии. Бытие Божие. Естественное богопознание. Недостаточность его. Необходимость сверхъестественного, божественного откровения и веры 67
2. Источники христианской веры: Священное Писание и предание 68
3. О Боге в Самом Себе и Его свойствах 69
4. Единство Божие. Боги языческие 70
5. Отсутствие указаний на Св.Троицу и Св. Духа. Учение о Лице Иисуса Христа 75
6. О Боге Творце и Промыслителе мира. О происхождении зла. О судьбе 82
7. Мир духовный. Ангелы и злые духи, или демоны (бесы) 84
8. О человеке и, в частности, о душах человеческих 87
9. О Церкви. О благодати Божией и свободе воли человека 94
10. О смерти и загробной участи человека 97
11. Главные черты христианского нравственного учения и жизнь христиан, по Арнобию 98
12. Общее заключение о богословских мыслях и суждениях Арнобия. О причинах заблуждения Арнобия 103

VIII. Литературные приемы, стиль и язык Арнобия 109

IX. Значение апологии Арнобия 115

X. Обзор литературы 117

Арнобий

Против язычников

Книга первая 123
Книга вторая 166
Книга третья 222
Книга четвертая 250
Книга пятая 278
Книга шестая 311
Книга седьмая 332

Указатель имен и предметов 373

ДРЕВНЕХРИСТИАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АРНОБИЙ И ЕГО АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА (Adversus nationes)

Историко-литературный очерк

I. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРНОБИИ, ПО БЛАЖЕННОМУ ИЕРОНИМУ

Арнобий принадлежит к числу первых христианских апологетов на Западе. Он вступил на литературное поприще с защитой христианства против язычества вслед за Минуцием Феликсом, Тертуллианом и Киприаном. Был он, судя по его имени, греческого происхождения[1]. Но о жизни и деятельности его мы не имеем никаких сведений, кроме кратких сообщений бл. Иеронима. По его свидетельству, Арнобий пользовался в царствование Диоклетиана (284–305) известностью в Африке как блестящий преподаватель риторики в городе Сикке[2] и имел в числе своих учеников Лактанция. Будучи язычником, он постоянно вел борьбу против христианства; но когда, побуждаемый сновидениями, решился принять христианство, то должен был, для того чтобы убедить епископа в искренности своего обращения, написать сочинение в опровержение прежней своей религии. Он написал превосходные (luculentissimos) книги против язычников (adversus gentes), таким образом

[1] Хотя в единственной сохранившейся древней рукописи апологии Арнобия (cod. Paris., IX в.), и именно в подписях, находящихся под каждой книгой апологии и принадлежащих, без сомнения, не автору, а одному из переписчиков, имя его имеет форму «Arnovius» (Arnovii liber... explicit. incipit liber...), более заслуживает предпочтения имя «Arnobius», как многократно засвидетельствованное бл. Иеронимом и имеющее аналогии во многих греческих латинизированных именах. По А. Рейффершейду (Conjectanea в Ind. lection. Breslau, 1879–1880. P. 10), первая часть имени «Arnobius» имеет сходство с Ἄρνεος, Ἀρνίας, Ἀρνιάδας, Ἄρνιππος, Ἀρνίσχος, Ἀρνοχλῆς, а вторая — может быть поставлена в параллель с именами Μηλόβιος, Ζηνόβιος, Μητρόβιος (ср.: Bardenhewer. Gesch. d. altkirchl. Literat. II Bd. Freib., 1903. S. 465). В полном соответствии с этим находится также отсутствие praenominis и cognominis, которые обыкновенно употребляются в латинских именах.

[2] Относительно местоположения этого города см.: Садов А. И. Древнехристианский писатель Лактанций. СПб., 1895. С. 11, примеч. 5.

как бы представив некоторого рода залог своей искренности, и был, наконец, принят в общение с Христианской церковью. Бл. Иероним указывает и число книг этого сочинения — именно семь[3].

Сообщаемые бл. Иеронимом сведения об Арнобии имеют вид полной достоверности. До нас, действительно, дошли с именем Арнобия семь книг против язычников, и хотя в единственной древней рукописи (в cod. Paris, IX в.) они называются Adversus nationes, а не Adversus gentes (именно в подписи под второй книгой), это не имеет особого значения, потому что два названия, различаясь по форме, тождественны по смыслу[4], и последнее могло быть приведено бл. Иеронимом без буквальной точности. По-видимому, в выражении septem libros adversus gentes Arnobius edidit totidemque discipulus ejus Lactantius[5] он имел в виду даже не обозначение самого названия произведения Арнобия, а лишь указание на общий характер или предмет его, как следует заключить из того, что те же слова adversus gentes относятся здесь также к произведению Лактанция Divinae Institutiones, хотя подлинное название его было хорошо известно бл. Иерониму[6]. Подобным образом, бл. Иероним первую апологию Тертуллиана называет contra gentes libri[7], хотя в единственной древней рукописи (cod. Agobardinus, IX в.) она надписывается Ad nationes libri duo. Что Арнобий прежде был язычником, подтверждает он сам, говоря, что в недавнее время (nuper), т. е. незадолго до написания своей апологии, он находился в ослеплении и чтил кумиры (I, 39)[8]. Что он был преподавателем риторики, это подтверждается как формой его апологии, отражающей сильное влияние риторики, так и самим содержанием, обнаруживаю-

[3]Hieron. 1) Chron. ad ann. Abr. 2343: Arnobius rhetor in Africa clarus habetur, qui cum Siccae ad declamandum juvenes erudiret et adhuc ethnicus ad credulitatem somniis compelletur, neque ab episcopo impetraret fidem, quam semper impugnaverat, elucubravit adversum pristinam religionem luculentissimos libros, et tandem, veluti quibusdam obsidibus pietatis, foedus impetravit; 2) De vir. ill., 79: Arnobius sub Diocletiano principe Siccae apud Africam florentissime rhetoricam docuit scripsitque adversum gentes volumina, quae vulgo exstant; Ibid. 80: Firmianus, qui et Lactantius, Arnobii discipulus; 3) Epist. 70 (ad Magnum): Septem libros adversus gentes Arnobius edidit totidemque discipulus ejus Lactantius.

[4]См.: Gölzer. Etude lexicogr. et grammat. de la latinité de st. Jérome. Paris, 1884. P. 233.

[5]Hieron. Epist. 70 ad Magn.

[6]Idem. De vir. ill., 80.

[7]Idem. Epist. 70 ad Magn.

[8]Нумерация глав по изданию А. Рейффершейда (Corpus script. eccles. latin. Vol. IV. Vindob., 1875).

щим свойственное всем лучшим риторам широкое знакомство с общей греко-римской литературой, и, в частности, с философской. Хотя у Арнобия нет прямых указаний на Сикку, но в апологии встречаются многие африканские черты, дающие основание заключить, что он был вполне африканцем — не только по месту своей деятельности, но также по рождению и образованию. В апологии явно заметны не только те особенности изложения (в частности, языка), которые свойственны африканским писателям, но также особое внимание автора к африканским народам и странам. Так, он говорит, что в известном году гетулы и пентаполийцы страдали от отсутствия дождей и засухи, между тем как у мавров и нумидийцев был богатейший урожай (I, 16); указывает на распространение христианства среди этих народов (Ibid.); упоминает о мавританских богах (I, 36), и т. п. Монсо усматривает в апологии Арнобия даже черты чисто африканского патриотизма и неприязненного отношения к Риму[9]. И, действительно, нельзя не обратить внимания на то, что Рим Арнобий воспринимает как чужой для него. Так, он говорит о владычестве римлян, как иноземец (VII, 40: innumeras provincias sub leges vestri cecidisse dominatus) и относит его к числу великих бедствий, постигших народы (I, 5). Он даже называет Рим основанным на погибель рода человеческого и явно выражает сочувствие порабощенным римлянами неповинным обитателям земли (VII, 51). В Африке, и в частности в Сикке, могли происходить и борьба Арнобия с христианством, и последовавшее затем присоединение его к христианской церкви. В Сикке (как и вообще в Африке) в то время было очень много христиан, а в середине III в. этот город имел епископа[10]. Нет никакого основания сомневаться также в том, что Лактанций — без сомнения, не в христианский, а в языческий период жизни Арнобия — был его учеником. Хотя Лактанций в дошедших до нас произведениях не упоминает Арнобия, едва ли он имел повод указывать или ссылаться в них на последнего, за исключением разве Div. Instit. V, 1, где перечисляются предшествующие христианские писатели; но это сочинение было написано Лактанцием, по-видимому, в то время, когда апология Арнобия еще не получила распространения и могла быть неизвестна Лактанцию, жившему в то время не в Африке, а в Малой Азии[11]. Поэтому неупоминанию Лактанция об Арнобии нельзя

[9] Monceaux. Hist. littér. de l'Afrique chrét. T. III. Paris, 1905. P. 242–243.

[10] Ibid. P. 244.

[11] Некоторые ученые объясняют молчание Лактанция об Арнобии желанием «уклониться от критики сочинения своего учителя, критики неизбежной и, разу-

придавать значения, тем более, что Лактанций мог говорить об Арнобии в не дошедших до нас произведениях, как предполагает Гарнак[12]. Подтверждением же сообщения бл. Иеронима о Лактанции как ученике Арнобия служит сходство многих мнений и отдельных мыслей Арнобия со встречающимися в произведениях Лактанция, свидетельствующее о влиянии первого из них на второго[13]. Ничего невероятного нет также в том, что в обращении Арнобия в христианство имели значение сновидения. Это вполне соответствует духу того времени и подтверждается указаниями многих древнехристианских писателей на явления подобного рода. Так, Ориген, которого отнюдь нельзя заподозрить в легковерии, говорит: «Многие даже против собственного желания перешли в христианство после того, как некоторый дух внезапно до того изменил их ум, что они совершенно оставили ненависть к Слову и дошли до готовности умереть за Него, и это потому, что [дух] и наяву, и во сне не переставал действовать на их воображение. Мы знаем много таких случаев... мы сами были свидетелями и очевидцами таких случаев»[14]. Такие случаи в особенности часто происходили, как говорит Гарнак[15], во времена гонений, когда жил Арнобий и когда многие преследователи христианства обращались в ревностных поборников его, делаясь из Савлов Павлами. Так, Евсевий Кесарийский, говоря о мученической кончине воина Василида, указывает на принятие Василидом христианства вследствие явления ему ночью (во сне) мученицы Потамиены и добавляет: «Повествуют, что в Александрии в то время (в царствование Септимия Севера) много было и других, которые обратились к учению Христову внезапно, уверяя,

меется, неблагоприятной для Арнобия при тех требованиях, которые предъявлял Лактанций к апологетическим произведениям и с точки зрения которых оценивал он труды прежних апологетов» (Садов А. И. Указ. соч. С. 35–36, примеч. 1). Произведение Лактанция «Divinae Institutiones» было начато в 304 г. и окончено после Миланского эдикта о веротерпимости (313); в частности, VI книга была написана до 311 г., т. е. до появления эдикта Галерия о веротерпимости, а V книга — еще раньше (см.: Teuffel. Gesch. d. röm. Literat. III Bd. 6 Aufl. Lpz., 1913. S. 200). Апология же Арнобия написана, как увидим ниже, не раньше конца 303 г. и не позже первой половины 311 г.

[12]Harnack. Gesch. d. altehristl. Literat. II Bd. Lpz., 1904. S. 414, Anm. 3.

[13]См.: Садов А. И. Указ. соч. С. 13; 144, примеч. 3; 174, примеч. 3; 259–260. — Некоторые ученые признавали (без достаточных оснований) непосредственное использование Лактанцием апологии Арнобия (см.: Там же. С. 35–36, примеч. 1; с. 80 и др.).

[14]Orig. C. Cels. I, 46 / Пер. проф. Л. Писарева. Ч. 1. Казань, 1912. С. 75–76.

[15]Harnack. Op. cit. S. 415, Anm. 3.

что Потамиена являлась им во сне и призывала их к божественному Слову»[16]. Нам нет необходимости видеть в рассматриваемых сновидениях Арнобия чудесный характер и, тем более, признавать их причиной обращения его в христианство. Как видно из апологии, обращение его — результат сознательного убеждения в несостоятельности языческих религий и в истинности христианской веры; сновидения же могли быть отражением того душевного состояния, в котором он находился в этот критический период своей жизни, и послужить одним из толчков к окончательному решению навсегда оставить язычество и принять христианство[17]. Также указанный бл. Иеронимом повод к написанию апологии Арнобием подтверждается ее формой и содержанием. Она носит в некоторых местах явные следы спешной работы и показывает, что автор не вполне еще отрешился от языческих представлений, не имел ясного представления о некоторых из основных истин христианства и не обладал, по-видимому, непосредственным знакомством со Священным Писанием. Вследствие этого некоторые ученые полагали, что Арнобий во время составления своего произведения принадлежал к числу катехуменов, которым не давали в руки книги Священного Писания[18]. И если бл. Иероним, признавая апологию написанной до принятия Арнобия в общение с Христианской церковью или до крещения, тем не менее, не только вносит его в список церковных писателей (De viris illustribus), но и прямо относит к scriptores ecclesiastici и называет его «нашим»[19], т. е. христианским писателем, то это, возможно, объясняется не только самим характером апологии и тем, что автор при написании ее был по своим основным религиозным убеждениям христианином и причислял себя к христианам, но также и тем, что он уже принадлежал к классу оглашенных. То обстоятельство, что бл. Иероним в «Хронике» относит Арнобия к ann. Abr. 2343=326/27 г. по Р. Х., дает повод некоторым ученым видеть здесь указание на время обращения Арнобия в христианство или на год смерти его. Но, как видно из вышеприведенного свидетельства бл. Иеронима, Арнобий вполне стал христианином и был принят в общение с Христианской церковью по окончании им апологии, написанной, как это будет указано ниже, во

[16] Eus. HE VI. 5. СПб., 1858. С. 303–304.

[17] См.: Monceaux. Op. cit. P. 244.

[18] См.: Besnard. Des Afrik. Arnobius sieben Bücher, übers u. erläut. Landsh, 1842. S. 19; Oehler. Arnobii Adv. nat. Lips, 1846. Proleg. P. X–XI; Leckelt. Ueber d. Arnobius Schrift Advers. nation. Neisse, 1884. S. 4.

[19] Hieron. Epist. 62 ad Tranquill.; Comment. in Isaiam, lib. VIII, praef.

время гонений, до издания эдиктов о веротерпимости, т. е. до 311 г. Что же касается предположения об указании Иеронимом на год смерти Арнобия, то хотя оно само по себе не представляется невероятным, но не имеет твердой опоры. Обозначенный Иеронимом в «Хронике» год едва ли может считаться за определенное хронологическое указание. С этого года бл. Иероним начинает свое продолжение «Хроники» Евсевия, и начинает именно замечанием об Арнобии, по-видимому, потому, что этот писатель был опущен Евсевием[20]. Нет определенных указаний и на время рождения Арнобия. Из того обстоятельства, что Арнобий был учителем Лактанция, родившегося, как обыкновенно признается, около 250 г.[21], следует лишь заключить, что он был старше Лактанция и родился еще в первой половине III в., приблизительно около 240 г.

В дополнение к изложенным сообщениям бл. Иеронима один писатель XV в., Триттенгейм (Trithemius), утверждает, что Арнобий, став христианином, был впоследствии пресвитером и оставил кроме указанного произведения еще несколько сочинений и, между прочим, De rhethorica institutione[22]. Но неизвестно, на чем основывается это утверждение; оно составляет, по-видимому, произвольное предположение.

II. ВРЕМЯ НАПИСАНИЯ АПОЛОГИИ АРНОБИЯ

Что касается времени написания единственного дошедшего до нас произведения Арнобия, его апологии Adversus nationes, то оно различно определяется различными учеными вследствие недостаточной определенности тех данных, на которых эти ученые основывают свои заключения и которые состоят отчасти в свидетельстве бл. Иеронима и в хронологических указаниях Арнобия, а отчасти — в указаниях его на преследования христиан язычниками и, в частности, на гонение Диоклетиана в 303 г. Так, по Бардту[23] апология была написана в 295 г., по Эберту[24] — в первое десятилетие IV в., по Барденгеверу[25] — во время Диоклетианова гонения (303–305) или вскоре после него, по Крю-

[20] См.: Harnack. Op. cit. S. 414, Anm. 4.

[21] См.: Ibid. S. 415; Teuffel. Op. cit. S. 198; Monceaux. Op. cit. P. 289; Садов А. И. Указ. соч. С. 9.

[22] Trithemius. De script. eccles. P. 53; см.: Oehler. Op. cit. P. XIX—XX; Bardenhewer. Op. cit. P. 465.

[23] См.: Pauly-Wissowa Real-Encyclop. II Bd. Stgt., 1895. S. 1206.

[24] Ebert. Gesch. d. christl. latein. Literat. 2 Aufl. Lpz., 1889. S. 64, Anm. 5.

[25] Bardenhewer. Op. cit. S. 468.

геру[26] — после 303 г., по Юлихеру[27] — в 305 г., по Шанцу[28] — в 303–310 гг., по Гарнаку[29] и Тайфелю[30] — в 304–310 гг. Более определенное и обоснованное решение рассматриваемого вопроса пытается дать Монсо[31]. Он, прежде всего, обращает внимание на несостоятельность обычного мнения исследователей, которые на основании сообщения бл. Иеронима, что Арнобий начал писать апологию немедленно после обращения в доказательство своей искренности, заключают, что он должен был писать спешно, и не допускают почти никакого промежутка между обращением его и окончанием апологии. Можно справедливо замечает, что здесь, наоборот, следует предположить более или менее значительный промежуток времени. На это, по его мнению, указывают как свидетельство бл. Иеронима, по которому Арнобий, написав свою апологию, наконец-то (tandem) получил общение с Христианской церковью, так и то обстоятельство, что обширное сочинение, состоящее из семи книг и снабженное многочисленными учеными сведениями, не могло быть написано без приготовления, быстро, в течение нескольких месяцев. Многочисленные указания Арнобия на преследования христиан язычниками (I, 26; II, 5 и 77; III, 36 и др.) свидетельствуют, что апология написана ранее акта о веротерпимости, который официально был объявлен в Африке через эдикт Максенция, вероятно, около середины 311 г. С другой стороны, бл. Иероним, как мы видели, говорит, что Арнобий был преподавателем риторики в царствование Диоклетиана, следовательно — после 284 г. Таким образом, апология не могла быть написана ни ранее 284 г., ни позже 311 г. Но можно, говорит Монсо, и с большей точностью определить время происхождения, по крайней мере, некоторых частей апологии по некоторым находящимся в ней хронологическим указаниям. Так, в I,13 читаем: «Почти триста лет — несколько менее или более — прошло с того времени, как мы начали быть и называться на земле христианами...». Очевидно, Арнобий берет здесь за исходную точку своего исчисления Рождество Христово, которое африканская традиция относила к 750 г. от основания Рима, т. е. за четыре года до нашей эры. Таким образом, первая книга была написана в 296 г. С этим согласуются находящиеся в той

[26] См.: Hauck. Real-Encyclop. II Bd. 3 Aufl. 1897. S. 116.
[27] См.: Pauly-Wissowa Real-Encyclop. II Bd. S. 1206.
[28] Schanz. Gesch. d. röm. Literat. III Teil, 2 Aufl. Munch., 1905. S.440.
[29] Harnack. Op. cit. S. 415.
[30] Teuffel. Op. cit. S. 196.
[31] Monceaux. Op. cit. P. 246–249.

же книге интересные замечания о резких изменениях в цене на предметы первой необходимости, побудивших Диоклетиана в 301 г. издать свой знаменитый эдикт de pretiis venalium rerum (о ценах продаваемых предметов). Во второй книге, а именно в 71-й главе, есть также довольно точное хронологическое указание. Здесь Арнобий говорит: «Сколько лет приписывается в летописях городу Риму? Он насчитывает тысячу пятьдесят лет или немного менее этого». Год 1050 от основания Рима соответствует 297 г. н. э. Но в той же главе приводится упрек язычников, что за 300 лет до того времени не было христианской религии, — это указывает, как мы уже видели, на 296 г. Следовательно, вторая книга написана в 296–297 гг. В пяти последних книгах встречается только одно хронологическое указание, именно в IV, 36, где говорится: «... чем заслужили наши писания предания огню? Почему беспощадно должны разрушаться места собраний, в которых совершается моление высочайшему Богу?..». Эта фраза указывает на обнародованный в Никомедии 24 февраля 303 г. первый эдикт Диоклетиана против христиан, который, по свидетельству Евсевия[32], предписывал сжигать священные книги христиан, разрушать места их общественных собраний и который получил применение в Африке в середине того же года. Фраза эта не могла быть написана ранее лета 303 г. Можно было бы предполагать, что она внесена в текст впоследствии, после написания апологии, но этого не допускает контекст речи. Поэтому следует признать, что четвертая книга была написана позже середины 303 г.

Таким образом, хронологические данные апологии не согласны между собой: первая книга указывает на 296 г., вторая — на 296 или 297 г., четвертая — на конец 303 г. или на один из последующих годов. Возможны различные объяснения этого разногласия: или Арнобий потратил больше времени на написание апологии, чем обычно предполагают; или он начал писать ее в 296 г. и окончил после гонения в 303 г.; или написал свой трактат довольно быстро, но впоследствии переделал его; или, наконец, сначала удовлетворился написанием первых двух книг, составляющих апологию в собственном смысле, представил их Церкви как залог своей искренности и впоследствии, на досуге, написал последние пять книг, имеющих полемический характер. Последнее объяснение Монсо признает наиболее правдоподобным — как наиболее соответствующее сообщениям бл. Иеронима и характеру рас-

[32] Eus. HE VIII. 2.

сматриваемого трактата. Соответственно, обращение Арнобия Монсо относит к 295 или 296 г. Но Монсо напрасно признает хронологические указания Арнобия точными. Это — круглые цифры (300 и 1050), лишь приблизительно определяющие время, на что указывает и сам Арнобий: ferme minus vel plus aliquid (I, 13) и aut non multum ab his minus (II, 71). Если бы это были точные цифры, то в таком случае мы должны были бы признать совершенно недопустимое разногласие у Арнобия в одной и той же главе (II, 71), именно в указаниях, по определению Монсо, на 296 и 297 г. (т. е. 300 лет от Р. Х. и 1050 г. от основания Рима). Мы, вопреки мнению Монсо, не имеем также достаточного основания утверждать, что Арнобий в своих хронологических указаниях следовал именно той, а не другой, из систем летосчисления, которые существовали в его время. Нет достаточного основания и для уверенности в том, что Арнобий за исходную точку для летосчисления брал год Рождества Христова, когда говорил, что прошло 300 лет именно с того времени, как получила начало христианская религия (II, 71) или как «... мы начали быть и называться на земле христианами... (I, 13)», причем признать точными эти указания мы не можем кроме вышеуказанных причин также и потому, что Арнобий при написании своей апологии еще мало был знаком с христианством и вряд ли имел точные сведения о том, к какому именно году следует отнести начало христианской религии. Нельзя также признать основательным и допускаемое Монсо написание апологии в два периода и присоединение Арнобия к Христианской церкви по представлении им первых двух книг как потому, что в последних пяти книгах обнаруживается столь же недостаточное знакомство с христианством и христианским учением, какое замечается в первых двух, чего, конечно, не могло быть, если последние пять книг были написаны Арнобием «на досуге», по представлении им Церкви, в виде залога своей искренности, первых двух книг и по принятии его в общение с Христианской церковью, так и потому, что для присоединения к Христианской церкви Арнобий должен был написать, по вышеприведенному свидетельству бл. Иеронима, опровержение прежней своей религии (adversum pristinam religionem libros), а это он выполнил не в первых двух книгах, имеющих, по определению самого Монсо, апологетический характер, а в последних пяти апологетико-полемических книгах. Против рассматриваемого мнения Монсо свидетельствует, наконец, и то, что следы спешности замечаются, главным образом, не в первых двух, а в последних пяти книгах.

Все это, полагаем, ясно показывает, что апология была написана Арнобием до присоединения его к Христианской церкви, но не в тече-

ние двух-трех месяцев, а в более продолжительный период. Поэтому terminus a quo (конец 303 г. или один из последующих годов), совершенно правильно установленный Монсо для последних пяти книг, должен относиться ко всей апологии. Но установленный этим ученым terminus ad quem (первая половина 311 г.) может быть отодвинут к более раннему времени, и именно к последним годам царствования Диоклетиана, на основании свидетельства бл. Иеронима: «Arnobius sub Diocletiano florentissime rhetoricam docuit scripsitque adversus gentes volumina, quae vulgo exstant»[33]. Монсо на основании этих слов относит к царствованию Диоклетиана лишь преподавание риторики Арнобием. Но мы полагаем, что бл. Иероним относит к царствованию Диоклетиана и написание апологии.

Таким образом, апология написана не ранее конца 303 г., т. е. после вышеупомянутого Доклетианова эдикта, на который с полной очевидностью указывает Арнобий в IV, 36, и не позже первой половины 311 г., т. е. до обнародования в Африке первого эдикта о веротерпимости и, по-видимому, именно в царствование Диоклетиана, т. е. не позже 305 г., когда Арнобию было около 65 лет. Этому вполне соответствуют вышеупомянутые хронологические указания Арнобия на 300 лет и на 1050 г., как только приблизительно и круглыми цифрами определяющие время, протекшее от начала христианства и от основания Рима, и свидетельство бл. Иеронима о недоверии епископа к искренности обращения Арнобия — недоверии, одной из причин которого могло быть то, что Арнобий, постоянно боровшийся против христианства, только по достижении преклонного возраста изъявил желание стать христианином. Соответственно этому, должны быть отнесены к более позднему времени также обращение Арнобия, как непосредственно предшествовавшее написанию апологии, и принятие его в общение с Христианской Церковью, как последовавшее по окончании апологии.

III. ЗАДАЧА АПОЛОГИИ, ПРЕДМЕТ И СОДЕРЖАНИЕ ЕЕ

Хотя задача апологии Арнобия, предмет и содержание ее определялись, главным образом, возникшей из личных обстоятельств его жизни целью — доказать искренность своего обращения в христианство, но вместе с тем Арнобий имел в виду, без сомнения, также требования своего времени и, в частности, два современных ему обстоятель-

[33] Hieron. De vir. ill., 79.

ства, которыми в значительной степени обусловливался предмет его речи: с одной стороны, ненависть народа, разделявшаяся также большей частью интеллигентных кругов общества, к христианам, якобы вызывавшим своим презрением к отечественной религии гнев богов, выражавшийся в разного рода общественных бедствиях, бывших в то время в особенности тяжелыми для римского государства, а с другой — распространение неоплатонических идей, имевших целью поддержать старую отечественную религию и направленных, главным образом, против христианства. Поэтому Арнобий в своей апологии ставит перед собой задачу защитить христиан и их религию от возводимых на них обвинений и опровергнуть греко-римскую религию и культ вместе с противопоставляемыми христианству идеями неоплатонизма. Соответственно этому апология Арнобия может быть разделена на две части: первая часть (первые две книги) имеет апологетический характер, а вторая (остальные пять книг) — имеет характер апологетико-полемический.

Первая книга начинается заявлением Арнобия о намерении его опровергнуть клеветнические обвинения христиан язычниками в том, что из-за них (христиан) все в мире ухудшилось, что они через свое презрение к богам навлекли на людей гнев богов, которые оставили попечение о людях, и результатом этого являются эпидемии, опустошительные войны, засухи, голод, землетрясения, наводнения и другие бедствия. Арнобий считает необходимым опровергнуть эти обвинения, чтобы они, вследствие молчания, не были признаны справедливыми. Указав сначала на то, что виновны в безбожии и в оскорблении богов, как это видно будет из последующих доводов, не христиане, а выдающие себя за почитателей богов и приверженцев укоренившихся религий язычники, он выясняет, что законы природы постоянно остаются неизменными и естественная жизнь имеет и теперь такое же течение, какое она имела прежде; что разного рода бедствия, и даже более ужасные, были и до появления христианства; что христиане через свое учение и жизнь даже содействовали уменьшению бедствий, в частности войн, и смягчению жестокости их; что многое, обыкновенно признаваемое пагубным или злом, не является в действительности таковым, а представляется нам так лишь потому, что мы судим об этом с точки зрения личных интересов (I, 1–12). Несправедливо считать христиан виновниками бедствий также потому, что последние не беспрерывны и сменяются временами общего благополучия, благоденствия, они имеют обыкновенно местный характер, простираются не только на те страны, в которых живут христиане, и постигают одинаково, без

всякого различия, как христиан, так и почитателей богов (I, 13–36). Но христиане и не могут навлекать гнев богов, как потому, что гнев вообще, и в особенности гнев, постигающий вместе с виновными невиновных, несвойствен природе Божества, так и потому, что христиане не атеисты и не только не отвергают религии, но и полагают в основу своего учения веру в Высочайшее Существо, Творца и Владыку всего существующего, от которого происходят и боги, если они существуют, которому поклоняются также и язычники в лице Юпитера как верховного бога и которого инстинктивно признают не только все люди, но и все другие существа (I, 17–35). И если христиане чтут также Христа, которого язычники принимают за человека, умершего позорной смертью, то за это нельзя обвинять христиан как потому, что и чтимые язычниками боги были, по их собственным сказаниям, людьми, и что позорная, насильственная смерть не опорочивает невинного и не умаляет значения дел его и учения, и что Христос, если бы и не был Богом, достоин божеского почитания за свое спасительное учение и дела, бывшие в высшей степени благотворными для человечества (I, 36–41); так и в особенности потому, что Христос не есть только человек, но вместе с тем Он — истинный Бог, как это доказывают: а) многочисленные чудеса, которые не только Сам Он совершал, в противоположность волшебникам и тому подобным лицам, без помощи внешних средств, одним словом или повелением, Своей божественной силой, но и предоставил таким же образом совершать Его именем Своим проповедникам (I, 42–53); б) вера в эти чудеса всех, кто наблюдал и собственными глазами видел их; в) быстрое распространение Его учения во всем мире; г) непоколебимость веры последователей Его, предпочитавших скорее подвергнуться жестоким мучениям, нежели отказаться от нее (I, 54–55); д) свидетельство Священных Писаний, и хотя они менее древни, нежели языческие писания, и написаны простым языком, не чуждым погрешностей, людьми простыми, необразованными, но это не только не умаляет их достоинства, но служит подтверждением их достоверности (I, 56–59). Явился же Он на земле в образе человека для того, чтобы быть видимым для людей, учить и наставлять их, и ради величайшего дела спасения людей добровольно, по неизъяснимому божественному определению подвергся крестной смерти, которая была смертью не Его Самого как Бога, а воспринятого Им человеческого естества (hominis). И какая ужасная неблагодарность, какое великое ослепление людей, что они оказывают божеское почитание и всяческие почести тиранам, разбойникам и развратникам, преследуют жестокой ненавистью Христа, который не только никому не причинил никакого

зла, но и оказал величайшие благодеяния всему роду человеческому (I, 60–65)!

Во второй книге Арнобий останавливается, главным образом, на причине ненависти язычников ко Христу и выясняет, что ею, вопреки утверждению язычников, не может служить уничтожение религии, потому что Христос не учил безбожию, Он открыл путь к Небу и бессмертию и не уничтожил, а ввел и установил в мире истинную религию. Отказываются верить Его учению потому, что Он не подтвердил Своих обетований, но будущее до осуществления его ничем не может быть доказываемо и опровергаемо; доказательством же истинности Его учения служат: быстрое распространение учения по всей земле; благотворное влияние его на нравы грубых народов; принятие его великими ораторами, грамматиками, риторами, законоведами, врачами и философами; твердость веры его последователей, мужественно переносивших жестокие преследования, пытки и мучения (II, 1–5). Гордятся люди своим знанием и смеются над легковерием христиан; но мудрость человеческая есть глупость перед Богом; люди не имеют точного, несомненного знания даже относительно того, что находится перед их глазами; в жизни людей все основывается на вере, на доверии. Также и убеждение в достоверности знания основывается на предположениях и вере в авторитет тех, кто считается мудрыми и сведущими, хотя они своими разногласиями и взаимной борьбой, колебля и уничтожая свои положения, показывают, что сами ничего не знают (II, 6–10) ничем не доказывают своего авторитета и знания истины, между тем как Христос доказал истинность и божественный авторитет Своего учения через божественную силу, явленную Им в чудесах, совершенных Им и Его проповедниками, через благотворное влияние его на нравы, через принятие его всеми народами и через согласие многих таких пунктов (которые осмеиваются язычниками), как о Боге, о будущем воскрешении мертвых, о геенне и неугасимом огне, с учением философов, и в частности Платона. Но в учении Платона о бессмертии душ и наказании их, выражающемся в страдании, не соединимом, по мнению Арнобия, с бессмертием, он видит противоречие (II, 11–13), и это дает ему повод пуститься в очень длинное, отличающееся своеобразным характером, рассуждение о происхождении и природе душ (II, 14–62), направленное, по-видимому, против неоплатоников и обнаруживающее недостаточное знакомство автора с христианством. Если, говорит он, все души, как полагают некоторые люди, имеющие слишком высокое мнение о себе, имеют одинаковое происхождение от совершеннейшего Существа, Творца всего существующего, и по сво-

ей природе близки к Нему, божественны, бессмертны, мудры и обладают всеми знаниями, то все мы должны быть совершенными как в духовном, так и в физическом отношении, свободными от порока и обо всем мыслить одинаково и согласно. Но действительность не подтверждает этого. Люди подобны всем прочим животным или в незначительной степени отличаются от них. Среди людей много глупых, тупоумных, несведущих в науках и искусствах; они не согласны в своих мнениях, и один утверждает одно, другой — другое; все знания, в сущности очень скудные, они получают не через воспоминание, а через упражнение и обучение, путем опытов, исследований и многих ошибок. Души людей не бестелесны и не бессмертны, потому что в противном случае они не могли бы подвергаться каким-либо изменениям в своем состоянии, страданию или мучению, и вера в бессмертие, как необходимо соединяющаяся, подобно учению эпикурейцев о смертности душ, с уверенностью в свободе от всяких наград и наказаний по разрешении душ от телесных уз, лишала бы людей всяких побуждений вести добродетельную жизнь и обуздывать природное влечение к порокам, приводила бы их к полной нравственной распущенности. Поэтому души следует признать обладающими средней природой (mediae qualitatis), двойственной и неопределенной (anceps ambiguaque); если они не знают Бога, то уничтожаются после долговременного мучения неугасимым огнем, а если будут стремиться к познанию Бога, служащему как бы закваской жизни (см. Ин 17 : 3), вести добродетельную жизнь и обратятся к Его милосердию и благости, то могут, по дару и милости величайшего Повелителя, избавиться от утраты жизни (II, 14–32). Поэтому мы предаем себя Христу не безрассудно, но ради собственной пользы, вследствие уверенности в том, что Он может спасти души наши от погибели, как Он доказал это через многочисленные чудеса (II, 33–35). Но души не дочери высочайшего Царя, а имеют другого родителя, отличающегося от Него многими ступенями достоинства и могущества, потому что если бы они происходили от Него, то были бы совершенными, обитали во дворце Царя и не стремились безрассудно в земные области; но люди слишком ничтожные и жалкие существа, они совершенно бесполезны и излишни для мира и нисколько не содействуют его усовершенствованию; они слепы, обладают не столько знанием, сколько догадками и предположениями, не имея ясного, достоверного знания даже о том, что находится перед их глазами, и предаются всевозможным порокам, лишь посредством упорной борьбы освобождаясь иногда от врожденной порочности (II, 36–46). Но если души не созданы Богом, то от какого виновника и

каким образом они произошли, и не значит ли это, что нечто может происходить без воли Божией? На эти вопросы, равно как и на вопрос о том, откуда происходит несомненно существующее в мире зло, при решении которых можно впасть в богохульство, признавая все, а следовательно, и зло, происходящим по воле Божией, или же, отстраняя от Бога причины зла, признать зло происходящим вопреки Его воли и даже без ведома Его, мы должны ответить, что мы не знаем этого, и это не может быть постигнуто никакими силами, и за это незнание христиане не должны быть осуждаемы как потому, что люди не обладают точным, достоверным знанием не только темных и отдаленных от них предметов, но и того, что более близко к ним, разноречивы в своих мнениях, противоречат друг другу и с одинаковой убедительностью приводят доказательства в подтверждение своих и в опровержение чужих мнений, так и потому, что Христос Бог повелел нам оставить эти вопросы и не пускаться в длинные рассуждения о том, что не доступно нашему знанию, но обращаться всеми мыслями и всей душой к Владыке мира. Но мы знаем и утверждаем, что от Бога ничто вредное и пагубное не может исходить, — от Него происходит только то, что для всех спасительно, что исполнено любви и радости, что содержит бесконечные и непреходящие наслаждения (II, 47–62). После этого отступления о душах Арнобий опровергает еще несколько возражений язычников. Нельзя обвинять Христа в несправедливости как спасшего не всех людей. Он всем желающим открыл источник жизни, одинаково призывает всех и на всех желающих простирает Свои благодеяния, не исключая даже и тех, кто умерли до Его пришествия; но Он никого не принуждает вопреки его воли принимать эти благодеяния, потому что это было бы несправедливостью и насилием, и если одни только христиане могут иметь надежду на спасение, то это потому, что высочайший Царь только Христу предоставил исполнение дела спасения, и язычники не имеют права считать это несправедливостью уже потому, что и они каждому из своих богов приписывают только определенный круг власти и полномочий (II, 63–65). Упрекают христиан за то, что они оставили прежнюю, древнюю религию и обратились к новой; но древность сама по себе не составляет достоинства; все, что теперь считается древним, не исключая и богов, имеет начало и прежде было новым, а то, что теперь ново, может впоследствии стать древним; людям свойственно стремиться от худшего к лучшему, новому, и многие древние обычаи, установления, религиозные обряды и т. п. оставлены или заменены новыми у самих язычников — даже некоторые языческие культы возникли сравнительно в недавнее вре-

мя. Впрочем, и христианская религия в сущности не новая, как не может быть новым чтимый христианами Бог, который вечен и древнее которого ничего не может быть; но мы только в сравнительно недавнее время узнали ее, когда пришел Посланный, открывший нам ее и призвавший нас от суеверий к служению истинному Богу (II, 66–73). Возражают: почему так поздно был послан к нам Христос Спаситель (Sospitator)? Без сомнения, Он послан тогда, когда нужно было, и для этого есть надлежащие основания, но мы не знаем их и можем высказывать относительно этого лишь предположения, потому что мы не знаем намерений Божиих и того, каким образом Бог совершает Свои дела, и за это мы не должны быть осуждаемы, потому что люди слепы и не знают даже того, почему множество окружающих их явлений происходит так, а не иначе, и в то, а не в другое время (II, 74–75). Говорят: если христиане служат всемогущему Богу и Он имеет попечение о них, то почему Он допускает их испытывать преследования и мучения? Нам, христианам, никаких надежд не дано и никакой помощи не обещано относительно земной жизни, и мы научены принимать несчастья на земле с радостью, не бояться и не стараться избегать их, потому что через них мы можем легче освободиться от телесных уз и достигнуть света, так что жестокие преследования служат для нас не наказанием, а освобождением (II, 76–77). Впрочем, когда дело идет о спасении и когда, может быть, приближается уже смерть, следует отказаться от бесплодных вопросов, вверить себя Богу спасающему, верить не столько своим мнениям, сколько тому, что имеет божественный авторитет, и принимать нечто без рассуждения (II, 78).

В трех следующих книгах, находящихся в тесной взаимосвязи, Арнобий, не оставляя главной своей задачи — защиты христианства, вступает в горячую полемику с язычниками, доказывая ложность, нелепость и безнравственность национальной религии и мифологии и несостоятельность всех попыток философии придать смысл мифам через аллегорическое объяснение и выясняя, что если боги существуют и могут гневаться, то не христиане, а только язычники оскорбляют богов и вызывают их гнев своими нелепыми и позорными представлениями о них, недостойными Божества. Он начинает третью книгу заявлением, что нет необходимости далее останавливаться на указанных обвинениях как потому, что все они с полной убедительностью были опровергнуты прежними апологетами, так и потому, что христианская религия не может получить авторитет от людей и, как опирающаяся на основание присущей ей истины, не может лишиться своей силы, если бы и не имела ни одного защитника (III, 1). Но, чтобы отсутствие защиты

не сочли признанием справедливости клеветнических обвинений, Арнобий считает необходимым продолжить выполнение принятой им на себя задачи и прежде всего останавливается на делаемом язычниками упреке христианам за то, что они рядом со своим Богом не чтут других богов. Для христиан, говорит он, достаточно того, что они чтут высочайшего Бога, Отца и Владыку мира, от которого происходят и другие боги, если они существуют, и нет нужды обращаться к каждому из них в отдельности, потому что в Нем христиане чтут все то, что следует чтить, подобно тому как в лице царя и сообща с Ним оказываются должные почести всем членам царской фамилии. Чтобы требовать чествования этих богов, следует предварительно доказать, что действительно существуют боги, а не только их изображения. Однако доказать это язычники не могут. Они не знают даже того, как велико число богов, и ограничивается ли оно теми богами, которых они чтут, и откуда происходят их имена, они приписывают им не только то, что недостойно Божества, но и что оскорбительно для Него: половое различие, человеческие формы и соответствующие этому части тела, страстные движения и другие состояния, не исключая самых непристойных; жестокость, злорадство, разного рода гнусности и пошлости; а также различные и даже унизительные и позорные занятия, признавая одних богов музыкантами, других — врачами, кузнецами, пастухами, покровителями воровства, войн или чувственной любви и т. п. Так что следует признать: или действительно существуют боги, но в таком случае они не делают того, что им приписывается, или же они делают то, что им приписывается, но в таком случае они, несомненно, не боги (III, 2–28). Но язычники сами разрушают веру в существование своих богов не только через приписывание им того, что недостойно Божества, но и через свои противоречивые мнения о них, считая, например, Януса то миром, то годом, то солнцем, или видя в Юпитере то солнце, то эфир, и ясно доказывая этим, что нет богов «Януса» и «Юпитера» (III, 29–32). Они сами также отвергают существование многих богов, признавая некоторых из них, как, например, Либера, Аполлона и Солнце, одним божеством; и если мир, как утверждают некоторые философы, есть живое, одушевленное существо, то луна, солнце, земля, эфир, звезды, как служащие членами и частями мира, не могут быть особыми божественными существами, хотя и признаются за особые божества (III, 33–35). Наконец, крайне неопределенные и противоречивые мнения язычников о богах и их свойствах показывают, что они в своих представлениях о них далеки от истины. Каким же образом они могут требовать от христиан чествования богов, отно-

сительно которых сами не знают, что это за боги и действительно ли они существуют (III, 36–44)?

В четвертой книге Арнобий указывает, прежде всего, на обоготворенные язычниками такие абстрактные понятия, как Pietas, Concordia, Salus, Honos и т. п., которые, собственно, составляют пустые бессодержательные слова и, по-видимому, лишь в насмешку причислены к богам (IV, 1–2). Затем он указывает на многочисленную толпу богов, представляющих явно нелепое обожествление всевозможных предметов, даже вымышленных, ради различных, не исключая самых неприличных и позорных, случаев и обстоятельств жизни (IV, 3–12), и на множество богов одноименных, не имеющих своих особых имен, таких как три Юпитера, пять Меркуриев, пять Минерв и т. п. (IV, 13–17). Говорят, что это могут быть измышления теологов, но такого рода представления входят в общие верования народа, в которых богам приписываются такое же рождение, какое имеют люди и животные, преступные связи не только с богинями, но и с женщинами, всевозможные унизительные и позорные поступки и самые тяжкие преступления (IV, 18–31). Говорят, что это вымыслы поэтов; но поэты вдохновлялись современными им верованиями и не только не подвергаются наказаниям за оскорбление богов, но осыпаются похвалами и почестями, и позорные сказания о богах служат предметом публичных зрелищ, на которых присутствуют высшие сановники государства и жрецы. Поэтому если боги существуют и могут гневаться, то не христиане, а сами язычники служат виновниками этого гнева и бедствий, как постоянно наносящие богам тяжкие оскорбления (IV, 32–37).

Подобного рода нелепые и безнравственные сказания, говорит Арнобий в пятой книге, сообщаются не только поэтами, но также историками, и служат основанием для многих религиозных празднеств, обрядов и мистерий; причем он приводит, подвергая беспощадной критике, пользовавшиеся особой популярностью в Греции и Риме сказания о том, как Нума Помпилий перехитрил Юпитера, об Агдестисе, Кибеле, Аттисе, о Фенте Фатуе и рождении царя Сервия Туллия (V, 1–18); затем говорит о Вакханалиях, Фригийских мистериях и о приписываемых Юпитеру многочисленных прелюбодеяниях и кровосмешениях (V, 19–23), о Фесмофориях, Элевсинских и Алимунтских мистериях (V, 24–28). Можно ли, спрашивает он, принуждать христиан к такого рода культу и к принятию таких богов, быть подобными которым никто не пожелал бы ни себе, ни кому-либо из своих родственников и друзей? И не справедливее ли называть атеистами и богохульниками не тех, которые отрицают или подвергают сомнению бытие таких

богов, а тех, которые наносят богам (если они действительно существуют) тяжкие оскорбления, приписывая им изложенные и подобные мерзости (V, 29–31)? Говорят, что сказания о богах, кажущиеся столь гнусными и ведущими к позору богов, только аллегории. Но аллегорические объяснения этих сказаний в действительности состоят из хитрых уловок и софизмов; они произвольны и противоречивы (V, 32–34); они искусственно применяются лишь к отдельным частям, но не могут простираться на все содержание сказаний уже потому, что основанием для последнего в значительной части были действительные события, как это видно из многих религиозных обрядов и мистерий (V, 35–39). Но допустим, что аллегорические объяснения основательны. В таком случае тяжким оскорблением богов было бы то, что обыкновенные предметы и явления изображаются под видом позорных их действий или позорные вещи называются именами богов, и это тем более, что многие сказания, позорящие богов, совершенно не поддаются никакому аллегорическому объяснению (V, 40–45).

В последних двух книгах Арнобий продолжает полемику — он критикует формы языческого культа, защищая вместе с тем христиан от обвинения язычниками в безбожии на том основании, что они не имеют храмов и изображений богов и не приносят им жертв. Христиане не делают этого, говорит он в шестой книге, не вследствие презрения к богам, а вследствие убеждения, что если боги существуют, то они сами или смеются над этими формами культа, или негодуют. Христиане имеют более высокое понятие о Божестве и не посвящают храмов, статуй и жертв также высочайшему Творцу и Владыке мира. Храмы бесполезны для богов, которые не нуждаются, подобно людям и животным, в особых обиталищах для защиты себя от неблагоприятной погоды или от врагов; самые великолепные, с нашей точки зрения, храмы слишком ничтожны для божественного величия и не могут доставлять приятности или удовольствия богам. Они бесполезны и для людей, потому что истинное божество всюду присутствует и не в храмах только, но везде слышит призывающих Его и знает даже все сердечные тайны и сокровенные мысли людей. К тому же весьма многие храмы были устроены не в честь богов, а в честь умерших людей и служат местами погребения их и уже поэтому не могут предназначаться для чествования богов (VI, 1–7). Что касается статуй и других изображений богов, то, если боги существуют, нет никакого основания обращаться с молениями к изображениям их, а не к самим богам, а также признавать эти изображения за самих богов или считать их имеющими сходство с богами, тем более что некоторых из статуй скопированы художниками

с известных лиц, и в значительной части даже с таких, которые были известны своим распутством. И какое безумие — оказывать божеское почитание этим статуям, представляющим собой куски камня, металла, слоновой кости, глины, гипса и т. п. предметы, скрепленные между собой и подвергнутые известного рода отделке, как будто бы эта отделка придает им божественное достоинство, хотя уже те повреждения и разрушения, которым подвергаются эти статуи от времени и от различных атмосферных влияний, равно как бесцеремонное отношение к ним некоторых птиц, животных и насекомых, показывают, что в них нет ничего божественного (VI, 8–16)! Возражают: поклонение совершается не самим статуям, а обитающим в них и соединяющимися с ними в силу посвящения богам. Но отсюда возникает ряд нелепых или оскорбительных для богов предположений — что боги или добровольно предпочитают ничтожные земные обиталища небесным, хотя никакого основания для этого не может быть, или принуждаются к этому через акт посвящения им статуй, допуская заключать себя, вопреки своему божественному могуществу, в тесные и мрачные жилища, и что или так прикрепляются боги к статуям, что никогда не могут оставлять их, и в таком случае каждый бог может оказывать помощь лишь через одну обитаемую им статую, потому что невозможно предположить, чтобы он одновременно обитал вполне или частично во многих статуях, или же бог может по своему желанию и по требованию обстоятельств оставлять обитаемую им статую, которая в таком случае утрачивает божественность, и оказывается невозможным определить, когда следует и когда не следует приносить жертвы перед статуей (VI, 17–19). Наконец, если боги действительно пребывают в статуях, то почему эти статуи держат в заключении, под запорами и замками, и сторожат их и почему сами боги не могут охранять и защищать свои обиталища от воров и разного рода грабителей, от пожаров, землетрясений, бурь и т. п., почему они оставляют безнаказанными самые возмутительные виды поруганий над ними (VI, 20–23)? Говорят также, что эти статуи воздвигаются ради невежественной черни, чтобы она из страха перед видимыми божествами воздержалась от всякого рода преступлений. Но и это объяснение не может быть признано состоятельным, потому что с того времени, как начали воздвигать статуи богов, преступления не только не прекратились, и не уменьшилось их число, но с каждым днем все более возрастает. Да и слишком наивно было бы думать, что изображения богов с их атрибутами могут внушать кому-либо страх (VI, 24–27).

В седьмой книге Арнобий критически рассматривает различные

виды жертвоприношений и религиозных церемоний. Истинные боги, говорит он, не желают жертв и не нуждаются в них, а для сделанных из гипса, глины, мрамора и т. п. богов как лишенных способности чувствовать, они бесполезны (VII, 1–2). Высказав это общее положение, он доказывает несостоятельность тех оснований, по которым богам приносятся жертвы. Если боги действительно обладают божественной природой, то жертвы не могут быть пищей для них и служить к поддержанию их жизни, быть приятными или доставлять им какое-либо удовольствие, умилостивлять гнев их, располагать к благоволению или помощи, склонять к ниспосланию радостей и счастья или к отвращению несчастий и служить средством чествования богов, причем Арнобий, в частности, останавливается на кровавых жертвах и выясняет также несостоятельность тех оснований, по которым одним богам приносятся в жертву одни животные или части их, а другим — другие (VII, 3–25). Затем он подвергает критическому рассмотрению другие виды жертв и чествований богов и, в частности, говорит о благовонных курениях, жертвенном вине, о посвящаемых богам гирляндах, венках и цветах, о религиозной музыке, утренних и вечерних гимнах (excitationes, dormitiones), об омовении богов, о пирах в честь богов, о празднике сбора винограда (vindemia), о лектистерниях, днях рождения богов и об устраиваемых в их честь общественных играх и сценических зрелищах, имеющих большей частью пошлый или безнравственный характер и выставляющих часто в позорном виде самих богов (VII, 26–33). Все эти и тому подобные нелепые и оскорбительные для богов виды жертвоприношений и чествований возникли, говорит он, вследствие превратных представлений, потому что язычники, не зная истинной природы Бога, представляют своих богов подобными себе и приписывают им человеческие свойства и наклонности (VII, 34). После этого Арнобий сопоставляет языческие представления о богах с христианским понятием о Боге, отмечая неосновательность первых и в особенности неосновательность представления о богах как могущих гневаться вследствие причинения им оскорблений и оставлять гнев и снова оказывать благоволение людям вследствие приношения жертв и совершения религиозных церемоний (VII, 35–36), и выясняет, что совершенно несправедливо язычники считают себя богобоязненными, а христиан — безбожниками, потому что истинная богобоязненность, или религиозность, состоит не в том, чтобы сделать какое-либо изображение, чтить его как бога и приносить перед ним совершенно бесполезные жертвы, а в религиозном настроении и в надлежащем представлении о Боге, т. е. в достойном Его и вполне соответствующем

этому имени (VII, 37). Эти три главы (VII, 35–37) составляют как бы эпилог или заключение. Но так как здесь и во многих других местах апологии Арнобием с особой настойчивостью отрицается гнев богов, то он присоединяет еще несколько глав (VII, 38–51), в которых останавливается на направленном против этого пункта возражении язычников, ссылающихся как на несомненные факты на рассказы историков о том, как боги, вследствие оскорблений, ниспосылали на людей разного рода бедствия, но после умилостивительных жертв и других религиозных церемоний бедствия прекращались, и люди снова начинали пользоваться счастьем и благополучием, что, очевидно, совершалось не без воли богов. В опровержение этого возражения, стоящего в тесной связи с одним из основных вопросов — могут ли такого рода боги быть признаны истинными, или же они нечто совершенно другое, — Арнобий подробно анализирует три исторических рассказа: а) о гневе Юпитера, вызванном небрежностью, допущенной при исполнении устроенных в его честь общественных игр в цирке, и выразившемся в распространении моровой язвы, которая прекратилась после того, как эти игры были повторены, по требованию Юпитера, со всей тщательностью; б) о прекращении моровой язвы в Риме после того, как был доставлен из Эпидавра, по требованию прорицателей и указанию Сивиллиных книг, Эскулап в виде змеи для избавления народа от этой болезни; в) о неудачах римлян во время войны с Ганнибалом, угрожавшим порабощением римского государства, и о блестящих победах римлян после того, как была доставлена в Рим из Пессинунта, по требованию прорицателей, Великая Мать (Кибела) в виде камня; причем он выясняет, что хотя рассказы эти на первый взгляд кажутся имеющими чудесный характер, но если вникнуть в них глубже, то окажется, что они носят явные признаки неистинности и не соответствуют природе и достоинству истинных богов, что лежащие в основе их факты имеют вполне естественный характер и что, в частности, в первом из этих рассказов все то, что приписывается Юпитеру, не могло быть делом истинного бога, а то, что во втором и третьем рассказах выдают за Эскулапа и Кибелу, было не более, как только змея больших размеров и небольшой камень, не обладавшие ни одним из божественных свойств.

IV. ПЛАН АПОЛОГИИ И, В ЧАСТНОСТИ, ОТНОШЕНИЕ 35–51-Й ГЛАВ СЕДЬМОЙ КНИГИ К ПРОЧИМ ЧАСТЯМ АПОЛОГИИ

Как видно из представленного нами анализа содержания апологии Арнобия, план ее начертан искусной рукой и выполнен в общем очень удачно. Автор нередко сам заранее указывает те пункты, которые подлежат его рассмотрению согласно с задачами его труда (например: IV, 30; VI, 1, 27; VII, 26), и строго следует этой программе. Но в частностях замечается немало неровностей. Некоторые пункты рассматриваются автором слишком подробно, другие, наоборот, слишком сжато. В развитии мыслей замечается иногда недостаток строгой логической связи и последовательности. Он позволяет себе временами довольно длинные отступления, на которые, впрочем, сам большей частью указывает (например: II, 1; III, 2), объясняя необходимость их или извиняясь перед читателями. Он не всегда в достаточной мере сдерживает свою богатую фантазию, свою эрудицию и пылкое стремление наносить противникам наиболее полное поражение, и можно отметить немало излишеств и даже повторений (нередко также указываемых им самим, как, например: II, 46, 48) в подробностях изложения, в накоплении примеров, в оборотах и формулах перехода. Вследствие этого заметна местами некоторая путаница, хотя Арнобий никогда полностью не теряет нити изложения. Поэтому следует признать не лишенным основания строгое суждение бл. Иеронима, который называет Арнобия неровным, слишком многословным и запутанным (confusus), но делает исключение для общего плана его произведения[34] и отдает в общем дань высокого уважения искусству изложения, называя книги его luculentissimos[35] и предлагая читать их тем, кто «хочет реки красноречия и изящного ораторства»[36].

Отмеченные нами недостатки особенно обнаруживаются в последней части седьмой книги, именно в гл. 38–51, которые, по мнению многих ученых, не только не имеют прямой связи с предшествующим изложением, но придают сочинению вид незаконченности и заключают

[34] Hieron. Epist. 58 ad Paulin.: Arnobius inaequalis et nimius est et absque operis sui partitione confusus. — В словах «absque operis sui partitione» мы видим исключение относительно общего плана (см.: Monceaux. Op. cit. P. 250), а не указание на отсутствие разделения в произведении Арнобия.

[35] Hieron. Chron. ad ann. Abr. 2343.

[36] Творения блаженного Иеронима. Ч. VII: Толкование на книгу пророка Исайи. Кн. 8 (предисл.). Киев, 1882. С. 405.

в себе немало повторений, даже буквальных, а именно гл. 40, 46 и особенно 44, большая часть которой (р. 277,8–278,13 по изд. Рейффершейда) состоит из повторений того, что уже было сказано в предшествующих главах (39 и 41) или в той же самой главе. Делались разнообразные попытки объяснения и устранения этих недостатков. Так, Орелли считает гл. 35–37 заключением книги и относит их к концу ее[37]. Ему следует в своем издании Минь[38]. Гильдебранд также разделяет мнение Орелли, предполагая, что, по недосмотру переписчика, лист, заключающий эти главы, попал в ненадлежащее место и что этот недосмотр не был замечен последующими переписчиками, но делать перестановку глав, вопреки авторитету рукописи, он не считает возможным[39]. Элер признает недопустимым подобного рода недосмотр, потому что последняя глава каждой книги заканчивается подписью об окончании книги, и обычный порядок глав, по его мнению, не настолько страдает недостатками, чтобы следовало переставлять главы; скорее следует допустить, что последняя часть седьмой книги (гл. 38–51) не подверглась окончательной обработке автора[40]. Он ограничивается тем, что относит к концу книги, в виде приложения (как segmentum), ту часть гл. 44, которая наиболее лишена литературной обработки и состоит из повторений прежде сказанного, что делают в своих изданиях также Орелли, Минь и Гильдебранд. Некоторые издатели (Gelenius, Canterus, Saumaise) даже совсем опускают эту часть гл. 44. Последний издатель Арнобия, Рейффершейд, также признает гл. 35–37 за эпилог книги, а последующие главы — за черновые заметки (adversaria), заключающие материал для дополнения опровержения языческих суеверий через новые примеры, присоединенные самим автором, по недостатку времени, без обработки к концу сочинения с намерением впоследствии обработать их, но это намерение не было исполнено, и заметки эти остались в своем первоначальном необработанном виде[41]. Такого же взгляда держится в сущности Монсо с тем лишь различием, что он признает эти заметки чуждыми первоначальному сочинению, но считает их написанными Арнобием для внесения после обработки в одну из предшествующих книг при новом издании апо-

[37] Arnobii Afri Disputat. adversus gentes, recogn / Orellius, pars II. Lips., 1816. P. 444.
[38] Migne. PL. T. V.
[39] Arnobii. Advers. nation. / rec. Hildebrand. Halae Sax., 1844. P. 576.
[40] Arnobii. Advers. nation. / rec. Oehler. Lips., 1846. P. 318, n. 5.
[41] Arnobii. Advers. nation. / rec. Reifferscheid. Praef. P. XIV.

логии, которое не было сделано автором[42]. Ближе к истине — взгляд Кеттнера, признающего гл. 38–51 не черновыми заметками, а весьма живым и энергичным продолжением прежней полемики, и считающего необходимым вычеркнуть состоящую из повторений часть 44-й главы как происходящую из прежней редакции автора, впоследствии отвергнутой им самим, или составляющую извлечение некоторых положений из апологии, в позднейшее время попавшее в текст[43], хотя делаемое Кеттнером объяснение встречающихся в указанных главах повторений двоякой редакцией автора встретило справедливые возражения критики. Наиболее удовлетворительное объяснение рассматриваемых глав представляет, по нашему мнению, Мейзер. Он справедливо утверждает, в противоположность Орелли, что нельзя гл. 35–37 вырывать из их связи и относить к концу книги, потому что они составляют переход к следующим затем рассказам о гневе богов, и признает необходимым опустить лишь вышеозначенную часть гл. 44, содержащую больше всего повторений и представляющую собой позднейшую вставку, сделанную, по-видимому, переписчиком, который, пропустив по недосмотру одну страницу и оставив ее пустой, впоследствии, желая скрыть этот недосмотр, заполнил ее выписками из переписанной им рукописи. Если опустить эту вставку, то, говорит он, все, вопреки мнению Рейффершейда, окажется в наилучшей связи[44]. Мейзер устанавливает эту связь в том именно виде, как это было сделано нами, согласно с его объяснением, выше, при анализе содержания седьмой книги апологии. При этом он оставляет без внимания те нарушающие логическую связь повторения, которые находятся в гл. 40 и 46; но эти места легко могут быть объяснены или недосмотром Арнобия при спешности работы, или позднейшими вставками, и, по опущении их, эти две главы окажутся в литературном отношении не ниже прочих глав седьмой книги. Но, соглашаясь в общем с изложенным мнением Мейзера, мы считаем не имеющими твердой опоры соображения его о том, что Арнобий первоначально предполагал ограничиться изданием первых четырех книг, к которым позднее он присоединил, в виде второй части, три книги, равно как об имевшемся впоследствии будто бы в виду издании Арнобием третьей части апологии. Из выражения Арнобия в IV, 17 «ne forte prolixitas fastidium audientiae pariat» Мейзер выводит заключение, что первые четыре книги читались Ар-

[42] Monceax. Op. cit. P. 252.
[43] Kettner. Cornel. Labeo. Naumb., 1877. P. 34–40.
[44] Meiser. Studien zu Arnobius. Munch., 1908. S. 5–7.

нобием по частям в кругу язычников, затем они были изданы и переданы епископу. Впоследствии, продолжая апологию и делая в шестой книге ссылку на то, что было сказано в третьей книге, он называет эти четыре книги первой частью (VI, 11: quae prima in parte paulo plenius dicta sunt et scripto uberiore prolata). Что при окончании четвертой книги он не имел в виду продолжать свое сочинение, видно, когда, упоминая в IV, 33 об аллегорическом объяснении мифов, он ни слова не говорит о том, что это будет подробно рассматриваться в пятой книге. Вероятно, по издании этих четырех книг автору делались упреки за растянутость и недостатки в распределении материала (Disposition), потому что в следующих книгах он старается избегать этих недостатков (см. IV, 17: cessabimus ire per singula, ne, dum vos arguimus nimietatis, loquacitatis inmodicae suscipiamus et nos culpam; VI, 27: poscit ordo quam paucis et sine ullis circumlocutionibus dicere; VII, 26: sine nimietate; VII, 44: fastidium ne inmoderatione pariatur). А что первая часть (I—IV) написана «paulo plenius et scripto uberiore» — это сам он признает в вышеприведенном месте из VI, 11[45]. Но Арнобий в своей апологии представляет себя обращающимся с речью ко всем язычникам и неоднократно выражает даже желание, чтобы его слышали все народы, употребляя по отношению к последним также слово «audientia» (I, 29; ср. VI, 14) и разумея под своими слушателями, без сомнения, будущих читателей-язычников; поэтому в вышеприведенном выражении Арнобия из IV, 17, подобно тому, как во многих других аналогичных выражениях (например: VII, 44), высказывается лишь опасение наскучить будущим читателям изложением подробностей. Нет основания также считать первые четыре книги за отдельно изданную часть апологии как потому, что пятая книга служит прямым, непосредственным продолжением или дополнением предшествующей книги и начинается выражением (Esto: ab ludentibus poetis cuncta illa sint prodita...), находящимся в тесной, неразрывной логической и грамматической связи с предшествующим изложением, так и потому, что в последних трех книгах обнаруживается столь же недостаточное знание христианства Арнобием, как в предшествующих книгах, что было бы невозможно, если бы эти три книги были написаны после передачи первых четырех книг епископу и, следовательно, по принятии Арнобия в общение с Христианской церковью. Нельзя признать состоятельным и выводимое Мейзером заключение из выражения Арнобия

[45] Meiser. Op. cit. S. 4.

в IV, 33. Подобного рода мест очень много в апологии. Так, поставив в I, 38 ряд вопросов относительно души, он не говорит о том, что эти вопросы будут подробно рассмотрены им в следующей книге, т. е. в той же, по предположению Мейзера, первой части; равным образом в VI, 11 он не упоминает о том, что подробнее о культе Кибелы (Матери богов) будет сказано им в следующей книге (VII, 49–51), хотя обе книги также относятся к одной, именно ко второй, по определению Мейзера, части апологии. И вообще во всей апологии нет ни одного такого выражения, которое более или менее определенно указывало бы на какую-либо часть ее как на отдельно изданную. Поэтому выражение «prima in parte» (VI, 11) следует относить не к определенной части, а вообще к предшествующему изложению. Что же касается слов в той же главе (VI, 11) «paulo plenius et scripto uberiore», то они относятся не ко всем первым четырем книгам, а исключительно к сказанному о членах человеческого тела, как это ясно видно из контекста речи (aures et tempora... membraque alia cetera... quae prima in parte paulo plenius dicta sunt et scripto uberiore prolata). Стремление избегать излишнего многословия и быть более кратким высказывается Арнобием и во второй (по определению Мейзера) части (т. е. в V—VII), и в первой (см., например: III, 42; IV, 10, 15, 17), но вторая часть отнюдь не менее первой страдает растянутостью и многословием (см., например: V, 31; VII, 9). Далее Мейзер предполагает, что Арнобий, издав вторую часть (V—VII), имел в виду написать еще третью часть, или восьмую книгу, но смерть или другие обстоятельства воспрепятствовали ему осуществить это намерение. Апология, говорит он, имеет незаконченный вид. Автор указывает в VII, 39 на необходимость рассмотрения основного, или главного, вопроса: боги ли те, кого чтут язычники, или они нечто совершенно другое. Но он лишь подошел к этому вопросу. Ему, таким образом, оставалось еще исследование обширного материала о деятельности демонов, на что он указывает в I, 27: «nondum est locus ut explicemus, omnes isti qui nos damnant qui sint vel unde sint...». Сверх того, из обещанных им трех рассказов о гневе богов (VII, 44: una ei duabusve conjunctis) он изложил лишь два. Поэтому он мог начать восьмую книгу изложением третьего рассказа, и именно, может быть, о культе Сераписа, и решит в ней вопрос о том, почему было допущено Богом мировое владычество Рима (ср. VII, 51), — вопрос, на который христиане отвечали, что оно было в целях божественного мироправления, чтобы христианство быстрее могло распространиться по всей земле (ср. Prudent. Contra Symm. I, 427; II, 583 sqq., 619 sqq.; Peristeph. II,

413–444)[46]. Нет ничего неправдоподобного в предположении, что Арнобий имел в виду впоследствии продолжить свой апологетический труд, хотя это намерение не было исполнено им. По крайней мере, во времена бл. Иеронима, как это видно из вышеприведенных определенных свидетельств его, были известны только семь книг Арнобия. Но те соображения, на которых Мейзер основывает это предположение, нельзя признать достаточными. Кажущаяся незаконченность, или собственно отсутствие особого заключения, встречается не только в седьмой книге, но также и в других книгах (I, Ш–V), и тем более естественно, что если не формальным, то логическим заключением седьмой книги служат гл. 35–51. Что касается указываемого Арнобием в VII, 39 основного вопроса о богах, то автор мог ограничиться тем решением его, какое, как это было выяснено нами при анализе содержания апологии, дано им в последних главах этой книги. Равным образом и относительно демонов он мог ограничиться теми краткими указаниями, какие неоднократно встречаются в разных местах его апологии, и, в частности, замечанием о деятельности тех существ, которых он называет «antithei» (IV, 12), Если затем Арнобий в VII, 44 обещал изложить кроме исторического рассказа об Эскулапе еще один или два аналогичных рассказа (una ei duabusve conjunctis), то отсюда вовсе не следует, что он должен был изложить три рассказа (включая рассказ об Эскулапе), а не два, тем более, что вместе с тем Арнобий выражает также желание быть кратким, чтобы не наскучить читателям излишеством (fastidium ne inmoderatione pariatur). В частности, культ Сераписа едва ли мог быть предметом дальнейшего изложения вследствие отсутствия исторических рассказов о таких обстоятельствах введения этого культа в Риме, какими было вызвано и сопровождалось введение культов Эскулапа и Кибелы и ради которых Арнобий говорил об этих двух культах. Сомнительно также, чтобы Арнобий мог смотреть на мировое владычество римлян как на благотворное для христианства, когда он, сказав о достижении римлянами высшей ступени владычества и о порабощении ими неповинных обитателей земли (orbem subingavit innoxium), называет римское государство in humani generis perniciem nata (VII, 51).

[46] Meiser. Op. cit. S. 7–8.

V. ИСТОЧНИКИ АПОЛОГИИ

В своей апологии Арнобий обнаруживает обширную эрудицию. Он делает ссылки на произведения многочисленных греческих и римских писателей и на многие другие памятники письменности, имеющие отношение к греко-римской религии, мифологии и культу. Так, им цитируются Платон, и в частности — его диалоги «Менон», «Политик», «Теэтет», «Тимей», «Федон» и «Федр» (I, 5, 8; II, 7, 9, 10, 13, 14, 24, 34, 36, 52, 64; IV, 16), орфики (V, 19, 26), Эвгемер и его школа (IV, 29), стоики Хрисипп, Зенон и Панетий (II, 9), Эпикур и эпикурейцы (II, 9, 30), представители средней и новой Академии — Аркесилай и Карнеад (II, 9), Теренций Варрон (III, 38–41; IV, 3, 14; VI, 3, 6, 11, 23; VII, 1, 2), Нигидий Фигул (III, 32, 40, 41), Цицерон (III, 6, 7, 16; V, 38), Лукреций, который один только раз называется по имени (III, 10), но некоторые аргументы (как, например, против абсолютной неразрушимости души) и даже выражения которого встречаются в апологии[47], Ахеронтские и другие священные книги греков и римлян (II, 62; III, 40; IV, 18; V, 5; VII, 47). Это были, по-видимому, главные источники Арнобия. К числу главных источников относят также сочинения Корнелия Лабеона, откуда Арнобий будто бы заимствовал бóльшую часть сведений о религии и культе римлян и которого он главным образом имел в виду, ведя борьбу против неоплатонизма[48]. Но так как Арнобий ни разу не упоминает о Лабеоне и более или менее точное сличение апологии Арнобия с сочинениями последнего невозможно, потому что они не сохранились и известны нам только по весьма немногим отрывкам и по указаниям, большей частью неопределенным, некоторых писателей (бл. Августина, Макробия, Сервия, Лида), то это мнение следует признать лишь гипотезой, которая скорее может быть отвергнута, нежели признана вероятной[49]. Кроме указанных Арнобием цитируются также многие другие философы, ученые, историки, поэты и т. п.: Аполлодор

[47] См.: Röhricht. Die Seelenlehre des Arnobius. Hamburg, 1893. S. 2–21.

[48] См.: Kettner. Op. cit.; Röhricht. Op. cit. S. 30–42; Niggetiet. De Cornelio Labeone. Münist., 1908.

[49] Так, Рейффершейд и Буреш признают рассматриваемое нами мнение несостоятельным (см.: Schtanz. Op. cit. S. 192, 444–445); Веснер считает гипотезу вероятной (Berlin. Philog. Wochenschr. 1910. № 18, S. 558), Барденгевер — также лишь за догадку (Bardenhewer. Op. cit. S. 467, n. 1); Эргард говорит о невозможности доказательства того, что Лабеон действительно был одним из главных источников для Арнобия, так как все сочинения Лабеона утрачены (Ehrhard. Die altchristl. Litterat. und ihre Erforschung von 1884–1900. Freiburg, 1900. S. 483). Подобного рода взгляд выражает и Мейзер (Meiser. Op. cit. S. 9).

(IV, 25), Аристотель (II, 9; III, 31), Валерий Антийский (V, 1), Гесиод (III, 37), Гераклит (II, 9, 10; V, 29), Гомер (IV, 25), Граний (III, 31, 38, 39; V, 18; VI, 7), Демокрит (II, 9, 10), Диагор (IV, 29), Еврипид (VII, 33), Клодий (V, 18), Корнифиций (III, 38, 39), Кратет (III, 37), Кроний (II, 10), Ктесий (I, 52), Луцилий (II, 6; V, 18), Манилий (III, 38, 39), Нумений (II, 11), Пизон (III, 38, 39), Пиндар (IV, 24), Плавт (VII, 33), Плутарх (IV, 25), Полемон (IV, 25); Помпоний (II, 6), Посидипп (VI, 13, 22), Саммоник (VI, 7), Софокл (IV, 25, 35; VII, 33), Тимофей (V, 5), Фабий (VI, 7), Цинций (III, 38, 39), Элий (III, 38, 39), Энний (IV, 29), Эпиктет (II, 78), Эпихарм (IV, 25), Эфор (III, 37), Феодор Киринейский (IV, 29) и др. Но нередко Арнобий в ссылках ограничивается общими выражениями, как, например: летописи (I, 3; II, 71; VII, 38, 39, 44), истории или исторические произведения, рассказы и т. п. (I, 3; V, 1, 14, 15, 18; VII, 38, 44, 46, 49), исследователи древности (IV, 14, 32), теологи (III, 11; IV, 14, 15, 18; V, 8), философы (I, 18, 31; II, 52, 55, 56; III, 30, 35; VI, 2; VII, 28), поэты (III, 11; IV, 16, 32, 35; V, 1), греки (III, 41), ваши авторы или ваши сочинения (II, 75; IV, 9, 21, 25, 26, 27; V, 32, 42; VII, 44) и т. п.

Мы не имеем основания утверждать, что Арнобий непосредственно был знаком со всеми писателями и всеми литературными произведениями, которые цитирует. Некоторые цитаты могли происходить из вторых рук и отчасти взяты им из тех разного рода энциклопедических руководств или компендиев, которые в те времена имели широкое распространение. Но это следует допустить лишь в виде исключения. Преобладающая масса сообщаемых Арнобием сведений служит, без сомнения, продуктом его учености и образования и непосредственного знакомства с литературными произведениями, из которых он мог заимствовать многое, относящееся к предмету его апологии. Он мог, подобно Лактанцию, «считать себя вправе довольно свободно располагать литературным наследством, во всяком случае более свободно, чем это считается дозволительным и допускается литературными правилами в новое время. Тех довольно строгих ограничений в пользовании литературными трудами других авторов, которые приняты, древние римляне, как свидетельствует история их литературы, не знали, и ни закон, ни обычай, ни державшиеся в обществе взгляды не обеспечивали за писателями авторских прав в нынешнем смысле слова. Авторам не только не ставилось в вину широкое пользование своими предшественниками в обработке взятой темы, но даже ставилось это почти в обязанность... Указанные традиции оставались в силе и в последующее время у латинских христианских писателей, в частности у

апологетов. И они полной рукою берут иногда у своих литературных предшественников все, что находят нужным взять»[50]. Поэтому вполне естественно предполагать, что также и Арнобий, как обладавший, без сомнения, многосторонним образованием и весьма начитанный, пользовался своею начитанностью так, как это было обычным в его время. Но Арнобий отнюдь не был компилятором и не допускал заимствований из своих источников в столь широких размерах и столь пассивно, как утверждают некоторые историки и исследователи христианской литературы, основываясь на сходстве мыслей или содержания некоторых мест своей апологии с трудами предшественников. Многие места апологии носят явные следы пользования Арнобия литературными произведениями из первых рук и самостоятельного критического отношения к ним. Так, Арнобий, несомненно, читал диалоги Платона в оригинальном, греческом, тексте[51]. Он выражает высокое уважение к Платону (I, 8; II, 36, 52) и ссылается на него в подтверждение веры христиан в Бога, идеи воскресения, мнения о мучениях в аду (II, 13, 14) и т. п.; но подвергает критике и отвергает учение Платона и неоплатоников о бессмертии души, о воспоминании и т. п. Такого же рода самостоятельное, критическое отношение Арнобий обнаруживает к Эпикуру, которого он изучал, по-видимому, по известной поэме Лукреция[52], и ко многим другим философам и писателям: одни мнения он принимает, а другие опровергает и, делая заимствования из одного какого-либо писателя, нередко дополняет или изменяет их на основании других литературных произведений или по собственным соображениям, применительно к задаче своего труда. Поэтому нельзя согласиться с мнением тех западных ученых, которые отрицают литературную самостоятельность Арнобия, и, в частности, с мнением о зависимости Арнобия от Цицерона[53], нашедшим выражение также в русской богословской литературе[54] и основывающимся главным образом на свидетельстве бл. Иеронима (в Epist. 70 ad Magn.), тем более, что это

[50] Садов А. И. Указ. соч. С. 78.

[51] См.: Röhricht. Die Seelenlehre... S. 27–28; Geffcken. Zwei griech. Apologet. Lpz., 1907. S. 287, Anm. 3.

[52] См.: Röhricht. Op. cit. S. 2–21.

[53] Так, по Нурри, Арнобий ex Cicerone plurima delibavit... Quam multa ex Cicerone decerpsit, diaces Hieronymi ad Magnum verbis... (Migne. PL. T. III. Paris, 1844, col. 397). Здесь имеются в виду следующие слова бл. Иеронима: «Septem libros adversus gentes Arnobius edidit totidemque discipulus ejus Lactantius, qui de ira quoque et de opificio Dei duo volumina condidit, quos si legere volueris dialogorum Ciceronis ἐπιτομήν repiries» (Hieron. Epist. 70 ad Magn).

[54] Так, И. Реверсов в «Очерке западной апологетической литературы II и III вв.»

свидетельство скорее может относиться к Лактанцию[55], нежели к Арнобию. Арнобий как человек основательно образованный и как один из лучших риторов, хотя был, без сомнения, хорошо знаком с сочинениями «красноречивейшего», по его словам, «из римлян» Цицерона, на которого и сам он делает ссылки (III, 6, 7; V, 38), и мог, даже без особого намерения, невольно подчиняться в некоторой степени влиянию его способа изложения и воспроизводить некоторые мысли его, однако при тщательном исследовании у Арнобия можно найти лишь несколько мыслей, отражающих, по-видимому, влияние религиозных воззрений Цицерона, и весьма незначительное число выражений, напоминающих более или менее некоторые места из его сочинений (именно из трактатов De natura deorum и Tusculanae disputationes)[56], но не носящих явных, не подлежащих сомнению признаков заимствования их именно из Цицерона. Нельзя признать опирающимся на достаточные данные также мнение о влиянии Виргилия на Арнобия, потому что в единственном опыте сличения апологии Арнобия с произведениями Виргилия это влияние признается «незначительным»[57] и ограничивающимся лишь немногими фразами, в которых находятся отдельные слова или состоящие из двух-трех слов выражения, сходные с встречающимися у Виргилия, а также у других писателей, и даже принадлежащие к числу общеупотребительных выражений (например: VII, 39: ventum rei ad cardinem) или имеющие слишком отдаленное сходство (например: IV, 26: Saturnus jamdudum obsitus canis atque annorum vetustate; ср. Aen. VII, 790 относительно Ио, превращенной в корову: obsita saetis, и Aen. VIII, 307; obsitus aevo). И если автор утверждает,

(Казань, 1892. С. 76) утверждает, что влияние Цицерона на Арнобия «было так велико, что Иероним (см. приведенное нами в предыдущем примечании место из Epist. 70 ad Magn. — *Н. Д.*) заподозрил, будто сочинение его Advereus gentes есть точный снимок с сочинения Цицерона (De natura deorum)». Он же на с. 172 говорит: «Существует мнение, что апологеты, критикуя языческую религию, слишком далеко зашли в подражании языческим авторам. Про Арнобия, например, Иероним говорит, что он составил свою апологию по образцу трактата Цицерона De natura deorum». Характерно, что автор в двух приведенных нами местах различно излагает смысл слов бл. Иеронима.

[55]См.: Teuffel. Op. cit. S. 198; Monceaux. Op. cit. P. 318; Садов А. И. Указ. соч. С. 70.

[56]См.: Röhricht. 1) De Clemente Alexandr. Hamburg, 1892. S. 4, 17, 18, 31; 2) Die Seelenlehre des Arnobius. S. 22–27, 58–59. — О местах, заимствованных Арнобием, по мнению Кеттнера и Рерихта, из Цицерона, будет речь ниже.

[57]Bürner. Vergils Einfluss bei d. Kirchensohriftstellern d. vornikänischen Periode. Erlang, 1902. S. 36–38.

что Арнобий в некоторых местах своей полемики против язычества имел в виду именно Виргилия как язычника то это следует признать слишком смелой гипотезой, не имеющей достаточных оснований.

Что касается книг Священного Писания, то несомненных следов непосредственного знакомства с ними у Арнобия, подобно тому как у Минуция Феликса, не встречается. Арнобий упоминает о них несколько раз, но глухо и неопределенно, называя книги Ветхого Завета «Judaeorum litterae» (III, 12), книги Нового Завета — «nostrae litterae» (I, 57) или «nostra scripta» (I, 57; IV, 36) и евангелистов — «conscriptores nostri» (I, 56, 57). Во всей апологии встречаются лишь два выражения, довольно близко подходящие к находящимся в Новом Завете выражениям, а именно о невоздаянии злом за зло (I, 6; ср. Мф. 5:39; 1 Петр. 3:9; Рим. 12:17; 1 Сол. 5:15) и о том, что мудрость человеческая есть глупость перед Богом (II, 6; ср. 1 Кор. 3:19). Встречаются в апологии и еще несколько выражений, напоминающих некоторые места из Нового Завета[58]. Но нет достаточных данных считать их заимствованиями непосредственно из Священного Писания. Они могли быть или результатом бесед Арнобия с христианами, или заимствованиями из философских и христианских сочинений. Мог Арнобий получить некоторые сведения о Писании также в тех христианских собраниях, на которые допускались катехумены, если он действительно принадлежал во время написания своей апологии к их числу. Но отсутствие прямых ссылок на Священное Писание отнюдь не свидетельствует о незнакомстве автора с ним — оно может объясняться задачами его апологии и тем, что он предназначал ее для чтения не христиан, а язычников, для которых, очевидно, считал свидетельства Писания неуместными, подобно Лактанцию, который упрекал Киприана за то, что тот в своем сочинении против Деметриана старается действовать не рассуждениями и доводами, а приведением текстов Писания, которое Деметриан считал бессильным, вымышленным, ложным[59]. Скорее о незнакомстве с Писанием, по крайней мере с каноническими книгами[60], могут свидетельствовать некоторые из суждений Арнобия о христианской религии, несогласные, как увидим ниже, со свидетельствами этих книг.

[58] См.: Oehler. Op. cit. Proleg. P. XV–XVI.

[59] Lact. Div. Ins. V, 4; см.: Hieron. Epist. 70 ad Magn.

[60] F. P. Badham в статье «Arnobius and the Gospel of Peter» (Academy. 1896. Febr. 29. № 1243) указывает на знакомство Арнобия с апокрифическим Евангелием Петра, о чем будет сказано ниже.

Арнобий не называет также никого из христианских писателей. Но в начале третьей книги он говорит: «На все эти обвинения или, скорее, чтобы сказать правду, на клевету уже давно даны достаточно полные и точные ответы мужами, выдающимися в этом отношении и обладающими надлежащим знанием этой истины, и ни в каком вопросе не был опущен ни один пункт, который не был бы тысячеобразно и самыми убедительными доводами опровергнут (III, 1)». На каких апологетов христианства он здесь указывает? Полагаем, что прежде всего на своих соотечественников, говорит Монсо, — на Тертуллиана и Минуция Феликса, у которых он, по-видимому, заимствовал многие аргументы, и потом на Киприана, аналогичный трактат которого «К Деметриану» написан по тому же плану. Может быть, Арнобий знал также некоторых греческих апологетов. Во всяком случае он должен был иметь под руками «Протрептик» Климента Александрийского, которым он, по-видимому, часто пользовался в своей критике философских учений и греческой религии[61]. Более определенно по этому вопросу высказывается Геффкен[62]. Хотя он отмечает некоторые аргументы в апологии Арнобия как оригинальные, но в общем признает этот труд несамостоятельным. Он говорит, что Арнобий явно пользовался Климентом Александрийским и делал выписки из него; по мнению Геффкена, Арнобий пользовался также Минуцием Феликсом, в подтверждение чего Геффкен ссылается на места из Арнобия, отмеченные Бемигом в его издании Минуция[63]; Арнобием повторяются большей частью аргументы других апологетов, и в доказательство Геффкен сопоставляет ряд мест из апологии Арнобия со сходными местами из апологетических трудов Минуция Феликса, Тертуллиана, Юстина Мученика, Татиана, Афинагора и Феофила Антиохийского.

Остановимся прежде всего на местах из Минуция Феликса, которые сближаются Геффкеном на основании указаний Бемига с апологией Арнобия. 1) Min. Fel. 23, 11–12; Arnob. VI, 14; I, 39. Минуций говорит об изготовлении идолов из дерева и других материалов и о поклонении им как богам. О том же говорит Арнобий, но подробнее и в совершенно другой форме. 2) Min. Fel. 24, Min. Fel. 1; Arnob. VI, 16. Здесь Минуций говорит, что животные вернее, чем язычники, судят о «ваших богах», они знают, что «ваши боги» не чувствуют, и в доказательство этого очень кратко указывает на бесцеремонное отношение мышей, коршу-

[61] Monceaux. Op. cit. P. 253; cf. P. 263.
[62] Geffcken. Op. cit. S. 288–289.
[63] Minuc. Fel. Octavius / rec. Bömig. Lepzig, 1903. S. 37, 52.

нов, ласточек и пауков к статуям богов. Арнобий же с бóльшими подробностями говорит о бесцеремонном отношении ящериц, землероек, мышей, мокриц, пауков и ласточек к статуям богов и делает такого рода заключение: «Покраснейте... от стыда... воспользуйтесь образом действия бессловесных животных, и пусть они научат также и вас тому, что нет ничего божественного в статуях». Таким образом, сравниваемые места имеют лишь отдаленное сходство по общей мысли, но различаются в частностях и по внешнему выражению. 3) Min. Fel. 32, Min. Fel. 1; Arnob. VI, 3 (в начале). Здесь Минуций слишком кратко, по сравнению с Арнобием, решает вопрос, почему христиане не строят храмов и не делают изображений Бога, и отвечает на него не только не согласно с Арнобием, но отчасти даже противоположным ему образом, указывая прежде всего на то, что «сам человек есть образ Божий», а это противоречит выражаемому Арнобием воззрению на человека (Arnob. II, 15, 16 и др.). Столь же отдаленное сходство с Арнобием имеют, как увидим ниже, еще два места из Минуция, на которые ссылается Геффкен. Поэтому указываемые Геффкеном места не дают, вопреки мнению этого ученого, основания к заключению, что Арнобий в своей апологии пользовался «Октавием» Минуция Феликса.

Нельзя признать основательным также мнение Монсо о тождестве плана апологии Арнобия и трактата Киприана «К Деметриану». Предметом трактата служит опровержение обвинения христиан язычниками в том, что они своим презрением к богам вызвали гнев их, выражающийся в эпидемиях, войнах, голоде и т. п. общественных бедствиях. В опровержение этого обвинения Киприан указывает на то, что мир уже приближается к своему концу и, как находящийся в состоянии старости и изнурения, не может все производить в таком изобилии и быть в таком же цветущем состоянии, как прежде; бедствия служат проявлением божественного гнева не на христиан, а на язычников, и ниспосылаются Богом для вразумления и наказания последних за то, что они не чтут Его, предаются всевозможным порокам и преступлениям и преследуют христиан, причем в подтверждение своих слов Киприан постоянно ссылается на слова Священного Писания. Но у Арнобия опровержение этого обвинения составляет лишь незначительную часть апологии, причем он рассматривает обвинение совершенно с другой точки зрения: он выясняет, что законы природы неизменны, естественная жизнь так же течет, как прежде, и разного рода общественные бедствия, и даже более ужасные, были и до появления христианства, приэтом он решительно отрицает возможность

гнева Божия и совсем не делает ссылок на Священное Писание. Само собой разумеется, что вследствие столь значительного различия в содержании и характере рассматриваемых произведений не мог быть тождественным и план их.

Что касается отношения Арнобия к Тертуллиану, Юстину, Татиану, Афинагору и Феофилу, то мы ограничимся кратким рассмотрением тех мест, на которые указывает Геффкен[64] как на обнаруживающие зависимость Арнобия от этих апологетов. 1) Arnob. I, 3, 4, 5; Tert. Apol. 40; Ad nat. I, 9. Речь идет о бедствиях человечества. Арнобий указывает лишь на некоторые факты, отмеченные Тертуллианом, и приводит много других, не указанных, причем Тертуллиан приписывает бедствия божественному гневу, а Арнобий решительно отрицает божественный гнев (I, 17, 18, 23 и др.). 2) Arnob. I, 16; Tert. Apol. 41. О богах, карающих своих почитателей-язычников вместе с христианами. Здесь, кроме общей мысли, нет ничего сходного, и сам Геффкен признает основанием для нее воззрение Сенеки (De ben. IV, 28), что боги не могут отделять добрых от злых. Сверх того Арнобий, в противоположность Тертуллиану, отрицает божественные кары как проявление божественного гнева и говорит о них лишь с точки зрения своих противников — язычников. 3) Arnob. I, 30; IV, 8; Tert. Apol. 11, 40. Боги считаются производящими различные явления в природе, и в частности дожди, но они признаются также родившимися; разве до их рождения не было дождей? У Тертуллиана эта мысль выражена совсем иначе, нежели у Арнобия, в другой комбинации, и в основе этой мысли лежит, по указанию самого Геффкена[65], воззрение скептической философии. 4) Arnob. I, 40; Athen. Apol. 31. Пифагор и Сократ невинно пострадали; из них первый был сожжен, а второй приговорен к смерти. Но Афинагор указывает на сожжение Пифагора вместе с другими тремястами людьми и на присуждение афинянами Сократа к смерти в доказательство того, что «порок обыкновенно враждует против добродетели»; Арнобий же указывает на сожжение Пифагора, но одного, и именно в храме, о чем другие писатели, насколько нам известно, не говорят, а на осуждение и смертную казнь Сократа в применении к крестной смерти Христа — в доказательство того, что род смерти и позорность ее не изменяют слов и дел и не умаляют значения учения, и никто, будучи невинным, никогда не опорочивает-

[64] Geffcken. Op. cit. S. 288–289. — Творения Юстина, Татиана, Афинагора и Феофила цитируются нами по русскому переводу в издании Преображенского.

[65] Geffcken. Op. cit. S. 243, Anm. 7.

ся через позорную насильственную смерть, клеймо позора не пятнает того, кто подвергается тяжким наказаниям не по своей вине, а вследствие жестокости мучителя. 5) Arnob. I, 57; Iust. Apol. I, 21; Tat. 21; Theoph. Ad Aut. I, 13. Арнобий говорит: «Вы утверждаете, что истинно то, что содержится в ваших писаниях; необходимо должны вы признать и истинность того, что записано в наших писаниях». Юстин не высказывает этой мысли. Она может быть выводима только из следующих слов его: «Если мы говорим, что Слово, которое есть Первородный Божий, Иисус Христос, Учитель наш, родился без смешения и что Он распят, умер и, воскресши, вознесся на небо, то мы не вводим ничего отличного от того, что вы говорите о так называемых у вас сыновьях Зевса». Нет прямого выражения этой мысли и у Татиана, который, указав на нелепые сказания язычников о богах и на то, что у христиан нет подобных нелепостей, говорит: «Принимайте нас, по крайней мере, как передающих сказания, подобные вашим». Также и Феофил выражает мысль, имеющую лишь отдаленное сходство с высказанной Арнобием: «Веришь же ты, что Геракл сам себя сжег и еще жив, что Асклепий был поражен молнией и воскрес, и не веришь тому, что сказано Богом» (именно о воскресении мертвых, о чем Арнобий совсем не говорит в указанной главе). 6) Arnob. II, 6, 11, 19; Athen. Apol. 11. По определению Геффкена, здесь говорится о бесполезности диалектики и наук. Но в II, 6 Арнобий говорит, что язычники несправедливо гордятся своими знаниями, которые не могут дать им знания истины, и своею мудростью, которая есть глупость перед Богом; в II, 11 говорит, что более следует верить Христу, доказавшему истинность Своего учения чудесами, а не философам и ученым, относительно которых «мы не хотим отрицать того, что они заслуживают похвалы за нравственную чистоту и что они сведущи во всех областях научных знаний...», но которые не могут доказать знания истины божественными делами; и, наконец, в II, 19, в противоположность учению о божественной и бессмертной природе душ, Арнобий указывает на незначительность человеческих знаний и на происхождение их путем изучения и упражнения, а Афинагор говорит, что ученые «постоянно заняты изысканием [диалектических] тонкостей со злым намерением и всегда стараются сделать какое-либо зло, считая делом своим искусство в словах, а не доказательство посредством дел». Таким образом, в рассматриваемом месте Афинагором высказываются мысли, значительно отличающиеся от выраженных Арнобием и отчасти даже противоположные. 7) Arnob. II, 53; Athen. Apol. 36; Iust. Apol. I, 8; Tert. Apol. 3, 8. Если мнения христиан ложны, то каким

образом это может повредить язычникам? Эта мысль высказывается также Афинагором, Юстином и Тертуллианом, но в другой форме и в другой комбинации. 8) Arnob. II, 66–67; Tert. Apol. 6. Указания Арнобия на отступления римлян от древних законов и обычаев стоят, по Геффкену, в ближайшем отношении к Tert. Apol. 6, а указание на древнеримский закон, воспрещающий женщинам пить вино, прямо заимствовано, по-видимому, из Тертуллиана. Но для этого предположения нет достаточного основания: у Арнобия контекст речи другой и приводятся совершенно другие примеры, за исключением указания относительно вина, но это указание изложено у Арнобия в совершенно другой форме, нежели у Тертуллиана, и могло основываться на сообщениях других писателей об этом законе (Плиния Старшего, Валерия Максима, Геллия и др.). 9) Arnob. III, 9; Theoph. Ad Aut. II, 3; ср. Min. Fel. 21, Min. Fel. 12. Здесь Арнобием высказывается мысль, что если боги рождают и если они бессмертны, то все было бы наполнено ими. Но говорится это в опровержение мнения язычников, что боги имеют пол и, следовательно, должны рождать и рождаться. А Феофил имеет в виду, собственно, лишь мнение язычников о происхождении богов путем рождения: «Если боги рождались, то надлежало бы им доныне рождаться; даже богов должно бы быть более, чем людей» (причем ссылается на слова Сивиллы, на которую нет указаний у Арнобия) — но ничего не говорит о половом различии богов, на которое не указывает также и Минуций, высказывающий мысль, подобную вышеизложенной, в доказательство того, что чтимые язычниками боги «были люди, о которых мы знаем, что они родились и умерли». 10) Arnob. IV, 35; Tat. 23; Athen. Apol. 35; Theoph. Ad Aut. III, 15. Здесь, по определению Геффкена, говорится о безбожии языческих зрелищ. У Арнобия говорится собственно об оскорблении богов через публичное издевательство над ними на сценических зрелищах, между тем как Татиан говорит о безнравственности и преступности гладиаторских игр, называя гладиаторов убийцами и разбойниками, а смотрящих на эти игры — «зрителями злодейских, безбожных и преступных действий». Афинагор объясняет, почему христиане отказываются от зрелищ борьбы гладиаторов и зверей, и указывает, что, по мнению христиан, «смотреть на убийство почти то же, что совершать его»; подобным образом Феофил говорит: «Непозволительно нам [христианам] смотреть на игры гладиаторов, чтобы нам не быть участниками и свидетелями убийства. Не должно смотреть и на остальные зрелища, чтобы не осквернились наши глаза и уши, принимая участие в произносимых там словах». Таким образом, эти апологеты совсем не

высказывают той мысли, какая выражается Арнобием. 11) Arnob. V, 29; Tat. 22; Tert. Apol. 42; ср. Min. Fel. 23, Min. Fel. 8, 37, Min. Fel. 12. По Геффкену, здесь говорится, что дети и женщины знакомятся с грязными делами. В действительности Арнобий говорит, что сами язычники не могут желать, чтобы жены, сыновья, дочери, сестры и другие близкие им лица знали безнравственные сказания о богах и подражали им, и следует бежать от такого рода богов, чтобы мерзость нечистой религии не проникла в сердце. Татиан говорит о безнравственности языческих общественных зрелищ и о развращающем влиянии их и замечает, что «это видят сыновья и дочери ваши». Тертуллиан в указанной главе лишь упоминает, что христиане не участвуют в языческих религиозных церемониях и не посещают зрелищ. Минуций в первом из указанных мест говорит, что непристойные сказания о богах передаются и изучаются для оправдания пороков человеческих и развращают умы мальчиков, а во втором месте, объясняя, почему христиане удаляются от зрелищ, указывает на безнравственный характер и развращающее влияние их, не упоминая ни о детях, ни о женщинах.

Из представленного нами краткого обзора, полагаем, видно, что указанные Геффкеном места из Арнобия имеют большей частью лишь отдаленное сходство с сопоставляемыми местами из других апологетов по отдельным мыслям, взятым вне общей связи и выраженным в совершенно другой форме, причем в развитии этих мыслей Арнобий часто выражает совершенно иные воззрения или даже противоположные тем, какие проводятся этими апологетами. Следует также иметь в виду, что при трактовании различными авторами независимо друг от друга одних и тех же предметов нередко могут встречаться более или менее сходные аргументы или мысли, отчасти принадлежащие этим авторам, а отчасти заимствованные ими из общих источников. Это обстоятельство в данном случае тем более важно, что некоторые из тех мыслей Арнобия, в которых Геффкен видит влияние других христианских апологетов, встречаются также иногда у представителей греко-римской философии, что отчасти признает, как мы видели, и сам Геффкен, который не отрицает также и оригинальности некоторых аргументов и мыслей Арнобия. Поэтому приводимые Геффкеном данные нельзя признать свидетельствующими о влияниии указанных христианских апологетов на Арнобия.

Более определенно, по-видимому, решается вопрос об отношении Арнобия к Клименту Александрийскому. У Арнобия в сообщениях о греческой религии и культе и отчасти о греческой философии (IV–

VI кн.) встречается значительное число мест, имеющих несомненное сходство с соответствующими местами в «Протрептике» Климента не только по содержанию, но отчасти и по форме выражения, вследствие чего уже издавна высказывалось мнение, что Арнобий в своей апологии пользовался «Протрептиком» Климента, — мнение, сделавшееся в последнее время почти общепринятым. Разногласие между современными учеными касается степени самостоятельности Арнобия. Большинство ученых ограничиваются лишь общим указанием на использование Арнобием в вышеуказанных частях апологии Климента; одни (Рейффершейд и Каль, например) допускают возможность одного общего источника для Климента и Арнобия, другие совершенно отрицают литературную самостоятельность Арнобия и утверждают, что он большей частью делал буквальные заимствования из Климента, дополняя их иногда собственными измышлениями или заимствованиями из других источников и допуская при этом немало ошибок и даже нелепостей. Последнее мнение нашло наиболее обстоятельное развитие и наиболее резкое выражание у Кеттнера и Рерихта[66]. Хотя в задачи нашего очерка не входят исследование источников апологии Арнобия и критический анализ различных мнений по этому вопросу, тем не менее мы считаем необходимым остановиться на некоторых приемах аргументации последних двух ученых как служащей главной опорой для суждения большей части ученых об отношении Арнобия к Клименту.

Заимствования из Климента начинаются в апологии Арнобия, по мнению Кеттнера, со второй половины четвертой книги. Указав в гл. 13 на то, как у язычников часто одно и то же божество, которое может быть только единственным, является в нескольких экземплярах, Арнобий в гл. 14, приводит примеры: три Юпитера, пять богов Солнца (Soles), пять Меркуриев и пять Минерв. Последний пример буквально заимствован, говорит Кеттнер, из Климента (Protr. 28), а другие также буквально — из Цицерона (De nat. deor. III, 21, 53 sq.). Только одно отступление находится у Климента. Он называет первую Минерву (Афину Палладу) дочерью Гефеста (Вулкана), что списывает у него Фирмик Матерн в De err. profan. relig. 16 и что находится также у Ампелия в Lib. memor. (с. 10, 12, по изд. Вёльфлина). Сказанное вместо этого Арнобием «prima non virgo, sed ex Volcano Apollinis procreatrix» было найдено им у Климента в конце той же главы. Напро-

[66] Kettner. Corn. Labeo. S. 4–7; Röhricht. De Clemente Alexandr.

тив, находящееся в гл. 16 дополнение к этому относительно Минервы Египетской и Корифасии он не мог найти ни у Цицерона, ни у Климента[67]. Первые три примера нельзя считать не только буквально, но и вообще заимствованными из Цицерона. У Цицерона (De nat. deor. III, 21, Min. Fel. 53–54; Min. Fel. 56) они не следуют непосредственно один за другим, как у Арнобия, а отделяются другими сообщениями и рассуждениями, излагаются в совершенно другой форме и различаются по многим подробностям содержания. Хотя эти примеры излагаются Цицероном гораздо подробнее, но и у Арнобия есть такие подробности, которых нет у Цицерона, и встречаются даже разногласия. Так, о втором боге Солнца Арнобий говорит, что он был «также сыном Юпитера, рожденным Гиперионы», а по Цицерону, он был сыном Гипериона или Гиперионы (natus Hyperione); относительно третьего Арнобий замечает, что он был сыном Вулкана, но не Лемносского; о пятом говорит, что он был отцом «скифского царя» (вместо которого Цицерон называет Ээта) и Кирки, причем к имени Кирки Арнобий присоединяет характерный эпитет «versipellis». Поэтому если в указанных мифологических сообщениях Арнобий пользовался Цицероном, то вместе с тем пользовался также другими источниками, и не пассивно, но вполне сохраняя литературную самостоятельность. Также сообщение Арнобия о пяти Минервах (Афинах) значительно отличается по изложению и содержанию от сообщения Климента[68], что отчасти признает и сам Кеттнер, как видно из вышеприведенных слов его о первой Минерве, вопреки уверению его о «буквальном» заимствовании этого сообщения Арнобием у Климента. Кроме явного разногласия в сообщении о первой Минерве, которую Климент называет дочерью Гефеста (Вулкана), а Арнобий (согласно с Цицероном; ср. De nat. deor. III, 22, Min. Fel. 55, 23, Min. Fel. 59) — женой Вулкана и матерью Аполлона, значительное различие обнаруживается также в сообщениях этих двух писателей о других Минервах. Так, третью Минерву Климент называет изобретательницей войны (πολέμου), а Арнобий — изобретшей употребление оружия (quae usum excogitavit armarum); относительно четвертой Минервы Климент говорит, что мессенцы называли ее по матери (ἀπὸ τῆς μητρός) — Корифасией, причем не упоминает имени матери, а у Арнобия в рассматриваемом месте нет слов «по матери»,

[67] Kettner. Op. cit. S. 4.

[68] Климента Александрийского мы цитируем по изданию Берлинской (Прусской) Академии наук: Die griech. christl. Schriftsteller. I Bd. Clemens Alexandr. I Bd. Protrept. und Paedagog / hrsg. v. O. Stählin. Lpz., 1905.

но в гл. 16 он дает более обстоятельное, чем Климент, объяснение имени Корифасии: она «... носит имя Корифасии или от названия матери, Корифы, или от того, что она выскочила из головы (κορυφή) Юпитера со щитом и страшным оружием...». Относительно пятой Минервы Климент сообщает некоторые подробности, которых нет у Арнобия, но не объясняет, почему именно убила она своего отца Палланта, а Арнобий указывает как на причину этого убийства покушение Палланта на кровосмешение[69]. Заслуживает внимания также то обстоятельство, что Кеттнер также и далее (на с. 17) утверждает, что списки различных богов с одними и теми же именами (в IV, 14–17, за исключением дополнительных сообщений в гл. 16 о Минервах) «буквально списаны» Арнобием отчасти из Цицерона и отчасти из Климента, несмотря на многие явные различия в сообщениях этих писателей. Подобным образом Кеттнер «доказывает» заимствования из Климента в других частях апологии Арнобия, признавая буквальными заимствования даже там, где замечается лишь отдаленное сходство по содержанию или по изложению, и не придавая значения тем подробностям, которых нет у Климента, как состоящим будто бы из общеизвестных сведений или составляющим измышления самого Арнобия, относя также к измышлениям или объясняя ошибками, происшедшими вследствие спешного чтения и непонимания текста Климента Арнобием и неисправностями дошедшего до нас текста Климента (но не Арнобия), разногласия между Климентом и Арнобием в собственных именах и т. п. и приписывая Арнобию произвольное превращение малоизвестных собственных имен в более известные, как, например, имени Aethusa в Arethusa (Arnob. IV, 26; ср. Clem. Protr. 32) и Phaon в Phaethon (Arnob. IV, 27; ср. Clem. Protr. 33), причем изложение Арнобия, в противоположность Клименту, он признает во многих местах беспорядочным и лишенным логической связи и последовательности. Мы не будем входить в рассмотрение этой характеристики Арнобия. Заметим только, что она не подтверждается источниками и имеет крайне тенденциозный характер. Кеттнер в своих суждениях об Арнобии исходит из предвзятой мысли, что в тех сообщениях о греко-римской мифологии, которые имеют какое-либо сходство с сообщениями Климента, Арнобий пользовался почти исключительно Климентом. Кеттнер нигде почти не проверяет этих сообщений по источникам и не обращает надлежащего внимания на разногласия источников и мифологических сказаний. Он

[69] См.: Ampel. Liber memor. IX, § 10: Haec patrem occidit pro suae virginitatis observatione, quia ejus cupidus fuit.

не принимает во внимание даже, что специалистами по классической философии сообщаемые Арнобием сведения относительно мифологии и культа признаются обыкновенно весьма ценными и что беспорядочность изложения и недостаток логической связи и последовательности в особенности ярко обнаруживаются именно у Климента[70]. К этому следует добавить, что имя Arethusa не встречается не только в единственной дошедшей до нас древней рукописи Арнобия, но и ни в одном из известных печатных изданий Арнобия; в рукописи читается ethysas, что составляет явную ошибку переписчика, а не автора, вполне естественно исправляемую издателями обыкновенно в Aethusas, а не в Arethusas, имя же Phaethon читается не только у Арнобия (Phaethontem), но также у Климента (Φαέθοντα)[71], и сообщение этих писателей об отношении его к Венере (Афродите) подтверждается Гесиодом[72]. Что же касается имени Φάωνα, то оно является явно несостоятельной конъектурой некоторых критиков и издателей.

Подобно Кеттнеру, но более подробно, характеризует отношение Арнобия к Клименту Рерихт, который находит 30 мест у Арнобия (в IV, 14, 24–27, 29; V, 19–21, 24–26, 28, 29; VI, 3, 6, 11, 13, 16, 21–23), сходных с соответствующими местами в «Протрептике» Климента, и хотя допускает в некоторых местах использование Арнобием других источников о греческой мифологии и культе, но также отрицает его литературную самостоятельность и приписывает ему не только буквальные заимствования из Климента, но также ошибки и нелепости, причем в некоторых частностях у Рерихта разногласия с Кеттнером. Так, на с. 4 своего исследования об отношении Арнобия к Клименту Александрийскому[73] Рерихт говорит, что Арнобий «во всей 14 главе, (IV книги) следовал Цицерону (De nat. deor. III, 16, 42; 21, 53 sqq.)»; но на с. 17–18 он оговаривается, что в сообщении о богах с одним и тем же именем Арнобий преимущественно (praecipue) следовал Цицерону, и в перечислении пяти Минерв более согласуется с Климентом. И хотя далее Рерихт указывает также на разногласие Арнобия с Климентом, называющим первую Минерву не дочерью Вулкана, а его женой и матерью Аполлона, и даже признает нелепым сообщение Арнобия (в гл. 16) о первой Минерве как о матери Дианы (quae Apollinem genui, quae

[70] См.: Bardenhewer. Op. cit. S. 23; Geffcken. Op. cit. S. 253.

[71] В рукописи (cod. Paris.) и в лучших печатных изданиях, как в изд. Поттера и Берлинской Академии наук (O. Stählin).

[72] Hesiod. Theog. 987–990.

[73] Röhricht. De Clemente Alexandr. Arnobii in irrid. gentil. cultu deorum auctore.

Dianam), объясняя эту «нелепость» незнанием Арнобия того, что в древности различали Аполлона, сына Вулкана и Минервы, носившего название πατρώος, и Аполлона, сына Юпитера и Латоны, и что Диану не следует соединять с первым из этих Аполлонов, однако утверждает, что «во всей аргументации Арнобия нет ничего такого, что не проистекало бы из слов Климента». Об отношении Арнобия к Цицерону мы считаем достаточным ограничиться сделанными нами выше замечаниями о мнении Кеттнера по этому вопросу, тем более что Рерихт очень неопределенно выражает свое мнение, утверждая, что Арнобий «преимущественно» (praecipue) следовал Цицерону. По поводу же изложенного мнения Рерихта о зависимости Арнобия от Климента мы заметим, что оно не может быть признано основательным ввиду тех явных разногласий между сообщениями Арнобия и Климента, которые отчасти указаны самим Рерихтом и более подробно отмечены выше нами, тем более что относительно второй Минервы, египетской, Арнобий делает дополнение, как это видно из собственного его указания (в гл. 16), из «Тимея» Платона. Нет основания также приписывать Арнобию незнание различия двух Аполлонов уже потому, что он, без сомнения, был хорошо знаком с трактатом Цицерона De natura deorum, в котором подробно говорится о четырех Аполлонах, причем ясно отличается первый Аполлон, сын Вулкана и Минервы, от третьего Аполлона, сына Юпитера и Дианы (III, 22–23; Min. Fel. 55, 57 и 59), и сам также упоминает о четырех Аполлонах (IV, 15). И если Арнобий, вопреки обычной традиции, называет первую Минерву матерью не только Аполлона (как и Цицерон), но и Дианы, то это следует объяснить не его ошибкой, а теми источниками, на основании которых он и о других божествах сообщает сведения, значительно отличающиеся от сообщаемых Цицероном, Климентом и Ампелием, в чьих сообщениях также часто встречаются взаимные разногласия, объясняющиеся следованием этих писателей различным источникам и разногласием мифологических сказаний. Обратим внимание еще на один пример, которому Рерихт придает особенно важное значение, — именно на сообщения Арнобия (V, 24–26) и Климента (Protr. 20–21) о Церере (Деметре) и Бавбо. Даже при беспристрастном отношении к делу нельзя не заметить, что сообщение Арнобия содержит многие подробности, которых нет у Климента, оно более последовательно, и сказанное самим Арнобием вполне соответствует приводимым им стихам Орфея, в которых, между прочим, самой Бавбо приписывается то, что в приводимых Климентом стихах Орфея приписывается Иакху, хотя о последнем в предшествующих словах Климента совсем не

упоминается. Отсюда вытекает прямое заключение, что рассматриваемое сообщение Арнобия не могло быть заимствовано из Климента и что он читал стихи, приписываемые Орфею, не в той редакции, какой пользовался Климент. Но Рерихт хотя и признает различия между сообщениями Арнобия и Климента весьма значительными, однако не только отвергает мнение Людвика, по которому Арнобий в рассматриваемом месте пользовался другими источниками и который дает предпочтение изложению Арнобия, находя в сообщении Климента пропуски и ошибки и признавая несомненным, что здесь следует исправлять Климента через Арнобия, а не Арнобия через Климента[74], но и утверждает, что Арнобий в данном месте пользовался исключительно Климентом, причем произвольно изменял не только сообщение последнего, но и приводимые им стихи Орфея, чтобы придать мифологическому сказанию более непристойный вид[75]. Это явно несостоятельное мнение, основывающееся на чисто произвольном толковании рассматриваемого сообщения Арнобия, может служить яркой характеристикой тех приемов, при помощи которых Рерихт большей частью устанавливает зависимость Арнобия от Климента, и тем заслуживает внимания, что Арнобий в этом сообщении и в воспроизведении стихов Орфея старался, вопреки утверждению Рерихта, быть, без сомнения, как можно более точным. Это видно из предложения его читателям проверить сообщение через «книги фракийского поэта» (Орфея) и из заявления, что он приводит «самые стихи» Орфея, чтобы кто-либо, не заподозрил нас в бесчестной «клевете», и в доказательство того, что «мы ничего не вымышляем с лукавой целью, и не стремимся к этому, и не стараемся осмеивать святость богов» (V, 26) и что это «не ложное обвинение» и не «клеветнический донос».

Не находя возможным рассматривать в настоящем очерке все места апологии Арнобия, которые Рерихт признает заимствованными из Климента, мы остановимся на приписываемых Рерихтом Арнобию ошибках и нелепостях. Так, Рерихт отмечает, что Климент, сказав (Protr. 29), что некоторые считают Марса за аркадянина, добавляет, что Марс, по словам Гомера, был заключен в узы в течение тринадцати месяцев и что, по Аполлодору и Каллимаху, скифы приносили в жертву Аполлону ослов, но Арнобий, ошибочно поняв слова Климента, утверждает (IV, 25), что Марс был заключен в узы в Аркадии и

[74] Ludwich. Baubo und Demeter // Neue Jahrbüch. für class. Phihol. Jahrg. 1890. H. 1. S. 51 ff; ср.: Röhricht. De Clemente Alexandr... S. 34–38.

[75] Röhricht. Op. cit. S. 10–11, 34–38.

что ослы приносились в жертву Марсу (а не Аполлону), по Аполлодору[76]. В словах Арнобия о заключении Марса в узы именно в Аркадии, по-видимому, действительно, заключается ошибка, которая скорее может принадлежать не Арнобию, а одному из переписчиков и на исправление которой уже давно было обращено внимание издателей[77]. Но могла эта ошибка попасть в апологии Арнобия и из какого-либо не известного нам источника. Приписывать Арнобию заимствование общеизвестного сообщения о заключении Марса в узы именно из Климента, который дает это сообщение в совершенно другой форме, мы не имеем никакого основания, и тем более нет основания объяснять указанную ошибку неправильным пониманием слов Климента Арнобием, потому что последний, хорошо знавший, без сомнения, греческий язык и читавший, по признанию самого Рерихта, в подлинном тексте сочинения Платона, правильно понимая и безошибочно излагая их, не мог, конечно, ошибочно понимать совершенно простое и вполне ясное выражение Климента. Что же касается ссылки Климента на Аполлодора, то контекст речи едва ли позволяет относить ее к Аполлону, — в ней, по-видимому, продолжается речь о Марсе, и говорится, как и у Арнобия, о принесении ослов в жертву этому богу, а относительно принесения ослов в жертву Аполлону, но не скифами, а гипербореями, Климент ссылается лишь на Каллимаха, на которого у Арнобия нет указаний. К этому следует добавить, что проверка рассматриваемой ссылки на Аполлодора по произведениям его невозможна, потому что в сохранившихся частях нет тех слов, на которые ссылаются Климент и Арнобий[78]. Поэтому в рассматриваемом месте едва ли есть основание признать не только ошибку Арнобия, но и разногласие его с Климентом. Рерихт, подобно Кеттнеру, приписывает Арнобию также quasi-ошибочное чтение «Phaethonta» вместо «Phaona» (IV, 27)[79], о котором нами выше было сказано. Свои мнения о мнимых ошибках Арнобия Рерихт иногда выражает в крайне резкой форме. Так, он говорит: quasi delirans (!) Arnobius (VI, 6) «Dairas et Immaradus fratres» sibi sumpsit ex verbis Clementis (Protr. 45) Ἴμμαρος δὲ ὁ Εὐμόλπου καὶ

[76] Ibid. S. 15. — «Ошибку» последнего рода приписывает Арнобию также Кеттнер (Kettner. Op. cit. S. 4).

[77] См. примечания к рассматриваемому месту Арнобия в изданиях Орелли, Гильдебранда и Элера.

[78] Помещаемый в сочинениях Аполлодора фрагмент 13 представляет выписку рассматриваемых нами слов Климента (Fragm. histor. graec. instr. C. et Th. Müller, Paris, 1874. P. 431).

[79] Röhricht. De Clemente Alexandr. S. 22–23.

Δαείρας (sc. υἱός) in quibus causa dubia non est[80]. Но различие между сопоставляемыми местами столь значительно, что при беспристрастном отношении к делу не может быть и речи о происхождении одного из них из другого, и только непреодолимым стремлением найти заимствование там, где его нет, объясняется предполагаемое Рерихтом совершение заимствования Арнобием в состоянии как бы delirium'a. К этому считаем нужным добавить, что больше сомнений может вызвать сообщение Климента, нежели Арнобия. Так, сын Евмолпа нигде, кроме Климента и отчасти Евсевия, не называется Иммаром, но только Исмаром (у Аполлодора и Евсевия) или Иммарадом (у Павсания, Кирилла Александрийского и др.)[81], а женское имя Даира хотя известно из мифологических сказаний, но нигде, кроме Климента, Даира не называется матерью какого-либо из сыновей Евмолпа и вообще не ставится в какое-либо отношение к Евмолпу[82]. Сообщаемое же Арнобием имя Иммарад (в рукописи ошибочно читается Immarachus или Inmarnachus) упоминается также другими писателями как имя сына Евмолпа и как более достоверное вводится в текст Климента в некоторых изданиях (как в издании Берлинской Академии наук) вместо стоящего в Парижской рукописи Ἴμαρος, хотя на брата его, Даира, нет, насколько нам известно, указаний ни у кого из древних писателей, кроме Арнобия[83]. Следует при этом иметь в виду, что Арнобий, как преподаватель риторики в языческой школе и незаурядный, но пользовавшийся, по свидетельству бл. Иеронима[84], почетной известностью, обладал, без сомнения, солидным образованием и, в частности, основательными сведениями из области греко-римской мифологии, культа и философии[85], что подтверждается так-

[80] Ibid. S. 17.

[81] См. примечания к рассматриваемому месту в вышеуказанных изданиях Элера и Берлинской Академии наук (O. Stählin), а также: Roscher. Lexik. d. Mytholog. II Bd. S. 124, 550.

[82] См.: Preller. Griech. Mythol. I Bd. 3 Aufl. Berlin, 1872. S. 311; Roscher. Op. cit. I Bd. S. 933.

[83] Впрочем, некоторые понимают Δαείρας не как женское, а как мужское имя. Так, г. Корсунский переводит рассматриваемое место из Климента следующим образом: «Далее, не Иммар ли сын Евмолпа, и не Даира ли погребены в Элевсинской ограде?». Причем относительно слова «Даира» замечает: «по Арнобию, брат Иммара» (Климент Александрийский. Кто из богат. спасется и Увещание к эллинам / Пер. И. Корсунского. Ярославль, 1888. С. 106–107.

[84] Hieron. 1) Chron. ad ann. Abr. 2343; 2) De vir. ill., 79.

[85] Считаем не излишним отметить, что Геффкен (Op. cit. S. 287) не признает Арнобия основательно образованным человеком на том основании, что тот не знает,

же таким компетентным судьей, как бл. Иероним, которого отнюдь нельзя заподозрить в пристрастии к Арнобию и который отдает дань уважения учености (eruditio) его, ставя в этом отношении Арнобия на один уровень с Оригеном, Тертуллианом, Новатом и Аполлинарием[86]. Поэтому приписывать Арнобию грубые ошибки и нелепости в указанной области мы не имеем никакого основания. Встречающиеся же в единственной древней, очень неисправной рукописи Арнобия явные ошибки (вроде вышеотмеченных ethysas вместо Aethusas и Inmarachus вместо Immaradus) принадлежат, без сомнения, не Арнобию, а переписчику. Мы не имеем также основания при разногласии Арнобия с Климентом отдавать предпочтение последнему и считать сообщения его более достоверными уже потому, что сообщения Климента относительно классической древности не служат продуктом его учености и образования, но имеют большей частью компилятивный характер, — он, как показывают новейшие исследования, не видел большей части цитируемых им литературных произведений, но пользовался ими из вторых рук, заимствуя сведения о них из разного рода энциклопедий и т. п. компилятивных пособий, делая большей частью выписки и при этом нередко впадал в противоречия и делал допускал ошибки[87]. Подобного рода пособиями пользовались, в той или другой мере, также другие христианские апологеты[88]. Поэтому объяснение сходства некоторых мест у Арнобия с соответствующими местами у Климента следует искать не в зависимости Арнобия от Климента, а в тех общих источниках, которыми пользовались эти писатели.

Мы не можем признать состоятельным мнение не только о зависимости Арнобия от Климента и от других вышеуказанных христианских апологетов, но и о знакомстве его с их творениями. Против этого

кто любил Гиласа, и считает мальчика Хрисиппа за Götterliebling (Arnob. IV, 26). Но контекст речи отнюдь не позволяет в выражении Арнобия nescio quis видеть указание на его незнание лица, любившего Гиласа. Что же касается Хрисиппа, то сказания древних о нем разноречивы: по одним, он был любим Лаем (или Лаием), по другим — Тезеем, а по некоторым — Зевсом (см.: Roscher. Lexik. d. Mythol. I Bd. S. 903–904). Сказания последнего рода мог иметь в виду и Арнобий, указывая на любовь одного из богов к Хрисиппу. Заслуживает внимания, что совершенно таким же образом, как Арнобий, говорит о Гиласе и Хрисиппе Климент Александрийский в Protr. 33.

[86] Hieron. Epist. 62 ad Tranquill.; cf. epist. 60 ad Heliodor.

[87] См.: Gabrielsson. Ueber d. Quellen d. Clemens Alexandr. 1 Teil. Upsala, 1906. S. 23–26; Ib, 2 Teil. Upsala, 1909. S. 344–345, 430; Bardenhewer. Op. cit. S. 22–23, 39–41; ср.: Geffken. Op. cit. S. 252–253.

[88] См.: Gabrielsson. Op. cit. 2 T. S. 432–433; Kettner. Op. cit. S. 3.

мнения свидетельствуют как многия разногласия Арнобия с христианскими апологетами в сообщениях из области античной древности, так и в особенности отсутствие признаков влияния религиозных воззрений христианских апологетов на Арнобия. Монсо утверждает, что Арнобий «хотя не был вполне незнаком с христианской литературой, но имел знакомство с ней только отрывочное и довольно смутное и искал в ней только доказательства против политеизма»[89]. Но «доказательства против политеизма» он мог найти и, без сомнения, находил во многих произведениях греко-римской философии, которыми пользовался, а если бы он был знаком с христианскими апологетическими творениями, то не мог бы оставить без внимания излагавшееся в них христианское религиозное учение, которое для него как для человека, глубоко интересовавшегося христианской религией и уже убедившегося в истинности ее, но еще недостаточно знакомого с ней, должно было представлять особый интерес и иметь более или менее руководящее значение. И тем более он не мог бы в своей апологии позволять себе резкие выступления против некоторых пунктов этого учения, так как апология была написана им, как мы видели из вышеприведенного свидетельства бл. Иеронима, в доказательство искренности обращения его к христианству и с целью достигнуть присоединения к Христианской церкви. Однако в своей апологии Арнобий решительно отвергает и не признает христианскими некоторые пункты христианского учения, излагаемые и выясняемые теми христианскими писателями, знакомство с творениями которых приписывается ему. Так, например, эти апологеты признают гнев Божий (Theoph. Ad Aut. I, 3; Tert. Apolog. 40–41); они говорят, что мир создан Богом для человека (Iust. Apol. I, 8, 10, 28; II, 4; Theoph. Ad Aut. II,10), человек сотворен Самим Богом по образу и подобию Его (Iust. Apol. I, 13; Athen. Apol. 12; Theoph. Ad Aut. II, 11, 18; Clem. Alex. Protr. 5, 92), человек — господин всего на земле, и все твари служат ему (Theoph. Ad Aut. I, 6; II, 17, 18), Бог создал род человеческий разумным, способным избирать истинное и делать доброе, и каждый делает добро или грешит по своему выбору (Iust. Apol. 1, 28, 43; II, 7), души людей бессмертны, и грешников ожидают вечные мучения (Iust. Apol. I, 12, 17, 21; Theoph. Ad Aut. I, 14; Tert. Apolog. 45, 48), и т. п. Арнобий же отрицает возможность гнева Божия (I, 17, 18, 23 и др.) и мысль о создании мира ради человека (II, 37, 43); он говорит, что человек не создан Богом и не имеет

[89] Monceaux. Op. cit. P. 254.

ничего общего с небесными существами (II, 25), и было бы нечестием и богохульством признавать Бога творцом столь ничтожного и порочного существа, как человек (II, 46; VII, 34; ср. II, 47, 48, 53); человек — существо слабое, ничего не понимающее и не знающее (I, 38), несчастное, жалкое, ничтожное, бесполезное и излишнее для мира (II, 46, 47), люди подобны всем прочим животным или в незначительной степени отличаются от них (II, 16–18); души людей не бессмертны (II, 15, 19, 29, 34) — они обладают средней природой, действенной и неопределенной (II, 14, 31, 35, 53): души, не знающие Бога, уничтожаются после долговременных мучений вечным огнем, но если они будут стремиться к познанию Бога, вести добродетельную жизнь и обратятся к Его милосердию и благости, то могут, по дару и милости Его, избавиться от утраты жизни (II, 14, 31, 32, 53, 61). И хотя Арнобий не отрицает свободы воли (ср. II, 64, 65), тем не менее, говорит, что человека делает грешником природная слабость, а не выбор воли и решения (I, 49; ср. I, 27), и т. п. Все это, по нашему мнению, ясно показывает, что Арнобий не был знаком с творениями указанных христианских апологетов. Ему непосредственно могли быть известны лишь такие христианские и, в частности, апологетические произведения, в которых не было надлежащих разъяснений относительно входящих в область христианского учения вопросов, оставленных им как неразрешимых без ответа или решаемых несогласно с христианским учением; но какие именно это произведения — мы не имеем определенных данных.

VI. АРНОБИЙ КАК ПОЛЕМИСТ И АПОЛОГЕТ

Апология Арнобия представляет собой своего рода исповедь, вызванную не только душевной потребностью автора и желанием его удовлетворить наиболее существенные духовные нужды своего времени, но и предъяв-ленным ему требованием доказать искренность своего обращения через опровержение прежней своей религии. Указывая на собственный пример долговременного ослепления и на последовавшее затем обращение на путь истины (I, 39), Арнобий призывает своих противников также вступить на этот путь и излагает основания, вследствие которых, сам он пришел к убеждению в несостоятельности своей прежней, греко-римской, религии с ее культом, в необоснованности вражды к христианам и возводимых на них обвинений, в истинности христианской религии, и которые (основания) к такому же убеждению могут привести и его противников. Поэтому естественно,

что в апологии Арнобия преобладает полемический тон и все произведение проникнуто одной основной мыслью: язычество представляет сплошное уклонение от божественной истины и не может дать удовлетворения ни религиозным, ни нравственным потребностям человека — мыслью, вытекающей, без сомнения, из его убеждения, основанного на многолетнем личном опыте и на тщательном изучении и приведшего его к решимости навсегда порвать с язычеством и принять христианство. Арнобий со всей пылкостью и страстностью, свойственной его африканской натуре, подвергает беспощадной критике греко-римскую религию, мифологию и культ, выявляя их ложность, нелепость и безнравственность, доказывая несостоятельность всех, делавшихся в противовес христианству, попыток философии придать смысл мифам через физически-аллегорическое и историческое объяснение. При этом он также подвергает критическому рассмотрению противопоставлявшиеся христианству, для поддержания национальной религии и культа, идеи неоплатонизма и дает яркое освещение главным греко-римским мистериям. Увлеченный полемикой, Арнобий иногда обнаруживает недостаток сдержанности и осторожности в отзывах и суждениях и впадает в крайности. Так, например, доказывая бесполезность построения храмов и приношения жертв богам язычниками, он утверждает, что христиане не чтут Бога через построение храмов и не посвящают Ему вещественных приношений (VI, 1, 3; ср. VII, 1, 26–30 и др.), оставляя при этом без внимания то, что и христианами в те времена устраивались храмы и практиковались некоторые приношения, хотя не по тем побуждениям, по каким делалось это язычниками. Увлечением полемикой в значительной степени объясняются, по-видимому, и те крайности, в которые он впадает, выражая, в противоположность последователям Платона и, в частности, неоплатоникам, слишком низкое понятие о человеке, особенно о происхождении и свойствах человеческой души, не соответствующее действительности и не согласное с христианским учением. Некоторыми учеными ставится в укор Арнобию также обилие неблагопристойных сцен в излагаемых им мифологических сказаниях, — сцен, которые могут оскорбли нравственное чувство читателей. Так, Геффкен утверждает, что Арнобий с особым удовольствием излагает самые грязные истории, чтобы затем разыграть роль строгого судьи нравов[90]. Норден называет апологию Арнобия даже памфлетом, написанным в грубо-народном тоне, и видит в изображе-

[90] Geffcken. Op. cit. S. 287.

нии римской религии и греческих мистерий карикатуры, клевету и насмешки[91]. Но эти упреки мы не можем признать справедливыми. Все наиболее неприличные сцены, излагаемые Арнобием, встречаются также у Климента Александрийского[92]. Подобного рода неблагопристойности описаны также и другими христианскими апологетами, например Минуцием Феликсом[93]. И все эти сообщения христианских апологетов, за исключением некоторых частностей, подтверждаются внехристианскими источниками. При этом следует иметь в виду, что Арнобий в особенности заботился о точности подобного рода сообщений, как это видно из вышеприведенного нами предложения его читателям (V, 26) проверить одно из наиболее неблагопристойных излагаемых им сказаний при помощи «книг фракийского поэта» (Орфея). И хотя благопристойность в древности трактовалась очень свободно, и даже в лучших произведениях римской литературы, например у Овидия, Горация и Ювенала, встречается немало таких мест, какие из-за своей неблагопристойности считаются в наше время недопустимыми в литературе, тем не менее Арнобий старался, по возможности, избегать подобных мест. Лишь сознание долга (принятая им на себя задача) заставляло его, сдерживая естественное чувство нравственной стыдливости, указывать при опровержении язычества на некоторые из непристойных сказаний о безнравственности богов или, как он выражается, на мерзости, подтверждающие ложность и нелепость языческой религии и культа, основывающегося на мифологических сказаниях. Так, он говорит: «Важность предмета и долг самой защиты требуют, чтобы мы... проследили также прочие виды мерзостей (turpitudinum)... Но бесчисленность религиозных обрядов и соединяющиеся с каждым из них мерзости не позволют нам излагать все в частности... от некоторых мы даже сознательно и намеренно уклоняемся, чтобы... не запятнать грязью самое изложение» (V, 18). «Мы намеревались обойти молчанием также те мистерии, которые совершаются в Фригии... если бы встречающееся в них имя Юпитера не удержало нас от оставления оскорблений и опозорения его без краткого упоминания, — не потому, чтобы нам приятно было осмеивать такие мерзости мистерий, но для того, чтобы для вас самих еще раз выяснилось, какие оскорбления вы наносите тем, стражами, защитниками и почитателями которых вы

[91] Norden. De latein. Literat. im Uebergang vom Altertum zum Mittel-Alter (Kultur d. Gegenw. I, 8). Berlin; Lpz., 1907. S. 418.

[92] Ср.: Clem. Alex. Protr. 13–18, 28, 30 etc.

[93] Ср.: Min. Fel. Octavius. 28.

себя объявляете» (V, 20). «Признаюсь, я уже давно колеблюсь, опасаюсь и уклоняюсь умножать, как говорится, Телленские[94] нелепости, потому что стыжусь сообщать об Алимунтских мистериях... (V, 28)».

При опровержении язычества Арнобий обнаруживает замечательную осведомленность по рассматриваемым им предметам, служащую результатом отчасти непосредственного знакомства его с греко-римской религией и культом, а отчасти — изучения многочисленных религиозно-философских и других литературных произведений. Философии, и в особенности скептической религиозно-философской литературе, Арнобий обязан, несомненно, многими доводами, направленными им против языческой религии и культа, но значительная часть его доводов составляет результат собственных размышлений, приведших его к решимости оставить прежнюю религию, горячим поборником которой он был до того времени, и принять христианство. Это придает особую силу, живость и убедительность его аргументации, хотя она не всегда отличается глубиной и основательностью и иногда имеет риторический колорит. Хотя в пылу полемики он допускает излишние резкости по отношению к своим противникам, но в общем старается быть беспристрастным и не дает никакого повода сомневаться в том, что, согласно со своим заявлением (I, 25 и др.), руководствуется лишь стремлением к истине. Нередко Арнобий отдает дань уважения своим противникам, указывая на их достоинства, например на присущее им благоразумие, здравое понимание истины (VII, 30), на заботы их о справедливости и нравственной чистоте (II, 29). В особенности характерно отношение его к писателям, философам и ученым. Подвергая резкой критике их мнения, Арнобий указывает на антирелигиозный и безнравственный характер многих литературных произведений (IV, 33, 34; V, 1 и др.), на самомнение ученых и философов и на чрезмерное доверие их к собственным силам (II, 6, 12 и др.); говорит, что они через свои разногласия доказывают, что ничего не знают (II, 10), и заявляет, что мудрость человеческая есть глупость перед Богом (II, 6). Тем не менее он нередко ссылается на них в подтверждение своих суждений и истинности христианского учения (I, 8; II, 13, 14, 52; VII, 1 и др.), отмечает, что философы заслуживают похвалы за нравственную чистоту, что они сведущи в областях научных знаний (II, 11), ежедневно борются со своими страстями и посредством упорной борьбы ради добродетелей изгоняют и удаляют из своих душ внедрившиеся в них страст-

[94] Теллена, или Теллены — древнелатинский город, жителям которого приписывались, по-видимому, разного рода «нелепости».

ные движения (II, 50), и т. п. К некоторым из них выражает особое уважение, например, к Теренцию Варрону, «знаменитому римлянину, выдающемуся по многосторонней учености и по исследованию древностей» (V, 8; ср. VII, 1), и Цицерону, «красноречивейшему из римлян», который «не опасаясь обвинения в безбожии, с достоинством, с твердостью, свободно и с большим религиозным воодушевлением высказал свой взгляд» относительно мнения своих соотечественников о богах (III, 6) и которого он защищает, указывая на безрассудство некоторых фанатиков, требовавших уничтожения философских трактатов Цицерона как подрывающих авторитет древней национальной религии и могущих служить подтверждением христианской религии (III, 7). Но наиболее глубокое уважение он высказывает к Платону, которого он называет sublimis, apex philosophorum et columen (I, 8), divinus, multa de Deo digna nec communia sentiens multitudini (II, 36), magnus, pie sancteque sapiens (II, 52). Вообще Арнобий в своей апологии является искусным и сильным полемистом, и многие из его доводов, направленных против язычества, являются выдающимися как по полноте и основательности предмета, так и по силе и меткости возражений. Но главное достоинство Арнобия как полемиста заключается в том, что он в своей полемике обнаруживает глубокое практическое и теоретическое знание не только греко-римской религии со всеми ее слабыми сторонами, но также ее основ и истории, вследствие чего апология Арнобия служит одним из важнейших источников для истории религии и классической филологии.

Более слабо выступает Арнобий как апологет христианства, на что указывают многие ученые. Так, Монсо, признавая Арнобия сильным противником язычества, называет его посредственным защитником христианства Он даже утверждает, что, перелистав несколько страниц, где говорится о Христе, можно подумать, что Арнобий защищает иудейство или религию Митры, манихейство или неоплатонизм. Это очень слабый пункт его апологетики. Можно без преувеличения сказать, что он оставил в стороне все существенное. Поставив себе задачей опровергнуть народный предрассудок, он не способен был увидеть, как это видели другие прежде и после него, что этот вопрос неразрывно связан с полной защитой обвиняемой религии[95]. Многие ученые указывают также на недостаток оригинальности в аргументах Арнобия в защиту христианства. Так, Геффкен и Монсо хотя и не отрицают

[95] Monceaux. Op. cit. P. 262.

оригинальности некоторых его аргументов, но бóльшую часть их признают несамостоятельными и утверждают, хотя, как нами было указано при рассмотрении источников Арнобия, неосновательно, что он повторяет аргументы других апологетов[96]. К слабым сторонам апологетики Арнобия относят, наконец, то, что он на некоторые вопросы противников, направленные против христианства, или совсем отказывается отвечать, сознаваясь в своем незнании и относя эти вопросы к неразрешимым (например: II, 47, 58, 74), хотя мог бы найти решение их в христианском учении, или высказывает суждения, несогласные с христианским учением.

Но если Арнобий не столько защищает христианство, сколько опровергает язычество, и более силы обнаруживает в борьбе с язычеством, нежели в защите христианства, то это отчасти объясняется тем, что он гораздо лучше знал то, с чем боролся, нежели то, что должен был защищать; отчасти предъявленным ему, по свидетельству бл. Иеронима, требованием представить в доказательство искренности своего обращения именно опровержение прежней своей религии; и отчасти теми задачами, которые он поставил в своем труде. Задачи христианской апологетики весьма сложны и никем, не только из западных, но и из греческих апологетов, не выполнялись во всем объеме. Каждый из них обыкновенно сосредоточивал внимание на тех сторонах ее, выяснение которых считал наиболее небходимым для своего времени и того круга читателей, которому предназначал свое произведение. Поэтому ни у одного из христианских апологетов нельзя найти, вопреки уверению Монсо, «полной защиты» христианства. То же следует сказать и об Арнобии. В своей апологии он, без сомнения, применялся к требованиям своего времени и поэтому не касался многих пунктов, на которые обращали внимание некоторые из предшествующих и последующих христианских апологетов. Он имеет в виду лишь те нападки на христианство, которые в его время имели распространение среди соотечественников, и пользуется такими доводами, которые, по его мнению, могли иметь больше всего силы и значения для его противников из той интеллигентной среды, к которой еще так недавно сам он принадлежал. Так как одной из главных задач апологии Арнобия служило устранение ненависти его соотечественников-язычников к христианам, выражавшейся в разного рода преследованиях, то он сосредоточивает свое внимание в основном на опровержении служащего главным

[96] Geffcken. Op. cit. S. 288; Monceaux. Op. cit. P. 253, 263.

источником этой ненависти мнения о христианах как атеистах, поклоняющихся человеку, Христу, умершему от позорной крестной казни, своим презрением к богам оскорбляющих и вызывающих гнев их, выражающийся в многочисленных общественных бедствиях (I, 1–5, 36, 40 и др.). Арнобий с замечательной полнотой и основательностью опровергает эти обвинения, доказывая, что христиане не могут быть виновниками общественных бедствий и божественного гнева как потому, что вследствие неизменности законов природы естественная жизнь теперь течет так же, как прежде, и бедствия, даже более ужасные, были также до появления христианства (I, 2–5), и они не были беспрерывны и не простираются на все страны, в которых живут христиане (I, 13–16), они постигают не одних христиан, но также почитателей богов (I, 19–22), а христиане своим учением и жизнью даже содействуют уменьшению бедствий, и в частности войн (I, 6), и что гнев несвойствен Богу (I, 17–19, 23 и др.); так и потому, что христиане не атеисты, — они чтут Бога Отца, Творца и Владыку всего существующего, от Которого происходят также и другие боги, если они существуют (I, 25–29 и др.), и Которого инстинктивно признают не только все люди, но и все другие существа (I, 33; II, 3). И если христиане чтут также Христа, то Христос не есть только человек, как утверждают язычники, но вместе с тем Он есть также истинный Бог, Бог по самому существу (I, 36, 42, 47, 63; II, 60 и др.), Который должен быть признан Богом уже по причине Его великих благодеяний роду человеческому (I, 38, 42) и Который ради спасения людей явился на земле в образе человека (I, 60) и добровольно подвергся позорной крестной смерти, которая не была смертью Его Самого как Бога, а воспринятого Им человеческого естества (I, 62, 63, 65), и которая, как всякая незаслуженная насильственная смерть, постигающая невинного, не опорочивает Его и не умаляет значения дел Его и учения (I, 40). При этом Арнобий с особым вниманием останавливается на доказательствах божественности Христа и истинности, божественности и спасительности Его учения. В связи с изложенными главными пунктами защиты Арнобий рассматривает ряд вопросов, направленных язычниками против христиан и христианской религии, например: почему Христос поздно явился на земле для спасения людей (II, 74, 75)? почему Он не всех людей спасает (II, 64, 65)? почему Богом допускаются преследования, мучения и несчастия христиан (II, 76, 77)? Арнобий доказывает неосновательность осмеяния христиан за мнимое легковерие и за самую веру их (II, 8, 10), указывая на необходимость веры вообще, и на истинность и божественность христианской веры в частности; отражает нападения язычников, придававших

особенно важное значение древности своей религии и считавших все древнее неоспоримо истинным; указывает на христианскую религию как на новую (II, 66–73) и на христианские священные писания как на не только менее древние сравнительно со многими языческими произведениями, но и написанные людьми простыми, необразованными и простым, не чуждым погрешностей, языком (I, 57–59), и т. п. Хотя Арнобием сказано далеко не все, что можно было бы сказать в защиту христианства, тем не менее он большей частью подробно и основательно рассматривает и искусно, метко, с большим воодушевлением и не без оригинальности отражает нападки на христианство, затрагивающие многие основные пункты христианства, и в частности божественность Христа и совершенное Им дело спасения рода человеческого, и успешно выполняет одну из основных задач христианской апологетики, выясняя, что христианская религия есть божественная, единственно истинная и спасительная. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Монсо, что Арнобий в своей апологетике «оставил в стороне все существенное», и в суждениях Арнобия о Христе можно видеть защиту не христианства, а иудейства или Митры и т. п. Но Монсо совершенно справедливо признает аргументацию Арнобия в тех пунктах, в которых она представляет сходство с аргументами других апологетов, более полной, более систематической и обнаруживающей широкую эрудицию и необычайную живость[97]. Так же Геффкен, хотя слишком строго относится к Арнобию и приписывает как апологету многие недостатки, чуждые тому в действительности, однако признает некоторые аргументы его не только оригинальными, но и искусно построенными, как, например, аргумент о достоверности христианских Священных Писаний (I, 57–59) или ответ на вопрос, почему Бог допускает преследования и мучения христиан (II, 76–77)[98]. При этом нельзя не обратить внимания также на то, что удары, направляемые язычниками против христиан, Арнобий очень искусно обращает нередко против них самих. Так, он доказывает, что виновными в безбожии и оскорблении богов, равно как и виновниками общественных бедствий, если боги действительно существуют и могут гневаться, должны быть признаны не христиане, а сами язычники (I, 2, 29; III, 11; V, 30, 31 и др.). Вообще, хотя защита христианства Арнобием не лишена слабых сторон, он должен быть признан одним из наиболее искусных и заслуживающих внимания христианских апологетов.

[97] Monceaux. Op. cit. P. 263.
[98] Geffcken. Op. cit. S. 289.

VII. АРНОБИЙ КАК БОГОСЛОВ

В своей апологии Adversus nationes Арнобий выступает не только как апологет и полемист, но и как христианский богослов, хотя не в строгом смысле этого слова. В значительной части своих суждений по религиозно-нравственным вопросам он исходит из соображений разума и философских начал и, как обращающийся в своей апологии не к христианам, а к язычникам, и недостаточно еще знакомый с христианством, не говорит о многих основных истинах христианства, но касается лишь таких пунктов христианского учения, против которых направлялись в его время возражения язычников и которые он считал необходимым изложить в противоположность опровергаемым им языческим заблуждениям, причем и сам он иногда впадает в заблуждение и высказывает мысли и суждения, несогласные с общехристианским учением и составляющие, по-видимому, продукт отчасти собственных его размышлений и изучения религиозно-философской литературы, а отчасти — ознакомления с такими воззрениями современных ему христиан и произведениями христианской письменности, которые были распространены в его время в некоторых кругах христианского общества, но не получили общехристианского признания. Но большая часть мыслей и суждений Арнобия по религиозно-нравственным вопросам имеет вполне христианский характер и основывается на общехристианском учении. Поэтому, полагаем, не только как о христианском богослове может идти речь об Арнобии, вопреки мнению некоторых ученых[99], но и, не без основания, ему отводится место и в истории христианского догматического учения[100]. Вследствие этого мы признаем небесполезным сделать краткий обзор мыслей и суждений Арнобия по вопросам, входящим в область христианского богословия, как могущих свидетельствовать о существовавших воззрениях среди христиан в его время и о тех попытках, которые делались в то время людьми образованными для примирения христианского учения с требованиями разума.

[99] См.: Pauly-Wissowa RE. II Bd. Stgt., 1895. S. 1207; Hauck. Real-Encyklop. II Bd. 3 Aufl. 1897. S. 116.

[100] См.: Harnack. Lehrb. d. Dogmengesch. I Bd. 2 Aufl. Freib., 1888. S. 671–672.

1. Понятие о религии. Бытие Божие. Естественное богопознание. Недостаточность его. Необходимость сверхъестественного, божественного откровения и веры

Сущность истинной религии состоит, по Арнобию, в познании истинного Бога и в надлежащем, достойном Его, представлении о Нем: an ulla est, religio verior quam Deum Principem nosse (II, 2); opinio religionem facit et recta de diis mens (VII, 37). У всех людей — врожденная идея о Боге (I, 33). Все люди «по природе» (naturaliter) знают Бога и инстинктивно признают Его (II, 3). О Нем свидетельствует вся природа (I, 33). Бытие Бога столь несомненный для всех людей факт, что сомневаться в Его существовании может только безумец (I, 31; II, 60), и одинаковое преступление составляют как отрицание истины бытия Божия, так и всякая попытка защищать ее путем доказательств (I, 32). Но естественного богопознания недостаточно. Бог непостижим в Своем существе, и никакой силой воображения не может быть дан образ Его. Наше блуждающее гадание (errans suspicio) может следить за Ним лишь по тени (per umbram) (I, 31), как бы созерцать Его (auram Ejus) (II, 60). Неудивительно поэтому, если люди не знают Бога, — более удивительно, если они знают Его (I, 31). К тому же люди слепы; они блуждают во тьме неведения, сами по себе не могут достигать знания истины даже относительно того, что находится перед их глазами, и тем более о предметах далеких от них и темных (I, 38; II, 7, 60, 72 и др.). Относительно того, что недоступно человеческому познанию, руководствуются верой в авторитет людей мудрых и сведущих в науках, хотя эти авторитеты ничем не могут гарантировать достоверность своих утверждений и не обладают несомненным знанием истины, а только предположениями, и основываются в своем учении на вере в их истинность (II, 9–11) — на вере, господствующей во всех проявлениях человеческой мысли и жизни (II, 8); в частности, о божественном люди судят по человеческим отношениям (II, 57; ср. III, 19). Вследствие этого среди людей возникают извращенные представления о Боге и мире и ложные религии, приводящие людей к неизбежной гибели. Все это указывает на необходимость веры в то, что имеет божественный авторитет (II, 11, 78), и сверхъестественного, божественного откровения, виновником которого был Христос Бог. Он рассеял тьму неведения и распространил свет знания (II, 72), открыл то, что недоступно естественному человеческому знанию (см. II, 63: potestis scire id, quod Christo potuit docente cognosci), дал людям, насколько это возможно для их ограниченного понимания (quantum

nostra quivit mediocritas), истинное познание о Боге, а также о мире и человеке (I, 38; II, 73); привел людей от великих заблуждений к открытой Им истине и от ложных религий — к истинной, божественной и единственно спасительной (I, 38, 65; II, 2, 3, 65, 73 и др.) и доказал, главным образом через проявленную Им божественную силу в чудесах, истинность и божественность Своего учения, подтверждающуюся также многими другими несомненными признаками (II, 4, 5, 11–14). Таким образом, христианская вера имеет божественное происхождение, и только через нее возможны для людей истинное богопознание и спасение. Поэтому, говорит Арнобий, вверим себя Богу, и пусть для нас имеет значение не столько наше неверие, сколько величие Его имени и могущества. Когда идет дело о спасении душ и о нашей пользе, то что-то следует делать и без рассуждения (sine ratione), как говорит Эпиктет по Арриану (II, 78).

2. Источники христианской веры: Священное Писание и предание

Хотя Арнобий упоминает о Священных Писаниях Ветхого Завета (Judaeorum litterae), но, судя по его характеристике (III, 12), относится к ним отрицательно и не причисляет их к источникам христианской веры, в отличие от Священных Писаний Нового Завета, которые называет nostrae litterae (I, 57) и nostra scripta (I, 57; IV, 36) и под которыми разумеет не только Евангелия, но и другие книги Нового Завета, на что указывает изложение в них того, что было совершено Самим Христом и Его проповедниками (I, 56). Он доказывает достоверность этих Писаний, выясняя, что хотя они менее древни, нежели многие языческие произведения, и написаны людьми простыми и необразованными, простым языком и не без погрешностей, но это, вопреки утверждению противников христианства, не только не умаляет достоинства их и не подрывает доверия к ним, но, наоборот, служит подтверждением достоверности их (I, 57–59). Но не все то, что было совершено Христом и Его проповедниками, могло быть записано в Священных Писаниях (ср. *Ин 21 : 25*); не все, записанное в них, может быть известным для всех людей, и в особенности среди некультурных (ignotis) народов и не знакомых с употреблением письма; более того, в том, что записано, встречаются тенденциозные вставки, дополнения, изменения и искажения, сделанные по злобе (malevolentia) демонов и подобных им людей. Поэтому, говорит Арнобий, нехорошо поступают те, кто при решении вопроса, кто был Христос, опираются исключительно на сви-

детельства Священного Писания: должно принимать во внимание и предание (ea, quae dicimus), если оно находит подтверждение для себя в Священном Писании, чтобы через исповедание всех было доказано, что Он был Богом (I, 56)[101]. Отсюда видно, что Арнобий не считает Священное Писание единственным источником христианской веры; он относит сюда также предание.

3. О Боге в Самом Себе и Его свойствах

Бог, в изображении Арнобия, непостижим в Своем существе, и никакой силой воображения не может быть дан образ Его; мы можем созерцать только как бы тень Его (auram Ejus); о Нем ничто не может быть сказано и выражено человеческим языком. Если хотят познать Его, должно смолкнуть, и для того чтобы блуждающее гадание (errans suspicio) могло по тени следить за Ним, не следует даже шепотом говорить (I, 3, 1; II, 60). Все, что можно сказать о Боге, все, что можно мысленно представить, переходит в человеческое (антропоморфное) понимание и извращается, а то, что выражается словами, образованными для человеческих отношений, не имеет адекватного обозначения (propriae significationis notam). Одно знание человека о существе Божием вполне достоверно: если ты знаешь и чувствуешь, что человеческим языком ничего нельзя сказать о Нем (III, 19). Тем не менее Арнобий довольно подробно изображает свойства истинного Бога, в противоположность языческим представлениям о богах. В его изображении Бог является безначальным (I, 34), Которому ничто не предшествовало по существу, времени и имени (I, 20, 28); единым нерожденным и не произведенным когда-либо (1, 31, 34; II, 35, 72); первоисточником самой божественности (III, 2); единым бессмертным (I, 31; II, 35, 72); единым вечным (1, 31, 34; II, 62, 72); единым бесконечным (I, 31); не ограничивающимся никакими пределами времени (II, 62); неизменным (I, 17); невидимым (I, 31, 60); простым, не причастным к какой-либо сложности (I, 62); бестелесным (I, 31, 80; III, 8, 12, 19; VII, 35); чуждым качества и количества, не имеющим места, движения и вида (I, 31); первопричиной, местом и пространством для всего (I, 31), всюдуприсутствующим (VI, 4); стоящим выше всех человеческих достоинств и добродетелей (III,19); совершеннейшим, на тысячи ступеней возвышающимся над всяким родом совершенства, и блаженнейшим существом, не нуждающимся для восполнения Своего

[101] См. также: Leckelt. Über. d. Arnobius Schrift Advers. nation. Neisse, 1884. S. 8.

блаженства и совершенства в чем-либо, находящемся вне Его (I, 17, 23; II, 15, 37; VII, 15, 36); всеведущим (VI, 4); премудрым (I, 23; II, 46); всемогущим (I, 34; II, 35, 46, 62, 72, 75, 85); праведным, справедливым и беспристрастным (I, 19; II, 46); благим (I, 31; II, 35), источником всех благ (II, 2, 46), никому не отказывающим в милости (I, 49); чуждым гнева (1, 7–19, 23; VII, 5 и др.). При этом считаем не лишним заметить, что, отрицая гнев Божий как душевное волнение, не соединимое с божественной неизменностью и вечностью (I, 18; VII, 5 и др.), Арнобий не противоречит учению Священного Писания и Христианской церкви, в котором изображение гнева Божия составляет лишь антропоморфное, «человекообразное изображение отношений Бога к человеку»[102]. И вообще, Арнобий, в противоположность языческим антропоморфным представлениям о богах, с особой настойчивостью устраняет антропоморфные черты в представлении о Боге и выдвигает понятие о Нем как о бестелесном, духовном Существе, не имеющем телесных очертаний или телесной формы (I, 31; III, 12, 13, 19 и др.). Поэтому выражения Арнобия «...Бог или не имеет никакой формы, или, если имеет какую-либо форму, то такую, которой мы, наверно, ее не знаем (III, 17)» и «мы думаем, что телесные формы чужды им (истинным богам. — *Н. Д.*), потому что форма свойственна телесному существу, и если они имеют какую-либо, то мы с несомненной уверенностью утверждаем, что ее никто не может постигнуть (VII, 35)» нельзя считать противоречащими понятию о Боге как чуждом телесности.

4. Единство Божие. Боги языческие

В своих суждениях о Боге Арнобий, как полагают некоторые ученые, допускает отступления от основного христианского догмата об единстве Божием. Подобно другим апологетам, он не решается прямо отрицать существование языческих богов, и если не признает, то допускает их существование как возможное. Но между тем как другие апологеты причисляют их к злым демонам, Арнобий признает их также богами, но низшего рода и подчиненными верховному Богу — Богу христиан, Которого он называет Deus princeps или primus, Deus summus и Imperator. Так, он говорит: если боги действительно существуют,

[102] Ср.: Филарет, архиеп. Православное догматическое богословие. 3-е изд. СПб., 1882. Ч. I. С. 42 и 60; Макарий, митроп. Руководство к изучению христианского православно-догматического богословия. М., 1898. С. 33.

то Бог христиан есть их отец, через Которого они начали иметь свое бытие, могущество и величие и благодаря Которому они считаются наделенными самой божественностью (I, 28). Боги, говорится им в другом месте, если они несомненно существуют и обладают авторитетом, могуществом и достоинством этого имени, или не рождены — ибо так верить требует (истинная) религия, — или, если они имеют начало происхождения, только высочайший Бог (Deus summus) знает, каким образом Он создал их или сколько веков протекло с того времени, как Он даровал им непрестанное божественное существование (VII, 35)[103]. Но с этим мнением мы не можем согласиться. Эпитеты «summus», «princeps» и «primus» Арнобий употребляет не для обозначения отношения Бога, как высшего, к другим богам, как низшим, но или абсолютно, в смысле высочайшего, вер-ховного Существа (II, 2, 6, 29, 52, 60, 65, 72), или для обозначения отношения Бога к миру как Творца, или Первовиновника и Властителя, или Повелителя всего существующего, как видно из следующих выражений: Deus princeps, rerum cunctarum, quae sunt, Dominus (I, 25), summus Rex ac Princeps (I, 27), omnium Princeps Deus (I, 53), Deus Princeps rerum (II, 25), rerum Princeps (II, 48), Dominus rerum ac Princeps (IV, 19). В частности, значение эпитета summus (VII, 35) видно из следующего аналогичного выражения: summitatem omnium summorum obtinens (I, 25), т. е. возвышающийся над всем самым высоким. Также эпитеты Imperator (II, 3, 35), summus Imperator (I, 26), omnipotens Imperator (II, 65) Арнобий присваивает Богу, без отношения к другим богам, в общем смысле как титулы Повелителя или Царя (Princeps, Rex) и как синонимы summus Rex (I, 26; II, 65), summus Deus (I, 26), omnipotens Rex (II, 35). Нигде также Арнобий не говорит о богах языческих как о действительно существующих низших богах. Наоборот, он твердо и решительно проводит в своей апологии учение об единстве Божием, называя Бога, исповедуемого христианами, единым (solus) (I, 31; II, 35, 75). Его же он называет единым истинным (II, 60), единым нерожденным, единым вечным, единым бессмертным (I, 31; II, 35, 62, 72), единым бесконечным (I, 31), единым Первовиновником (Princeps), которому ничто не предшествует по времени (I, 28), и единым Отцом всего существующего (II, 35), приписывая таким образом Ему одному те свойства, которые признает неотделимыми от понятия божественности. Нельзя не обратить внимание также на то,

[103] См.: Ebert. Gesch. d. christl latein. Literat. S. 66, Anm. 1; S. 71; Geffcken. Zwei griech. Apologet. S. 290; Bardenhewer. Gesch. d. altkirchl. Literat. II Bd. S. 469–470; Monceaux. Hist. litter. de l'Afrique chrét. T. III. P. 268.

что большую часть своей апологии Арнобий посвящает опровержению языческой религии и, в частности, выяснению той истины, что языческие боги — не боги, и только христиане чтут истинного Бога. Уступки язычникам, делаемые иногда Арнобием, и в частности условное допущение возможности существования языческих богов, не служат выражением убеждения самого автора, а составляют один из полемических приемов, искусно применяемый им для того, чтобы с точки зрения самих язычников с большей убедительностью доказать неосновательность нападений их на христианство и выяснить, что признаваемые ими боги не обладают, согласно представлениям о них самих язычников, божественными свойствами, и, следовательно, они не истинные боги. Так, сказав, что все согласны в том, что есть один только Первовиновник всего существующего, Арнобий делает вывод, что если языческие боги действительно существуют, то они или рождены, или другим каким-либо образом созданы этим Первовиновником, высочайшим Богом, чтимым христианами, и Ему же они обязаны своей божественностью, и выводит отсюда заключение, что боги языческие, если они действительно существуют, не могут, вопреки утверждению язычников, враждебно относиться к христианам — как чтущим отца этих богов (I, 28; VII, 35). Но, становясь, при допущении возможности существования языческих богов, происшедших от высочайшего Бога, на точку зрения язычников, Арнобий вместе с тем дает знать о полной несостоятельности ее, указывая на то, что истинный Бог, «всемогущий Бог единодушно и единогласно всем человечеством признается нерожденным, не произведенным когда-либо на свет и не начавшим бытие в какой-либо момент времени или в век. Он Сам есть источник всех вещей, виновник веков и времен» (I, 34). Допуская возможность существования языческих богов, он обусловливает ее неосуществимым для язычников требованием доказать их существование. Так, опровергая делаемый язычниками христианам упрек, что они вместе со своим Богом не чтут других богов, он говорит, что в высочайшем Боге как Первоисточнике божественности всех каких бы то ни было божественных существ, мы чтим все то, что следует чтить, и нет нужды обращаться к каждому из них в отдельности, подобно тому как в лице царя и сообща с ним оказываются должные почести всем членам царской фамилии (III, 2, 3). Но это, поясняет он, высказано лишь на тот случай, если бы не подлежало никакому сомнению, что кроме Самого Царя и Первовиновника (Principem) есть другие высшие, божественные существа (alia numinum capita), образующие как бы толпу плебеев, и если бы было доказано, что действительно существуют эти боги, а не только

изображения их. Так как мы говорим с вами о божестве (de re divina), то Арнобий требует, чтобы вы доказали, что существуют (кроме Самого Царя и Первовиновника) другие боги по природе, силе и имени, представленные в том существе, относительно которого следует признать, что им должна обладать сила столь великого имени (III, 3). Пусть, говорит он далее, будет этот низший класс (plebs) божеств, пусть будут бесчисленные роды (gentilitates) богов; с этим можно согласиться, допустить это. Но откуда были получены точные сведения или каким образом узнали, существуют ли на Небе те боги, которых язычники признают и чтут, или существуют какие-либо другие, о признании и имени которых никто не слыхал? Ведь возможно, что есть и такие, существования которых не признают, а те, в бытии которых уверены, не находятся ни в какой части мира (III, 4; ср. III, 5). Но эти и т. п. уступки относительно существования языческих богов Арнобий вполне устраняет в последних главах апологии. В течение нашей речи, говорит он, мы дошли до сущности дела, до пункта, вокруг которого все вращается, до существенного и основного вопроса, который мы должны надлежащим образом рассмотреть, без суеверных опасений и беспристрастно: боги ли те, относительно которых вы утверждаете, что они неистовствуют, если их оскорбляют, и что посредством жертвоприношений они укрощаются, или же они нечто совершенно другое и должны быть отделяемы от понятия этого имени и могущества (VII, 39). Так как язычники в своей вере в богов опирались на исторические рассказы о чудесных проявлениях гнева богов и умилостивления их (см. VII, 38), то Арнобий, в ответ на поставленный им вопрос, критически рассматривает три такого рода рассказа (VII, 39–51) и выясняет, что эти и подобные им рассказы лишь на первый взгляд могут казаться чудесными или свидетельствующими о проявлении божественной силы и обманывать подобием истины, но если вникнуть в них глубже, то окажется, что они носят явные признаки неистинности и не соответствуют природе и достоинству истинных богов и что лежащие в основе их факты имеют вполне естественный характер (VII, 41 и др.). Таким образом, здесь Арнобий дает вполне отрицательный ответ на вопрос о существовании языческих богов. Также и в других частях апологии он неоднократно заявляет во вполне ясной и определенной форме о своем отрицательном отношении к существованию их. Так, в III, 6, 8 он говорит, что склониться к вере в этих богов мы не можем как потому, что им приписываются гнусности, оскорбительные для божественного достоинства, так и вследствие полового различия их, показывающего, что они телесны и, следовательно, смертны, между

тем как истинные боги не могут быть телесными и смертными (ср. I, 62; VII, 5, 35, 36 и др.). Еще с большей решительностью Арнобий выражает свое отрицательное отношение к существованию языческих богов в начале шестой книги. Отметив, что боги, если только они действительно боги, должны обладать всеми совершенствами, быть мудрыми, справедливыми, полными достоинства и т. п., между тем как язычники приписывают им качества, не соответствующие божественному достоинству и свойственные, по мнениям и суждениям философов, только смертным существам, он говорит: «... каким образом мы можем считаться презирающими богов, относительно которых мы утверждаем, что они не могут признаваться богами и причисляться к небесным силам, если они не истинны (nisi sunt recti) и не заслуживают удивления и хвалы великих умов?» (VI, 2). Все это, полагаем, ясно показывает, что Арнобий не признавал языческих богов за действительных. По-видимому, он, подобно большинству других христианских апологетов, причислял языческих богов именно к демонам, как полагает Леккельт на основании следующих соображений. Опровергнув в I, 43 объяснение чудес Христа обманом демонов (daemonum praestigia) и изложив в IV, 11 приводимое язычниками доказательство существования их богов («они и являются, когда их призывают гаруспики, и приходят, когда называются их имена, и дают верные ответы вопрошающим»), Арнобий в следующей главе замечает: «Если маги, братья гаруспиков, говорят, что при их вызываниях очень часто вместо вызываемых прокрадываются демоны (antithei) и что это некоторого рода духи из более плотной материи, которые выдают себя за богов и обманывают неведущих посредством лжи и притворства, то почему нам не думать, что подобным образом и здесь другие выдают себя за тех, которых нет, чтобы и ваши верования подтвердить, и себе доставить удовольствие через приношение жертв под чужими именами?» (IV, 12). Здесь под antithei (и, добавим, под другими, выдающими себя за тех, которых нет, но которым приносятся жертвы, т.е. за богов) разумеются, очевидно, демоны. Принимая во внимание это место, следует также понимать демонов, выдающих себя за богов, под «злейшими разбойниками (latrones pessimi)» в II, 4, где Арнобий, в ответ на возражение язычников: «Он (Христос) воспретил молиться низшим богам», — говорит: «... Христос не учил народы безбожию, но избавил неведущих, жалких людей от злейших разбойников»[104]. Если в рассматриваемых

[104] Leckelt. Op. cit. S. 9–10.

местах действительно идет речь о демонах, выдающих себя за богов, то значит, Арнобий отрицал существование языческих богов как особых существ, но причислял их к демонам, и это может служить новым подтверждением того, что он, говоря о богах языческих, не отступает от общехристианского учения о единстве Божием.

5. Отсутствие указаний на Св. Троицу и Св. Духа. Учение о Лице Иисуса Христа

Арнобий ничего не говорит в своей апологии о Св. Троице, не делает определенных, ясных указаний на отношение Бога Отца как первого Лица Св. Троицы к другим двум Лицам Ее и совершенно не упоминает о Св. Духе. Хотя в апологии встречается выражение Deus Pater (I, 28; II, 65), но оно указывает, по-видимому, на Бога не как на первое Лицо Св. Троицы, а как на Творца мира, как следует заключать из того, что Бог Отец называется единым Первовиновником (Princeps) всего существующего (I, 28), и из следующих аналогичных выражений: unus est rerum Pater (II, 35). rerum cunetarum Pater, Moderator et Dominus (II, 74), Pater rerum ac Dominus (III, 2). Нет достаточных оснований видеть указание на первое Лицо Св. Троицы также в выражениях Deus summus, Deus Princeps, Deus primus, summus Rex — они, как было указано нами при рассмотрении вопроса об единстве Божием, имеют более общий характер. Едва ли можно видеть определенное указание на первое Лицо Св. Троицы и в таких мтестах апологии, где говорится о высочайшем Царе, пославшем Христа для совершения дела спасения (I, 42 и др.), потому что Арнобий говорит также, что Христос Бог был послан Богом, «Властителем всего (ab omnium Principe)» (I, 53), и что Бог всемогущий, «Бог единый», послал Христа (II, 75). Здесь идет речь, по-видимому, о Боге вообще, а не о первом Лице Св. Троицы в частности. Что касается третьего Лица Св. Троицы, то хотя Арнобий в I, 46 имеет в виду, по-видимому, события, бывшие при сошествии Св. Духа на апостолов (см. Деян 2), однако не указывает на Него и приписывает Христу чудесный дар языков. Трудно предположить, чтобы Арнобий не был знаком с христианским догматом о триединстве Божием и о Лицах Св. Троицы. По всей вероятности, ведя борьбу против языческого политеизма, он не находил нужным говорить о Св. Троице и, в противоположность представлениям язычников о богах и их нападкам на Христа, сосредоточил внимание на выяснении истинного понятия о Боге вообще и на изложении христианского учения о Христе и, в частности, божестве Его. Хотя Арнобий при этом не касает-

ся некоторых существенных пунктов христологии и допускает иногда отступления от общецерковного христианского учения, тем не менее мысли и суждения его о Христе представляют значительный исторический интерес, и поэтому мы считаем необходимым остановиться на них.

Арнобий с особой настойчивостью проводит мысль о Христе как Боге. Он называет Христа истинным Богом (I, 36, 42, 47, 53; II, 60), Богом вышним (sublimis), Богом по самому существу (radice ab intima) (I, 53), Богом и Господом всех сил (I, 42, 65), Который подлинно (re certa) и вне всякого спора и сомнения есть Бог (I, 42) и должен быть признан Богом уже по причине великих и щедрых даров, полученных нами от Него (I, 38, 42). В частности, доказательствами божественности Его, по Арнобию, служат: а) божественная сила, проявленная Им в чудесах (I, 42, 46, 47; II, 11, 12); б) предоставление избранным Им простым, необразованным людям власти совершать такие же чудеса во имя Его (I, 50, 51); в) преодоление и разрушение определений судьбы (1, 42, 47); г) вера народов и племен в эти чудеса (I, 42, 54); д) проникновение в тайные желания и помышления людей (I, 46); е) страх демонов перед Ним и обращение злых духов в бегство именем Его (I, 45, 46); ж) великий страх и смятение всех стихий мира после оставления тела Христом, когда был узнан как Бог Тот, Кто считался одним из нас (I, 53); з) явления Его по оставлении Тела бесчисленным людям, с которыми Он беседовал, уча и наставляя их, и явления Его теперь людям праведным (I, 46); и) необычайное, быстрое распространение христианства во всем мире (I, 46, 55; II, 12); к) непоколебимость веры христиан, несмотря на жестокие преследования и мучения (I, 54, 55). Он также выясняет, что вере в Христа как в Бога нисколько не противоречит крестная казнь, посредством которой Он был умерщвлен, как потому, что висел на кресте и умер не Сам Он как Бог, а человеческое естество (homo), которое Он принял и носил с Собою (I, 62, 65), так и потому, что крестная смерть Его была вполне добровольна (I, 63). Но, говоря о Боге Отце, или о высочайшем Боге и о Христе как Боге, Арнобий ничего не говорит о том, каким образом это согласуется с учением о единстве Божием. Он нигде также не говорит о рождении Христа от Бога Отца и не называет Его Сыном Божием или Богом Сыном. Некоторые ученые в таких выражениях, как: Христос, посланный к нам высочайшим Царем (I, 42), Он (Христос) пришел в мир по воле и определению высочайшего Царя (I, 60), Христос говорил в образе человека по повелению высочайшего Бога (II, 60), дело спасения возложено Богом Отцом на Одного (Христа) и Ему переда-

но, Ему высочайший Царь предоставил исполнение этого служения (II, 75), и т. п. — видят уклонение Арнобия от общехристианского учения и указание на то, что он приписывал Христу низшую природу, чем Богу Отцу, и ставил Его в подчиненное отношение к Последнему, не признавая, таким образом, единосущие Его с Богом Отцом. Но это мнение несправедливо. В вышеприведенных примерах Арнобий ставит Христа в подчиненное отношение к Богу Отцу не по божественной Его природе, а по Его человечеству, указывая, что Христос говорил в образе человека (sub hominis forma) по повелению высочайшего Бога (II, 60). В этом отношении Арнобий говорит вполне согласно со Священным Писанием, как это видно из слов Спасителя: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин 6:38; ср. Евр. 10:9); «Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что́ сказать и что́ говорить» (Ин. 12:49); «...Отец Мой более Меня» (Ин. 14:28); «Как заповедал Мне Отец, так и творю» (Ин. 14:31). Но божественную волю Христа Арнобий не отделяет от воли Бога Отца, как это видно из его выражений: «...кто из людей мог бы увидеть и заметить Его, если бы Он восхотел таким явиться на земле, каков Он по Своей изначальной природе и каким Он Сам восхотел быть в Своей сущности (qualitate) или божественности?» (I, 60); «Почему Он восхотел [совершить это] (дело спасения людей. — *Н. Д.*) так, а не иначе, причины этого сокрыты во мраке и едва ли постижимы для кого-либо» (I, 61). О воплощении Христа Арнобий говорит очень кратко и с недостаточной ясностью, что дает повод некоторым ученым обвинять его, хотя несправедливо, в докетизме[105]. Так, он говорит о Христе: adsumpsit hominis formam et sub nostri generis similitudine potentiam Suam clausit I, 60 (ср. II, 60: loquens sub hominis forma); но это вполне соответствует словам Павла: «...уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став, как человек» (Флп. 2:7; ср. Рим. 8:3). Более сомнения могут, по-видимому, возбуждать слова «homine simulato» (I, 61); но они едва ли могут иметь другой смысл, чем nostri generis similitudo (I, 60) и слова апостола о подобии Христа человеку и человеческом виде Его, и не могут свидетельствовать о докетизме Арнобия уже потому, что составляют часть выражения, употребленного им не от своего лица, а от лица язычников. Но главным свидетельством против мнения о докетизме Арнобия служит его указание, что Тело Христа составляло

[105] См.: Leckelt. Op. cit. S. 17; Badham. Arnobins and the «Gospel oi Peter» // Academy. Febr. 29, 1896. № 1243. P. 177.

«часть» Его, и именно незначительную часть (quod in exigua circumferebat Sui parte) (I, 53), и что Он явился на земле, приняв некоторый покров более или менее плотной материи (aliquod tegmen materiae solidioris) (I, 60). Некоторые ученые в выражениях: exutus corpore, quod in exigua Sui circumferebat parte (I, 53); more est hominis interemptus non Ipse... Quis mortuus? Homo, quem induerat et Secum Ipse portabat... Mors illa adsumpti hominis fuit, non Ipsius, gestaminis, non gestantis (I, 62); hominem Suum permisit interfici (I, 65) — видят понимание Арнобием воплощения как обитания Бога в человеке, т. е. заблуждение, в которое впоследствии впал Несторий[106]. Но едва ли можно выводить такое заключение из столь неопределенных выражений. Здесь видна лишь неясность понятия Арнобия о воплощении Христовом, вполне естественная для человека, недостаточно знакомого с христианством и жившего в то время, когда христианское учение о соединении Божества с человечеством в Христе не было еще точно сформулировано. Ту же неясность понимания он обнаруживает в ответах на вопросы: почему Христос явился в образе человека? могло ли спасение людей совершиться без воплощения Христа? и почему Он так поздно явился в мире? На первый вопрос он отвечает: Христос принял образ человека, чтобы быть видимым и замечаемым, говорить с людьми, учить их и совершать все то, для исполнения чего Он пришел в мир (I, 60); на второй вопрос: причины этого сокрыты во мраке и едва ли постижимы (I, 61); и на третий: для этого, конечно, было основание, но мы не знаем этого, потому что никому не дано знать намерения Божия (II, 74).

Обстоятельств земной жизни Христа Арнобий редко касается. Он лишь кратко упоминает о рождении Христа как человека (I, 37) и об избрании Им из бесчисленной массы следовавшего за Ним народа простых, необразованных людей — рыбаков и ремесленников, которые были посланы Им как Его провозвестники (praecones) к различным народам (I, 50; II, 12). Он неоднократно упоминает о добровольной крестной смерти Христа как человека (I, 36, 40, 62, 63, 65) и указывает на то, что, по оставлении Тела Христом и после того, как Он дал Себя видеть и знать, какое величие свойственно Ему, и был узнан как Бог Тот, Кто считался одним из нас, «все стихии мира, устрашенные необычайностью событий, пришли в смятение, земля поколебалась и задрожала, море до самого дна взволновалось, воздух покрылся густой

[106] Leckelt. Op. cit. S. 17.

тьмой, жар огненного круга солнца ослабел, и оно оцепенело» (I, 53; ср. Мф 27:47, 51, 54; Мк 15:33, 39; Лк 23:44, 45).

Подробнее говорит Арнобий о нравственном образе Христа, о делах и учении Его, и в особенности — о совершении Им дела спасения рода человеческого. Он изображает Христа согласно со свидетельствами Евангелий — неимоверно благим, кротким, тихим, сострадательным, милосердным (I, 63); Который помогал добрым и злым и никого не отвергал (I, 49); Который никому не причинил никакого зла, но открыл путь спасения даже врагам (I, 65); Который смотрел на беззакония людей в отношении к Нему, «как на детское неразумие (ineptiis)», и не только позволил бесчеловечным, жестоким палачам наложить на Него руки, но и не признал необходимым вменить им в вину то, что учинила их дерзость (I, 63); Которого никто не мог обвинить и уличить ни в каком проступке или преступлении (I, 64). Но никто не знал, Кто Он и откуда, — Он считался одним из нас (I, 53), хотя Он проявил божественную силу Свою в бесчисленных чудесах (I, 42, 46, 47; II, 11, 12 и др.), которые совершал Собственной силой, без магических и других внешних средств (I, 43, 44, 48), одним словом и повелением (I, 45, 46, 48, 50) или через прикосновение (I, 45, 48), только силою Своего имени (I, 44) и только достойное Бога, «благотворное и спасительное» для людей (I, 44), и предоставил власть совершать именем Его такого же рода чудеса избранным людям (I, 50, 51). Он проникал в тайные желания и помышления людей (I, 46). Перед Ним испытывали страх демоны, и одно имя Его обращало злых духов в бегство (I, 45, 46). Говоря о чудесах, совершенных Христом и Его провозвестниками (I, 42–50, 63; II, 11, 12), Арнобий иногда допускает в частностях изложения отступления от свидетельств канонических новозаветных писаний, в значительной части представляющие собой, по-видимому, лишь неточности, происшедшие при свободном изложении фактов без пользования первоисточниками. Но некоторые из отступлений, как, например, не встречающиеся в книге Деяний апостолов (8:9–24) подробности о Симоне волхве (2:12), происходят, по-видимому, из апокрифической литературы[107]. Из того же источника, может быть, происходит также указание Арнобия как на одно из чудес Христа на то, что как только Он «произносил одно слово, то различные народы, говорящие на различных языках, понимали Его, как пользующегося родными звуками их слов и собственным каждого из них языком (I, 46)», — указание,

[107] См.: Рыбинский В. П. Самаряне. Киев, 1913. С. 479.

в основе которого могло лежать неясное представление о событиях, бывших при сошествии Св. Духа на апостолов (Деян 2).

Арнобий часто говорит также о Христе как Просветителе мира, называет Его великим Учителем и Законодателем, определившим соответствующие Его законам обязанности (I, 39, 63). Христос, по Арнобию, — Провозвестник всего доброго и дела спасения. Он принес благие «обетования» и вести (I, 65); распространил свет знания и рассеял тьму неведения (II, 72); от великих заблу-ждений привел нас к истине и дал нам истинное познание о Боге, мире и человеке (I, 38; II, 14); открыл нам средства спасения на пути к Небу, двери благочестия и бессмертия (1, 65; II, 2); обуздал человеческую гордость и другие пороки (I, 38, 63); дал нам заповеди о невоздаянии злом за зло, о перенесении обид и непролитии крови (I, 6). Он привел людей от ложных религий к истинной (I, 38), ввел и установил в мире истинную религию (II, 23). Арнобий приводит также ряд доказательств истинности и божественности Его учения (II, 4, 5, 11, 12). Но, излагая учение Христово в частностях, он иногда впадает в заблуждение, приписывая Христу то, что либо не содержится в новозаветных канонических писаниях, либо даже противоречит им и общехристианскому учению. Так, он говорит, что Христос открыл нам, почему луна постоянно находится в движении и вследствие тех же причин, какие признаются, или других она возобновляет свет и темноту, и прибыла ли (advolaritne) к нам душа сама по себе или была рождена и произведена вместе с телом (I, 38; II, 61); утверждает, что Христос также открыл нам, что души не сотворены Богом, но происходят от другого, низшего творца (II, 36), и они, «как мы знаем из учения Христа», обладают средней природой и могут погибнуть, если не будут знать Бога, или избавятся от утраты жизни, если обратятся к Его милосердию и благости (II, 14).

Но главным образом Арнобий сосредоточивает внимание на совершении Христом великого дела спасения рода человеческого, что было целью Его пришествия на землю и воплощения (I, 42, 53; II, 63, 64), было возложено Богом Отцом на одного Христа, Ему одному передано и предоставлено; только через Него возможно спасение — это единственный путь (II, 65, 66). Хотя Христос всех призывает и всем дает возможность прийти к Нему, Он никого не принуждает, и спастись могут только те, кто обращаются к божественному милосердию и благости (II, 14, 32, 64). Поэтому надежду на спасение могут иметь только христиане (II, 65). Но спасение простирается и на тех, которые умерли до пришествия Христа на землю (II, 63). Совершенное Христом Спасение состояло, по Арнобию, главным образом, в приведении

людей от заблуждений к истине и, в частности, в открытии им истинного познания о Боге (I, 38, 39), которое в особенности плодотворно и спасительно и служит закваской или, источнком, жизни (I, 38; II, 32; ср. Ин. 17 : 3); в избавлении душ от погибели или мучительной смерти и в даровании им бессмертия и истинной, вечной жизни (I, 65; II, 34, 63, 65, 66). Поэтому он называет Христа Спасителем (Sospitator) (I, 53; II, 74, 75), (Conservator) (II, 63, 64), облагодетельствовавшим мир великими и щедрыми дарами, которые мы получаем во время своей жизни и которых еще более ожидаем по ее окончании (I, 6, 38, 39). Арнобий называет Христа также Посредником (Ministrator) Бога (I, 47) и указывает, что Он предоставил нам общение с Богом через молитву (I, 38), но никогда не называет Его Искупителем и ничего не говорит об искуплении в собственном смысле. Хотя он упоминает о pontificium Christi, но понимает это в общем смысле совершения спасения людей (unius hjntificium Christi est dare animis salutem et spiritum perpetuitatis adponere) (II, 65). Неоднократно Арнобий говорит о добровольной крестной смерти Христа — не как Бога, а как человека, — которая последовала, по таинственному божественному определению, ради совершения великого дела спасения и была необходима для избавления людей от опасности смерти (I, 62, 63, 65); но не указывает на искупительное значение смерти Христовой и не объясняет, каким образом она может избавлять людей от смерти. Он, по-видимому, даже отрицательно относится к самой идее искупления, как можно предполагать на основании следующих указаний его на бесполезность языческих жертв и даров для умилостивления богов: «... разум учит нас, что боги никогда не гневаются и не желают, чтобы один умерщвлялся и уничтожался за другого и чтобы благодаря крови невиновного достигалось забвение о проступках» (VII, 9), «ибо увеличивается число грешников, когда дается надежда на искупление греха (redimendi peccati spes VII, 8)... ». Он упоминает также о будущем воскресении мертвых (II, 13) и называет Христа истребителем смерти (mortis extinctor I, 65), который повелевал душам возвратиться в давно оставленные ими тела, а похороненным — выйти из гробов (I, 46, 63); но ничего не говорит более или менее определенно о воскресении Его. Даже указывая на явления Христа при дневном свете бесчисленным людям, с которыми Он говорил и которых слушал, учил, вразумлял и наставлял, Арнобий замечает только, что это было «по оставлении тела (deposito corpore)» Христом (I, 46), но не делает никаких указаний на воскресшее Тело Христово.

6. О Боге Творце и Промыслителе мира. О происхождении зла. О судьбе

Арнобий решительно отвергает теорию о происхождении мира вследствие случайных столкновений атомов и признает ее глупостью, которую излишне было бы оспаривать, «потому что люди здравомыслящие говорят, что оспаривание глупостей служит доказательством большей глупости» (I, 31). Он настойчиво проводит мысль о Боге как Творце и Промыслителе мира и утверждает, что Бог есть первопричина (prima causa), основание (fundamentum), Отец, Первовиновник и Творец всего существующего (I, 28, 31, 34; II, 2, 35; III, 2 и др.). Он Творец невидимого (I, 31); от Него земное и небесное получает жизнь и движение (I, 29); Он причина веков и времен (I, 34); Царь, Владыка, Повелитель и Устроитель мира (I, 25, 27, 29, 30, 31, 33; II, 6, 15, 52, 74, 75; III, 2); по Его мановению и воле все продолжает беспрерывно существовать и все совершается в мире (I, 28; II, 54); Он Глава и Опора (caput et columen) всего существующего (I, 29).

Исходя из понятия о Боге как совершеннейшем и благом Существе Арнобий говорит, что Бог все создает совершенным и не может быть виновником зла, чего-либо порочного, вредного, пагубного, худого, несовершенного (II, 15, 44, 45, 46, 48, 55; VII, 23), Он источник всех благ (II, 2, 46), и от Него происходит только то, что для всех спасительно, приятно, исполнено любви, радости и отрады, что содержит бесконечные и непреходящие наслаждения, чего каждый желает и всячески стремится достигнуть (II, 56). Арнобий указывает также на то, что многое кажущееся нам злом в действительности не есть зло (1, 8–12; II, 76, 77). Тем не менее он не отрицает существования зла в мире и опровергает мнение стоиков, утверждающих, что в мире нет никакого зла, — мнение, против которого будут протестовать все народы и все племена, указывая на свои страдания и разнообразные виды бедствий, которыми ежеминутно удручается и терзается род человеческий (II, 54). Он отвергает также мнение о происхождении зла ex elementis et ex eorum inaequibilitate, противопоставляя этому мнению возражение: каким образом то, что не имеет разумения и способности суждения, может быть злым и причиняющим вред (noxia) (II, 55)? Но если Бог не может быть виновником зла, то не значит ли это, что нечто может происходить без воли Божией? От решения этого вопроса, обсуждение которого требует, по его словам, большого внимания и осторожности, он отказывается, потому что можно впасть в грех оскорбления божественного величия, признавая все, а следо-

вательно и зло, совершающимся по воле Божией, или же, при желании «отстранить от Него причины зла», признавая зло происходящим вопреки воле Бога, или — что страшно сказать — без Его ведома (II, 54). Арнобий признает неразрешимыми вопросы: откуда зло, и почему Бог не прекращает зла, но допускает, чтобы оно существовало и беспрерывно продолжалось в течение всех веков? Мы не знаем этого, говорит он, потому что это не может быть постигнуто никакими силами, и гораздо лучше оставаться в границах незнания и неведения, нежели утверждать, что все совершается только по воле Божией, разумея вместе с тем, что Бог служит и причиной зла, и виновником бедствий. Он сознается также в своем незнании относительно вопроса, кто создал такие столь излишние, ничтожные, бесполезные и иногда причиняющие вред даже тому, что необходимо, существа, как мухи, жуки, клопы, полевые мыши, хлебные черви и моль (II, 47). Такого рода уклонение от решения указанных вопросов вполне естественно для Арнобия, руководствовавшегося лишь соображениями разума; и надлежащее решение этих вопросов без света божественного откровения едва ли возможно, для него тем более что он имел не вполне ясное представление о свободе воли человека, не был, без сомнения, знаком с христианским учением о первородном грехе и его следствиях и не отличал, по-видимому, даже нравственного зла от физического, что следует заключать из II, 54, где он на один уровень ставит страдания и разнообразные бедствия, которыми «удручается род человеческий», и безнравственные поступки, преступления и проявления необузданной страсти.

При своем пессимистическом взгляде на человека и его положение в мире Арнобий видит чрезвычайно широкое развитие зла на земле и в ярких красках изображает разнообразные его проявления. К области зла он относит также враждебные по отношению к людям действия злых духов и демонов, о которых будет речь ниже, и господство судьбы (fatum, fortuna) и необходимости (necessitas immobilis, inexpugnabilis, ineluctabilis) в жизни человеческой. Так, он указывает на ежедневные бури и невзгоды судьбы (procellae tempestatesque fortunae) (II, 45), угрозы судьбы (minae fortunae) (II, 76), преследования пагубной судьбы (exitiabiles fortunae) (II, 76), нападения жестокой судьбы (impetum injuriasque fortunae) (I, 49) и приписывает смерть человека закону судьбы (lex fatorum) (I, 40). Опровергая мнение язычников, что боги могут ниспосылать людям счастье и отвращать несчастья, он ссылается на сонм ученых (стоиков), утверждающих и доказывающих, что все происходящее совершается по определению судьбы

(fato): все свершившееся, свершающееся и могущее свершиться в мире было прежде определено и установлено, все происходит по неизменным причинам (immobiles causas) вследствие непреодолимой необходимости (inexpugnabilem necessitatem), и боги не могут нарушить порядок или изменить определения судьбы (fatalia constituta) (VII, 10). Затем, как бы в подтверждение этого воззрения «ученых», он, говоря о различных бедствиях, испытываемых людьми, замечает, что в этих явлениях нет никакого места для случайностей, но все происходит вследствие непреодолимой необходимости (ineluctabili necessitate), совершается предрешенный порядок и выполняется то, что однажды определено (VII, 11).

Эти указания Арнобия на судьбу с ее неизменными определениями показывают, что он не вполне еще отрешился от своих прежних религиозных воззрений. Но между тем, как в греко-римской религии судьба является господствующей над самими богами, неизбежно подчиняющимися ее определениям, Арнобий ставит судьбу в подчиненное отношение к воле Божией. Так, он говорит, что Христос через совершенные Им чудеса превозмог определения судьбы (constituta exsuperasse fatorum); ибо если недуги и телесные страдания случаются и посылаются, как это ясно и общепризнано (ut liquet et constat), по определению судьбы (fatalibus decretis) и если один только Христос исправил это, восстановил и исцелил, «то яснее солнца, что Он был могущественнее судьбы (quam fata), потому что Он упразднил и победил то, что было связано вечными узами и неизменной необходимостью (immobili necessitate)» (I, 47; ср. I, 42).

Хотя в суждениях Арнобия о зле замечаются колебание и некоторого рода неясность и неопределенность, однако нет основания видеть в этом проявление дуализма в смысле признания двух самостоятельных главных начал — доброго и злого. Арнобий твердо и определенно проводит мысль о единстве Божием и решительно, как мы видели, отвергает мнение, что может что-либо совершаться вопреки воли Божией или без ведома Бога (II, 54); воле Божией подчиняются, по Арнобию, также демоны и судьба; между тем, признавая два самостоятельных начала, должно быть допускаемо, что одно из них может действовать без ведома или вопреки воле другого.

7. Мир духовный. Ангелы и злые духи, или демоны (бесы)

О мире духовном, или невидимом, Арнобий лишь кратко упоминает, говоря о Боге как Творце невидимого или невидимых существ

(invisibilium) (I, 31), (invisibilium rerum) (II, 45), от Которого все земное и небесное (cuncta caelestia) одушевляется и получает движение и жизнь (II, 2). В частности, об ангелах он упоминает дважды (I, 43; II, 35), но в обоих случаях имеет в виду только ангелов, признаваемых язычниками. Так, в подтверждение своего мнения, что души обладают средней природой, что по природе они смертны, но могут получить бессмертие по дару и милости Бога, он говорит: «... все вообще те, бытие коих предполагается верованием (opinatio) — боги, ангелы, демоны или носящие другое какое-либо наименование, — не имеют ли также средней природы?..» (II, 35). Таким образом, он говорит об ангелах с точки зрения самих язычников, но не высказывает собственного мнения и не касается христианского учения о них. В другом месте (I, 43) он упоминает об ангелах, когда приводит направленное против чудес Христа возражение: «Он был маг, все это Он совершил при помощи тайных искусств, из египетских святилищ Он заимствовал имена могущественных ангелов и тайные науки», — где разумеются встречающиеся в языческих магических формулах имена ангелов, которым приписывалась чудодейственная сила. Но и здесь Арнобий воздерживается от суждения об ангелах.

Больше указаний встречается у Арнобия относительно злых духов, которых он называет большей частью демонами или бесами. Иногда он приводит лишь мнение язычников о них. Так, в I, 23 он говорит, что свойства, приписываемые богам язычниками, едва ли применимы и к тем, кого сведущие ученые уже давно называют демонами и героями, подразумевая под демонами, по-видимому, низшие божества — посредников, по верованию язычников, между богами и людьми, составляющих нечто среднее между богами и полубогами, или героями. В II, 25 он также ограничивается лишь упоминанием демонов, говоря, что душа, по мнению тех, кто имеет слишком высокое мнение о себе, занимает после Бога, демонов и гениев четвертое место. В II, 35 Арнобий, как мы уже упоминали, приписывает демонам и ангелам среднюю природу исходя из воззрений самих язычников. Но в некоторых местах он высказывает о демонах мнение, свидетельствующее о знакомстве его с христианским учением о них. Так, он приписывает им духовную, но злую, природу, называя их духами злыми или причиняющими вред (noxios spiritus) (I, 46), и злобу или стремление к причинению зла (malevolentia) (I, 56). Они стараются, по Арнобию, пагубно действовать как на тело, так и на душевное состояние, вселяются в людей, подвергают их болезням и мучениям, приводят их в исступление и лишают ясного сознания (I, 45, 50). Но в особенности на-

правляют они свою деятельность на погибель душ человеческих. Они стараются посредством обмана и т. п. средств удерживать людей от познания истины, распространять тьму и заблуждения, препятствовать утверждению христианской веры в душах людей и приводить их к адским мучениям и вечной погибели. Так, опровергая мнение некоторых противников христианства, что Христос был маг, он вопрошает: «Разве дела Его были обманом демонов и проделками при помощи магических искусств?» (I, 43)? Когда он говорит, что при призываниях один мог являться вместо другого, «обманывая, глумясь, вводя в заблуждение и принимая вид призываемого» (IV, 12), то, как видно из дальнейших слов, подразумевает демонов (antithei), выдающих себя «за тех, которых нет», т. е. за богов, чтобы и «ваши верования подтвердить, и себе доставить удовольствие через приношение жертв...» По злобе (malevolentia) «демонов», замечает он, «ревностно заботящихся об устранении... истины», и подобных им людей сделаны в Священных Писаниях Нового Завета изменения и извращения, «чтобы и помешать доверию людей благоразумных, и ослабить значение фактов» (I, 56). Он, без сомнения, имеет в виду также демонов под теми «пагубными обманщиками, для которых важно унизить имя христианское» и которым язычники «дали возможность распространять тьму и покрыть мраком столь важные факты (именно некоторые из чудесных событий, доказывающих божественную силу Христа. — *Н. Д.*), лишить вас веры и подвергнуть ее презрению, чтобы они, предчувствуя близость заслуженного ими конца, могли также и вас привести в такое положение, чтобы вы могли подвергнуться погибели (periculo) и лишиться божественного благоволения (II, 12)». Он называет, без сомнения, именно демонов «врагами и противниками» душ человеческих, ввергающими их в геенны и неугасимые огни, и «некими беспощадно жестокими существами (quidam crudeliter saevi)», которые неизвестны были до Христа и открыты Им, Который один знает их (II, 14). Здесь разумеется, конечно, пагубное влияние демонов на души людей, приводящее их к мучениям в аду, и указывается на то, что истинное знание о демонах или злых духах открыто людям Христом. Вполне согласно с изображаемой пагубной деятельностью демонов он называет, по-видимому, именно их также злейшими разбойниками (latrones pessimi), от которых Христос избавил «неведущих» жалких людей (II, 4). Их также, по-видимому, разумеет Арнобий, говоря о «какой-то беспощадной жестокости» (nescio qua inportuna crudelitas), по воле которой тела людей подвергаются разного рода болезням и недугам (I 48), и о «какой-то скрытой, жестокой и враждебной человечеству силе»

(nescio qua vis latens et humanitati adversa crudelitas), услаждающейся страданиями несчастных (II, 46). Но демоны подчиняются, по Арнобию, власти Бога, и их пагубная деятельность совершается не без воли Божией. Христос, говорит Арнобий, одним словом изгонял демонов из тел и находившимся в исступлении возвращал ясное сознание; так же и провозвестники Его таким же повелением возвращали мучимым демонами здоровье (I, 50). Присутствия и взгляда Христа не могли выносить скрывавшиеся в телах демоны и, напуганные необычайной силой, оставляли «одержимые ими члены» (I, 45). Имя Его, будучи услышано, обращает в бегство злых духов (I, 46).

8. О человеке и, в частности, о душах человеческих

На человека Арнобий смотрит пессимистически как на существо ничтожное, жалкое, лишнее в мире и бесполезное, подобное прочим животным или в незначительной степени отличающееся от них и не имеющее ничего общего с небесными существами, и не только отрицает бессмертие душ по природе, но и сотворение человека Богом. Если бы люди, говорит он, вполне знали себя или имели хотя бы малейшее понятие о Боге, то они никогда не приписывали бы себе божественной и бессмертной природы и никогда не считали бы себя чем-то великим, никогда они, в гордом превозношении и высокомерии, не признали бы себя первенствующими существами (prima numina) и близкими к высоте Творца (II, 19). Если бы люди могли понять, что они ничтожные существа, в незначительной степени отличающиеся от муравья, то, без сомнения, перестали бы думать, что имеют что-либо общее с небесными созданиями, и скромно держались бы в границах своего низкого состояния (VII, 34). Что есть в человеке прекрасного и привлекательного кроме того, что он имеет общим, как утверждает некий писатель[108], с обезьяной (III, 16; ср. IV, 23)? Беспристрастное, спокойное размышление должно приводить нас, по Арнобию, к заключению, что мы — животные, или подобные прочим, или не очень значительно отличающиеся от них (II, 16). В подтверждение этой мысли он сравнивает людей с животными в физиологическом отношении, указывает на сходные заботы тех и других об удовлетворении своих физических потребностей и приводит ряд доводов в опровержение мнения, что люди разумностью превосходят все роды бессловесных (II, 16–18). Чтобы

[108] Поэт Квинт Энний (по Cic. De nat deor. I, 35).

убедиться в том, что человек, вопреки мнению Платона и его последователей, не обладает с самого момента рождения всеми знаниями и что он, будучи предоставлен собственным силам, навсегда остался бы, подобным животному, Арнобий предлагает провести опыт: воспитать новорожденного младенца лет до 20 или хотя бы до 40 в пещере, в полной изолированности от всего окружающего, и затем, прежде чем он ознакомится с чем-либо и усвоит человеческую речь, привести его в собрание людей и обратиться к нему с вопросами о нем самом и о других каких-либо самых простых предметах: «не будет ли он в этом случае стоять тупее и бесчувственнее всякого скота, дерева, камня», стоять безмолвным и немым, ничего не зная и не понимая, и если он вынужден будет издать звук, то не будет ли он выкрикивать нечто нечленораздельное (II, 20–24)? Без сомнения, человек получает некоторое развитие через воспитание, обучение, опыт и упражнение. Но подобным же образом осел, вол, верблюд лошадь, собака и другие животные обучаются тому, чего они прежде не знали и не делали (II, 25). Люди гордятся культурой, цивилизацией, наукой, искусством и т. п.; но это не дары знания, а изобретения, возникшие вследствие жалкой нужды, путем многих опытов, подражаний, ошибок и исправлений. Несправедливо люди гордятся и своими скудными знаниями. Они по природе слепы и блуждают в тьме неведения, сами по себе они не могут постигать никакой истины, ни о чем не имеют достоверного, несомненного знания, верят пустым мнениям. В действительности они ничего не знают и не понимают, не знают даже самих себя и того, что находится перед глазами их, и в отношении к тому, в чем они уверены, не идут далее предположений; все, что считается людьми за истину, может одинаково быть защищаемо и опровергаемо, так что бесполезным трудом является желание высказывать что-либо так, как будто бы ты знаешь это (I, 38; II, 6, 7, 10, 18, 19, 56, 57, 60, 74; VII, 6). Ни наука, ни искусство, ни философия, ни школы не могут дать человеку достоверного знания не только о Боге и т. п. темных и далеких от нас предметах, но даже о происхождении самого человека, о природе и судьбе его. «И вы сами не видите ли... что когда вы рассуждаете о предметах темных и хотите раскрывать тайны природы, то вы не знаете даже того, что говорите, в чем уверяете, что защищаете большей частью с чрезвычайной горячностью, и каждый отстаивает свои предположения, как доказанные и постигнутые [истины], и упорно борется за них?.. Можем ли мы сами по себе знать, вижу ли я истину, хотя бы даже целые столетия посвящались исследованию вещей, — мы, которых какая-то сила (res) создала и сделала вследствие зависти столь

слепыми и гордыми, что хотя мы ничего не знаем, однако обманываем себя и... кичимся воображаемым знанием? Ибо, опуская божественное и то, что покрыто естественной тьмой, может ли кто-либо из смертных объяснить то, чего не мог понять Сократ в «Федре»[109] — что такое человек или откуда происходит он... для чего он создан, чьим умом он изобретен (sit excogitatus), что он делает в мире, почему он испытывает такое множество злоключений, земля... ли дала жизнь ему... или от руки какого-либо творца и художника эти очертания тела и лица получили форму? Может ли он... знать то, что находится перед глазами всех (in medio) и всеми чувствуется, — вследствие каких причин мы погружаемся в сон и пробуждаемся, каким образом происходят сновидения и видения, даже то, в чем сомневается Платон в «Теэтете»[110], — находимся ли мы когда-либо в бодрственном состоянии, или то, что называется бодрствованием, составляет часть сна, и что, как нам кажется, мы делаем, есть сновидение?.. Бессилие и неведение тем более жалки, что если когда-либо является возможность сказать что-нибудь истинное, то и относительно этого самого мы не можем быть уверенными, сказали ли мы что-либо истинное» (II, 7). Хотя человеку дан этот мир, в котором он живет, в пользование и обладание (I, 29) и хотя человека называют малым миром, созданным и образованным по образу и подобию всего Мира (II, 25), но в действительности он ничтожное, несчастное и жалкое существо (II, 29, 46). Мир не устроен ради людей, которые совершенно бесполезны для него, они нисколько не содействуют усовершенствованию мира, ничего не вносят в его строй и порядок; и нет никакого основания думать, что мир не мог быть создан без людей и не имел бы полноты и завершения, не будь присоединено к нему это «жалкое и излишнее существо»; если бы не было людей, мир не прекратил бы своих функций, и все шло бы своим путем и не отступало от своего порядка, «хотя бы имя человека не было слышно и на всей земле было тихо и безмолвно, как в необитаемой пустыне» (II, 37–38). Люди влачат в мире жалкое существование. Уже вступление в мир указывает на жалкое положение человека: новорожденный издает бессмысленный крик, должен сосать грудь матери, пачкается в нечистотах и утихает, напуганный колыханиями и шумом погремушек кормилицы (II, 39). Но и взрослый человек подвергается бесчисленным физическим и нравственным страданиям, бедствиям и лишениям, и только он один из всех живых существ должен посред-

[109] Plat. Phaedr. 230; ср. Alcib. 129.
[110] Plat. Theaet. 158.

ством тяжелого труда добывать себе пищу, устраивать жилище и приготовлять одежду (II, 40). «Откуда в мире, — спрашивает Арнобий, — такое бесчисленное множество бедствующих, откуда столько несчастных, проводящих плачевную жизнь в самом бедственном положении? <...> Не видим ли мы, что некоторые из них служат очагами болезней, утратили зрение и лишены слуха, не могут передвигать ноги, искалечены и не имеют рук, от пожаров, кораблекрушений и обрушившихся строений утопают, гибнут, уничтожаются, лишившись огромных наследств, поддерживают себя наемной работой, нищенски выпрашивают жалкие подаяния, подвергаются изгнанию и опале, постоянно бывают опечаленными, сокрушаются об утрате детей, терзаются другими несчастиями, виды и формы которых невозможно перечислить и определить?» (VII, 11). Но в особенности мрачно смотрит Арнобий на нравственное состояние людей. Люди уже вследствие врожденной, природной слабости влекутся к порокам (I, 27, 49; II, 50; V, 29), получившим на земле чрезвычайно сильное развитие (II 39–43). Мир для людей — место, где творятся беззакония, совершаются злодейства, козни, обманы, коварства, корыстолюбие, грабежи, насилия, преступления, буйства, безобразия, мерзости, подлости и всякое другое зло, которое люди производят со злым умыслом и измышляют на погибель друг друга (II, 43). На земле все наполнено злом, почти исчезло слово «невинность», и каждую минуту, каждое мгновение возникает множество новых злодеяний (VI, 24). И если среди человечества есть и были люди добрые и более или менее нравственные, то число их слишком незначительно (II, 49). Но порочность человека и его жалкое положение в мире Арнобий признает, как видно из вышесказанного, следствием природной слабости человека, а не первородного греха, на который во всей апологии нет никаких указаний. Неудивительно поэтому, что хотя он признает Бога Творцом всего существующего и все в мире — совершающимся по Его мановению и воле, однако, впадая в явное противоречие, отрицает как недостойное Бога и, в частности, не соответствующее Его величию, совершенству, благости, премудрости и праведности сотворение Им столь ничтожного и порочного, по его воззрению, существа, как человек. «... Да будет, — говорит он, — чуждо нам ужасное и преступное убеждение, что Бог, служащий спасением для всего существующего, источником всех добродетелей (caput virtutum) и столпом благости... премудрый, праведный, создающий все совершенным и сохраняющимся в пределах своего первоначального состояния (integritatis), произвел что-либо несовершенное и уклоняющееся от должного пути или был в отношении к чему-либо причиной

бедствий и опасностей, или установил и определил ту самую деятельность, в которой проходит и которой наполняется жизнь человеческая, и повелел, чтобы она протекала по Его определению. Это слишком ничтожно для Него и разрушает силу Его величия и настолько далеко от того, чтобы можно было признавать Его виновником этого, что впадает в преступление нечестия и богохульства тот, кто признает, что Им произведен человек, существо несчастное и жалкое, которое скорбит о своем существовании, проклинает и оплакивает свое положение и не видит другой причины для своего происхождения, кроме того, чтобы была почва для распространения зла и чтобы постоянно были несчастные, страданиями которых услаждалась бы какая-то сокрытая, жестокая и враждебная человечеству сила» (II, 46).

В тесной связи с воззрениями Арнобия на человека стоят суждения его о душе, составляющей главную, существенную часть человека. «Ибо что такое мы, люди, — говорит он, — как не души, заключенные в тела?» (II, 13). В своих суждениях о душах человеческих Арнобий полемизирует большей частью с Платоном, но имеет в виду, по всей вероятности, не столько его самого, сколько его позднейших последователей, и главным образом неоплатоников, считавших его своим главой[111], и разумеет, по-видимому, именно и их психологическую теорию, указывая на «некоторых людей новых и имеющих слишком высокое мнение о себе», — что души бессмертны и по степени достоинства весьма близки к Повелителю и Первовиновнику всего существующего, что они произведены этим Творцом и Отцом, что они божественны, мудры, сведущи (doctas) и не доступны ни для какого телесного соприкосновения. Так как это, по мнению неоплатоников, истинно и несомненно, говорит Арнобий, то, значит, мы созданы совершенным Существом с не допускающим исправления совершенством; невинны и поэтому живем безукоризненно; добры, справедливы и честны, свободны от всякого рода порочности; никакая страсть не овладевает нами, никакая похоть не обесчещивает нас; мы постоянно соблюдаем и исполняем все добродетели, и так как все души происходят из одного источника, то мы мыслим одинаково и согласно, не разнимся ни в нравах, ни в мнениях и все мы знаем одно и то же (II, 15; ср. II, 62). Арнобий опровергает столь высокое мнение о душах человеческих и развивает противоположное, в соответствии с общим воззрением его на человека, приводя в подтверждение своего мнения ряд доказательств

[111] Röhricht. Die Seelenlehre d. Arnobius. S. 29–30.

(II, 14–62). Поэтому он отрицает также как недостойное Бога и создание Им душ человеческих. «Да будем мы, — говорит он, — далеки от того, чтобы разделять в высшей степени преступное мнение... что всемогущий Бог, Виновник, Создатель и Творец всего великого и невидимого, создал (genuisse) души столь изменчивыми, не имеющими никакой твердости, силы и постоянства, способными впадать в пороки, склонными ко всем родам грехов, и хотя знал, что они таковы или подобны этому, однако повелел им войти в тела, чтобы они, будучи заключены в [эти] темницы», подвергались разнообразным бедствиям и страданиям и предавались всевозможным порокам» (II, 45; ср. II, 15, 16, 48, 53). «...мы отрицаем, что души происходят от верховного Бога... они не произведены Богом... потому что истиннее истинного и несомненнее несомненного, что Первовиновником мира... ничто не совершается, не делается и не устраивается, кроме того, чему должно и подобает быть, что полно и чуждо недостатков (integrum) и законченно в совершенстве своей [полноты] и безукоризненности» (II, 48). «Если бы души происходили от Господа и были произведением высшего Могущества, то ничего не доставало бы им для совершенства, как происшедшим от совершеннейшего Существа...» (II, 37). Но в суждениях Арнобия по вопросу о том, кто Творец душ, замечается разногласие. Он то сознается в своем незнании, кто Творец душ и каким образом они произошли (II, 47; ср. II, 48, 58); то ограничивается общим замечанием, что «люди, т. е. самые души... развращенностью и многочисленными пороками сами дают о себе знать, что они не высшего происхождения (patricii generis), но произошли из средних кругов (ex mediocribus familiis)» и что «такими они, без сомнения, не были бы, если бы им свойственно было божественное достоинство (generositas principalis) и если бы они имели высокое происхождение (honestamenta natalium), исходящее от Первоисточника всего существующего» (II, 48); то прямо признает души происшедшими не от Бога, а от низшего творца, выдавая это мнение за учение Самого Христа. «Если же вы не знаете этого... — говорит он, — то узнайте это теперь (sero) и научитесь от Христа, знающего и открывшего, что души не дочери высочайшего Царя и [никогда] не начинали знать себя, как утверждают, родившимися от Него и именоваться происшедшими от Него (in sui nominis essentia praedicari), но имеют какого-либо другого родителя, отличающегося от Повелителя (Imperatore) многими степенями достоинства и могущества, но из двора Его (Ejus ex aula) и славного по своему высокому происхождению» (II, 36). Отсюда ясно видно, что Арнобий отвергает теорию традиционализма или происхождения от

родителей душ вместе с телом. Он решительно отвергает также теорию предсуществования душ, по крайней мере в том виде, как оно понималось Платоном и его последователями, и подробно опровергает ее. По-видимому, он приурочивал творение душ и соединение их с телами (II, 63) или заключение в тела (II, 13) к моменту образования тел (ср. I, 38: anima advolaritne ad nos sponte, an cum ipsis sata sit et procreata visceribus). Само тело Арнобий называет темницей, цепями, тесными и тяжелыми узами (II, 30, 45, 76, 77), от которых душа освобождается лишь со смертью человека (II, 76, 77). Этим он указывает на известного рода ограничения или препятствия для души в ее действиях со стороны тела. Бестелесное не может, по Арнобию, соединяться или соприкасаться с телесным и испытывать от него какие-либо препятствия (II, 16, 26), а также быть оскверняемым пороками, но остается невредимым и неприкосновенным и не может испытывать страдания, хотя бы даже оно окружалось огненными реками (II, 30). Поэтому Арнобий отрицает бестелесность душ (II, 26, 30 и др.)[112]. Он отрицает также бессмертие души по природе (II, 15, 19 25, 27). Бессмертен один только Бог (II, 35, 62, 72). Души не могут быть бессмертными по природе как потому, что они не бестелесны, так и потому, что, как имеющие начало своего бытия, они должны иметь также конец (II, 35), и что бессмертие несоединимо с наказаниями, страданиями и какими-либо изменениями состояния (II, 14, 26, 30), вследствие чего вера в бессмертие душ, равно как и вера в уничтожение душ вместе с телом, соединяющаяся с уверенностью в невозможности загробных наград и наказаний, приводит людей к свободе греха и может служить поощрением к порокам и нравственной распущенности (II, 29, 30). Души людей ни смертны, ни бессмертны. Они обладают средней природой (mediae qualitatis),

[112]Подобным образом Тертуллиан говорит: «Если душа имеет что-либо такое, через что она существует, то это и есть ее тело. Все, что есть, есть тело своего рода. Бестелесного нет ничего кроме того, что не существует... Душа имеет тело невидимое... Телесность души ясно засвидетельствована в самом Евангелии... Бестелесность свободна от всякого рода заключения, от всякого наказания и от награды... Ибо бестелесность ничего не может ощущать, так как она не имеет того органа, посредством которого могла бы ощущать; а если она имеет его, то она есть тело. Как все телесное имеет способность ощущения, так все, что имеет способность ощущения, телесно» (Tert. De carn. Christ. 11; De anim. 7 / Пер. Н. Н. Щеглова). Нужно, впрочем, заметить, что некоторые из древних учителей Церкви (например, Амвросий, Григорий Великий, Иоанн Дамаскин), «усвояя душе человеческой духовность, в то же время приписывали ей своего рода грубость и вещественность», или некоторого рода телесность (Сильвестр, еп. Опыт православного догматического богословия. Т. III. Киев, 1885. С. 222).

двойственной и неопределенной (anceps ambiguaque): души, не знающие Бога, уничтожаются после долговременных мучений неугасимым огнем, а стремящиеся к познанию Бога, служащего источником жизни (ср. Ин. 17:3), могут, по дару и милости Божией, избавиться от утраты жизни и получить бессмертие и вечную жизнь (II, 14, 19, 25, 31–36, 53, 61, 62, 65, 66)[113].

9. О Церкви. О благодати Божией и свободе воли человека

Относительно Церкви у Арнобия встречаются лишь краткие указания. Так, понятие о Церкви он выражает словами «corpus nostrum» (I, 16), которыми обозначает все общество христиан, имеющее своим Главой Христа (Praesidem nostri corporis) (I, 42). Он выражает также мысль, что вне Церкви нет спасения, что спасение душ возможно только через Христа, и только христиане могут иметь надежду на спасение (II, 65). Но ничего не говорит ни о церковной иерархии, ни о таинствах Церкви. Некоторым восполнением скудных сообщений Арнобия о Церкви служит то, что он говорит о жизни христиан и их положении.

Более определенные сведения встречаются у Арнобия о благодати Божией. Хотя от Арнобия, ничего не говорящего о Св. Духе, об Иисусе Христе как Искупителе и о первородном грехе с его следствиями, нельзя ожидать более или менее точного и обстоятельного изложения христианского учения о благодати Божией, тем не менее он в своей апологии касается многих сторон этого учения. Так, он, как мы виде-

[113] «Также многие отцы и учителя Церкви, признавая души бессмертными, усвояли им бессмертие не по самой природе их, а ставили его в полную зависимость от одной только воли Божией» (Сильвестр, еп. Указ. соч. С. 240–254). Так, св. Феофил Антиохийский писал: «Ни смертным не был первый человек, ни бессмертным; если бы Бог сотворил его бессмертным, то сделал бы его богом, а если бы смертным, то был бы виновником смерти; Он сделал его способным к тому и другому с тем, чтобы человек соблюдением заповеди Божией достигал бессмертия» (Ad Aut. 2, 27). Бл. Августин говорил, что состояние первосозданного не заключало в себе невозможности умереть, но возможность не умереть (In Genes, ad litter. 6, 25, n. 36; De civit. Dei XIII, 23). В том же виде представляли состояние Адама Ефрем Сирин и др. авторы. Не надобно считать несогласными с этой мыслью тех из древних учителей, которые говорили, что Адам был бессмертен, например св. Иустина, Иринея, Кирилла Александрийского, «ибо это означало у них только то, что Адам, деятельно усовершаясь в любви к Богу и усвояя себе таким образом жизнь Божию, мог, наконец, достигнуть до полного наслаждения жизнью, до невозможности умереть; почему те же учителя выражались об этом состоянии, что оно назначено было, как дар благодати» (Филарет. Указ. соч. С. 201–202).

ли, с особой настойчивостью указывает на общую греховность людей, на господство среди них всевозможных пороков и на влечение всех людей, вследствие природной слабости, к порокам. Если, говорит он, есть и были среди человечества, как утверждают противники, люди добрые, мудрые, справедливые, чистой и безукоризненной нравственности, то число их столь незначительно, что они совершенно теряются в общей массе и не могут быть принимаемы во внимание при общем суждении о людях, причем он выражает сомнение в том, что этим людям ничего не доставало для того, что называют нравственной чистотой или безукоризненностью (integritas) (II, 49). К тому же эти исключительные среди человечества лица достигают известной степени нравственного совершенства лишь посредством постоянной упорной борьбы с своими страстями, и этим ясно дают знать, что они далеки от полного нравственного совершенства и души людей по природе слабы и склонны к порокам, потому что то, что хорошо по природе, не требует ни исправления, ни улучшения (II, 50). Природная слабость людей и общая наклонность всех к порокам приводит Арнобия к заключению о необходимости божественной помощи, или благодати Божией, для возбуждения и направления воли людей к добру, для веры и, в частности, для самого начала веры, или обращения к христианству, для пребывания в вере и добродетели, для очищения от пороков или грехов и для достижения спасения. Так, указывая на принятие христианства многочисленными народами, сопровождавшееся смягчением нравов их, на презрение одаренных высокими талантами ораторов, философов и ученых к тому, чему они незадолго перед тем верили, и на стремление их к христианскому учению, на непоколебимость веры христиан несмотря на жестокие преследования и мучения, он называет это «святым и божественным делом» и говорит, что «не без Бога» происходят такие изменения душ человеческих, что, несмотря на бесчисленные мучения, угрожающие верующим, они, будучи проникнуты некоторого рода сладостным чувством и любовью ко всем добродетелям, держатся познанного ими учения и предпочитают общение с Христом всем благам мира (II, 5). В противоположность язычникам, надеявшимся собственными усилиями достигнуть спасения и блаженства, христиане, говорит он, не имеют надежды, что это может произойти без Господа (rerum), и думают, что никому из людей не дается столько власти и свободы; «мы ничего такого не обещаем себе вследствие своей немощности, потому что мы видим, что наша природа бессильна и во всякой борьбе побеждается своими страстями» (II, 33), хотя он допускает в виде исключений, как мы видели, возможность неко-

торого успеха в этой борьбе. Души людей только через Христа могут получить жизнь и спасение (II, 65). Так как люди, вследствие врожденной слабости, склонны к порокам (culpas), то Бог позволяет всегда представлять Его в мыслях, чтобы, молясь Ему и стремясь быть достойными даров Его, получить желание быть беспорочными (innocentiae voluntatem) и, через удаление от всех пороков, очищать себя от всякого пятна (I, 27). Здесь Арнобий указывает и некоторые условия для получения благодати Божией: постоянное представление о Боге в мыслях или постоянное памятование о Нем, молитвы и стремление быть достойным благодатных даров Его. Представление о благодатной помощи, необходимой для всех людей, с одной стороны, а с другой — понятие о благости и величии Божием приводят Арнобия к заключению о всеобщности благодати Божией. Христос, говорит он, всех одинаково призывает, Он никого не отталкивает и не удаляет от божественной благости (ab indulgentia principali), Он всем одинаково дает возможность приходить к Нему (II, 64), ибо истинному Богу и царскому могуществу свойственно никому не отказывать в Своей милости (benignitatem) и не принимать во внимание того, кто заслуживает или не заслуживает этого. Благодать, по Арнобию, подается Богом людям как дар милости или благоволения, совершенно свободно, независимо от заслуг людей. Он называет также и самое избавление от погибели, или спасение людей, даром и милостью или благодеянием (munus ac beneficium) высочайшего Повелителя (II, 32), проявлением божественного милосердия и благости (misericordias atque indulgentias) (II, 14). Но благодать Божия, по Арнобию, не действует на человека принудительным образом, непреодолимо, и не стесняет свободы воли его. Дело Призывающего, говорит он, состоит только в том, чтобы предложить пользование Его благостью в зависимости от свободного решения (ut sub tui juris arbitrio Suae benignitatis exponat). Желаешь принять то, что предлагается? Сам позаботься о себе. Отвергаешь, презираешь, пренебрегаешь? Сам лишаешь себя пользы дара. Бог никого не принуждает, никого не устрашает грозными повелениями (II, 64). Далее, в ответ на возражение язычников: «Если Бог могуществен, милосерден и является Спасителем, то пусть Он изменит наше настроение и заставит нас, против нашей воли, верить Его обетованиям», — он говорит: «Значит, это насилие не милость (vis ergo est ista, non gratia) и не щедрость высочайшего Бога... Ибо что столь несправедливо, как противящихся и не желающих принудить желать противного, внушить то, чего они не хотят и от чего в душе бегут... и, удалив прежнее, привести в другое состояние и к другому мнению? Ты хочешь быть измененным и под-

вергнуться насилию для того, чтобы вследствие принуждения исполнять и усваивать то, чего не желаешь. Почему же ты отказываешься добровольно принять то, что желаешь исполнить, если будешь превращен и изменен?» (II, 65). При столь ясном свидетельстве Арнобия о свободе человеческой воли мы не имеем основания видеть отрицание ее в следующем выражении его: «... человека делает грешником природная слабость, а не выбор воли или решения (naturalis infirmitas, non voluntatis seu judicationis electio)» (I, 49). Здесь обнаруживается лишь недостаточно ясное представление о свободе воли и указывается, по-видимому, лишь на то, что грех не является исключительно делом воли человеческой и что первым поводом к нему служит природная слабость людей, влекущая их к порокам. Указанием на признание Арнобием свободы воли служит также допускаемая им, как мы видели, возможность борьбы человека с природной слабостью и страстями и достижения через эту борьбу известной степени нравственного совершенства.

10. О смерти и загробной участи человека

Земная жизнь человека заканчивается видимой, или телесной, смертью, состоящей, по Арнобию, в отделении души от тела, или в разрешении и освобождении души от телесных уз (II, 14, 30, 61, 76, 77; IV, 36). Он упоминает также о будущем воскресении мертвых (II, 13) и будущем Суде Божием (judicium divinum II, 29) и указывает, по-видимому, именно на день суда и воздаяния, говоря, что от Христа, от Которого уже получено нами столько даров во время земной жизни, мы ожидаем еще больших даров, когда наступит «день» (I, 39). Он говорит также, хотя очень кратко, о воздаянии праведникам и грешникам после смерти их. Души, не знающие Бога, ввергаются, по Арнобию, врагами и противниками их в геенны и некоторого рода неугасимые огни (inextinguibiles quosdam ignes) и, после продолжительных жестоких мучений, постепенно погибают и исчезают навсегда (II, 14, 32, 33, 53, 61). Это есть истинная смерть человека, которая состоит в погибели душ и которая ничего не оставляет после себя, — смерть, не приносящая внезапного уничтожения, но постепенно уничтожающая через жестокое, мучительное наказание (II, 14, 33, 61). Впрочем, для некоторых грешников возможно помилование или облегчение загробной участи. На это указывает Арнобий, говоря о совершаемых в собраниях христиан молениях высочайшему Богу, в которых испрашивается мир всем и помилование (venia) как остающимся в живых, так и от-

решившимся от телесных уз (IV, 36). Но души праведников могут, по Арнобию, избежать мучений, избавиться от погибели и получить вечную жизнь. Если души, говорит он, будут стремиться направлять свои помышления к познанию Бога, служащему как бы закваской жизни (fermentum quoddam vitae), и обратятся к божественному милосердию и благости, то они могут, по дару и милости высочайшего Повелителя, избавиться через Христа от погибели или утраты жизни, избежать мучительной смерти, достигнуть награды бессмертия и получить истинную, вечную жизнь (II, 14, 32, 33, 34, 63, 65, 66) на Небе (ср. II, 66: ad caelum vias). Загробная жизнь праведников, в противоположность участи грешников, является, по Арнобию, столь светлой и радостной, что мы должны не только не бояться смерти и не избегать ее, но с радостью принимать жестокие мучения и смерть как освобождающие нас от тесных и тяжелых уз и непроницаемой тьмы и дающие нам доступ к свету и свободе (ingressus ad lucem, ad lumen, ad lucem libertatis) (II, 65, 76, 77). Однако Арнобий не говорит более или менее определенно о том, в чем именно будут состоять радости или блаженство праведных.

11. Главные черты христианского нравственного учения и жизнь христиан, по Арнобию

Арнобий редко высказывает свои мысли и суждения по вопросам христианской этики. Свои воззрения на христианское нравственное учение он выражает, главным образом, в характеристиках нравственной жизни христиан и в изображении отрицательных сторон жизни людей.

Христианская нравственность основывается, по Арнобию, на религии и неотделима от нее. Сущность христианской нравственности состоит в познании истинного Бога, служащем источником и основой всех добродетелей; в вере в Него и, в частности, в Христа как в Бога; в почитании Бога или служении Ему согласно с Христовым учением; в духовном общении с Ним или в постоянном памятовании о Нем; в стремлении к Нему всеми мыслями и всей душой и в постоянном обращении к Нему с молениями и благодарениями, в надежде на Него, в любви к Нему, в полной преданности Ему и в неуклонном следовании учению Христа. Есть ли, спрашивает Арнобий, какая-либо религия, более истинная, более соответствующая нашим обязанностям, более имеющая силы и более справедливая, нежели та, чтобы знать высочайшего Бога и уметь смиренно молиться (scire supplicare) Ему (II, 2)? Мы должны стремиться и направлять свои мысли к тому, чтобы по-

знать Его, ибо познание Его служит как бы закваской жизни, и затем, оставив жестокость и бесчеловечие, смягчаться, чтобы приготовиться к тому, что будет дано нам (II, 32), т. е. к бессмертной жизни. Для спасения души мы должны знать Бога и обращаться к Его милосердию и благости (II, 14). Христос повелел обращаться к Владыке Мира всеми мыслями и всей душой, отрешиться от земного и перенести на Него все душевные стремления; постоянно помнить о Нем; и хотя никакой силой воображения не может быть дан образ Его, однако созерцать как бы тень Его (auram Ejus), ибо достаточно Его знать, чтобы ничего другого не знать. Истинного и высшего знания достигает тот, кто утверждается на познании истинного Бога (II, 60). Наша религия состоит в том, чтобы Богу верховному поклоняться (adorare), призывать Его с благоговейным послушанием, прилепляться (amplexari) к Нему всеми чувствами, любить Его, благоговеть (suspicere) перед Ним (I, 25). Христиане — почитатели (veneratores) высочайшего Царя и Повелителя. В этом сущность всей их деятельности, это составляет предназначение (propositus terminus) божественного служения (officiorum) и конечную цель. «Перед Ним все мы по обычаю повергаемся ниц, Ему мы поклоняемся при общих молитвах, у Него мы испрашиваем того, что справедливо, что честно и что достойно того, чтобы было услышано Им...» (I, 27). Мы чтим Бога и предаем себя Ему (I, 28). Мы чтим Отца и Владыку всего существующего, служим Ему, вручаем Ему и возлагаем на Него свои надежды (II, 13). Мы должны непрестанно питать к Богу благодарность, в течение всей жизни коленопреклоняться перед Ним и обращаться к Нему с постоянными молитвами (I, 31). Христос предоставил нам обращаться к Богу со словами молений и вступать с Ним в молитвенное собеседование (I, 38). Христиане веруют во Христа, как в Бога, поклоняются (adorant) Ему, ежедневно молятся Ему, чтут Его (I, 36). Христос должен признаваться Богом, и Ему должно быть оказываемо всякое наивысшее богопочитание (I, 39). Мы повергаемся ниц перед именем и величием Его (II, 34). Мы верим Христу и на Нем основываемся; мы слушаем и принимаем во внимание то, что было сказано Христом; мы последовали за Христом (II, 11). Христиане не могут отказаться от того, чтобы наивысшим образом чтить Его (I, 22). Они предпочитают подвергаться мучениям, нежели нарушить христианскую веру и оставить «знамя спасительного служения»; будучи проникнуты любовью ко всем добродетелям, они держатся познанного ими учения и предпочитают общение (amicitias) с Христом всем благам (rebus) мира (II, 5). Истинное богопочитание или служение Богу состоит, по Арнобию, не в посвящении Ему

храмов, не в жертвах, приношениях и дарах (VI, 13), а в сердечном настроении и в надлежащем, достойном истинного Бога представлении о Нем, или вере в Него и богобоязненности, или в благочестии, равно как о безбожии или нечестии должно судить на основании настроения сердца: cultus verus in pectore est atque opinatio de diis (IV, 30); opinio religionem facit et recta de diis mens; ex pectorum sensibus pietatis debeat atque impietatis ratio ponderari (VII, 39). Настаивая с особой силой, в противоположность языческим культам, на внутреннем богопочитании, или духовном служении Богу, Арнобий не отрицает, как видно из вышеприведенных мест, и внешнего богопочитания. Но в чем именно оно должно состоять, он не проясняет и ограничивается лишь краткими указаниями на молитвы частные и общие (I, 26, 27, 31, 38; II, 2; IV, 36), на поклонение (adoratio) (I, 25, 27; III, 2), коленопреклонение (genu nixo procumbere) (I, 31), повержение ниц (I, 27), общие собрания для молитвы и назидания или богослужение (divina officia) (I, 27; IV, 36). Но это должно делаться, поясняет он, не потому, что Бог желает нашего преклонения (supplices nos esse) и Ему нравится видеть столько тысяч людей, выражающих перед Ним благоговение (substerni venerationem): это служит нам на пользу и имеет целью наше благо (utilitas haec nestra est et commodi nostri rationem spectans) (I, 27), т. е. наше спасение. Придавая главное значение в нравственной жизни отношениям человека к Богу, Арнобий мало касается обязанностей человека по отношению к другим людям. Но то немногое, что он говорит по этому предмету, проникнуто широкой гуманностью. Он смотрит на всех людей как на родственные между собой существа, которые должны быть соединены узами тесного братства, жить в мире и согласии, молиться за всех людей, не исключая врагов, и не только за живых, но и за умерших. В особенности выдвигает он из ряда наших обязанностей к ближним человеколюбие, указывает на необходимость избегать жестокости и бесчеловечия (II, 32) и исполнять заповеди Христовы о том, что не должно воздавать злом за зло, а лучше перенести, нежели нанести, обиду, что предпочтительнее свою кровь пролить, нежели чужой запятнать руки и совесть; и если бы люди вняли спасительным и умиротворяющим заповедям Христа, то давно уже весь мир, обратив употребление железа на более мирные занятия, жил бы вполне тихо и спокойно и находился в спасительном взаимном согласии, свято и нерушимо соблюдая договоры (I, 6). Арнобий отмечает также устраиваемые христианами собрания, «в которых совершается моление высочайшему Богу, испрашивается мир всем и помилование (venia) правительственным лицам, войскам, государям,

друзьям, врагам, как остающимся еще в живых, так и отрешившимся от телесных уз, и где ничего другого не слышат кроме того, что делает [нас] человеколюбивыми, кроткими, скромными, благонравными, целомудренными, общительными в отношении имущества и соединенными со всеми... узами тесного братства» (IV, 36). Он признает необходимым также оказывать почтение (colere) всем людям, какого бы звания или состояния они ни были (VII, 15), и является в своей апологии горячим поборником свободы убеждений и широкой терпимости, отвергая применение насильственных мер не только к христианам, но и к язычникам, и настаивая на необходимости действовать лишь путем убеждения и доказательств. Так, указав на то, что есть немало людей, которые враждебно относятся к философским сочинениям Цицерона и требуют, чтобы сенат постановил уничтожить их как могущих подтверждать христианскую религию и подрывающих авторитет древней национальной религии, он говорит: «Если вы уверены, что говорите нечто несомненное о ваших богах, то уличите Цицерона в заблуждении, опровергните его, отразите его доводы, докажите, что он говорит безрассудно и безбожно. Ибо уничтожать сочинения и желать прекращения чтения их народом значит не богов защищать, а бояться свидетельства истины» (III, 7). И хотя Арнобий в общем смотрит крайне пессимистически на людей, тем не менее он обнаруживает глубокое сострадание к столь жалкому и ничтожному существу, как человек. Его сострадание простирается и на животных, которых мы, полудикие или, вернее, дикие люди, называющие себя людьми, но жестокостью превосходящие зверей, убиваем, вследствие печальной необходимости и дурного обычая, для употребления в пищу, но иногда склоняемся к состраданию к ним, сами делаем упреки себе и, вникнув глубже в дело, осуждаем себя за то, что, оставив долг человечности, порвали общую природную связь (VII, 4, 9).

Главная обязанность человека по отношению к себе самому, по Арнобию, — забота о спасении души от угрожающей ей погибели и приготовлении ее к тому, чтобы она могла удостоиться даров божественного милосердия и благости, — бессмертия и вечной жизни (II, 13, 32). Мы, христиане, заботимся, говорит он, о спасении своих душ, т. е. о себе самих (II, 13). Также наше богопочтение, или богобоязненность, служит нам на пользу и имеет целью наше благо (I, 27), т. е. наше спасение. Из чувства пользы, вследствие которого все мы любим себя, мы держимся Того, Кто обещает избавить нас от опасности смерти, т. е. погибели души (II, 33). Ту же цель, т. е. спасение души или сохранение ее от погибели, имеет воздержание от пороков и страстей (II, 13).

Несмотря на служение истинному Богу, на высоконравственную жизнь и на самое миролюбивое отношение ко всем людям и, в частности, к правительству, христиане не пользовались сочувствием языческого общества и правительства, нередко обнаруживавших враждебное отношение и ненависть к ним в насмешках, возведении на них различных обвинений, в жестоких преследованиях и мучениях. Так, христиан высмеивали за мнимое легковерие и самую веру их (II, 8, 10), насмехались над ними как над людьми безрассудными и говорящими глупости и вздор (I, 28; II, 6, 13, 34; III, 16), обвиняли в безбожии (I, 2, 25, 26, 29; III, 28; VI, 1, 27) и в том, что они, вследствие своего презрения к богам и оскорбления их, служат виновниками общественных бедствий (I, 1–5, 24 и др.) и т. п. Последнего рода обвинение распространялось, главным образом, гаруспиками, снотолкователями, гадателями, прорицателями и разного рода изуверами или жрецами восточных культов из своекорыстных побуждений и именно с той целью, «чтобы их ремесло не погибло и чтобы не лишиться небольших подаяний от клиентов, сделавшихся (вследствие все более и более увеличивающегося числа христиан. — *Н. Д.*) уже редкими» (I, 24; ср. I, 1). Для принуждения христиан к служению богам и для наказания оставшихся верными христианской религии применялись многочисленные жестокие меры: их лишали имущества, отправляли в ссылку, подвергали пыткам и мучениям, жгли, предавали смертной казни, бросали на растерзание диким зверям (I, 26, 35, 65; II, 5, 76, 77; III, 36; IV, 17, 36; VI, 27); рабы подвергались мучениям от своих господ, супруги разлучались, дети лишались наследства (II, 6), сжигались священные книги христиан и беспощадно разрушались места собраний (IV, 36). Но, вопреки и всем угрозам и устрашающим запрещениям, христиане твердо держались познанного ими учения, еще с большим воодушевлением проявляли непоколебимость и через самое запрещение возбуждались и поощрялись к ревности о вере, и христианство более и более умножалось[114]. Христиане во времена Арнобия были, по его свидетельству, весьма многочисленны, и среди них было немало лиц весьма образованных: «...одаренные великими дарованиями ораторы, грамматики, риторы, законоведы, врачи и даже исследователи тайн философии, презрев то, чему незадолго перед тем верили, стремятся к этому учению... (II, 5)». Христианская религия была распространена,

[114]Ср.: Tert. Apol. 50: «Никакая изысканная жестокость ваша не приносит вам успеха; она скорее располагает к религии (sectae) нашей. Чем более истребляете нас, тем более мы умножаемся: кровь христиан есть семя».

по словам Арнобия, уже во всем мире, по всей земле, среди всех народов, на островах и во всех провинциях, «освещаемых восходящим и заходящим солнцем». В частности, он указывает следующие страны и народы: Азию (римскую провинцию), аламаннов (германцев вообще), Аравию, Ахаию, галатов, Галлию, гетулов, Египет, Индию, Испанию, мавров, Македонию, мидян, нумидийцев, парфян, пентаполийцев, персов, римлян, серов[115], Сирию, скифов, фригийцев, Эпир (I, 16; II, 12). Христиане уже во всем мире, говорит он, сходятся и объединяются в единомыслии относительно этой веры (II, 6). Они составляют общество (corpus), Главой (Praeses) которого служит Христос (I, 42). Хотя христиане не строят и не посвящают Богу, в противоположность язычникам, храмов, не устраивают алтарей и жертвенников и не приносят в жертву животных, ладана и вина (VI, 1, 3), но они имеют места собраний (conuenticula) для общей молитвы и назидания (IV, 36).

12. Общее заключение о богословских мыслях и суждениях Арнобия. О причинах заблуждений Арнобия

Из обзора богословских мыслей и суждений Арнобия, излагаемых в апологии, видно, что, вопреки мнению некоторых ученых[116], он имел довольно широкое знакомство с христианским учением, хотя далеко не полное и не идущее далее самых простых христологических формул, и что они, за немногими исключениями, вполне соответствуют общепринятому христианскому учению. Арнобий был, без сомнения, знаком также и со многими истинами христианского догматического и нравственного учения, но, согласно с задачами своей апологии, он обходит их молчанием. Так, не упоминаются христианские таинства — о некоторых из них он не мог не знать, в частности о крещении, как готовившийся к вступлению в общение с Христианской церковью. Ничего не говорит он также о церковной иерархии, хотя, без сомнения, имел сведения о ней, общаясь с христианским епископом, которого просил, по свидетельству Иеронима[117], о принятии его в общение с Христианской церковью. Несомненным может быть признано незнакомство его лишь с теми истинами христианского учения, которые он

[115]Серы жили в северо-западной части Китая и на юге нынешней Бухары; славились изготовлением шелковых тканей.

[116]См.: Pauly-Wissowa Real-Encyclop. II Bd. S. 1027; Monceaux. Op. cit. P. 266, 267, 270.

[117]Hieron. Chron. ad ann. Abr. 2343.

отрицает в своей апологии, — например, учение о сотворении человека Богом; с теми, от которых он явно отступает, выражая мнения, не согласные с ними, — например, с христианским учением о первородном грехе в его следствиях, в противоположность которому высказывает суждения о человеке и, в частности, о душах человеческих, явно не соответствущие этому учению; и, наконец, с теми, в незнании которых он сам сознается (например, II, 58). Признать умышленное, сознательное отступление Арнобия от истин христианского учения и, тем более, прямое отрицание их мы не можем как вследствие ясно выраженной им уверенности в истинности и божественности Христова учения и убеждения его в неспособности человека собственными силами достигнуть достоверного, истинного знания, так и потому, что апология была написана, как говорит бл. Иероним[118], в доказательство искренности обращения и должна была быть представлена христианскому епископу для решения на основании ее вопроса о принятии Арнобия в число членов Христианской церкви. Он, без сомнения, искренно заблуждался и считал указанные выше и подобные им мнения согласными с христианским учением и не противоречащие ему или потому, что не знал соответствующего некоторым из рассматриваемых им вопросов христианского учения и руководствовался при решении их соображениями разума и указаниями религиозно-философской литературы, причем мог в известной степени подчиняться влиянию своих прежних, дохристианских, воззрений, или потому, что основывался в своих суждениях на ошибочных сведениях об истинном христианском учении. Так, он говорит: Христос открыл нам, кто создал человека, что такое душа, живет ли она, участвуя в смерти, или одарена постоянным бессмертием (I, 38); души — средней природы, как мы знаем из учения Христа (Christo auctore), и могут погибнуть, если не будут знать Бога, или избавятся от утраты жизни, если обратятся к Его милосердию и благости (II, 14); он указывает также на Христа как на открывшего нам, что души происходят не от Бога, а от низшего творца (II, 36). Отсюда ясно видно, что Арнобий смотрел на мнения, отрицавшие сотворение человека Богом и бессмертие душ по природе и признающие их происшедшими не от Бога, а от низшего творца, как на основывающиеся на учении Самого Христа. Это заблуждение Арнобия объясняется, без сомнения, тем, что он руководствовался ошибочными сведениями, которые могли быть почерпнуты им из живого общения

[118] Ibid.

с некоторыми из христиан или из произведений христианской письменности, имевших распространение в то время. Но о богословских мнениях Арнобия не следует судить с точки зрения современного нам богословия. Те из них, которые мы признаем заблуждениями — если не все, то значительная часть их, — в то время, когда Арнобий писал свою апологию, могли в тех кругах христианского общества, в котором он вращался, не считаться заблуждениями, противоречащими христианскому учению, и принадлежали, по всей вероятности, не одному Арнобию, но разделялись более или менее также многими из современных ему христиан и выражались в христианской литературе. В то время Запад, как говорит Гарнак[119], еще не имел богословия в строгом смысле этого слова. Тогда еще не были с точностью установлены и сформулированы многие истины христианства, и не только на Западе, но и на Востоке свободно выражались и пользовались признанием различные мнения по одним и тем же вопросам христианского богословия. Пользовались также свободным распространением и даже авторитетом такие произведения христианской письменности, которые впоследствии были отвергнуты как апокрифы или сочинения еретиков. Такого рода положение, с одной стороны, доставляло Арнобию известную свободу в понимании некоторых истин христианского учения и в примирении их с требованиями разума, а с другой — ставило иногда его, недостаточно еще знакомого с христианством, в затруднительное положение — выделить из различных мнений по одному и тому же вопросу, имевших обращение среди христиан или выражавшихся в христианской литературе, то, которое соответствует истинному христианскому учению, — и приводило его иногда к колебаниям и даже противоречиям, как, например, при решении вопроса о творце душ человеческих. Именно этим объясняется и то, что Арнобий мог без особых опасений представить свою апологию, несмотря на заключающиеся в ней заблуждения, на суд христианского епископа и добиться с ее помощью принятия в общение с Христианской церковью. Но впоследствии, когда благодаря постановлениям соборов и разъяснениям отцов и учителей Церкви были с большей точностью определены и сформулированы истины христианского учения и установлена более определенная грань между общехристианским и еретическим учениями, должно было возникнуть более строгое отношение к ошибочным богословским мнениям Арнобия. Так, бл. Иероним, рекомендуя читать

[119] Harnack. Lehrb. d. Dogmengesch. I Bd. 2 Ausl. S. 672.

Арнобия ради его учености, указывает также на заблуждения его, говоря, что следует выбирать доброе и беречься дурного по апостолу, говорящему: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5:21), хотя в то же время причисляет Арнобия к «церковным писателям» (scriptores ecclesiasticos)[120]. Гораздо более строгое отношение к Арнобию выражается в так называемом Декрете Геласия или, вернее, псевдо-Геласия, где произведение Арнобия причисляется к еретическим апокрифам (opuscula Arnobii apocrypha); но этот документ, который относится к VI в. и в котором неизвестное лицо прикрывается именем папы Геласия, не может иметь никакого авторитета[121].

В ученой литературе встречаются указания на влияние гностицизма и неоплатонизма на некоторые мнения Арнобия[122]. Но то, что Арнобий говорит в духе гностицизма и неоплатонизма, могло происходить, как не без основания полагает Рерихт[123], из более или менее самостоятельного пользования Арнобием «Тимеем» Платона. И если можно допустить в некоторой степени влияние гностицизма, то нет достаточного основания допускать это в отношении неоплатонизма, противником которого выступает Арнобий в своей апологии. У Арнобия, справедливо замечает Гарнак[124], «нет ничего мистического, он не неоплатоник». Монсо утверждает, что все то, что Арнобий знал о христианстве, заимствовано им, по-видимому, из апокрифических или еретических сочинений[125]. С этим нельзя согласиться как потому, что Арнобий некоторыми сведениями о христианстве и христианском учении был обязан, без сомнения, своему личному общению с христианами, так и потому, что богословские мысли и суждения Арнобия, за исключением сравнительно немногих, вполне соответствуют общепринятому христианскому учению и свидетельству канонических Писаний Нового Завета. Но некоторые мнения и сообщения Арнобия происходят, по всей вероятности, из апокрифических или еретических сочинений, хотя неизвестно, из каких именно. Один английский уче-

[120] Hieron. Epist. 62 ad Tranquill.

[121] См.: Dobschütz. Das Decretum Galasianum (Texte und Untersuch zur Gesch. d. altchristl. Literat. 38 Bd. Heft. 4). Lpz., 1912. S. 56, 348, 353, etc.

[122] См.: Teuffel. Op. cit. S. 197; Ebert. Op. cit. S. 71; Francke. Die Psychologie und Rekenntnislehre d. Arnobius.
Lpz., 1878. S. 11–12; Leckelt. Op. cit. S. 15; Monceaux. Op. cit. P. 270.

[123] Röhricht. Op. cit. P. 57, Anm. 2; cp. P. 46, Anm. 2.

[124] Harnack. Lehrb. d. Dogmengesch. S. 670.

[125] Monceaux. Op. cit. P. 270.

ный[126], находя некоторые выражения в «Против язычников» сходными с соответствующими выражениями в «Божественных установлениях» Лактанция, ученика Арнобия, и в «Актах Пилата», обнаруживающих, по его мнению, широкое пользование апокрифическим «Евангелием Петра», и признавая одно выражение Арнобия (I, 63) сходным с соответствующим выражением в сохранившейся части этого «Евангелия», приходит к заключению, что не только все эти, но и другие места в «Против язычников», несогласные со свидетельствами канонических Писаний, заимствованы Арнобием — докетистом, по его мнению, — именно из этого апокрифа, имеющего докетический характер, и могут служить дополнением к сохранившемуся фрагменту его. Но для этого предположения нет достаточных оснований. Мы незнакомы со статьей этого ученого, где он доказывает широкое использование «Евангелия Петра» в «Божественных установлениях» Лактанция и в «Актах Пилата»[127], и не можем судить о том, насколько доводы его основательны; но не можем не заметить, что на основании заимствования некоторых мест из какого-либо произведения апокрифического Евангелия нельзя делать заключение, что также и другие места в этом произведении, несогласные с свидетельствами канонических Писаний, были заимствованы именно из этого апокрифа, тем более что в сохранившемся фрагменте его нет соответствующих выражений; эти места могли происходить из другого какого-либо источника. Что касается, в частности, Арнобия, то, как мы уже видели, нельзя признать основательным мнение о докетизме Арнобия, и, таким образом, отпадает выводимое из этого мнения априорное заключение о пользовании Арнобием докетическим апокрифом. Не может служить достаточным основанием для построения подобного рода заключения и тот факт, что Лактанций был учеником Арнобия. Но более значения придает этот ученый «совпадениям» некоторых мест в «Против язычников» с сопоставляемыми им местами из Лактанция и «Актов Пилата» и с одним местом в «Евангелии Петра». Так, он признает выражение Арнобия (I, 63), что когда Христос был распят, то «...Он смотрел на беззакония людей в отношении к Нему, как на детское неразумие (puerilibus pro ineptiis)...», совпадающим с выражением Псевдо-Петра: «Он молчал, как бы не чувствуя боли». Но по внешней форме между этими двумя местами нет никакого сходства, а по мысли выражение

[126] Badham F. P. Arnobius and the «Gospel of Peter» // The Academy. Febr. 29. 1896. N 1243. P. 170.

[127] Статья эта была напечатана в «Athenaeum». May 13. 1893.

Арнобия гораздо ближе стоит к словам Спасителя по каноническому Евангелию: «Отче! прости им; ибо не знают, что делают» (*Лк. 23:34*), нежели к приведенному отрывку. Далее, он указывает на некоторые сообщения Арнобия о чудесах Христа (I, 45–48, 50), представляющие отступления от текста канонических Евангелий и сходные с некоторыми местами в «Божественных установлениях» и в «Актах Пилата»; но сходство сопоставляемых мест столь незначительно, что не может служить опорой для предположения о происхождении всех этих мест из одного источника. Из этих мест наиболее сходства имеет выражение Арнобия (I, 45): qui (Christus) claudos currere praecipiebat со словами Лактанция: claudis vero ac pedum vitio afflictis non modo gradiendi, sed etiam currendi dabat acultatem (Div. Inst. IV, 15) и с дважды повторяющимся выражением в «Актах Пилата»: «Он давал способность ходить и бегать». Но и это сходство не может иметь приписываемого ему значения как потому, что подобного рода отступления от текста канонических Евангелий встречаются и у других христианских писателей, например у Юстина Мученика (Dial. 69: «Он через слово давал хромым от рождения способность скакать»), так и потому, что в других местах Арнобий и Лактанций говорят вполне согласно с текстом канонических Евангелий о даровании Христом хромым способности ходить, а не бегать (ср. Advers. nat. I, 60: incessum Ille claudis dedit; Ibid. I, 63: claudos praecipiebat incedere; Div. Inst. VI, 24: gressum claudis reddidit, и др.). Тем более не может иметь значения употребленное Арнобием название Христа «дверью жизни» (II, 65), сопоставляемое английским ученым с подобного рода выражением Лактанция, потому что достаточно прочитать выражение Арнобия в более полном виде (hanc omnipotens Imperator esse voluit salutis viam, hanc vitae, ut ita dixerim, januam...), чтобы увидеть, что слова «дверь жизни» служат принадлежащим самому Арнобию перифразом слов «путь спасения» и соответствуют словам Спасителя: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10:9); «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Таким образом, вопрос о том, какими именно апокрифическими и еретическими произведениями пользовался Арнобий при написании своей апологии, остается открытым.

Богословские мысли и суждения Арнобия, несмотря на недостатки их, не лишены значительного исторического интереса. Они в известной степени свидетельствуют о содержании мировоззрения современного ему христианского общества в той части Африки, в которой протекали его жизнь и деятельность, и, в частности, о той свободе, какая

господствовала в то время в понимании истин христианского учения. Они показывают также, каким образом люди образованные находили в то время в христианстве удовлетворение не только своим религиозным и нравственным потребностям, но и требованиям разума.

VIII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЕМЫ, СТИЛЬ И ЯЗЫК АРНОБИЯ

Арнобий выражает отрицательное отношение к внешней форме изложения. «... Истина, — говорит он, — никогда не стремится к прикрасам (fucum), и то, что познано несомненно, не допускает развития речи посредством длинных периодов, Силлогизмы, энтимемы, определения понятий и все те украшения речи, через которые стараются приобрести доверие к утверждениям, хотя помогают в предположениях, но не представляют черт истины... кто знает то, что говорится, тот не употребляет определений и силлогизмов и не пользуется искусственными выражениями, которыми обыкновенно пленяются слушатели и через необходимые ухищрения (circumscriptionis necessitate) склоняются к согласию» (I, 58). Он утверждает, что неправильности языка и грамматические погрешности не имеют важного значения: «Каким образом становится менее верным сказанное, если встречаются погрешности относительно числа или падежа, предлога, причастия, союза?.. блеск языка и построение речи по правилам пусть соблюдаются на ораторской кафедре, в процессах, на форуме, в судах, и пусть предоставляются в особенности тем, кто, ища привлекательности и удовольствий, все свое старание употребляют на красоту выражений. Когда речь идет о предметах, далеких от хвастовства, то должно обращать внимание на то, что говорится, а не на то, с какой приятностью говорится, и не на то, что ласкает слух, а на то, какую пользу приносит это слушателям...» (I, 59). Он делает не лишенную интереса попытку доказать, что ни о каких неправильностях языка не может быть и речи: «Собственно говоря, никакая речь по природе не бывает ни правильной, ни неправильной. Ибо есть ли какое-либо естественное основание или закон, начертанный в мировом порядке, чтобы говорить "эта" стена и "этот" стул, хотя они не имеют полов, которые можно было бы различать как мужской и женский роды, и никакой ученейший человек не может мне объяснить, что такое "этот" и "эта" и почему одно из них обозначает мужской пол, а другое употребляется при женском роде. Это человеческие установления и не для всех необходимые при употреблении языка; потому что можно было бы, может быть, вполне

безупречно говорить и "эта" стул, и "этот" стена, если бы сначала было принято так говорить и если бы в последующие века это удержалось в общей разговорной речи» (I, 59). Но это заявление не следует понимать в буквальном смысле. Оно вызвано особыми обстоятельствами, именно укором, направленным против христианских Писаний (древнелатинских переводов Священного Писания), и имеет целью оправдать их грубую форму изложения с разного рода погрешностями в языке. Он, без сомнения, высоко ценил научное образование и те достоинства изложения, которые свойственны людям образованным, как видно уже из того, что он с негодованием протестует против укоров язычников христианам как людям необразованным или невежественным (rudes: III, 15) и не упускает случая указать, что христианство принимают и люди высокообразованные, философы и ученые (II, 5). И своей апологией Арнобий как бы старается подтвердить, что можно быть христианином и в то же время — человеком высокообразованным и соответственно этому писать. Здесь он выступает на борьбу с язычеством и на защиту христианства во всеоружии всех тех средств, какие в особенности могли иметь вес в глазах современного ему образованного общества. Он старается действовать на своих читателей доводами разума, блестящим красноречием и изяществом речи в духе того времени и обширной эрудицией, ссылаясь на многочисленных греческих и римских писателей, философов и ученых, пользуясь против язычников свидетельствами самих язычников. Но Арнобий был ритором, человеком школы и таким же остается большей частью в своей апологии. Этим и отчасти личным его характером и спешностью работы объясняются многие недостатки его изложения. Так, он широко пользуется разного рода риторическими приемами, риторическими фигурами (анафорами, метафорами, антитезами и т. п.) и в особенности риторическими вопросами. Трудно найти другого писателя, который так часто употреблял бы вопросительную форму речи, как Арнобий. У него нередко можно встретить несколько глав подряд, состоящих из вопросов, имеющих часто искусственное построение; или длинный ряд вопросов, начинающихся одними и теми же словами, например: Numquid..? (I, 2; VII, 9); Idcirco animas misit, ut..? (II, 39–42); Quid (prodest)..? (II, 38); Quid si..? (I, 8); Unus fuit e nobis, qui (или cujus)... (I, 45–46). Иногда на ряд вопросов, начинающихся одним каким-либо словом, дается один и тот же ответ также в вопросительной форме, например: Quando..?, Non ante nos? (I, 4); Quis..? Non vos? (V, 31); Quis..? Non homo? (VII, 9). Он часто прибегает к сложным силлогизмам, разного рода дилеммам и т. п. аргументам, переходящим иногда в

софизмы (например: III, 35; IV, 27, 37; VII, 5 и др.). Он обнаруживает пристрастие также к распространению речи, к усилению развиваемых им мыслей и употребляемых им выражений через накопление доводов, фактов, примеров, сравнений и т. п. (например: I, 36; II, 38; III, 13–15; IV, 6–12 и др.), через присоединение к словам синонимов, например: sustinere, perferre (I, ll), hebetes, stolidi, fatui, obtunsi et bruti (I, 28), gentes, populi, natioues (I, 54), et videri, et conspici (I, 60), quaerere, pervestigare, rimari (II, 16), nesciente, ignaro atque inscio (II, 54), ignorare, nescire (II, 47, 58; IV, 19), frustra atque inaniter (V, 39), an numquid (VII, 18, 28, 32), at vero (VII, 35, 36) и т. п.; через дополнение существительного или прилагательного имени другим словом того же или сродного значения, например: incipiens nativitas (I, 2), profundas altitudines (I, 38), facetiae joculares (II, 8), crudeliter saevus (II, 14), fossiles foveae (II, 17), inflexus flexuosi (II, 20), vitae incipientis exordium (II, 35), taciturnitatis silentium (III, 26), pacata et placida tranquillitas (II, 39), tenebrosa obscuritas (V, 33) и т. п.; через присоединение превосходной степени к положительной или к сравнительной, например: antiqua et vetastissima (I, 3), aegre atque aegerrime (III, 11), ditiores et locupletissimi (I, 16); через удвоение формы сравнительной или превосходной степени, например: magis rectius (I, 29), minimissimus (V, 7, 14) и т. п. Нередко то, что можно выразить одним словом, он выражает несколькими и, начав о чем-либо говорить, не может остановиться вовремя, результатом чего являются замечаемые иногда многословие, растянутость, повторения, нарушения логической связи и последовательности или отступления от главной мысли, в которых сам он порой сознается (II, 1, 46, 48; III, 2; VII, 26 и др.) и которые иногда вносят в изложение некоторого рода как бы запутанность или беспорядочность, хотя он никогда, как мы уже указывали, не теряет из вида нить изложения. Замечаются местами некоторого рода напыщенность или витиеватость, а также искусственность и однообразие в переходах от одной мысли к другой.

Но эти и подобные недостатки с избытком искупаются многими несомненными достоинствами изложения. Уже бл. Иероним, отмечая, как выше упоминалось, некоторые недостатки в изложении Арнобия (неровности, многословие и запутанность или беспорядочность)[128], справедливо указывает также на такие достоинства его, как блестящее красноречие и изящество речи[129]. И хотя в этой области Арнобий отдает более или менее дань требованиям своей профессии ритора,

[128] Hieron. Epist. 58 ad Paulin.

[129] Творения блаженного Иеронима. Ч. VII. С. 405.

но не подчиняется им всецело, они не подавляли его личности и не стесняли свободы изложения, и он ярко проявляет в апологии оригинальный склад своего ума, замечательное остроумие, дар сатиры и иронии и богатство фантазии. Многие страницы апологии обнаруживают высокое воодушевление автора, дышат искренностью и теплотой, полны силы, меткости и драматической живости. Арнобий называет свою апологию беседой (sermo) (IV, 30, 31). И действительно, она имеет вид не столько трактата, предназначенного для читателей, сколько живой беседы автора с слушателями. Он обращается с вопросами к своим противникам, заставляет их отвечать, возражает им (например: I, 25; II, 24; III, 43; VII, 1, 3 и др.). Он любит развивать абстрактные идеи в диалогической форме, придавая ей живой, драматический характер. Так, говоря о противоречиях языческих теологов, он выводит на сцену пять Минерв, из которых каждая доказывает свои права на титул богини и на божеские почести и оспаривает права своих соперниц (IV, 36). Подобным образом иллюстрируются нелепость языческих сказаний о богах через беседу Нумы Помпилия с Юпитером (V, 1). Арнобий заставляет говорить даже животных. Так, он выводит быка, жалующегося Юпитеру на несправедливость: невинных животных убивают, чтобы через это умилостивлялись боги, и преступные люди оставались безнаказанными (VII, 9). Это место производит сильное, неотразимое впечатление и может, как говорит Мейзер[130], быть поставлено рядом с олицетворением законов в «Критоне» Платона. Благодаря своей живой, изобретательной фантазии Арнобий, умеет также представлять отвлеченные идеи в ясной и наглядной форме путем оригинальных, чуждых всякой банальности и остроумных сравнений, образов, примеров и т. п. Так, доказывая, что жестокие преследования не только не достигают той цели, к которой стремятся язычники, но служат благодеянием для христиан, он говорит, что это то же, как если бы какой-либо безумец, желая более жестокости причинить узнику, стал разрушать самую тюрьму и через это, вопреки своему желанию, освободил бы узника (II, 77). Развивая мысль, что, изображая богов в виде людей, люди через это наносят им оскорбление, он говорит: «Если бы ослы, собаки, свиньи имели какое-либо разумение и обладали искусством изображения и захотели совершать нам какой-либо культ и почтить нас посвящением статуй, то какой пламенный гнев, какие бури негодования возбудили бы они в нас, если бы они

[130]Meiser. Studien zu Arnobius. S. 9.

захотели, чтобы наши изображения приняли и имели формы их тел? Какой, говорю, пламенный гнев они вызвали бы и возбудили, если бы основатель города Ромул стоял в виде осла и святой (Нума) Помпилий — в виде собаки и если бы под изображением свиньи было подписано имя Катона или Марка Цицерона» (III, 16)? Нелепость мнения язычников о чествовании богов через приношение им в жертву того, чем люди сами питаются, он уясняет через следующий пример: «Если бы собаки... ослы... трясогузки... ласточки... свиньи... признавали вас за богов и вознамерились чествовать вас жертвами... из того, чем они обыкновенно питаются... то признали ли бы вы за чествование или за величайшее оскорбление, если бы ласточки умерщвляли и жертвовали для вас мух, а трясогузки — муравьев, если бы ослы приносили на ваши жертвенники сено и сыпали мякину, если бы собаки клали на них кости и сжигали человеческие извержения, если бы, наконец, свиньи выливали для вас нечистоты, взятые из отвратительных луж и из грязных помойных ям? Не воспламенились ли бы вы [гневом] вследствие поругания вашего достоинства и не признали ли бы тяжким оскорблением то, что вам предлагают нечистоты?» (VII, 17). Для выяснения несостоятельности мнения Платона и его последователей об обладании человеком с момента самого рождения всеми знаниями он предлагает произвести подробно описываемый им опыт воспитания новорожденного младенца до совершеннолетия в полном одиночестве (II, 20–24). Критика религии и культа язычников у него нередко переходит в сатиру и выражается в иронии. Так, говоря о рождении Юпитера, по верованию язычников, от женщины, он замечает: «Что говорите вы? Неужели... громовержец, мечущий молнии, поражающий ими и собирающий страшные тучи, сосал молоко из грудей, издавал [детский] крик, ползал, умолкал под шум погремушек, прекращая беспричинный плач, и засыпал, лежа в мягкой постели и утихая под убаюкивающие звуки? О, благочестивое уверение о богах! Какое свидетельство и внушение представляет оно о досточтимом достоинстве возбуждающего страх величия? Неужели таким образом, по вашему мнению, происходят совершеннейшие небесные силы и через такое же рождение появляются на свет ваши боги, через какое зачинаются и рождаются ослы, свиньи, собаки и все множество нечистых земных животных?» (IV, 21). Рассматривая различные виды языческих жертв, он говорит: «Дайте, пожалуйста, бессмертным богам пить, достаньте бокалы, стаканы, чаши и ковшики, и так как они наполняются роскошными и жирными кушаньями и тяжелой пищей, то поспешите помочь им, чтобы неудачно проглоченное с жадностью мясо

не задержалось в желудке; дайте вина преблагому верховному Юпитеру, чтобы он не задохся: он хочет извергнуть [пищу], но не может, и если заграждение не будет ослаблено и устранено, то является великая опасность, что сдавливаемое дыхание может прерваться и Небо может осиротеть и остаться без своих распорядителей» (VII, 29). Критикуя мнение языческих теологов, утверждающих, что именами богов в мифологии называются постыдные вещи, «потому что наша речь загрязнилась бы, если бы она осквернялась такого рода словами», он восклицает: «Какая похвальная скромность! Вы стыдитесь называть хлеб и вино и не стесняетесь вместо половой связи (coitu) называть Венеру!» (V, 45). Высокое воодушевление и неистощимое красноречие Арнобий проявляет в особенности, говоря о жалком положении и о порочности людей (II, 39–43; VII, 11 и др.). По высокому воодушевлению, возникающему явно из глубокого убеждения автора, и по замечательной теплоте чувства выделяется и та глава, в которой Арнобий говорит о необходимости веры (II, 78). Воодушевление автора переходит иногда в лирическое излияние чувств, как, например, в той главе, где он говорит о непостижимости существа Божия, о величии Творца мира и о других божественных свойствах (I, 31). Наконец, нельзя не обратить внимания и на то, что, несмотря на склонность к риторическим приемам и многословию, Арнобий умеет разнообразить свою речь и иногда выражается чрезвычайно кратко, сжато и вместе с тем энергично; например, свой взгляд на сущность религии он резюмирует так: opinio religionem facit (VII, 37).

Что касается языка Арнобия, то в нем встречается немало особенностей: лексических, фонетических, морфологических и синтаксических; некоторые из них встречаются также у других писателей постклассического периода, в особенности у писателей из Африки. В его апологии находится немало слов, совсем не встречающихся в литературе или впервые употребленных им; встречаются слова греческие, архаические, народные и т. п. Особую склонность обнаруживает Арнобий к употреблению абстрактных слов, и не только в единственном, но и во множественном числе, например: ariditates (II, 37), benignitates (VII, 10), densitates (VII, 46) и т. п. Нередко употребляет он необычные сложные слова: acrivox (III, 14), posterganeus (IV, 5) и т. д. Некоторые слова употребляются в особом, необычном значении, например: autumnitas (в смысле осеннего сбора плодов) (I, 21), credulitas — fides (II, 6, 8, 10, 11, 12, 34), diffusior — hilarior (V, 25), gentes — terrae (I, 3), intestinus — proprius (I, 20, 36; VI, 10; VII, 43) и др. Встречаются также слова в архаической форме, например местоимение ollis вместо illis

(V, 26) и глаголы с окончанием на -ier в инфинитиве, например: addier (VII, 14), copularier (VI, 22), reddier (VII, 25), viderier (VII, 46) и др. Немало отступлений от синтаксиса латинских классиков, например, в употреблении падежей, времен и наклонений, в превращении непереходных глаголов в переходные, в необычном употреблении предлогов, в использовании поэтических и народных оборотов речи, в своеобразном расположении слов и т. п. Но если сравнить синтаксис Тертуллиана и даже Августина с синтаксисом Арнобия, то у последнего он, как замечает Монсо[131], представляется почти правильным. На синтаксисе, как и вообще на языке Арнобия, в значительной степени отразилось влияние классических римских писателей и в особенности Лукреция, у которого Арнобий заимствовал многие слова и словосочетания, как доказывают Рерихт, Шпиндлер и др.[132]

Вследствие некоторых из отмеченных нами особенностей изложения, в частности языка, произведение Арнобия читается нелегко. Трудно следить иногда за развитием мыслей, и выражаемая автором мысль не всегда выступает перед читателем с достаточной ясностью и определенностью. Нелегко также установить смысл некоторых отдельных слов и выражений. В этом отношении Арнобий может быть поставлен на один уровень с Тертуллианом.

IX. ЗНАЧЕНИЕ АПОЛОГИИ АРНОБИЯ

Апология Арнобия представляет интерес уже по множеству заключающихся в ней разнообразных сведений, или по многосторонней учености (eruditio), которую отмечает бл. Иероним, ставя Арнобия в этом отношении на один уровень с Оригеном, Тертуллианом, Новатом и Аполинарием[133], и в особенности по множеству сведений из области греко-римской религии, античной культуры и культа, дающих богатый материал для истории религии. Но историческое значение ее состоит, прежде всего, в том, что она представляет первый на Западе опыт широкого пользования литературой и философией в деле опровержения язычества и защиты христианства, и в этом отношении Арнобий служит предшественником своего ученика Лактанция. Первым из западных апологетов Арнобий обратил внимание на то, что нельзя опровергать язычество, не зная основ и истории его, и первым на Западе

[131] Monceaux. Op. cit. P. 281.
[132] Röhricht. Op. cit. S. 2–6; Spindler. De Arnobii genere dicendi. Strassb., 1901.
[133] Hieron. Epist. 62 ad Tranquill.; cf. epist. 60 ad Heliodor.

подверг критическому рассмотрению противопоставлявшиеся христианству, для поддержания национальной религии, идеи неоплатонизма и некоторые из греко-римских мистерий. Никто из западных апологетов с такой силой и убедительностью не опровергал язычество, как Арнобий.

Не лишена силы и оригинальности и защита им христианской религии, хотя в развитии и обосновании истин христианского учения у Арнобия замечается немало слабых сторон, но и эти стороны не лишены исторического значения, так как могут в известной степени свидетельствовать о состоянии христианского богословия на Западе в то время. Особый интерес представляет произведение Арнобия потому, что оно показывает нам, как именно могли приходить образованные люди того времени к христианству. Не сознание необходимости искупления или духовного возрождения и вообще не то, что составляет исключительное преимущество христианства, склоняло образованных людей, подобных Арнобию, к обращению, а убеждение в несостоятельности язычества с его нелепым и безнравственным многобожием, в бессилии человека собственными средствами достигнуть истинного знания о Боге, мире и человеке и в неспособности философии не только заменить религию и спасти человека от угрожающей ему погибели, но и дать удовлетворительный ответ на вопрос о бессмертии и загробной участи человека. Христианство привлекало к себе, главным образом, монотеизмом и обещанием бессмертия и вечного блаженства своим последователям. Некоторые ученые отмечают также немаловажное значение Арнобия в истории философии. Так, Франке указывает в особенности на развиваемую Арнобием теории познанию и признает «в высшей степени основательным» исследование Арнобием вопросов о происхождении, природе и бессмертии души, отдает дань уважения Арнобию как критику и говорит, что хотя тот не проявил творческой или реформаторской самостоятельной деятельности в области философии, но с точностью знал предшествующую ему философию, развил, обосновал, дополнил и в живом парафразе популяризовал принципы ее, содействуя пониманию древней философии, и таким образом в немалой степени обогатил ее репертуар. В этом, по мнению Франке, состоят заслуга, которую Арнобий оказал науке, и та польза, которую он принес своему времени[134]. Столь высокое мнение о значении Арнобия в истории философии имеет, без сомнения, преуве-

[134] Francke. Opc. cit. S. 80–82.

личенный характер и не без основания встретило протест со стороны Рерихта, который, впрочем, впал в противоположную крайность, совершенно отрицая указанные достоинства Арнобия и утверждая, что последний при обсуждении философских предметов не выходил из роли полемизирующего ритора[135]. Без сомнения, Арнобий, ритор по профессии, был дилетантом в философии и не выступает в своей апологии глубоким мыслителем. Все его экскурсы в область философии служат результатом начитанности и соображений здравого ума и не имеют характера строго философского методического исследования, но обнаруживают более или менее тщательное изучение, по крайней мере, некоторых философских произведений, например философских трактатов Цицерона, поэмы Лукреция и диалогов Платона, из которых иные он читал на греческом, что признает и Рерихт[136], и многие из развиваемых им мыслей и суждений не лишены основательности и оригинальности и могли содействовать уяснению некоторых философских проблем. И если критика Арнобия недостаточно глубока и не всегда основательна, то ей нельзя отказать в серьезности и во многих местах в оригинальности. Заслуживает внимания апология Арнобия и по своей внешней форме, дающей немало материала для истории латинского языка. По-видимому, апология Арнобия оказала влияние и на последующую христианскую литературу. По крайней мере, можно считать несомненным влияние Арнобия на его ученика Лактанция[137]. Монсо отмечает также влияние Арнобия на Августина и полагает, что апология Арнобия была одним из источников для известных «Мыслей о религии» Паскаля[138].

X. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Апология Арнобия имела во время бл. Иеронима, судя по его свидетельству (Arnobius scripsit volumina, quae vulgo exstant)[139], распространение и пользовалась авторитетом вследствие «учености» ее, как видно из приведенного выше и из указания бл. Иеронима на пресвитера Непоциана, который «откровенно сознавался, что кому принадле-

[135] Röhricht. Op. cit. S. 59–64.
[136] Ibid. S. 27–28.
[137] См.: Садов А. И. Древнехристианский писатель Лактанций. С. 13, 144, примеч. 3; 174, примеч. 3; 259–260 и др.
[138] Monceaux. Op. cit. P. 275–276.
[139] Hieron. De vir. ill., 79.

жало, и таким образом отклонял от себя славу учености, хотя на деле был ученейшим. Это, говаривал он, Тертуллиана, это — Лактанция, а это — Гилария, так сказал Минуций Феликс, так Викторин, в таком смысле Арнобий»[140]. Пользовалась она распространением и уважением, по-видимому, и в последующее затем время, как следует предполагать на основании того, что в VI в. неизвестный автор Декрета псевдо-Геласия признал нужным выступить против чтения и авторитета этого произведения, отнеся его, как мы уже упоминали, к еретическим апокрифам. Но никто из древних христианских писателей ничего не говорит об Арнобии и его произведении кроме указанного неизвестного автора и бл. Иеронима, который не только имел сведения о жизни Арнобия, но и хорошо был знаком с его апологией, как это видно из его неоднократных указаний. До нашего времени апология Арнобия дошла лишь в одной древней рукописи, именно в Парижской рукописи (cod. Parisin. n. 1661) начала IX в., в которой текст крайне неисправен и переполнен множеством грубых ошибок и в которой к семи книгам этого произведения присоединен известный трактат Минуция Феликса как восьмая книга Арнобия, вследствие, по-видимому, смещения заглавия этого трактата Octavius со словом octavus в подписи под седьмой книгой апологии: Arnovii liber. VII. expli, incipit liber. VIII. feliciter. Хотя в этой подписи значится liber VIII, но в списке, с которого списана эта рукопись, могло быть написано liber Octavius. Есть еще Брюссельская рукопись (cod. Bruxellensis), но она не имеет значения для исправления и установления текста, потому что представляет собой лишь список с Парижской рукописи и притом крайне плохой, с множеством искажений, и была написана не ранее XVI в. По Парижской рукописи произведение Арнобия многократно издавалось, причем издателями делались большей частью исправления текста, не всегда удачные. В первый раз оно было издано Фавстом Сабеем в Риме в 1543 г. Из последующих затем старых изданий имеет научную ценность в особенности издание Кл. Сомеза (Salmasii), вышедшее в Лейдене в 1651 г. К более новому времени относятся издания Орелли, 1816 г., Гильдебранда, 1844 и Элера (Oehler, в Biblioth. patr. eccles. latin., curante Gersdorf. Vol. XII), 1846 г. Текст в этих трех изданиях очень неисправен, но первые два заслуживают внимания по заключающимся в них комментариям, а издание Элера — по пролегоменам. Пользующееся наиболее широкой известностью издание Миня (Patrol.

[140] Творения бл. Иеронима. Ч. II. С. 154.

curs. compl. latin. Vol. V. Paris, 1844) представляет простую перепечатку текста и комментариев Орелли[141], но восполненную некоторыми из старых научных трактатов. Последняя по времени и наилучшая критическая обработка текста Арнобия принадлежит Рейффершейду, издана Венской Академией наук в 1875 г. и составляет IV том Собрания латинских церковных писателей (Corpus script. eccles. latin. Vol. IV. Vindob., 1875). Хотя это издание дает наиболее исправный текст, но дело исправления его далеко еще не закончено и до сих пор продолжается многими учеными. Из новейших трудов по критике и установлению текста Арнобия можно указать: Meiser. Studien zu Arnobius (Sitzungsber. d. Königl. Bayer. Akad. d. Wissensch.). Münch., 1908; Kistner. Arnobiana (Progr.). St. Ingbert, 1912. Есть также два немецких перевода апологии Арнобия: Des Afrik. Arnobius sieben Bücher, übers. und erläut. v. Besnard, Landsh. 1842; Arnobius, übers. v. Alleher. Trier, 1858.

Ученая литература об Арнобии на Западе довольно обширна; но до сих пор еще не было, насколько нам известно, ни одного более или менее полного, всестороннего монографического исследования — литература состоит или из общих трактатов, находящихся в сочинениях по истории римской литературы, по патрологии или по истории христианской литературы, в энциклопедиях и т. п., или из исследований в виде журнальных статей и отдельных брошюр о каких-либо частных вопросах, касающихся Арнобия и его апологии. Мы ограничимся указанием лишь некоторых из новых, наиболее важных сочинений об Арнобии. a) Общие трактаты об Арнобии в сочинениях: Ebert. Geschichte d. christl. latein. Literat. 2 Aufl. Lpz., 1889; Freppel. Commodien, Arnobe, Lactatice et autres fragments inédits. Paris, 1893; Monceaux. Hist. littér. de l'Afrique chrét. T. III. Paris, 1905; Teuffel. Gesch. d. röm. Literat. III Bd. 6 Aufl. 1913; Schanz. Gesch. d. röm. Literat. III Teil. 2 Aufl. Münch, 1905: Harnack. Gesch. d. altchristl. Literat. II Bd. 2 Lpz., 1904; Bardenhewer. Gesch. d. altkirchl. Literat. II Bd. Freib., 1903; Geffcken. Zwei griech. Apologet. Lpz., 1907. b) Об источниках апологии Арнобия: Jessen. Lucrez und sein Verhältniss zu Catull und Späteren. Kiel, 1872; Klussmann. Arnobius und Lucrez, oder ein Durchgang durch den Epikureisraus znm Cbristentum. Philol. 26. 1867; Kettner. Cornelius Labeo, ein Beitrag zur Quellenkritik

[141] Некоторые отступления от текста, изданного Орелли, имеющие, по-видимому, случайный характер, мы заметили в кн. III, гл. 1–5; но и здесь без изменения удержаны примечания Орелли, хотя некоторые из них не соответствуют тексту, принятому Минем.

d. Arnobius. Naumb., 1877; Niggetiel. De Cornelio Labeone. Münst., 1908; Röhricht. De Clemente Alexandrino, Arnobii in irridendo gentilium cultu deorum auctore. Hamb., 1892. c) О воззрениях Арнобия: Leckelt. Über d. Arnobius Schrift Advers. nation. (Ihr dogmat. Lehrgehalt). Neisse, 1884; Francke. Die Psychologie und Erkenntnisslehre d. Arnobius. Lpz., 1878; Grillenberger. Die Unsterblichkeitslehre d. Arnobius (Jahrbüch für philos. und spekul. Theol. V. 1891); Röhricht. Die Seelenlehre d. Arnobius nach ihren Quellen und ihrer Entstehung untersucht. Hamb., 1893; Sehuke. Übel in der Welt nach der Lehre d. Arnobius. Jena, 1896. d) О стиле и языке Арнобия: Stange. De Arnobii oratione. Saargem, 1893; Schantagl. De Arnobii Majoria latinitate. I–II. Görz, 1894–1895: Spindler. De Arnobii genere dicendi. Strassb., 1901; Lorenz. De clausulis Arnobianis. Breslau, 1910.

В русской литературе встречаются, насколько нам известно, лишь краткие, общего характера сведения об Арнобии. Исключение составляет сочинение И. Реверсова «Очерк западной апологетической литературы II и III вв.» (Казань, 1892), где более внимания уделяется Арнобию и сообщаются более обстоятельные сведения о жизни, апологии и вероучении его на основании непосредственного ознакомления автора с произведением этого писателя и с общей патрологической литературой, но только со старой. Ценны попутные научные замечания об Арнобии с указаниями на новую ученую литературу в сочинении проф. А. И. Садова «Древнехристианский церковный писатель Лактанций» (СПб., 1895). Несколько глав из апологии Арнобия с объяснительными примечаниями и краткими сведениями о жизни и произведении его помещены в сборник проф. И. В. Помяловского «Избранные места из латинских христианских писателей до VIII века» (СПб., 1878).

АРНОБИЙ

ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ
(Adversus nationes)*

* По Орелли и Миню: Disputationum adversus gentes libri septem. Русский перевод сделан нами по изданию Рейффершейда как лучшему из всех существующих изданий Арнобия. В подстрочных примечаниях отмечаются немногие отступления от текста Рейффершейда, допущенные нами вследствие исправления текста позднейшими критиками. Слова, дополненные в переводе ради ясности или по требованиям русского языка, включены в квадратные скобки.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Так как мне с точностью известно, что некоторые, будучи убеждены в обладании высшей мудростью, приходят в исступление, неистовствуют[1] и как бы словами оракула изрекают[2]: «После того как христиане появились в мире, мир земной стал погибать, род человеческий подвергся разного рода бедствиям и даже сами небожители[3], оставив свое прежнее обычное попечение о наших делах, изгнаны из пределов земных», то я решился, по мере разумения и сообразно со своим скромным даром слова, выступить против ненависти и опровергнуть клеветнические обвинения, чтобы они[4], повторяя вульгарные (popularia) слова, не воображали, что говорят нечто важное, и чтобы, если мы воздержимся от такого рода борьбы, они не думали, что ими выиграно дело, проигранное по причинам, заключающимся в нем самом, а не оставленное вследствие молчания защитников. Ибо я не мог бы отрицать, что это обвинение весьма тяжкое и что мы вполне заслуживаем вражды и ненависти, если бы оказалось, что мы служим причинами того, что мир отступил от своих законов, что боги совершенно изгнаны и что такое множество скорбей причинено роду человеческому.

2. Итак, рассмотрим смысл этого мнения и значение (quale sit) тех слов и, устранив всякую страсть к препирательствам, из-за которых обычно затемняется и прикрывается рассмотрение дел, исследуем через разбор соответствующих пунктов, справедливо ли то, что говорят [против нас]. Ибо из последовательного ряда доводов будет, без сомнения, вытекать заключение, что не столько мы безбожники (impii), сколько те оказываются виновными в этом преступлении, кто выдают себя за почитателей богов и за приверженцев укоренившихся религий. И прежде всего просто и спокойно обратимся к ним со следующими вопросами: после того как получило начало на земле имя христианской религии, что необычайного, что неизвестного, что вопре-

[1] Указание на состояние, в котором находились, по мнению древних, вдохновляемые божеством прорицатели.

[2] То есть как несомненную истину.

[3] Боги.

[4] Противники христианства.

ки законам, изначала установленным, испытала или потерпела сама так называемая природа? Разве те первичные элементы, из которых, по всеобщему мнению, все образовалось, изменили свои качества на противоположные? Разве строй того огромного чудного сооружения (machinae)[5], которое над всеми нами простирается и всех нас окружает, ослабел или разрушился в какой-либо части? Разве вращение небесного свода (mundi) оставило меру первоначального движения и начало или слишком медленно тянуться, или нестись с головокружительной быстротой? Разве восхода звезд начало происходит на западе, а заход светил — на востоке? Разве главное из светил, само солнце, светом которого все облекается и теплотой которого все оживляется, перестало пылать (exarsit) или охладело и изменило обычную температуру в противоположные свойства? Разве луна перестала возобновляться и, постоянно восстанавливая новые формы, переходить в прежние? Разве холод, разве тепло, разве средняя температура разных времен [года] перепутались и исчезли? Разве зима начала иметь длинные дни, а летние ночи слишком поздно возобновлять [дневной] свет? Разве ветры утратили свою способность дуть, и, по прекращении дуновений их, небо не покрывается облаками и поля не орошаются дождями? Земля отказывается принимать вверенные ей семена, и деревья не хотят покрываться листьями? Изменился вкус съедобных плодов и виноградного сока? Из масличных ягод выжимается отвратительная жижа, и не служит она для поддержания угасшего света? Животные, привыкшие к суше, равно как и живущие в воде, не испытывают полового влечения, не беременеют и не оберегают плоды чрева своего свойственными им способами и сообразно со своими обычаями? Наконец, самые люди, рассеявшиеся с самого начала своего происхождения по двум обитаемым поясам (oras) земным, разве не вступают в брачные союзы с соблюдением установленных обычаем формальностей? Разве они не производят на свет дорогих [для них] потомков — детей? Не занимаются ли они делами общественными, частными и домашними? Не применяют ли они, как кому угодно, свои таланты к различным родам искусств и наук и не получают ли выгод от своего усердия и старания? Не господствуют ли, не повелевают ли те, кому это определено судьбой? Не возрастают ли ежедневно достоинство и власть их, не председательствуют ли они на суде при разборе дел и не истолковывают ли законы и права? Не совер-

[5] Небесного свода.

шают ли все всё прочее, чем ограждается и поддерживается жизнь человеческая, сообразно с издавна установившимися среди их народов обычаями?

3. Так как таково положение вещей и в них не вторглось ничего нового, что, разрушив постоянную связь их, прекратило бы непрерывное продолжение существования их, то что хотят сказать, когда говорят, что, после того как христианская религия появилась в мире и открыла тайны сокровенной истины, земля стала подвергаться гибели? Но, говорят, моровые язвы, засухи, войны, недостаток полевых плодов, саранчу, мышей, град и другие бедствия (noxias), постигающие жизнь человеческую (negotia humana), посылают нам боги, будучи раздражены вашими беззакониями и оскорблениями. Если бы не было глупостью долее останавливаться на том, что ясно и не требует никакой защиты, то я, напомнив о прежних веках, наверное, доказал бы, что те злоключения, о которых вы говорите, не были неизвестными и что не внезапно, после того как наш народ[6] удостоился счастья получить это наименование, вторглись эти бедствия, и человечество (mortalia) начали постигать разного рода беды. Ибо если мы служим причиной и если из-за нашего преступления изысканы эти пагубные явления (pestes), то откуда древность[7] узнала эти названия бедствий, откуда дала наименования войнам? Каким образом она могла обозначить моровую язву, град или принять в область своих слов, через которые развивался язык (oratio)? Ибо если эти злоключения новы и имеют причины в оскорблениях, бывших в последнее время[8], то каким образом могло произойти то, что она[9] образовала слова для [обозначения] того, чего она сама не испытывала и о чем не знала, как о бывшем в какие-либо времена предков? Говорят: «Скудость полевых плодов и недостаток хлеба слишком часто постигают нас». Но древние и самые отдаленные века были ли когда-либо свободными от этой нужды? Сами названия, которыми обозначаются эти бедствия, не свидетельствуют ли и не говорят ли громко о том, что никто из смертных никогда не был свободен от них? Если же было бы трудно поверить этому, то мы могли бы представить свидетельства писателей о том, как многие, как часто и какие народы испытали ужасный голод и вследствие частых опустошений (aggerata vastatione) погибли.

[6] Христиане.

[7] То есть люди, жившие в древности.

[8] В оскорблениях, причиняемых, по мнению язычников, богам христианами.

[9] Древность или люди, жившие в древности.

«Весьма часто бывает град, который все уничтожает»[10]. Но не находим ли мы в древних памятниках изложения и описания того, как даже каменные дожди часто опустошали целые страны? «Недостаток дождей причиняет гибель посевам и предвещает полям бесплодие». Но была ли древность свободна от этих бедствий, когда мы знаем, что даже большие реки иссякали до такой степени, что ил высыхал? «Заразительные повальные болезни губят род человеческий». Просмотрите летописи, написанные на разных языках, и вы узнаете, что все страны часто опустошались и лишались своих жителей. «Саранча и мыши уничтожают и поедают все роды полевых плодов». Пробегите свою историю, и вы ознакомитесь с тем, как часто люди в прежнее время подвергались этим язвам и доходили до жалкой нищеты. «От весьма сильных землетрясений города колеблются и погибают». Но прежние времена не видели ли города вместе с жителями поглощенными в огромных расселинах и были ли они обеспеченными от подобного рода несчастий[11]?

4. Когда род человеческий был истребляем наводнениями? Не ранее ли нашего времени (non ante nos)? Когда мир был превращаем огнем в прах и пепел? Не ранее ли нашего времени? Когда величайшие города были покрыты морскими волнами[12]? Не ранее ли нашего времени? Когда воевали с дикими зверями и боролись со львами? Не ранее ли нашего времени? Когда народы подвергались гибели от ядовитых змей[13]? Не ранее ли нашего времени? Так как вы обыкновенно ставите нам в упрек причины частых войн, опустошения городов, вторжения германцев и скифов, то, с вашего позволения и доброго

[10]Арнобий часто пользуется диалогической формой речи и нередко приводит разного рода жалобы и обвинения, не указывая на то, что они принадлежат противникам христианства.

[11]Ср. Tert. Apol. 40.

[12]Среди язычников весьма распространены были сказания об опустошительных наводнениях или потопах, которыми в древности уничтожались целые города и острова со всем населением, и, в частности, о всемирном потопе, которым Зевс или Юпитер истребил нечестивый род человеческий за исключением богобоязненных Девкалиона и Пирры, жены его, спасшихся на небольшом судне. Известно также сказание о Фаэтонте (или Фаэтоне), который вследствие неумения справиться с огненными конями своего отца Гелиоса зажег небо и землю, так что Зевс (Юпитер) поразил его молнией, чтобы спасти мир от гибели.

[13]Здесь имеются в виду многочисленные сказания о борьбе с дикими зверями и, в частности, со львами и змеями, истреблявшими в древности множество людей, в особенности в Ливии, в том числе сказания о ливийском народе номеях, истребленном львами, и о латинском городе Амиклах (Amyclae), жители которого были уничтожены змеями (Aelian. De nat. animal. XVII, 27; Plin. Nat. Hist. VIII, 29).

согласия, я мог бы сказать, что, вследствие страсти к клевете, вы не замечаете того, какое значение имеют ваши слова.

5. Разве мы были причиной того, что за десять тысяч лет, как описывает Платон[14], с острова, признаваемого за Атлантиду Нептуна, ринулась огромная масса людей и совершенно истребила и уничтожила бесчисленные народы? Разве вследствие ненависти к нам[15] произошло то, что некогда между ассирийцами и бактрийцами под предводительством Нина и Зороастра велась война не только посредством оружия и военных сил, но также при помощи тайных наук магов и халдеев[16]? Разве имело связь с преступностью нашей религии то, что Елена была похищена под руководством и по поощрению богов и была зловещей для своих и роковой — для последующих времен? Разве вследствие оскорбления нашим именем[17] произошло то, что страшный Ксеркс вводил море в сушу и пешком переходил через моря[18]? Разве мы причинили и вызвали то, что один юноша, происшедший из пределов Македонии[19], завоевал и поработил царства и народы Востока? Разве мы привели богов (numina) в такую ярость, что впоследствии[20] римляне, подобно некому бурному потоку, наводнили и поглотили все народы? И если нет никого из людей, кто решился бы то, что уже давно произошло, ставить в вину нашим временам, то каким образом мы можем служить причинами современных бедствий, когда не происходит ничего нового, но все старо и не было неизвестным в какое-либо из прежних времен?

6. Впрочем, не трудно доказать, что те войны, что, по вашим словам, вызываются ненавистью к нашей религии, не только не увеличились после того, как в мире услышали Христа, но по преимуществу даже уменьшились из-за обуздания неистовств. Ибо так как мы, со-

[14] Plat. Tim. 25.

[15] Вследствие ненависти богов к христианам.

[16] Указания на войну между ассирийским царем Нином и Зороастром (или Оксиартом), царем бактрийским, встречаются у многих древних писателей; но о том, что война эта велась etiam magicis et chaldaeorum ex reconditis disciplinis, упоминается лишь Арнобием.

[17] Вследствие оскорбления богов христианской религией.

[18] По сообщению Геродота и других древних историков, персидский царь Ксеркс во время войны с Грецией переправил свое сухопутное войско через Геллеспонт по устроенному им мосту из судов, а для переправы своего флота прорезал каналом перешеек, соединяющий Афонскую гору с твердой землей.

[19] Александр Македонский.

[20] Вместо modo мы читаем postmodo по исправлению Мейзера (Studien zu Arnobius. München, 1908. S. 20).

ставляющие такое множество людей, усвоили из Его наставлений и заповедей то, что не должно воздавать злом за зло[21], что лучше перенести, нежели нанести обиду[22], что предпочтительнее свою кровь пролить, нежели чужой запятнать руки и совесть, то неблагодарный мир (orbis) уже давно облагодетельствован Христом, благодаря Которому дикая ярость смягчилась и начала удерживать руки врагов от пролития крови родственных существ. И если бы все те, кто сознают, что они люди не по телесному виду, а по разумности, захотели в какой-то степени внять Его спасительным и умиротворяющим заповедям, и если бы они, вследствие гордости и высокомерного превозношения, не верили более своим чувствам, чем Его наставлениям, то давно уже весь мир, обратив употребление железа на более мирные занятия[23], жил бы вполне тихо и спокойно и находился бы в спасительном взаимном согласии, свято и ненарушимо соблюдая договоры.

7. «Но, — говорят, — если из-за вас не причиняется никакого вреда положению людей, то откуда эти бедствия, которыми уже давно угнетается и от которых страдает жалкое человечество (mortalitas)?» Ты требуешь от меня решения, в котором нет никакой нужды для настоящего дела. Ибо это, находящееся в руках, исследование предпринято мной не для того, чтобы объяснять или доказывать, от каких причин или оснований происходит всякое явление (res), а с той целью, чтобы показать, что столь великая и ужасная вина [какая приписывается нам], чужда нам. Если я выполняю и делаю это и если через различные доказательства выясняется истинное положение дела, то мне нет дела до того, отчего происходят эти бедствия или из каких источников и оснований они проистекают.

8. Однако, чтобы не показалось, что я совершенно ничего не могу представить в ответ на вопрос о том, что я думаю об этих вещах, я могу сказать: что, если первичная материя, распределенная по четырем элементам, заключает и скрывает в своих определенных законах (rationibus) причины всех бедствий? Что, если движения светил соответственно известным знакам зодиака, частям, временам и положению звезд (lineis) производят эти бедствия и тем, которые им подчинены, приносят неизбежность разного рода опасностей? Что, если в определенные времена происходит перемена вещей и, подобно тому как при морских приливах, то наступает счастливое состояние, то оно от-

[21] Ср. Мф 5:39; 1 Петр. 3:9; Рим. 12:17; *1 Сол. 5:15.*
[22] Ср. 1 Кор. 6:7.
[23] Ср. Ис. 2:4.

ступает назад, счастье сменяется несчастьем? Что, если тот осадок материи, который мы топчем своими ногами, испускает, по свойственному ему закону, весьма вредные испарения, и испорченный ими воздух заражает тела и ослабляет деятельность людей? Что, если — и это наиболее близко к истине — все, кажущееся нам бедственным (adversum), не есть зло для самого мира, и мы, судя (statuentes) о происходящем соответственно собственной пользе, виним естественные явления вследствие несправедливого мнения о них? Великий Платон, глава и столп философов, в своих сочинениях (commentariis)[24] говорит об известных страшных потопах и мировых пожарах как об очищении земли, и этот мудрый муж не побоялся назвать уничтожение рода человеческого, разорение, разрушение, погибель и смерть обновлением вещей и сравнить это с восстановлением как бы юношеских сил.

9. Говорят: «Небо не дает дождя, и мы страдаем от какого-то недостатка хлеба». Почему же ты требуешь, чтобы стихии служили твоим нуждам и что времена года должны применяться к твоим удобствам, чтобы ты мог жить приятнее и роскошнее? Что, если бы любитель мореплавания стал таким образом жаловаться на то, что уже давно нет ветров и что они перестали дуть? Неужели из-за этого следует сказать, что это безветрие (tranquillitas) в мире гибельно, как мешающее желаниям мореплавателей? Что, если бы кто-либо, привыкший от солнца загорать и получать сухость для тела, стал на подобного рода основании жаловаться на то, что скапливающиеся дождевые облака лишили его приятности ясной погоды? Неужели из-за этого следует говорить, что облака, нависающие в виде покрова, враждебны, как не допускающие бесполезного удовольствия делаться смуглым от жары (rutilare se flammis)[25] и пользоваться предлогами для попоек? Обо всех этих явлениях, происходящих и случающихся в этом громадном мире, должно судить не по нашим мелочным удобствам, а сообразно законам и порядку природы.

10. И если случается что-либо такое, что имеет неблагоприятное влияние на нас самих или на наше состояние, то отсюда не следует,

[24] В диалоге «Тимей» (22) Платон говорит: «Боги, желая очистить землю водой, посылают наводнение». Подобного рода мысль высказывали также древние христианские писатели, как, например, Ориген (Contra Cels. IV, 16).

[25] Греки и римляне, как и многие другие народы древности, с презрением относились к белизне тела, как служащей признаком изнеженности, и отдавали предпочтение смуглому, загорелому от солнечных лучей цвету тела.

что это есть зло и что оно должно считаться пагубным. Идет в мире дождь или не идет, для него самого[26] дождь идет или не идет, и — чего ты, может быть, не знаешь — или уменьшается через осушающий жар слишком большая влажность, или умеряется через проливные дожди слишком долго продолжающаяся засуха. Указывают на моры, болезни, голод и другие пагубные виды бедствий: откуда ты можешь знать, не устраняется ли таким образом то, что было излишним, чтобы через эту убыль положить предел излишествам?

11. Ты осмеливаешься, может быть, сказать, что то и то составляет в мире зло, хотя не можешь объяснить и раскрыть ни происхождения, ни причин его, и так как это препятствует, может быть, твоим наслаждениям и прихотям, то ты называешь его пагубным и бедственным (asperum)? Что же? Так как холод неблагоприятен для твоих членов и обыкновенно охлаждает и сдерживает (constringere) жар в твоей крови, то неужели поэтому не должна быть зима в мире? И так как ты не можешь выносить и выдерживать палящих солнечных лучей, то неужели лето должно быть устранено из года и должна быть вновь организована (ordinanda) другая природа по другим законам? Чемерица служит ядом для людей: неужели поэтому она не должна расти? Волк устраивает засаду при овчарнях: неужели природа виновна в том, что произвела столь вредное для овец (lanitiis) животное? Змея укусом лишает жизни: неужели ты можешь проклинать начало бытия (primordiis rerum) за то, что к одушевленным творениям (genituris) были присоединены столь жестокие чудовища (prodigia)?

12. Слишком большое высокомерие, что ты, не будучи господином себя самого и принадлежа другому, хочешь предписывать условия более могущественным, чтобы было то, чего ты желаешь, а не то, что ты застал издавна устроенным и твердо установленным. Поэтому если вы, люди, желаете, чтобы ваши жалобы были уместными, то предварительно должны узнать, откуда вы происходите и кто вы таковы, для вас ли был создан и устроен мир или вы пришли в него из других стран как поселенцы (inquilini). Так как вы не можете сказать и не в состоянии объяснить, для чего вы живете под этим небесным сводом, то перестаньте думать, что что-либо относится к вам, потому что все происходящее не ради чего-либо в отдельности происходит, но клонится и относится к целому во всей его совокупности.

13. Говорят: «Из-за христиан боги посылают всякого рода бедствия

[26] Для мира.

и причиняется небожителями (ab superis) гибель плодам». Спрашиваю: говоря это, не замечаете ли, что вы бесстыдно клевещете, [допуская] явную и очевидную ложь? Почти триста лет — несколько менее или более — прошло с того времени, как мы начали быть и называться (censeri) на земле христианами: неужели во все эти годы были беспрерывные войны и постоянное бесплодие, и не было никакого мира на земле, никакой дешевизны или обилия продуктов (rerum)? Ведь тому, кто обвиняет нас, прежде всего следует доказать то, что эти бедствия были постоянными и беспрерывными, что никогда человечество (mortalia) совсем не имело отдыха от них и без всякой, как говорится, передышки (sine ullis feriis[27]) переносило разнообразные виды опасностей.

14. Напротив, мы видим, что в эти годы и в течение этих времен одержаны бесчисленные победы над побежденными врагами, расширены пределы империи и покорены такие народы, имя которых [прежде] было неизвестно, часто были весьма большие годовые урожаи, дешевизна и изобилие продуктов такие, что торговля, вследствие упадка цен, приходила в застой (stuperent)[28]. Да и как мир мог бы существовать (res agi) и род человеческий (genus mortalium) продолжаться до настоящего времени, если бы общее плодородие не доставляло всего того, чего требует жизнь (usus)?

15. Были, однако, иногда времена оскудения (in necessitatibus), но они снова умерялись через изобилие; велись некоторые войны вопреки желанию, но они вознаграждались (correcta) потом победами и успехами. Что же? Неужели мы должны сказать, что боги то помнят, то снова не помнят о причиняемых им нами оскорблениях? Если говорят, что во время голода они гневаются, то отсюда следует, что во время изобилия они не бывают гневающимися и немилостивыми, и это приводит к заключению, что они, со смешным непостоянством, то оставляют гнев, то снова возвращаются к нему и постоянно приходят в прежнее состояние вследствие воспоминания об оскорблениях или забвения о них (vel oblivione).

16. Впрочем, невозможно понять и ясно представить себе смысл тех слов. Если [боги] потому захотели, чтобы вполне были побеждены аламанны (alamannos)[29], персы и скифы, что в их странах (gentibus)

[27] Feriae — собственно праздничные дни или дни отдохновения.

[28] То есть продукты, вследствие изобилия их, настолько обесценивались, что не стоило продавать их.

[29] Под аламаннами здесь разумеются все вообще германцы.

находились и жили христиане, то каким образом они даровали победу римлянам, хотя так же и в их странах находились и жили христиане? Если они захотели, чтобы в Азии[30] и Сирии чрезвычайно размножились мыши и саранча потому, что так же в этих странах жили христиане, то почему в то же время нисколько не появилось их в Испании и Галлии, хотя так же и в этих провинциях жили бесчисленные христиане? Если по этой же причине у гетулов и пентаполийцев (quinquegentanos)[31] они послали бездождие и засуху для посевов, то почему в тот год они дали маврам и нумидийцам[32] богатейший урожай, хотя та же религия была распространенной так же и в этих странах? Если из отвращения к нашему имени они в каком-либо государстве погубили весьма многих голодом, то почему там же вследствие дороговизны хлеба они сделали не только не принадлежащих к нашему обществу, но так же и христиан более богатыми и очень состоятельными? Итак, или все ни в чем не должны иметь счастья, если мы служим причиной бедствий, потому что мы находимся среди всех народов, или — так как вы видите, что счастье перемешано с несчастьем, — перестаньте приписывать нам то, что вредит вашему состоянию (res vestras), потому что мы нисколько не препятствуем счастью и благополучию. Ибо если я причиняю то, что бывает худо, то почему я не мешаю тому, чтобы было хорошо? Если мое имя служит виновником великой скудости, то почему оно нисколько не мешает тому, чтобы было величайшее плодородие? Если меня называют виновником судьбы, приносящей поражение в войнах, то почему я не служу неблагоприятным предвещанием, когда враги погибают, и через зловещее значение худого предзнаменования не изменяю благоприятные обстоятельства в неблагоприятные?

17. И, однако, почему вы, великие почитатели и служители божеств, утверждаете, что эти святейшие (augustissimos) боги гневаются на христианский народ? Неужели же вы не замечаете, не видите, какие позорные волнения (adfectus), какие неприличествующие божествам безумства приписываете вы им? Ибо что иное значит гневаться, как не безумствовать, как не неистовствовать, как не увлекаться страстью

[30] Под Азией разумеется римская провинция Азия.

[31] По Орелли — Tinguitanos, по Мейзеру — Garamantas. Quinguegentani, или quinquegentiani, иначе pentapolitani, называется народ, живший в Киренаике (или в Кирене), на северном берегу Африки и получивший название по пяти главным городам этой страны (Кирена, Береника, Арсиноя, Птолемаида и Аполлония).

[32] Эти народы так же, как гетулы и тингитаны, жили в северной части Африки, а гараманты — во внутренней Африке.

мщения и с диким бессердечием упиваться мучительными страданиями другого? Таким образом испытывают, переносят и чувствуют великие боги то, что звери, что животные и чем обладают смертоносные змеи в ядовитом зубе. То непостоянство (levitatis), которое в человеке, которое в земном существе заслуживает порицания, испытывает, по вашему уверению, это превосходнейшее и неизменно пребывающее в постоянном совершенстве (virtutis) Существо (natura)[33], и что же отсюда следует с необходимостью, как не то, что из глаз их сверкают пылающие искры, тяжело дышащая грудь вздымается, изо рта извергается пена, и ссохшиеся от пылких слов губы бледнеют?

18. Но если это верно и если с достоверностью узнано, что боги воспламеняются гневом и подвергаются подобного рода волнению [и] душевному расстройству (perturbatione), то они не бессмертны и не вечны, и им не может быть приписываема какая-либо божественность[34]. Ибо, где есть какое-либо волнение (adfectus), там, как думают философы (sapientibus)[35], необходимо бывает страсть (passio); где есть страсть, там естественно следует душевное расстройство (perturbatio); где есть расстройство, там бывают болезнь и страдание; а где есть болезнь и страдание, там уже есть место для ослабления и разрушения; а если удручают эти два [состояния], то предстоит близкая погибель, смерть, все оканчивающая и лишающая жизни все, обладающее чувством.

19. Мало того, — вы таким образом выставляете их не только непостоянными и вспыльчивыми, но — что должно быть вполне чуждо богам — пристрастными и несправедливыми и совершенно не соблюдающими требований даже умеренной справедливости. Ибо что столь несправедливо, как гневаться на одних, а наносить вред другим, негодовать на людей, а губить неповинный [в этом] хлеб, ненавидеть имя христиан, а подвергать всякого рода лишениям своих почитателей?

20. Или, может быть, потому они проявляют жестокость даже в отношении к вам, чтобы вы, побуждаемые собственными (intestinis) бедствиями, восстали для отмщения за них? В таком случае боги ищут человеческого заступничества и без вашей помощи и защиты не способ-

[33] Бог.

[34] Отрицая гнев Божий как страсть, Арнобий не противоречит учению Священного Писания и Христианской церкви, в котором изображение гнева Божия составляет лишь антропоморфическое, «образное показание действий и отношений Божиих к миру» (см.: Филарет, архиеп. Православное догматическое богословие. 2-е изд. Чернигов, 1865. Ч. 1. С. 101).

[35] Стоики.

ны, не в состоянии сами отвратить и отразить наносимые им оскорбления. Если верно то, что они воспламеняются гневом, то лучше предоставьте их собственной их власти, — пусть сами они защищают себя и для отмщения за оскорбление величия проявляют и испытывают собственные свои силы. Могут они, если захотят, через жар, могут через наиболее пагубный холод, могут через заразительный воздух, могут через происходящие от совершенно неизвестных причин болезни морить, губить и совершенно истребить нас из всего человеческого общества, или если они имеют пагубное намерение употребить против нас силу, то пусть они дадут какое-либо указание на [свое] решение, чтобы для всех могло быть ясным, что мы живем под небом совершенно вопреки их желанию.

21. Пусть вам они дают хорошее состояние здоровья, а нам — противоположное и наихудшее. Пусть ваши поля они орошают благоприятными дождями, а от наших небольших полей пусть удаляют всякую дождевую влагу. Пусть они пекутся об умножении ваших овец через многочисленный приплод, а нашему скоту пусть приносят бедственное бесплодие. Пусть вашим масличным рощам и виноградникам они дают приносить полный и обильный осенний сбор, а из наших лоз пусть не допускают выжать ни одной капли. Наконец, и в последний раз, пусть они повелят, чтобы в вашем рту плоды удерживали свои естественные качества, а в нашем — чтобы мед делался горьким, чтобы оливковое масло делалось прогорклым и чтобы вино внезапно и вероломно превращалось у краев самого стакана в уксус.

22. Но так как это нисколько не подтверждается действительностью и так как не подлежит сомнению, что ничто из жизненных благ не бывает у нас в меньшем, а у вас в большем, изобилии, то что это за столь великая страсть утверждать, что боги — враги и противники христиан, которые в несчастьи и счастьи, как ты видишь, не отличаются от тебя? Если позволите сказать вам правду и притом без всякой лести, это — слова, [пустые] слова или, скорее, такие предметы, которым поверили вследствие клеветы, а не такие, которые доказаны свидетельством какого-либо исследования.

23. Впрочем, истинные боги и те, кто вполне достойны иметь и носить это авторитетное имя, не гневаются, и не негодуют, и не устраивают с коварными ухищрениями того, что могло бы вредить другому. Ибо в действительности нечестиво и превосходит все поругания религии думать, что это мудрое и блаженнейшее Существо считает чем-то великим, если кто-либо преклоняется перед Ним с льстивым унижением, а если это не будет делаться, то Оно считает Себя презренным и

низверженным с высоты своего величия. Это — ребячество, мелочность и нелепость, едва ли применимые к тем, которых сведущие ученые уже давно называют демонами и героями[36], — будто Оно не знает неба, но вращается вследствие жребия (sorte) Своего положения в этом, более грубом, материальном мире[37].

24. Это — ваши безбожные мнения и еще более безбожные верования. Мало того, — говоря ближе к истине — гаруспики[38], снотолкователи, гадатели, прорицатели и всегда лживые фанатики[39] сочинили эти басни. Чтобы их ремесло не погибло и чтобы не лишиться небольших подаяний от клиентов, сделавшихся уже редкими, они, как только замечают у вас желание, чтобы христианство (rem)[40] подверглось ненависти, поднимают крик: боги презираются, и храмы уже пустеют, древние религиозные церемонии подвергаются осмеянию, и самые старые обряды прежних священнодействий прекратились вследствие суеверий новых религий, и справедливо род человеческий удручается столь многими тяжелыми бедствиями, терзается столь многими тяжелыми страданиями. И этот безумный род людей, живущих при солнечном свете, но, вследствие прирожденной слепоты, не могущих видеть, осмеливается в исступлении утверждать то, чему вы, будучи в здравом уме, не стыдитесь верить.

25. Однако, чтобы кто-либо, вследствие недоверия к [нашему] ответу, не подумал, что мы одаряем богов дарами спокойствия и ложно приписываем (adfingere) им настроение, чуждое причинению вреда (innoxias mentes) и всякому волнению (perturbatione), мы допустим, как это вам угодно, что они направляют гнев на нас, что они жаждут крови нашей и уже давно желают искоренить нас из рода человеческого. Но если не обременительно, если не тяжело, если общий долг требует

[36] Под демонами разумеются низшие божества, посредствующие между богами и людьми и составляющие нечто среднее между богами и полубогами или героями.

[37] То есть: будто бы Божество занято лишь человеческими, земными делами, самое положение Божества зависит лишь от отношения людей к Нему, и все небесное, высшее чуждо Ему. Материя и, в частности, земля с окружающим ее воздухом составляют, по представлению древних, более плотную и грубую массу, нежели небо, служащее жилищем богов и находящееся в области эфира, тончайшего и чистейшего огненного элемента.

[38] Гадатели из Этрурии по внутренностям жертвенных животных, совершавшие также некоторые религиозные церемонии.

[39] Люди, находящиеся в состоянии религиозного исступления, или изуверы, под которыми разумеются в особенности жрецы восточных культов.

[40] Под rem здесь мы, согласно с объяснением Рейффершейда, понимаем rem christianam.

рассмотреть не соответственно расположению, а сообразно с истиной основные пункты этого прения, то мы просим вас выслушать, что служит основанием, что составляет причину того, что против нас столько, и небесные боги (superi) проявляют жестокости, и люди пылают раздражением? Говорят: «Вы [следуете] безбожной религии (religiones impias) и совершаете неслыханный в земном мире культ». Что вы, люди, обладающие разумом, осмеливаетесь произносить, какой вздор говорить, что пытаетесь высказать в словах, полных безрассудства и отчаяния? Богу верховному (principem), Владыке всего существующего, возвышающемуся над всем высшим, поклоняться, призывать Его с благоговейным послушанием, в бедственном положении прилепляться к Нему, так сказать, всеми чувствами, любить Его, благоговеть пред Ним — неужели это есть достойная проклятия и приносящая несчастие религия, полная нечестия и святотатства и своим новым суеверием оскверняющая издревле установленные священнодействия?

26. Неужели это, спрашиваю я вас, есть то дерзкое и ужасное преступление, ради которого великие небожители направляют на нас жало своего гнева и негодования, почему и вы сами, когда охватывает вас страсть к жестокости, лишаете нас имущества, изгоняете из отцовских мест жительства, требуете смертных казней, пытаете, терзаете, жжете[41] и, наконец, бросаете на растерзание диким зверям? Неужели тот, кто это в нас осуждает или считает заслуживающим какого-либо обвинения, достоин называться именем человека, хотя бы он и считал себя таковым, и неужели может признаваться за бога, хотя бы он выдавал себя за него через тысячу прорицателей? Додонский[42] или <...> Юпитер называет нас нечестивыми (profanos), безбожными; но неужели сам он может называться богом и считаться в ряду божественных существ — он, возводящий на служащих высочайшему Царю обвинение в безбожии и мучащийся из-за того, что величие и культ Того предпочитаются ему? Неужели должен считаться богом Делосский или Кларосский, Дидимский, Филезийский, Пифийский[43], (См-

[41] Здесь речь идет не о казни христиан через сжигание их, а об особом роде пытки посредством огня.

[42] Эпитет Зевса, имевшего оракул в эпирском город Додоне. Далее, после слова aut, Рейффершейд предполагает пропуск другого эпитета Зевса.

[43] Остров Делос, считавшийся родиной Аполлона, малоазийские города Кларос и Дидимы и греческий город Дельфы, называвшийся в древнейшее время Пифо (Pytho, Πυθώ), принадлежали к числу мест, наиболее славившихся культом Аполлона. Филезийским (Philesius, Φιλήσιος) назывался Аполлон, по объяснению

инфийский)[44] Аполлон, который не знает высочайшего Повелителя и которому неизвестно то, что мы смиренно молимся Ему в ежедневных молитвах? Если бы он не мог проникнуть в тайны сердец и узнать то, что мы скрываем во глубине чувств, то он мог бы и [своими] ушами слышать, и по звуку самих слов, которыми мы пользуемся в молитвах, узнать, что мы призываем высочайшего Бога и испрашиваем у Него то, чего желаем.

27. Еще не время разъяснить, кто все те, которые обвиняют нас, или откуда они происходят, насколько они сильны или сведущи, почему они испытывают страх при упоминании о Христе и почему считают врагами и ненавидят учеников Его; однако в людях, способных к здравому пониманию, мы желали бы через одно определение сразу утвердить следующее положение: мы, христиане, не что другое, как почитатели высочайшего Царя и Повелителя согласно с учением Христа. Ничего другого, при тщательном рассмотрении, ты не найдешь в этой религии. В этом сущность всей деятельности, это составляет предназначение божественного служения (officiorum) и конечную цель. Перед Ним все мы по обычаю повергаемся ниц, Ему мы поклоняемся при общих молитвах, у Него мы испрашиваем того, что справедливо, что честно и что достойно того, чтобы было услышано Им, и это не потому, чтобы сам Он желал нашего преклонения и чтобы Ему нравилось видеть столько тысяч выражающих [перед Ним] благоговение: это служит нам на пользу и имеет целью наше благо. Ибо так как мы, вследствие врожденной слабости, склонны к порокам (culpas) и к разного рода страстным влечениям, то Он позволяет нам всегда представлять Его себе в Своих мыслях, чтобы мы, молясь Ему и стремясь быть достойными даров Его, получили желание быть беспорочными и через удаление от всех пороков очищали себя от всякого пятна.

28. Что говорите вы, истолкователи священного и божественного права[45]? Неужели более правы (meliorisne sunt causae) те, кто поклоняются Грундулийским Ларам (Grundulios Lares), Айям Локуциям (Aios

Макробия (Saturn. I, 17, 49), потому, что приятный свет его при восходе солнца приветствовали молитвами с особой любовью.

[44]В рукописи читается ethis, что обыкновенно исправляется в et is; но Рейффершейд удерживает рукописное чтение без исправления, замечая, что здесь, повидимому, скрывается эпитет Аполлона Sminthius, происшедший от культа его в троадском городе Сминфе (Σμίνθη).

[45]Разумеются те ученые и философы, которые через разного рода философские объяснения старались придать смысл языческой религии и мифологии.

Locutios) и Лиментинам (Limentinos)[46], нежели все мы, чтущие Бога, Отца всего существующего, и испрашивающие у Него защиты при бедственном и беспомощном положении? Вы считаете умными, мудрыми, самыми благоразумными и вполне безукоризненными тех, кто чтут Фавнов, Фатуй (Fatuas), гениев городов, Паворов (Pauores) и Беллон[47], а мы, предавшие себя Богу, по мановению и воле которого все существующее продолжает беспрерывно существовать и установлено неизменным в своем существе, признаемся тупыми, безрассудными, глупыми, слабоумными и безумными. Не выражаете ли вы такого мнения, не устанавливаете ли и не объявляете ли вы такого закона, чтобы наделялся высшими почестями всякий, кто молится вашим рабам, и чтобы подвергался позорнейшей крестной казни всякий, обращающийся с молением к вам, господам? В великих государствах и у могущественных народов публично приносятся жертвы тем, кто прежде были продажными блудницами и отдавались публичному разврату[48], и боги нисколько не гневаются. Воздвигаются высокие храмы кошкам, жукам и быкам[49]: и могущественные боги (numinum potestates), подвергающиеся такому издевательству, молчат и не испытывают никакой зависти, видя, что к ним приравниваются по святости ничтожные животные. Неужели к одним только нам боги относятся враждебно, в отношении к нам оказываются ожесточенными врагами, потому что мы чтим их Отца, через Которого они — если они существуют — нача-

[46] Ларами у римлян в древнейшее время назывались боги — покровители полей, мест, дома, домашнего очага, а в позднейшее время — обоготворенные души усопших людей как добрые духи (ср. Arnob. III, 41). Культ Грундулийских, или Грундульских, Ларов (Grundules от grundio — хрюкать) был установлен, по древнеримскому преданию, Ромулом в честь свиньи, сразу опоросившейся 30 поросятами, что было признано за чудесное знамение. Aius Locutius (от aio и loquor — говорить) — божество, предвозвестившее, по преданию, римлянам нашествие галлов. Limentinus (от limen) — божество дверных порогов.

[47] Faunus (от faveo) — божество, охранявшее леса, поля и скот, покровительствовавшее земледелию и обладавшее даром предсказания, вследствие чего оно называлось также Fatuus (от fari — говорить, предсказывать). Fatua (Fauna, или Fenta Fatua, ср. I, 36) — женское божество, соответствовавшее Фавну — Фатую. Гении считались охранителями не только отдельных лиц, но также семей, общин и целых государств. Pavores (исправление Рейффершейда) — божества, внушавшие страх; в других изданиях и в рукописи читается Pausos, что объясняется в смысле божеств покоя или мира (от слова pausa), но никакое божество с этим именем неизвестно. Bellona — богиня войны.

[48] Таковы, например, были, по сказаниям, Леэна у афинян, Акка Ларенция и Флора у римлян.

[49] Указание на культ египетских божеств.

ли иметь свое бытие, могущество и величие, благодаря Которому они считаются, так сказать, наделенными (sortiti esse) самой божественностью и признаются находящимися в числе действительных существ (rerum), по воле и определению Которого они могут как погибнуть и уничтожиться, так и не погибать и не уничтожаться? Ибо если все мы согласны в том, что есть один только Первовиновник (Princeps), которому ничто не предшествует по времени, то все [другое] должно было после Него произойти, быть созданным и получить свое имя. Если же это верно и несомненно, то мы должны признать как прямой вывод из этого то, что боги были созданы (esse nativos) и имеют начало своего происхождения от Первоисточника всего существующего. А если они произошли и были созданы (si sint nativi et geniti), то они подлежат, конечно, и опасности уничтожения. Но они признаются бессмертными, вечными и никогда не имеющими конца. Следовательно, это составляет дар милости Бога Отца, что они, будучи по природе тленными и разрушимыми, удостоились существовать в течение бесконечных веков.

29. О, если бы можно было собрать весь мир как бы в одно собрание, чтобы род человеческий мог слышать следующую речь! Итак, мы оказываемся у вас виновными в нечестивой религии, и так как мы с благоговейной покорностью приближаемся к Главе и Опоре всего существующего, то воспользуюсь вашими укорами, — называют нас приносящими несчастья и безбожными? Но кто более заслуживает этих ненавистных названий, нежели тот, кто вместо этого Бога признает другого или старается познать его и верует в него? Не Ему ли все мы обязаны, прежде всего, тем самым, что мы существуем, что мы называемся людьми и что ниспосланные Им или павшие души[50] содержатся в темнице этого тела? Не от Него ли происходит то, что мы ходим, дышим и живем, и не Его ли жизненной силой производится то, что мы существуем и вследствие душевного возбуждения движемся? Не от Него ли проистекают причины, по которым наше благосостояние усиливается через обилие разного рода наслаждений? Чей этот мир, в котором вы живете, или кто дал его вам в пользование и обладание? Кто дал этот всеобщий свет[51], чтобы вы могли видеть, осязать

[50] По учению Пифагора и Платона, разделяемому также Оригеном, разумные души первоначально пребывали на небе, но вследствие грехопадения были посланы Богом для наказания на землю и заключены в тела, как бы в темницу. Слово animae (души) прибавлено Рейффершейдом соответственно словам missae vel lapsae, вместо чего другие издатели читают: missi vel lapsi.

[51] Солнце.

и рассматривать подлежащие предметы? Кто установил жар солнечный для содействия развития всего существующего, чтобы жизненные элементы, оставаясь неизменно в бездейственной косности, не пришли в оцепенение? Неужели вы, признавая солнце богом, не хотите знать Творца и Создателя его? Неужели вы, считая луну богиней, не стараетесь также узнать, кто ее Виновник и Творец?

30. Неужели вам не приходит мысль рассмотреть и исследовать, в чьем владении вы живете? В чьей области (re) вы находитесь? Чья эта земля, по которой вы ходите? Чей это воздух, который вы через жизненное дыхание вдыхаете и выдыхаете? Чьими источниками вы пользуетесь и чьей водой? Кто распределил дуновения ветров, кто изобрел дождевые облака, кто разделил плодоносные силы семян по природным их свойствам (rationum proprietate)? Аполлон посылает вам дождь? Меркурий наделяет вас дождем? Эскулап, Геркулес или Диана придумали законы (rationem finxerunt) дождей и бурь? Но каким образом это может быть, когда вы признаете, что они родились в мире и в определенное время получили жизненную способность чувствования? Ведь если мир превосходит их древностью и прежде, чем они родились, природа уже знала дожди и бури, то они, как позже родившиеся, не имеют никакой власти над дождем и не могут вмешиваться в те явления (rationibus), которые они застали здесь[52] совершающимися (agi) и производимыми более могущественным Виновником.

31. О, величайший и высочайший Творец невидимого, Который сам невидим и непостижим никаким существом! Достоин Ты, поистине достоин Ты — если только смертные уста могут назвать Тебя достойным — того, чтобы всякое дышащее и разумное существо никогда не переставало питать к Тебе и приносить Тебе благодарность, в течение всей жизни коленопреклоняться перед Тобой и обращаться к Тебе с постоянными молитвами. Ибо Ты — первопричина, место и пространство для всего (locus rerum ac spatium)[53], основание (fundamentum) всего существующего, бесконечный, нерожденный, бессмертный, вечный, единый, Которого никакая телесная форма не очерчивает, никакое ограничение (circumscriptio) не ограничивает (determinat), чуждый качества и количества, не имеющий места, движения и вида и относительно Которого ничто не может быть сказано и выражено сло-

[52] В мире.

[53] Так, перипатетики называли Бога τόπον πάντων. Подобного рода воззрение встречается и у некоторых церковных писателей, как, например, у Феофила Антиохийского, Тертуллиана, Иоанна Дамаскина.

вами человеческими. Если хотят познать Тебя, должно смолкнуть, и для того чтобы блуждающее гадание могло по тени следить за Тобой, не следует даже шепотом говорить. Прости, всевышний Царь, тех, которые преследуют Твоих слуг, и прости, как это свойственно Твоей благости, убегающих от служения Твоему имени и Твоей религии. Неудивительно, если не знают Тебя; более удивительно, если знают Тебя, разве только кто-либо осмеливается — ибо это остается неистовствующему безумию — спорить и сомневаться, есть ли Бог или нет и веруют ли в Него вследствие исследования истинности веры или вследствие предположения, основывающегося на пустой молве. Ибо мы слышим, что одни из философов отрицают существование какой-либо божественной силы[54]; другие ежедневно ставят вопрос, существует ли она[55]; иные признают, что все существующее происходит случайно, вследствие случайных столкновений [атомов], и образуется вследствие различного направления (impetu) их[56]. Но с ними мы в настоящее время совсем не будем спорить о таком упорстве их; потому что люди здравомыслящие говорят, что оспаривание глупостей служит доказательством большей глупости.

32. Мы обращаемся со своей речью к тем, кто, соглашаясь с тем, что божественный род существует, сомневаются относительно высших существ, признавая их обыкновенными и низшими. К чему же мы будем стараться и стремиться доказательствами подтверждать такие вещи? Да будет чуждо нам и, повторяю, да будет, как говорится, отвращено от нас это безумие! Ибо такую же смелость представляет попытка путем аргументации доказать, что Бог есть верховное существо, как и желание доказательствами подобного рода убедиться в том, что Он существует. Неважно также и безразлично, отрицаешь ли ты Его или доказываешь и признаешь бытие Его, потому что одинаковую погрешность (culpa) составляет и доказывание такой истины (rei), и отрицание неверующего опровергателя.

33. Разве есть кто-нибудь из людей, кто вступил бы в день своего рождения без идеи (notione) об этом верховном Существе (principis) и

[54]Так, отрицали бытие богов (по Cic. De nat. deor. I, 1, 2, 23, 63), Диагор, ученик Демокрита (V в. до Р. Х.), прозванный атеистом (ἄθεος), и Феодор Киренейский (320–280 гг. до Р. Х.), ученик Аристиппа.

[55]Например, Протагор из Абдеры, современник Сократа, один из знаменитейших софистов, сомневавшийся в существовании богов (ср. Cic. Op. cit.).

[56]По учению атомистов (Левкиппа, Демокрита и др.), различие форм в природе происходит не только от различия формы самих атомов, но также от различных направлений, в которых сталкиваются атомы.

кому не было бы врождено, привито и почти в самой утробе (in genitalibus) матери впечатлено и внедрено, что есть Царь, Владыка и Правитель всего существующего? Наконец, если бы бессловесные животные могли говорить, если бы они владели способностью к нашей речи, если бы деревья, глыбы земли и камни, будучи оживлены жизненной способностью чувствования, могли издавать звуки голоса и произносить части слов, то в таком случае, побуждаемые и руководимые природой, не понимали ли бы они с неиспорченной простотой веры, что Бог существует, и не заявляли ли бы громко, что Он есть единый Владыка всего существующего?

34. Но, говорят, «напрасно вы нападаете на нас и взводите на нас ложное и злокозненное обвинение, будто бы мы отвергаем высшего Бога, между тем как нами признается Юпитер и считается наилучшим и величайшим (optimus et maximus)[57], и ему мы устроили величественнейшие помещения (sedes) и огромные капитолии»[58]. Вы стараетесь соединить в одно различные вещи и, допустив смешение, подвести их под одно понятие (speciem). Ибо всемогущий Бог единодушно и единогласно всем человечеством признается не рожденным, не произведенным когда-либо на свет и не начавшим бытие в какой либо момент времени или в век. Он сам есть Источник всех вещей, Виновник веков и времен. Ибо они не сами по себе существуют, но происходят из Его неизменной вечности и бесконечного и беспрерывного существования. Юпитер же, как вы рассказываете, имеет отца и мать, дедов, бабок, братьев; только в недавнее время (nunc nuper)[59] образовавшись в утробе своей матери и достигнув в течение десяти месяцев окончательного завершения, он получил жизнь и вступил в неизвестный ему свет. И если это так, то каким образом Юпитер может быть Богом, когда Тот несомненно вечен, а этот[60], по вашему мнению, не только имел дни рождения, но также, в испуге от нового состояния, плакал и кричал[61].

35. Но пусть они[62], как это вы утверждаете, одно и то же и нисколько не различаются божественной силой и величием: почему в

[57] См.: Cic. Pro dom. 25: Te, Capitoline, propter beneficia populus Romanus optimum, propter vim maximum nominavit.

[58] Капитолием кроме известного храма Юпитера в Риме назывались также многие храмы в других городах римского государства. Латинские церковные писатели нередко называют также и всякий языческий храм капитолием.

[59] В сравнении с вечным, не рожденным Богом.

[60] Тот — истинный Бог, этот — Юпитер.

[61] Разумеется плач и крик детей при рождении.

[62] Языческие боги и Бог, которого чтут христиане.

таком случае вы преследуете нас с несправедливой ненавистью? Почему вы приходите в ужас при упоминании нашего имени, как при самом зловещем предзнаменовании, если мы чтим того же Бога, какого и вы? И каким образом вы можете утверждать, что в одном и том же деле боги к вам бывают благосклонными, а к нам — враждебными и неприязненными? Ибо если у нас и у вас одна общая религия, то гнев небожителей не должен иметь места; если же они по отношению только к нам одним оказываются неприязненными, то очевидно, что и вы, и они не знаете Бога, и из самого гнева богов ясно видно, что Он не Юпитер.

36. Но, говорят, «не потому боги враждебно относятся к вам, что вы чтите всемогущего Бога, а потому, что относительно человека, который был рожден и — что позорно [даже] для лиц из низшего класса (vilibus) — был умерщвлен посредством смертной казни, вы утверждаете, что Он был Бог, веруете, что Он продолжает жить, и обращаетесь к Нему с ежедневными молениями». Если это вам приятно, друзья, то объясните, какие это боги, которые чествование нами Христа считают оскорблением для себя? Не Янус ли, созидатель Яникула, и не Сатурн ли, основатель города Сатурнии[63]? Не Фента ли Фатуя[64], жена Фавна, называющаяся Доброй Богиней (Bona Dea), но более добрая и более заслуживающая похвал в винопитии? Не те ли Индигеты[65], которые влезают в реку и живут в русле Нумика вместе с лягушками и мелкой рыбой? Не Эскулап ли и отец Либер[66], из которых один был рожден

[63]См.: Arnob. III, 29: Janum... in Italia regnasse primum, Janiculi oppidi conditorem. — Относительно Сатурна см.: Tert. Apol. 10: «До Сатурна у вас не было никакого бога; от него происходят все ваши боги. Но Сатурна все признают за человека. После продолжительного странствования он поселился в Италии. Город, который он основал, доселе называется Сатурией. Вся Италия, носившая прежде имя Энотрии, называлась также Сатурнией».

[64]Fenta (по Орелли — Fauna) Fatua (см. выше гл. 23). Название ее Bona Dea первоначально служило одним из ее эпитетов, но впоследствии обратилось в собственное имя. В культе ее большую роль играло вино (см. ниже V, 18).

[65]Индигеты — древнейшие туземные боги римлян, к которым причисляется также Эней, после битвы с Турном или Мезенцием исчезнувший в водах реки Нумика, или Нумиция (в Лацуме), и превратившийся в бога этой реки.

[66]Эскулап, бог врачебного искусства, считался сыном Аполлона и Кориониды, дочери властителя лапифов, Флегии. Либер, древнеиталийский бог происхождения, оплодотворения и наслаждения, впоследствии был отождествлен с Дионисом, или Вакхом, сыном Зевса и Семелы. Когда к ней, во время ее беременности, приблизился Зевс с громом и молнией, то она была охвачена пламенем и, умирая, родила недоношенное дитя, впоследствии названное Дионисом. Титул отца (pater) часто придавался римлянами богам.

Коронидою, а другой был исторгнут из утробы (ex genitalibus) матери молнией? Не Меркурий ли, родившийся из чрева Майи и притом — что более свойственно божеству — сияющей[67]? Не вооруженные ли луком Диана и Аполлон, которых повсюду носила мать во время бегства и которые едва нашли безопасность на блуждающих островах[68]? Не Венера ли, дочь Дионы, мать троянского мужа[69], публично продававшая свою красоту? Не Церера ли, родившаяся в пределах Тринакрии[70], и не Прозерпина ли, занятая собиранием цветов[71]? Не Фиванский ли или Тирийский Геркулес, из которых последний был погребен в пределах Испании, а первый сожжен огнем на Эте[72]? Не потомки ли Тиндарея, Касторы, — один искусный укротитель коней, а другой — искусный кулачный боец с цестом из невыделанной кожи (crudo caestu)[73]? Не мавританские ли Тизианы и Букуры (Tisianes et Bucures)[74] и не сирийские ли боги, происшедшие из яиц[75]? Не Апис ли, родившийся в Пелопон-

[67]Майя, дочь Аполлона и Плейоны, также у Вергилия в Aen. VIII, 138 называется сияющей (candida).

[68]Латона, преследовавшаяся повсюду во время своей беременности ревнивой Герой и Пифоном, нашла, наконец, убежище и родила от Зевса Аполлона и Диану (Артемиду) на острове Делос, который до того времени находился под водой и после того плавал по морю, пока Аполлон не укрепил его между кикладскими островами Миконом и Гиаром.

[69]Энея, рожденного Венерой от Анхиза.

[70]Сицилии.

[71]Прозерпина (Персефона) была похищена Аидом, или Гадесом (Плутоном), в то время, когда собирала со своими подругами цветы на лугу, после чего стала супругой Аида и царствовала вместе с ним в подземном мире над душами умерших.

[72]Геркулес, или Геракл, национальный герой греков, был сыном Зевса и Алкмены, родился в Фивах и после известных 12 подвигов сжег себя на костре на горе Эте (в южной Фессалии) и вознесся на Олимп. Многие народы отождествляли своих героев с этим Геркулесом. Так, Цицерон в De nat. deor. III, 16 упоминает о шести Геркулесах и в том числе — о Тирском Геркулесе (в Финикии), сыне Зевса и Астерии.

[73]Касторы (Диоскуры) — Кастор и Полидевк, или Поллукс, сыновья Зевса или Спартанского царя Тиндарея и Леды. Из них Кастор отличался как укротитель коней, а Полидевк — как кулачный боец. Цестом называется обложенный железом или свинцом крепкий ремень из бычачьей кожи, которым бойцы окутывали себе руки.

[74]Здесь текст явно испорчен. Принятая в изданиях Орелли и Миня конъектура Titanes et Bocchores несостоятельна. Речь здесь идет, очевидно, о богах мавритан, которые обоготворяли своих царей (ср. Tert. Apol. 24).

[75]Неизвестно, о каких сирийских богах говорит здесь Арнобий; но известно сказание о Сирийской богине (dea Syria, или Suria) Атаргатис, родившейся из яйца, найденного рыбами в Евфрате и выброшенного ими на берег, после чего оно было высижено голубкой. Культ ее был распространен в Риме.

несе и названный в Египте Сераписом[76]? Не Изида ли, загоревшая от эфиопского солнца и оплакивающая утраченного сына и супруга, растерзанного на части[77]? Мы обходим и опускаем царских потомков Опы[78], относительно которых ваши писатели сообщили, кто и какие они были. Итак, неужели эти [боги] слушают, как оскорбляющее слух, то, что мы чтим Христа, и принимаем Его, и признаем за Божество, и, забыв о той участи и том положении, в каком они незадолго перед тем были, не хотят, чтобы то, что было допущено для них, предоставлялось другому? Неужели такова справедливость небожителей, таков суд святых богов? Не есть ли это род зависти и жадности, известного рода грязное зложелательство — желать, чтобы только собственное состояние было превосходным и чтобы положение (res) других было угнетенным, презренным и униженным?

37. Мы чтим рожденного человека. Что же? А вы разве не чтите никакого рожденного человека — того или иного или бесчисленное множество других? Даже всех тех, кого теперь вы имеете в своих храмах, разве вы не взяли из числа смертных и не возвысили до неба и звезд? Если вам неизвестно, что они имели общие с людьми участь и положение, то раскройте древнейшие сочинения (litteras) и просмотрите книги тех, кто, будучи близки к древности, передали все безо всякой лести и с незатемненной правдой. Тогда вы, без сомнения, узнаете о каждом из них[79], от каких отцов и матерей они произошли, в какой стране и среди какого народа они родились, что они сделали, устроили, перенесли, чем занимались и при исполнении чего имели неудачу или успех. Если же, зная, что они были носимы во чреве и питались

[76]Подобного рода сведения об Аписе встречаются и у других древних писателей, как, например, у Аполлодора и у бл. Августина, который говорит: «Царь аргоссцев, Апис, переплыв на кораблях в Египет, стал, когда здесь умер, величайшим из всех египетских богов, Сераписом» (De civ. Dei XVIII, 5).

[77]Эфиопией в древности называли в широком смысле все вообще отдаленные южные страны, жители которых имели темный цвет кожи, в узком же смысле — страны, лежащие к югу от Египта в бассейне верхнего Нила (Абиссинию, Нубию). Изида, египетская богиня, почитавшаяся также во многих других странах, считалась супругой Озириса, который был убит, растерзан на 14 частей и развеян по ветру Тифоном. После долгих розысков все части его были найдены и собраны Изидой, и он был возвращен к жизни. По некоторым сказаниям, также сын Изиды, Гор, был растерзан титанами и возвращен ею к жизни.

[78]Опа (Ops), первоначально богиня богатого урожая хлеба, впоследствии была отождествлена с женой Сатурна и считалась матерью Юпитера и других богов, братьев его. Все эти боги нередко называются царями (reges), как и самой Опе присваивается титул царицы (regina).

[79]Богов языческих.

плодами земли, вы тем не менее, ставите нам в упрек то, что мы чтим рожденного человека, то вы поступаете очень несправедливо, признавая в нас заслуживающим осуждения то, что сами вы обыкновенно делаете, или не желая, чтобы для других было позволено то, что для себя вы допускаете.

38. Но допустим пока, уступая вашим мнениям, что Христос был одним из нас по духу, душе, бренности и положению: разве Он не достоин того, чтобы мы, ради великих даров, называли и признавали Его Богом? Ведь если вы включили в число богов Либера за открытие вина, Цереру — [за открытие] хлеба, Эскулапа — [за открытие] трав, Минерву — [за насаждение] масличного дерева, Триптолема — [за изобретение] плуга[80], наконец, Геркулеса — за то, что он преодолел и укротил диких зверей, воров и многоголовых змей, то какие почести должны быть оказываемы нами Тому, кто привел нас от великих заблуждений к открытой Им истине, Кто нас, подобно слепым скитавшихся повсюду без какого-либо руководителя, с крутизн и непроходимых мест возвратил на ровные места? Он открыл то, что в особенности плодотворно и спасительно для рода человеческого, — что есть Бог, кто Он и какие Его свойства и качества. Он предоставил нам и научил нас постигать и понимать, насколько может наша немощность, глубину и неизреченную высоту Его. Он со всей благостностью дал нам знать, каким Виновником и Отцом был устроен и создан этот мир. Он открыл образ его происхождения и его природу, которой прежде никто никогда не знал, откуда получается солнечным огнем плодотворный жар, почему луна постоянно находится в движении и вследствие тех же причин, какие признаются, или вследствие других она возобновляет свет и темноту, какое происхождение имеют живые существа, какие законы развития имеют семена, кто создал самого человека, кто образовал или из какого рода материи скрепил самое строение тел, что такое чувство, что такое душа, прибыла ли она к нам сама по себе или была рождена и произведена видеть с самым телом, живет ли она, участвуя в смерти, или одарена постоянным бессмертием, какое состояние ожидает нас после того, как мы оставим разложившиеся члены, будем ли мы чувствовать или не будем иметь никакого сознания нашего чувства и воспоминания. Он обуздал нашу гордость и заставил высокомерно поднятые вверх головы признать меру своей немощности. Он показал, что мы слабые существа, что мы верим пустым мнениям, ничего не по-

[80]Триптолем, сын элевсинского царя Келея, считался изобретателем плуга и распространителем земледелия и связанной с ним культуры.

нимаем, ничего не знаем и не видим того, что находится перед нашими глазами. Он (сделал) то, что превышает и превосходит все дары, — от ложных религий привел нас к истинной религии. Он от безжизненных и сделанных из презренной глины кумиров направил нас к звездам и небу и предоставил нам [обращаться] к Владыке всего (rerum), Богу, с словами молений и вступать с Ним в молитвенные собеседования.

39. О, ослепление! В недавнее время я чтил кумиры, незадолго перед тем вынутые из печей, богов, сделанных посредством наковальни и молота, слоновой кости, картины, повязки на старых деревьях[81]; если когда-либо я видел выглаженный и запачканный оливковым маслом камень[82], то я преклонялся перед ним, как будто бы ему присуща сокровенная сила, обращался к нему с молитвой и испрашивал милостей у бесчувственного пня, и тем самым богам, в бытие которых я верил, причинял тяжкие оскорбления, признавая их деревом, камнями и костями или обитающими в материи вещей подобного [рода]. Теперь, будучи приведен таким великим Учителем на пути истины, я знаю относительно всего этого, что это такое, сужу о достойном достойным образом, не причиняю никакого оскорбления божественному имени и каждому, мнимому или действительному, существу оказываю должное, не смешивая степеней и значения. Поэтому не должен ли Христос признаваться нами Богом, и не должно ли быть оказываемо всякое наивысшее, какое только может быть мыслимо, богопочитание Тому, от Кого мы уже давно получили столько даров во время своей жизни и ожидаем еще больших, как наступит день[83]?

40. Но «Он умер, будучи распят на кресте». Какое отношение имеет это к делу? Ведь род смерти и позорность ее не изменяют слов и дел, и значение учения Его не может умалиться оттого, что Он не вследствие естественного разложения оставил узы тела, а умер от насилия. Пифагор Самосский вследствие несправедливого подозрения в деспотизме был живым сожжен в храме[84]: разве то, чему он учил, утратило

[81] Деревья с посвященными богам лентами или повязками считались священными и неприкосновенными, и им оказывалось религиозное почитание.

[82] У греков и римлян было в обычае обливать священные камни маслом или благовониями и считалось религиозным долгом при приближении к такого рода камню совершить перед ним преклонение (adoratio или adulatio), состоявшее в наклонении всего тела и приложении правой руки ко рту, и помолиться.

[83] Время суда и воздаяния.

[84] Сказания древних о смерти Пифагора различны. Встречаются указания и на стремления его к тирании как на причину смерти. Но о сожжении его в храме сообщает лишь Арнобий.

свое значение оттого, что он испустил дух не свободно, а вследствие жестокости? Подобным образом Сократ, будучи осужден своими согражданами, был подвергнут смертной казни: разве его рассуждения о нравах, добродетелях и обязанностях стали недействительными из-за того, что он несправедливо был лишен жизни? Бесчисленное множество других, отличавшихся славой, доблестями и добрым именем, как Аквилий, Требоний, Регул[85], были подвергнуты самым мучительным родам смерти: неужели они после своей смерти должны считаться опозоренными из-за того, что погибли не по общему закону судьбы, а от жесточайшего рода смерти, будучи истерзаны и замучены? Никто, будучи невинным, никогда не опорочивается через позорную смерть, и клеймо какого-либо позора не пятнает того, кто подвергается тяжким наказаниям не по своей вине, а вследствие жестокости мучителя.

41. И, однако, вы сами, осмеивающие нас за то, что мы чтим человека, умершего позорной смертью, не прославляете ли через посвящение храмов отца Либера, растерзанного на части Титанами[86]? Не провозгласили ли вы Эскулапа, изобретателя средств врачевания, после наказания поразившей его молнией, стражем и охранителем здоровья, сил и благосостояния[87]? Жертвоприношениями животных и благовонных воскурений не призываете ли вы великого Геркулеса, о котором сами вы рассказываете, что он живым сгорел и был сожжен на смертоносном кострище? Не свидетельствуете ли вы через громкий крик галлов[88] об изуродованном и лишенном отличий мужского пола фригийце Аттисе как о боге милостивом, как о святом боге в храмах Великой Матери[89]? Не называете ли вы самого отца Ромула, растер-

[85] Маний Аквилий был разбит в Митридатовой войне и изменнически выдан Митридату (88 г. до Р. Х.), который приказал привязать его к ослу, возить кругом среди мучений и, наконец, влил ему в горло растопленное золото. Гай Требоний, один из участников заговора против Юлия Цезаря, был подвергнут (43 г. до Р. Х.) мучительной смерти Долабеллой. Марк Атилий Регул, известный в особенности верностью долгу к отечеству и строгим соблюдением клятвы, данной врагам (карфагенянам), был последними, по преданию, казнен (250 г. до Р. Х.) при самых мучительных истязаниях.

[86] Относительно Либера (Вакха или Диониса) см. ниже V, 19.

[87] Ср. Tert. Apol. 14: «Эскулап был наказан молнией за свою алчность, заставлявшую его злоупотреблять медициной». Существуют также сказания, что он за большую плату возвратил, вопреки судьбе или воле Юпитера, жизнь некоторым умершим, за что и был наказан молнией.

[88] Галлы — жрецы Кибелы, богини фригийского происхождения, называющейся также Великой Матерью и Матерью богов.

[89] Относительно Аттиса см. ниже V, 6–7.

занного руками ста сенаторов, Квирином Марсовым (Martium)[90], не чествуете ли его через жрецов и пиршества (pulvinaribus)[91], не молитесь ли ему в великолепнейших храмах и затем не клянетесь ли, что он поднялся на Небо? Поэтому или также и вы должны подлежать осмеянию, как признающие за богов и чтущие людей, погибших от самых тяжелых мучений, или, если у вас есть определенное основание, почему вы считаете необходимым для себя делать это, предоставьте также и нам знать, по каким причинам и основаниям мы подобное делаем.

42. «Вы чтите рожденного человека». Если бы это было даже верно, однако, как сказано было выше[92], Он должен был бы по причине многих и столь щедрых даров, которые получены от Него нами, называться и признаваться Богом. Но так как Он подлинно есть Бог и вне всякого спора и серьезного сомнения, то неужели вы думаете, что мы откажемся от того, чтобы наивысшим образом чтить Его и называть Главой (praesidem) нашего общества (corporis)? «Так неужели, — скажет кто-нибудь в исступлении, с гневом и раздражением, — Христос есть Бог?» Бог, ответим мы, и именно Бог высших сил и, что еще более может терзать неверующих и причинять им жесточайшие страдания, — посланный к нам высочайшим Царем ради величайшего дела. Может быть, он, придя в еще большее неистовство и бешенство, потребует доказательств того, что дело обстоит так, как мы говорим. Нет никакого более сильного доказательства, как вера в то, что было совершено Им, как необычайность Его чудесных дел, как преодоление и разрушение определений судьбы[93], то, что народы и племена без всякого разногласия видели при Его свете совершающимся, чего не могли изобличить в ложности даже те самые, относительно древних и уна-

[90] Quirinus — сабинское божество, у римлян то являлся эпитетом некоторых божеств (Юпитера, Януса, Марса), то считался особым самостоятельным божеством и отождествлялся с Марсом, как содействующим через войны миру, и с обоготворенным основателем Рима, Ромулом, сыном Марса. Сказания о смерти и обоготворении Ромула различны. Тит Ливий, сказав об исчезновении Ромула во время бури, взятого бурей, по словам сенаторов, на небо, замечает: «Я полагаю, что уже тогда были некоторые, которые втихомолку подозревали, что он растерзан руками сенаторов, так как сохранилось и это предание, хотя и очень темное» (I, 16).

[91] Pulvinar означает как жертвоприношение в виде угощения богов или пиршества для них (lectisternium), так и, в частности, священное ложе в виде ложа с подушкой, на которую помещалось изображение бога или богини, причем перед ложем ставился стол с кушаньями.

[92] См. выше гл. 36–38.

[93] См. далее гл. 47.

следованных от предков установлений которых Он дал знать, что они полны пустоты и ничтожнейшего суеверия.

43. Может быть, еще выступит [кто-нибудь] со многими другими клеветническими и нелепыми речами: «Он был маг, все это Он совершил при помощи тайных искусств, из египетских святилищ Он заимствовал имена могущественных ангелов[94] и тайные науки». Что вы, неразумные, говорите, безрассудно болтая и пустословя относительно того, чего вы не знаете и что вам неизвестно? Разве дела Его были обманом демонов и проделками при помощи магических искусств? Можете ли вы назвать, указать нам какого-нибудь из всех магов, бывших когда-либо в течение веков, который [хотя бы] в тысячной части сделал нечто подобное [сделанному] Христом, и притом без всякой помощи волшебных формул, без соков трав и растений, без всего тщательного наблюдения относительно обрядов, жертв и времен? Мы не настаиваем и не спрашиваем о том, что они, по их уверению, могут выполнять или с какими родами действий соединяются обыкновенно все их знание и опытность. Ибо кому неизвестно, что они стараются или предузнавать будущее, которое неизбежно, желают они или не желают, придет своим порядком, или причинять, кому пожелают, смертельную болезнь, или разрывать в семьях узы любви, или без ключей отпирать то, что заперто, или связывать уста молчанием, или на ристалищах калечить лошадей, ускорять и замедлять бег их, или в чужих женах и детях мужского и женского пола возбуждать пламя недозволенной любви и безумные страсти, и если они, по-видимому, отваживаются на что-либо полезное, то это зависит не от собственной силы их, а от власти тех, коих они призывают.

44. Но не подлежит сомнению, что Христос все, содеянное Им, совершил без помощи каких-либо средств (rerum), без всякого соблюдения обрядов и установленных формул (lege), только силой Своего имени, и с благодетельной щедростью даровал нам то, что свойственно истинному Богу, что приличествует Ему и достойно Его, не вредное, не пагубное, но благотворное, спасительное и полное вспомоществующей нам (auxiliaris nobis) силы.

45. Что говорите вы еще? Итак, смертным или одним из нас был Тот, властью и повелением Которого, выраженными простыми, обыкновенными словами, удалялись недуги, болезни, горячки и другие телесные страдания? Одним из нас был Тот, присутствие и взгляд Кото-

[94] В волшебных формулах встречаются имена ангелов, которым приписывалась чудодейственная сила.

рого не могли выносить скрывавшиеся в телах демоны и, устрашенные необычайной силой, оставляли одержимые ими члены? Одним из нас был Тот, повелением Которого немедленно подчинялась изгонявшаяся Им отвратительная проказа и тело снова получало однообразный цвет[95]? Одним из нас был Тот, от легкого прикосновения Которого останавливалась кровоточивость и прекращалось чрезмерное истечение? Одним из нас был Тот, мановением Которого удалялась скопившаяся под кожей водяная влага, прекращалось проникновение жидкости, и опухоль тела, вследствие благотворного осушения его, опадала[96]? Одним из нас был Тот, Который повелевал хромым бегать, — и это немедленно исполнялось, увечным [повелевал] протягивать руки — и суставы немедленно получали природную подвижность, страдавшим расслаблением членов [повелевал] вставать — и те, кого прежде носили на чужих плечах, теперь сами немедленно несли свои постели, [повелевал] лишенным зрения видеть — и немедленно видели небо и дневной свет родившиеся без зрения?

46. Одним из нас был, говорю, Тот, Который страдавших от различных немощей и от ста или более болезней сразу, через одно Свое посредство исцелял, по простому слову Которого успокаивались яростно бушующие моря и утихали бури и ураганы, Который сухими ногами ходил по глубочайшим пучинам и ступал по поверхности моря, причем воды приходили в оцепенение, и природа покорно подчинялась, Который пять тысяч следовавших за Ним [человек] насытил пятью хлебами и, чтобы неверующим и упорным не казалось это обманом, наполнил двенадцать корзин кусками остатков? Одним из нас был Тот, Кто повелевал душам возвратиться в давно оставленные ими тела, похороненным выйти из гробов и через три дня после похорон освободиться от погребальных покрывал? Одним из нас был Тот, Кто проникал в желания каждого и в тайные помышления, безмолвно хранимые в сердцах? Одним из нас был Тот, Кто как только произносил одно слово, то различные народы, говорящие на различных языках, понимали Его, как пользующегося родными звуками их слов и собственным каждого из них языком[97]? Одним из нас был Тот, Кто, передав служение истинной религии Своим последователям, быстро наполнил [ей] весь мир и, открыв неизмеримость Своего имени, показал, какое величие

[95] Вследствие очищения тела от испещрявших его пятен, сыпей и струпьев.

[96] Ср. исцеление страдавшего водяной болезнью (Лук. 14 : 1–4).

[97] Здесь Арнобий указывает по-видимому, на события, бывшие при сошествии Св. Духа (Деян. 2), не имея о них ясного представления.

свойственно Ему и Кто Он? Одним из нас был Тот, Кто, оставив тело, являлся бесчисленным людям открыто, при дневном свете, Кто говорил и слушал, учил, вразумлял и наставлял; Кто неоднократно являлся им[98] и дружески беседовал с ними, чтобы они не считали себя обманутыми пустыми призраками; Который еще и теперь не в пустых сновидениях, а в ясном и простом виде является праведным, непорочным и любящим Его людям; имя Которого, будучи услышано, обращает в бегство злых духов, налагает молчание на прорицателей, приводит гадателей в замешательство и делает тщетными действия высокомерных волхвователей не вследствие ужаса, внушаемого Его именем, как вы говорите, а силой высшей власти.

47. Это краткое изложение сделано нами не потому, что величие совершавшего должно быть усматриваемо только в этих одних чудесных действиях. Ибо насколько это велико или ничтожно и маловажно, это окажется из того, если будет сообщено, из каких царств Он пришел и какого Божества посредником Он был. Что Он совершил, это сделано Им не ради пустого тщеславия и самовозвеличения, а для того, чтобы люди упорные и неверующие знали, что не ложны Его обетования, и чтобы из благотворности Его дел они научились догадываться, что такое есть истинный Бог. Но так как дела Его перечислены нами, как мы сказали, кратко, то мы хотим, чтобы знали также и то, что Христос не то [только] мог [совершить], что совершил, но и превозмог определения судьбы. Ибо если недуги и телесные страдания, глухота, увечье, немота, сведение жил и утрата зрения случаются и посылаются, как это ясно и общепризнано, по определению судьбы, и если один только Христос исправил это, восстановил и исцелил, то яснее солнца, что Он был могущественнее судьбы, потому что Он упразднил и победил то, что было связано вечными узами и неизменной необходимостью.

48. «Но напрасно, — скажет кто-нибудь, — ты столько приписываешь Христу, потому что мы знаем и знали, что также и другие боги помогали весьма многим болящим и исцеляли болезни и немощи многих людей». Я не доискиваюсь и не настаиваю на том, какой бог или в какое время и кому помог или какому больному восстановил здоровье; я желаю знать только одно: повелевал ли он болезням без применения какого-либо вещества, т. е. какого-нибудь врачебного средства, через [одно] прикосновение оставлять людей или совершал ли он своим повелением то, что и причина болезней исчезала, и тела больных прихо-

[98] Своим ученикам и последователям.

дили в свое прежнее природное состояние? Ибо Христос, как известно, или через прикосновение руки к больным членам, или простым словом повеления отверзал слух глухих, изгонял слепоту из глаз, давал способность речи немым, освобождал члены от уз, возвращал расслабленным способность ходить, обыкновенно словом и повелением исцелял проказы, лихорадки, подкожные болезни и все другие роды недугов, которым подвергались тела людей по воле какой-то беспощадной жестокости. Что подобного этому [сделали] все они, которые, как вы говорите, оказывали помощь больным и страждущим, если когда-либо они, как ходят слухи, назначали некоторым врачебные средства, или заставляли принимать какую-либо пищу, или пить какой-либо напиток, или прикладывать при беспокоящих болезнях соки трав и растений, гулять, быть в покое или воздерживаться от чего-либо вредного? Что в этом нет ничего великого и заслуживающего удивления и изумления, это очевидно, если вы захотите вникнуть в это, потому что таким же образом излечивают и врачи, существа, родившиеся на земле и не опирающиеся на истинное знание, но следующие искусству, основывающемуся на гипотезах, и колеблющиеся при оценке предположений. Но в устранении врачебными средствами того, что причиняет вред, нет ничего удивительного: это — благотворное действие вещей, а не проявление силы лечащих, и пусть будет похвальным знание того, каким врачебным средством или искусством и кого следует лечить, но похвала эта уместна не для Бога, а для человека. Последнему не бесчестно улучшать здоровье человеческое посредством внешних средств, но Богу не приличествует доставлять здоровье и благосостояние не через Себя Самого, а при помощи внешних средств.

49. И так как вы сравниваете благодетельные исцеления через других богов с дарованными Христом, то не хотите ли, чтобы нами было указано, сколько тысяч [людей] недужных, сколько удрученных изнурительными болезнями совсем не получили никакого облегчения, хотя они ходили с молениями по всем храмам, хотя, повергшись перед лицом богов, покрывали самые пороги дверей поцелуями[99], хотя в течение всей своей жизни они осаждали молениями самого Эскулапа, прославляемого как подателя здоровья, и жалобно взывали к нему? Не знаем ли мы, что одни умерли со своими страданиями, другие состарились с мучительными болезнями, иные стали находиться в

[99] У древних было в обычае при тяжких несчастиях ходить во все храмы с молитвами к богам о помощи и при самом входе в храм повергаться ниц и целовать пол.

более опасном состоянии после того, как дни и ночи проводили в беспрестанных молениях и в ожидании милости? Что пользы указывать на одного или другого, может быть, исцелившихся, когда стольким тысячам никто не помог и когда все храмы полны жалких и несчастных? Вы, может быть, скажете, что боги помогают добрым и не взирают на злых. Но Христос одинаково помогал добрым и злым, и Им не был отвергаем никто из просивших помощи в тяжелом положении против жестокого нападения судьбы. Ибо истинному Богу и царскому могуществу свойственно никому не отказывать в Своей милости и не принимать во внимание того, кто заслуживает или не заслуживает этого, потому что человека делает грешником природная слабость (infirmitas), а не выбор воли или решения[100]. Говорить, далее, что боги оказывают помощь тем страждущим, которые заслуживают этого, это значит оставлять в неопределенном положении и делать сомнительным то, что ты утверждаешь, так что и тот, кто стал здоровым, может казаться избавившимся [от болезни] случайно, и относительно того, кто не выздоровел, можно думать, что он не мог освободиться от болезни не по причинам своей вины, а вследствие бессилия богов.

50. Мало того. Эти чудеса, которые нами изложены кратко, а не так, как требовало величие предмета, Он не только Сам совершал Своей силой, но —что гораздо выше — многим другим предоставил предпринимать и совершать во имя Его. Ибо так как Он видел, что вы будете отрицать Его деяния и божественное дело, то, чтобы не возникло подозрение, что обильные дары и благодеяния дарованы Им при помощи магических искусств, Он из той бесчисленной массы народа, которая следовала за Ним, удивляясь Его благодеяниям, избрал рыбаков, ремесленников, простых и неопытных людей, чтобы они, будучи посланы к различным народам, совершали все те чудеса без всяких прикрас и вспомогательных средств. Он словом успокаивал мучения болящих членов; так же и они словом успокаивали боли ужасных страданий. Он одним повелением изгонял бесов из тел и находившимся в исступлении возвращал ясное сознание; так же и они таким же повелением возвращали мучимым ими[101] здоровье и спокойствие. Он прикосновением руки удалял пятна белой проказы; так же и они посредством подобного прикосновения восстанавливали прежний вид тела. Он повелевал одержимым водянкой и опухшим членам возвращаться в природное

[100] Арнобий хотя не отрицал свободы воли (ср. II, 64–65), но имел о ней, по-видимому, не совсем ясное понятие.

[101] Бесами.

состояние, свободное от излишней влаги; так же и служители Его таким же образом останавливали распространение воды и повелевали ей течь своими путями без вреда для тела. Он словом в одно мгновение останавливал постоянное разрушительное действие огромных и неизлечимых нарывов[102]; так же и они подобным образом заживляли упорный и жестокий рак и прекращали распространение его. Он давал хромым способность ходить, слепым глазам — зрение, возвращал умерших к жизни; так же и они давали свободу сведенным жилам, восстанавливали давно утраченный свет в глазах и поведывали умершим возвращаться вместе с похоронной процессией из гробов. И все то, что было совершено Им при всеобщем удивлении и изумлении, Он предоставил также совершать этим простым и необразованным [людям] и подчинил власти их.

51. Что скажете на это вы, неверующие, упорные и огрубелые умы? Дал ли кому-либо из смертных Юпитер Капитолийский такого рода власть? Наделил ли он куриона[103] или верховного понтифика[104], даже фламина Юпитерова (Dialem flaminem)[105], как принадлежащего ему, таким полномочием — я не скажу, чтобы воскрешать умерших, возвращать зрение слепым, восстанавливать у скорченных и расслабленных прежнее положение членов, но чтобы повелительным словом или прикосновением руки удалить прыщик, заусеницу, волдырь? Итак, было ли то нечто человеческое и могла ли из уст, питавшихся прахом земным, быть дана такая власть, или могло ли произойти такое полномочие, а не нечто божественное и святое, или, если предмет допускает преувеличение, более, чем божественное и святое? Ибо если ты сам делаешь то, что можешь и что соответствует твоим силам и твоей способности, то нет основания для выражения удивления, потому что ты делал то, что мог и что должна была произвести твоя сила, так что между действием и совершавшим его обнаруживается полное соответствие. Быть в состоянии перенести на другого свое право и то, что один только ты можешь делать, сообщить бренному существу и сделать его участником в этом, — это свойственно силе, возвышающейся над всем и заключающей в себе причины всех вещей и свойства всех законов (rationum) и сил.

[102] Разумеются злокачественные нарывы ракового характера.

[103] Курион — представитель курии, заведывавший богослужебными делами ее.

[104] Верховный понтифик (pontifex maximus), стоявший во главе жреческой коллегии понтификов, был представителем высшей духовной власти у римлян.

[105] Фламин — жрец одного определенного божества.

52. Пусть же прибудет теперь через жаркий пояс из отдаленной страны маг Зороастр — если мы соглашаемся с свидетельством Гермиппа[106] — Бактрийский, и вместе с ним пусть явится тот Армений, внук Зостриана, деяния которого излагает Ктесий в первой книге Историй[107], и друг Кира, Памфил[108], также Аполлоний[109], Дамигерон, Дардан[110], Бел[111], Юлиан[112], Бебул[113] и все те, о которых говорят как об мевших выдающееся значение и известность в подобного рода фокусах: пусть они сообщат кому-либо из народа власть давать устам немых способность ясной речи, отверзать слух глухих, восстанавливать у слепорожденных естественные свойства глаз и возвращать уже давно оцепеневшим членам чувствительность и жизнь. Или, если это слишком трудно и если они не могут другим дать власть для такого рода дел, пусть сами они делают это и именно с применением своих обычаев; пусть они соберут и применят все волшебные травы, которые питают недро земли, все имеющие силу нашептываемые слова и присоединяемые необходимые наговоры — мы не препятствуем, не отказываем им в этом; пусть будет испытано и узнано, могут ли они с своими богами производить то, что совершали простые христиане посредством одних повелений.

53. Перестаньте, неведущие [люди], обращать столь великие пред-

[106]Гермипп, обыкновенно называемый Смирнским и перипатетиком, написал (ок. 220 г. до Р. Х.) большое биографическое сочинение, от которого сохранились незначительные отрывки.

[107]Здесь разумеется, по всей вероятности, историческое сочинение Ктесия Persica (ок. 400 г. до Р. Х.), которое состояло из 23 книг и от которого сохранились лишь отрывки.

[108]О магах Армении и Памфиле нет сведений у других древних писателей. Некоторые комментаторы понимают слова Armenius и Pamphylus в смысле прилагательных и видят здесь указание на армянского и памфилийского магов, носивших имя Зороастра.

[109]Аполлоний Тианский (I в. Р. Х.), которому приписывались многие чудеса и которого некоторые языческие писатели сравнивали с Христом.

[110]О Дамигероне и Дардане как о магах упоминают и Тертуллиан (De anima 57), и другие древние писатели.

[111]На Бела (по Орели — Velus) как на мага нет указаний у других древних писателей.

[112]Юлиан при императоре Марке Аврелии пользовался как маг большой известностью.

[113]Бебула (Baebulus), на которого нет указаний у других древних писателей, некоторые комментаторы отождествляют с Бабилом (Babilus), о котором упоминает Светоний в биографии Нерона, как о пользовавшемся известностью астрологе (Nero. 36).

меты[114] в поругания, которые нисколько не повредят Тому, кто это совершил, но вам принесут опасность, — опасность, говорю, немалую, но относящуюся к тому, что имеет исключительное, преимущественное значение, так как душа есть нечто драгоценное, и для самого человека ничего не может быть более дорогого. Ничего, как вы думаете, магического, ничего человеческого, фокуснического или лукавого, никакого обмана не скрывалось во Христе, хотя вы обыкновенно насмехаетесь [над Ним] и предаетесь необузданному хохоту. Он был Бог вышний, Бог по самому существу, и Бог из неведомых царств был послан Богом (Deo), властителем (principe) всего, как Спаситель, относительно Которого ни самое солнце, ни какая-либо из звезд, если они обладают способностью разумения, ни правители и властители мира, ни, наконец, великие боги или те, которые, выдавая себя за богов, наводят страх на весь род человеческий, не могли знать или предполагать, откуда Он и кто Он. И это справедливо. Но, по оставлении тела, которое Он имел как незначительную часть Свою, и после того, как Он дал Себя видеть и знать, какое величие свойственно Ему, все стихии мира, устрашенные необычайностью событий, пришли в смятение, земля поколебалась и задрожала, море до самого дна взволновалось, воздух покрылся густой тьмой, жар огненного круга солнца ослабел, и оно оцепенело. Что же еще могло произойти после того, как был узнан как Бог Тот, Кто уже давно считался одним из нас?

54. Вы, конечно, не верите этим фактам. Но те, кто наблюдали их, кто собственными глазами видели их совершающимися, наилучшие свидетели и самые надежные удостоверители, и сами верили в них, и передали их нам, потомкам, как вполне достоверные, с немаловажными подтверждениями. Вы, может быть, спросите: кто же это? Племена, народы, нации и тот неверующий род человеческий, который, если бы дело не было очевидным и, как говорится, яснее самого солнца, никогда не согласился бы поверить явлениям подобного рода. Неужели мы можем сказать, что люди того времени до такой степени были пусты, лживы, глупы и неразумны, что воображали себя видевшими то, чего никогда не видели, и сообщали, ложно свидетельствуя, или подкрепляли детскими уверениями то, чего совсем не было, и попусту подвергали себя ненависти, и носили считавшееся презренным имя, между тем как они могли бы жить в согласии с вами и иметь с вами дружественные отношения?

[114] Чудеса Христа.

55. Но если сообщения обо всем этом, как вы говорите, ложны, то почему религия эта в столь короткое время распространилась по всему миру и каким образом могли прийти к единомыслию народы, рассеянные по [разным] странам и отделенные одни от других через место жительства и климатические условия? Неужели они были обольщены одними уверениями, были увлечены пустыми надеждами и добровольно захотели с безумным отчаянием подвергать себя опасностям жизни, хотя не видели ничего такого, что своей необычайной чудесностью могло бы склонить их к этой религии? Напротив того, так как они видели исполнение всего этого Им Самим и Его проповедниками, которые, будучи посланы в весь мир, приносили благодеяния Отца как дары душам и телам, то, побежденные силой истины, предали себя Богу и не считали великим лишением для себя предоставить вам свои члены и отдать свои тела на растерзание.

56. Но наши писатели лживо изложили это, чрезмерно преувеличили незначительные события и через напыщенные похвалы придали мелочам важное значение? Однако если бы могло быть изложено в писаниях все то, что было совершено Им Самим и что с одинаковой властью и силой было исполнено Его проповедниками, то такое обилие чудес сделало бы вас более неверующими и вы, может быть, могли бы найти повод к тому, чтобы казалось весьма вероятным, что и события преувеличены, и сделаны подложные добавления к писаниям и толкованиям. Но не могло все быть записано и достигнуть слуха всех среди некультурных народов и не знакомых с употреблением письма, и если что записано и описано, то здесь, по злобе демонов, ревностно заботящихся об устранении этой истины, и подобных им людей[115], одно вставлено и добавлено, а другое изменено, и сделаны опущения слов, слогов и букв, чтобы и помешать доверию людей благоразумных, и ослабить значение фактов[116]. И никогда нельзя будет на основании этих свидетельств Писания вывести надлежащим образом (bene) заключение о том, кто был Христос, дело которого для того только от-

[115] Еретиков.

[116] Следующие затем слова составляют одно из наиболее трудных мест для понимания и различно объясняются. По-видимому, здесь выражается мысль, что нехорошо поступают те, кто при решении вопроса о том, кто был Христос, опираются исключительно на свидетельства Священного Писания (his litterarum testimoniis), но должно принимать во внимание предание (ea quae dicimus), если оно находит для себя подтверждение в Писании (см.: Leckelt. Ueber. d. Arnobius Schrift Advers. nation. Neisse, 1884. S. 8).

крыто (cujus in id solum dimissa est causa)[117], чтобы, если подтвердится (constiterit) истинность того, что мы говорим, через исповедание всех было доказано, что Он Бог.

57. Вы не верите нашим писаниям, а мы не верим вашим писаниям. Мы [по вашим словам] выдумываем ложь о Христе: и вы распространяете пустые и ложные сведения о ваших богах; ибо не бог какой-либо, спустившийся с неба, написал собственными руками ваши писания или подобным образом умалил значение наших писаний и [нашей] религии. Эти написаны людьми, и те написаны людьми, изложены человеческой речью, и все то, что вы с настойчивостью говорите о наших писателях, примите и считайте за сказанное и имеющее одинаковое значение относительно ваших. Вы утверждаете, что истинно то, что содержится в ваших писаниях; необходимо должны вы признать и истинность того, что записано в наших писаниях. Вы обвиняете наши писания во лжи; и мы обвиняем ваши во лжи. Но «наши [писания]», говорите вы, «более древни и потому достоверны и истинны», как будто бы древность не служит обильным источником заблуждениий и не она породила те рассказы, которые заклеймили богов позорными пятнами в бесстыдных баснях. Разве за десять тысяч лет тому назад нельзя было слышать ложь и верить ей, и не более ли правдоподобно то, что близкому и недалекому более свойственна достоверность, нежели тому, что отделено длинным промежутком времени? Ибо первое основывается на свидетелях, а последнее — на мнениях, и гораздо скорее можно признать, что менее вымыслов в новом, чем в том, что происходить из отдаленной темной древности.

58. Но «они[118] написаны людьми необразованными и простыми, и поэтому не следует легкомысленно верить им». Рассуди, не служит ли это скорее причиной того, что они не искажены никакой ложью, как написанные простодушно и чуждые стремлению к искусственности и преувеличениям. «Язык их прост и нечист», потому что истина никогда не стремится к прикрасам, и то, что дознано несомненно, не допускает развития речи посредством длинных периодов. Силлогизмы, энтимемы[119], определения понятий и все те украшения речи, через которые стараются приобрести доверие к утверждениям, хотя помогают

[117] Разумеется дело Христа как Спасителя мира, открытое нам в свидетельствах Священного Писания.

[118] Писания христиан.

[119] Энтимемами (enthymemata) называются умозаключения из противоположного и сокращенные силлогизмы, в которых опускается большая или меньшая посылка.

в предположениях, но не представляют черт истины. Впрочем, кто знает то, что говорится, тот не употребляет определений и силлогизмов и не пользуется искусственными выражениями, которыми обыкновенно пленяются слушатели и через необходимые ухищрения склоняются к согласию.

59. Ваши писания, говорят, усеяны варбаризмами, солецизмами и обезображены грубыми погрешностями[120]. Этот укор совершенно детский и свойствен ограниченному уму. Если бы мы допустили правильность этого [укора], то должны были бы изъять из нашего употребления некоторые виды плодов, как рождающиеся вместе с шипами и другими отбросами (purgamentis)[121], которые не могут служить пищей для нас и, однако, не мешают нам пользоваться тем, что составляет существенную часть и что определено природой служить на пользу нам. Ибо что мешает, спрашиваю я, и какое затруднение для понимания представляет, если излагается что-либо гладко, или шероховато и грубо, и если произносится протяжно (inflectatur) то, что должно произносить с повышением голоса (acui), или произносится с повышением голоса то, что должно произносить протяжно? И каким образом становится менее верным сказанное, если встречаются погрешности относительно числа или падежа, предлога, причастия, союза? Этот блеск языка и построение речи по правилам пусть соблюдаются на ораторской кафедре, в процессах, на форуме, в судах и пусть предоставляются в особенности тем, кто, ища привлекательности и удовольствий, все свое старание употребляют на красоту выражений. Когда дело касается предметов, далеких от хвастовства, то должно обращать внимание на то, что говорится, а не на то, с какой приятностью говорится, и не на то, что ласкает слух, а на то, какую пользу приносит, это слушателям, тем более что мы знаем, что также некоторые философы не только пренебрегали отделкой языка, но даже, имея возможность говорить изящнее и с большей полнотой, нарочито пользовались обыкновенной простой речью, чтобы не повредить строгой серьезности и не тщеславиться софистическим пустым блеском. Ибо в делах важных искать удовольствия и, имея дело с нездоровыми и больными, ласкать слух их приятными словами, а не лекарства прикладывать к ранам, служит доказательством легкомыслия. Впрочем, собственно говоря, никакая речь по природе не бывает ни правильной, ни неправильной. Ибо есть ли какое-либо естественное основание или закон, начертанный в мировом порядке, чтобы говорить «эта» стена и «этот» стул, хотя они

[120] Относительно языка и стиля.

[121] То есть с шелухой, скорлупой, стручками и т. п.

не имеют полов, которые можно было бы различать как мужской и женский род, и никакой ученейший человек не может мне объяснить, что такое «этот» и «эта» и почему одно из них обозначает мужской пол, а другое употребляется при женском роде. Это человеческие установления и не для всех необходимые при употреблении языка; потому что можно было бы, может быть, вполне безупречно говорить и «эта» стул, и «этот» стена, если бы сначала было принято так говорить и если бы в последующие века это удержалось в общей разговорной речи. И однако вы, обвиняющие наши писания, как обезображенные грубыми ошибками, не встречаете ли эти погрешности также в величайших и дивных произведениях? Не говорите ли вы то haec utria, то hos utres, то caelus, то caelum, также pileus и pileum, crocus и crocum, fretus и fretum? Не употребляется ли у вас hoc pane и hic panis, hic sanguis и hoc sanguen, candelabrum и juguium и равным образом candelaber и jugulus? Ведь если каждое в отдельности имя не может иметь более одного рода и не может быть то одного, то другого рода, потому что один род не может переходить в другой, то столько же погрешает тот, кто мужские имена употребляет в женской форме, сколько погрешает тот, кто мужской член ставит перед именами женского рода. Но мы видим, что вы употребляете и имена мужские в женской форме, и женские — в мужской, а те, которые вы называете neutra[122], — в той и другой форме без всякого различия. Таким образом, или не составляет никакой погрешности безразлично пользоваться ими, и вы несправедливо приписываете нам обезображение грубыми погрешностями языка, или, если несомненно то, что каждое слово должно употребляться согласно с известными правилами, то также и вы страдаете подобного рода погрешностями, хотя вы имеете всех Эпикадов, Цезеллиев, Верриев, Скавров и Низов[123].

60. Но, говорят, «если Христос был Бог, то почему Он явился в образе человека и почему Он умер, как человек?». Могла ли эта невидимая сила, не имеющая ничего телесного, явиться в мире, быть доступной для него и вступать в общение с людьми иначе, нежели приняв некоторый покров более или менее плотной материи, на которую мог бы быть обращен взор и который мог бы спокойно быть созерцаем?

[122] Не относящимися ни к тому, ни к другому, т. е. ни к мужскому, ни к женскому роду.

[123] Корнелий Эпикад, Цезеллий Виндик (Vindex), Веррий Флакк, Теренций Скавр и Низ пользовались почетной известностью как знатоки языка и авторы произведений по грамматике и лексикографии.

Ибо кто из людей мог бы увидеть и заметить Его, если бы Он восхотел таким явиться на земле, каков Он по Своей изначальной природе и каким Он Сам восхотел быть в Своей сущности или божественности? Поэтому Он принял образ человека и в подобии нашему роду сокрыл Свое могущество[124], чтобы мог быть видимым и замечаемым, говорить [с людьми], учить и совершать все то, для исполнения чего Он пришел в мир по воле и определению высочайшего Царя.

61. «Что же, разве высочайший Царь, — говорят, — не мог без принятия образа человека совершить то, исполнение чего в мире Он определил?» Если бы необходимо было совершить это так, как вы говорите, то Он, может быть, так и совершил бы, а так как это не было необходимо, то Он совершил это иначе. Почему Он восхотел [совершить это] так, а не иначе, причины этого сокрыты во мраке и едва ли постижимы для кого-либо. Но ты, может быть, мог бы понять их, если бы уже давно не был подготовлен к непониманию и если бы не настроил себя к упорному неверию прежде, чем было бы изложено то, что ты ищешь знать и слышать.

62. «Но Он умер как человек». Не Он Сам, ибо божественное не может быть уничтожено смертью, и то, что едино и просто и не состоит из соединения каких-либо частей, не может разложиться и погибнуть. «Кто же был видим висящим на кресте и кто умер?» Человеческое естество (homo), которое Он принял и носил с Собою (secum portabat). «Это неимоверно и покрыто непроницаемой тьмой». Если угодно, это не темно и подтверждается следующими примерами. Если бы Сивилла в то время, когда она, будучи, как вы говорите, исполнена силы Аполлона, изрекала оракулы, была убита и лишена жизни безбожными разбойниками, то неужели можно было бы сказать, что в ней был умерщвлен Аполлон? Если бы Бакид, Гелен, Марций[125] и другие подобным образом прорицавшие предсказатели были лишены жизни и света, то неужели кто-нибудь мог бы сказать, что были умерщвлены по закону, которому подлежит человечество, те, которые, говоря их устами, открывали спрашивавшим ход событий? Та смерть, о которой вы говорите, была [смертью] воспринятого человеческого естества (ho-

[124] Ср. Флп 2:7; Рим. 8:3.

[125] Бакид (Bacis), прорицатель из Беотии, которому приписывается сборник оракульских изречений. Встречаются указания также на Аркадского и Аттического Бакида. Гелен, сын царя Приама, был птицегадателем и прорицателем. Марций — прорицатель времен второй Пунической войны. В древности пользовался известностью сборник предсказаний (Carmina Marciana), приписывавшихся ему или двум братьям Марциям.

minis), а не Его Самого, носимого, а не носящего[126], и самый образ не подвергся бы ей, если бы не должно было совершиться столь великое дело[127] и в сокровенных тайнах смерти (fati) открыться неизъяснимое определение.

63. Скажешь: «Какие это сокровенные и непроницаемые тайны?». Те, которых никто из людей не может знать и которых даже так называемые боги мира не могут достигнуть ни в каких догадках и предположениях, за исключением тех, коих Сам Он удостоил наделить дарами такого знания и ввести в сокровенные глубины таинственного святилища. Что же? Если бы Он не хотел, чтобы кто-либо наложил на Него руки, то не должен ли Он был бы все усилия употребить к тому, чтобы даже всей силой удалить от Себя Своих врагов? Возвращавший зрение слепым разве не мог, если бы нужно было, поразить (врагов) слепотой? Дававшему крепость сил расслабленным разве трудно или тяжело было сделать их расслабленными? Повелевавший хромым ходить разве не мог через затвердение жил связать движение членов? Выводившему умерших из гробов разве трудно было подвергнуть смерти кого угодно? Но так как [божественное] определение требовало исполнения того, что было предопределено, и именно здесь, в самом мире, и так, как это совершилось, то Он, в Своей неоценимой и неимоверной благости, смотря на беззакония людей в отношении к Нему, как на детское неразумие, допустил бесчеловечных, жестоких палачей (latronibus) наложить на Него руки и не признал необходимым вменить им то, что учинила их дерзость, чтобы только Своим открыть, что они должны ожидать от Него. Ибо когда Он, давая наставления об опасностях для душ в худой жизни и, наоборот, о спасении их в добродетельной жизни, определил как учитель и законодатель соответствующие Его законам и установлениям обязанности, то не сокрушил ли Он гордыню высокомерия, не угасил ли пламя страстей, не обуздал ли ненасытность алчности, не исторг ли оружие из рук и не уничтожил ли всякие рассадники всех пороков? Наконец, Сам Он не был ли кротким, тихим, доступным для всех, обходительным, соболезнующим несчастиям человеческим и, умилосердившись над всеми вообще, удрученными страданиями и телесными недугами и болезнями, не исцелял ли и не спасал ли их?

64. Что же побуждает и заставляет вас злословить, поносить и проявлять непримиримую вражду в отношении к Тому, Кого никто не

[126] То есть человеческого, а не божеского, естества.
[127] Дело спасения людей.

мог обвинить и уличить в каком-либо преступлении? Своих тиранов и царей, которые, оставив страх перед богами, расхищали и разграбляли сокровищницы храмов, которые через проскрипции, ссылки и убийства отнимали знатнейших граждан у государств и посредством необузданного насилия лишали матрон и девиц целомудрия, вы называете индигетами[128] и богами, и тех, кого вам следовало горячо ненавидеть, вы чествуете посредством пиршеств, жертвенников, храмов и других видов культа, торжественных зрелищ и празднеств в дни рождения. Также и всеми теми, которые в написанных ими разнообразных сочинениях подвергают язвительным насмешкам общественные нравы, которые бичуют, клеймят и поносят роскошь и ваши пороки, которые, благодаря долговременному сохранению сочинений, распространяют позорные явления своего времени до потомков, которые внушают общность браков, которые ложатся вместе с красивыми, распущенными, нагими мальчиками, которые называют вас скотами, беглецами, ссыльными, рабами худшего разряда, бешеными и сумасшедшими, — вы восхищаетесь, рукоплещете им, превозносите их до звезд небесных, помещаете в книгохранилищах, чествуете посредством колесниц и статуй и, насколько это зависит от вас, как бы увековечиваете их через свидетельство бессмертных надписей. Одного только Христа вы хотели бы, если бы это возможно было в отношении к Нему как Богу, опозорить, растерзать и даже, если бы это можно было, изгрызть Его, подобно диким зверям, кровожадной пастью и проглотить вместе с раздробленными костями. За какую же, прошу вас сказать, вину, за какой проступок? Что такое совершил Он, что отступало бы от правого пути и что могло бы возбуждать в вас жестокую, бешеную ненависть? Не за то ли, что Он возвестил о Себе как о страже ваших душ, посланном единым Царем, и что Он приносит вам бессмертие, которым, как вы убеждены, вы обладаете, будучи склонены к этому уверениями немногих людей? Но если бы даже было несомненным для вас, что Он говорит ложь и подает пустые надежды, то и в таком случае я не вижу основания, почему вы должны были бы ненавидеть Его, враждебно нападать на Него и осуждать; напротив, если бы вы обладали спокойствием и добродушием, то уже по тому одному должны были бы любить Его, что Он обещал вам достойное желание и благоприятное, что Он был провозвестником всего доброго, что Он проповедовал то, что ничьего сердца не огорчало, но, наоборот, наполняло его верной надеждой.

[128] См. выше, гл. 36.

65. О, неблагодарный и безбожный род людей, доведенный неимоверным упорством до собственной погибели! Если бы из отдаленных и совершенно неизвестных вам стран прибыл к вам какой-либо врач, обещая такое лекарство, которое вполне избавляло бы ваши тела от всех видов болезней и недугов, то не прибежали ли бы все вы наперерыв друг перед другом? Не приняли ли бы вы его дружески в своих стенах, оказывая ему всякие любезности и почести? Не желали ли бы вы, чтобы это лекарство было действенным и чтобы справедливым оказалось обещание об освобождении тел от столь многочисленных недугов до последних пределов жизни? И хотя бы успех был сомнительным, вы, однако, с доверием отнеслись бы и без колебания пили бы неизвестный напиток, побуждаемые надеждой на обещанное выздоровление и желанием сохранения здоровья. Воссиял и явился Христос, провозвестник величайшего дела [спасения], принесший верующим добрые обетования и спасительные вести. Что это за жестокость, за бесчеловечность столь великая или, правильнее говоря, высокомерие и превозношение, что Провозвестника и Подателя столь великого дара не только терзают путем злословий, но преследуют посредством жестокой войны с применением всякого рода оружия? Вам не нравится то, что Он говорит, и выслушивается вами с досадой — считайте это за смешное пророчество. Говорит Он глупости и обещает нелепые дары — смейтесь, как [смеются] мудрые люди над вами, и предоставьте глупости оставаться при своих заблуждениях. Что это за жестокость, чтобы повторить то, что часто говорилось, и какая кровожадность — объявлять непримиримую войну Тому, кто ни в чем не провинился перед тобой, растерзать, если бы возможно было, вместе с самыми внутренностями Того, Кто не только не причинил никому никакого зла, но даже врагам благоволил открыть, какое спасение приносится душам от верховного Бога и что нужно делать для того, чтобы избежать погибели и достигнуть неизвестного [им] бессмертия? Но так как необычайность учения (rerum) и неслыханность обетования смущали умы слушателей и склоняли веру к колебанию, то Господь всех сил и Истребитель самой смерти допустил умертвить свое человеческое естество, чтобы из последующего[129] они узнали, что несомненны их надежды, которые они уже давно имели относительно спасения душ, и что иным образом нельзя избежать опасности смерти.

[129] Его воскресения.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Если представится возможность, я желал бы в этом месте, сделав небольшое отступление от первоначального плана, обратиться ко всем тем, кому ненавистно имя Христа, со следующими словами: если вы не считаете обидным для себя что-то ответить на вопросы, то объясните нам и скажите, что это значит или что служит причиной того, что вы столь жестокими войнами преследуете Христа, или какие вы таите в себе оскорбления с Его стороны, что при упоминании Его имени воспламеняетесь и приходите в дикое неистовство? Разве Он, присвоив Себе царскую власть, наполнил всю землю враждебными войнами и отчасти истребил и уничтожил те народы, которые с самого начала были мирными, а отчасти принудил подчиниться Ему, победив их упорство? Разве Он, сгорая страстью корыстолюбия, присвоил Себе, как собственное имущество, те богатства, которые с усердием старался накапливать род человеческий? Разве Он, в пылу страстного сластолюбия, разрушил насильственно преграды целомудрия или тайно посягал на брачные союзы других? Разве Он, вследствие надменности и гордого высокомерия, наносил обиды и оскорбления всем (passim) без различия лиц?

2. Он не на всех распространил свет жизни и не [от всех] удалил опасность неведения? Но если бы Он недостоин был того, чтобы вы должны были слушать Его и верить Ему, то уже по тому самому Он не должен быть пренебрегаем вами, что Он указал вам средства спасения, открыл вам пути к небу и желанное бессмертие. «Но Он потому, конечно, заслуживает ненависти, что изгнал религии из мира, что не допускал служения богам». Так неужели же может быть обвиняем как уничтожитель религии и виновник безбожия Тот, Кто ввел в мире истинную религию, Кто людям слепым и на самом деле живущим в безбожии открыл двери благочестия и указал, кому они должны подчиняться? Есть ли какая-либо религия, более истинная, более соответствующая нашим обязанностям, более имеющая силы и более справедливая, нежели та, чтобы знать верховного Бога, уметь смиренно молиться верховному Богу, Который служит единственным Главой и постоянным Источником всех благ, Отцом, Основателем и Создателем всего сущего, от Которого все земное и все небесное одушевляется и получает движение и жизнь и Которого если бы не было, то ничто не имело бы наименования и не существовало бы.

3. Вы, может быть, сомневаетесь, существует ли тот Повелитель, о котором мы говорим, и более верите в существование Аполлона, Дианы, Меркурия, Марса? Представь себе истинных судей, и они, окинув взором все то, что мы видим, скорее усомнятся в существовании других богов, нежели будут сомневаться в бытии того Бога, Которого все мы по природе признаем, когда восклицаем «о, Боже!» или когда выставляем этого Бога свидетелем против несправедливости и так, как будто Он нас видит, поднимаем лицо к небу. «Но Он воспретил людям молиться низшим богам». Знаете ли вы, кто эти низшие боги или где они? Неужели мысль или воспоминание о них когда-то настолько овладели вами, что вы справедливо негодуете на то, что упразднено служение им и что они лишены чествований? Если бы высокомерие и то, что греками называется τυφός (надменность), не препятствовали и не служили преградой для вас, то вы уже давно могли бы знать, что и почему Он воспретил в тех границах, в которых Он хотел установить истинную религию, какая великая опасность для вас происходит оттого, что вы колеблетесь в повиновении [Ему], и от каких зол вы освободились бы, если бы отказались от опасного заблуждения.

4. Но все это с большей ясностью и обстоятельностью будет изложено, когда мы более продвинемся вперед. Ибо мы покажем, что Христос не учил народы безбожию, но избавил неведущих жалких людей от злейших разбойников[1]. Мы не верим, говорите вы, в истинность того, что Он говорит. Что же? Разве для вас ясна неистинность того, истинность чего вы отрицаете, хотя предстоящее и еще не открывшееся не может быть опровергаемо никакими доводами? «Но и Сам Он не подтверждает Своих обетований». Это так, потому что, как я сказал, не может быть никакого доказательства относительно будущего. И так как будущее имеет то свойство, что оно не может быть заранее понимаемо и обсуждаемо, то не более ли разумным является требование, чтобы из двух [предметов] неизвестных и находящихся в состоянии неопределенности и ожидания скорее верить тому, что подает какие-либо надежды, нежели тому, что совсем [не подает] никаких надежд? Ибо с тем не соединяется никакой опасности, если то, о чем говорится, как о предстоящем, окажется пустым и не имеющим значения, но от этого получится величайший вред, т. е. утрата спасения, если, по наступлении времени, откроется, что оно не было ложью.

5. Что говорите вы, [люди] неведущие и заслуживающие оплакива-

[1]От лжеучителей (ср. Матф. 7:15) или, как полагает Леккельт (Ueber d. Arnobius Schrift Advers nation. S. 10), от богов языческих.

ния и сожаления? Неужели вы не опасаетесь того, что может быть истинным то, что вы презираете и что служит для вас предметом осмеяния? Неужели у вас, по крайней мере в тайных думах, не возникает мысль, что то, чему вы теперь в упорном извращении отказываетесь верить, будет доказано в будущем и приведет к наказанию через неизбежное раскаяние? Неужели вам не внушают доверия, по крайней мере, эти доказательства веры, что в столь короткое время служение этому высочайшему имени распространилось по всей земле, что уже нет ни одного столь варварского и неукротимого народа, который, изменившись вследствие любви к нему, не смягчил бы своей жестокости и, достигнув успокоения, не склонился бы к миролюбию, что одаренные великими дарованиями ораторы, грамматики, риторы, законоведы, врачи и даже исследователи тайн философии, презрев то, чему незадолго перед тем верили, стремятся к этому учению, что рабы предпочитают подвергаться определяемыми господами мучениям, супруги — быть разлученными, дети — быть лишенными наследств родителями, нежели нарушить веру христианскую и оставить знамя (sacramenta) спасительного служения (militiae), и что христианство более и более умножается, несмотря на столько установленных вами родов наказаний для следующих законам этой религии, и народ, вопреки всем угрозам и устрашающим запрещениям, с большим воодушевлением проявляет непоколебимость и самим запрещением возбуждается и поощряется к ревности о вере[2]? Неужели вы думаете, что это делается без основания или необдуманно и что настроение это получается вследствие случайных обстоятельств? Не есть ли это, таким образом, божественное и святое дело, и неужели без Бога происходят такие изменения душ человеческих, что, несмотря на крючья палачей[3] и на другие бесчисленные мучения, угрожающие, как мы сказали, верующим, они, будучи проникнуты некоторого рода сладостным чувством и любовью ко всем добродетелям, держатся познанного ими учения и предпочитают общение (amicitias) с Христом всем благам (rebus) мира?

6. Впрочем, может быть, вам кажутся отупевшими и безрассудными те, кто уже по всему миру сходятся и объединяются в единомыслии

[2]Ср. Tertl. Apol. 50: «Никакая изысканная жестокость ваша не приносит вам успеха; она скорее располагает к религии (sectae) нашей. Чем более истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь христиан есть семя».

[3]Разумеются железные крючья в виде когтей как орудия пытки, которые раскалялись на огне и которыми терзали тела христиан.

относительно этой веры. Что же? Неужели вы одни одарены истинной силой мудрости и понимания и видите что-то другое и более глубокое; вы одни понимаете, что все это вздор, что пустые слова и детские нелепости то, что мы ожидаем получить от верховного (principalis) Царя? Откуда, спрашиваю, вам сообщено столько мудрости? Откуда или из каких наук вы могли получить столько проницательности, сообразительности (vivacitatis) и столько разумения и почерпнуть столько прозорливости (divinationis)? Так как вы умеете изменять имена по падежам и глаголы по временам, избегать варваризмов и солецизмов, так как вы можете или сами говорить плавной, стройной и изящной речью, или узнавать речь неотделанную, так как вы имеете запечатленными в памяти Вертеп (Fornicem) Луцилия[4] и Помпониева Марсия (Marsyam)[5], так как [вы знаете], какие существуют формы установления спорных пунктов, сколько есть родов судебных процессов и изложения, что такое род и вид и чем отличается противоположное от противополагаемого, то неужели вы поэтому считаете себя знающими, что истинно и что ложно, что может или не может быть и в чем состоит сущность низшего и высшего? Неужели до вашего слуха никогда не достигало известное изречение, что мудрость человеческая есть глупость перед верховным Богом[6]?

7. И вы сами не видите ли с точностью, что когда вы рассуждаете о предметах темных и хотите раскрывать тайны природы, то вы не знаете даже того, что говорите, в чем уверяете, что защищаете большей частью с чрезвычайной горячностью, и каждый отстаивает свои предположения как доказанные и постигнутые [истины] и упорно борется за них? Что же? Можем ли мы сами по себе знать, вижу ли я истину, хотя бы даже целые столетия посвящались исследованию вещей, — мы, которых какая-то сила (res) создала и сделала вследствие зависти столь слепыми и гордыми, что хотя мы ничего не знаем, однако обманываем себя и, из-за высокомерия и надменности, кичимся воображаемым знанием? Ибо, опуская божественное и то, что покрыто естественной тьмой, может ли кто-либо из смертных объяснить то, чего не мог понять Сократ в «Федре», — что такое человек или от-

[4]Вертеп (Fornix) — заглавие одной из 30 книг сатир римского сатирика Гая Луцилия, жившего во II в. до Р. Х.

[5]Здесь разумеется народная драма (ателлана) Л. Помпония Болонского (жившего в I в. до Р. Х.) «Marsya», сюжетом которой служили сказания о фригийском сатире, флейтисте Марсии, который вступал в музыкальное состязание с Аполлоном и был побежден последним.

[6]Ср. *1 Кор. 3 : 19.*

куда происходит он[7], — существо неопределенное, переменчивое, шаткое, обманчивое, многосложное и многообразное, — для чего он создан, чьим умом он изобретен, что он делает в мире, почему он испытывает такое множество злоключений, земля ли, пришедшая в гниение от некоторой влаги, дала жизнь ему, подобно тому как червям и мышам[8], или от руки какого-либо творца и художника эти очертания тела и лица получили форму? Может ли он, говорю, знать то, что находится перед глазами всех и всеми чувствуется, — вследствие каких причин мы погружаемся в сон и пробуждаемся, каким образом происходят сновидения и видения, даже то, в чем сомневается Платон в «Теэтете»[9], — находимся ли мы когда-либо в бодрственном состоянии, или то, что называется бодрствованием, составляет часть сна, и что, как нам кажется, мы делаем, есть сновидение; когда мы говорим, что мы видим, то видим ли мы вследствие силы света и лучей или потому, что [до нас] доносятся образы предметов и опускаются на наши глазные зрачки; заключается ли вкус в самих предметах, или он происходит от соприкосновения их с нёбной полостью; вследствие каких причин волосы утрачивают природный черный цвет и не все сразу, но постепенно все более делаются седыми; отчего происходит то, что все жидкости вследствие смешения их образуют одну массу; одно только масло[10] не допускает погружения в него [других жидкостей], но постоянно, оставаясь непроницаемым [для них], собирается, явственно удерживая природные свойства; почему, наконец, сам дух, который вы называете бессмертным и богом[11], в больных бывает больным, в детях — неразумным, в старости ослабевает и болтает вздор и нелепости? Но бессилие и неведение тем более жалки, что если когда-либо является возможность сказать что-нибудь истинное, то и относительно этого самого мы не можем быть уверенными, сказали ли мы что-либо истинное.

8. И так как вы обыкновенно насмехаетесь над нашим легковерием (fidem) и самую веру (credulitatem) язвите шутками и остротами, то скажите, любезнейшие, напоенные вином мудрости и пресытившиеся

[7] Plat. Phaedr. 230a; ср. Alcib. 129.

[8] В древности существовало верование о происхождении не только животных, но и людей из подвергшейся гниению земли или из ила, происшедшее, по-видимому, из Египта (ср. Diod. I, 7, 10).

[9] Plat. Theaet. 158.

[10] Имеется в виду растительное масло, которое не растворяется в воде и в большей части других жидкостей, но при смешении с ними отделяется и собирается на их поверхности.

[11] Ср. Cic. Tusc. I, 26; Macrob. Somn. Scip. II, 12.

[этим] напитком: есть ли в жизни какой-либо род дел, занятий или деятельности, которые исполнители их предпринимали бы, брали на себя и начинали без предшествующей веры? Путешествуете ли вы по суше или по воде, не веря тому, что, по окончании дел, вы возвратитесь домой? Вспахиваете ли вы землю и засеваете ли ее различными семенами, не веря тому, что с переменой времен года вы получите плоды? Вступаете ли вы в брачные союзы без веры в то, что они будут соблюдаться супругами свято и без нарушения верности долгу? Не принимаете ли вы на себя воспитание детей с уверенностью в том, что они останутся живыми и по ступеням возраста достигнут пределов старости? Не вручаете ли вы больное тело в руки врачей, имея уверенность в том, что жестокие болезни будут ослаблены и облегчены? Когда вы ведете войны с неприятелями, то не бываете ли уверены в том, что будете иметь успех в сражениях и одержите победу? Когда вы чтите богов и молитесь им, то не верите ли вы, что они существуют и благосклонно выслушивают ваши моления?

9. Что же? То относительно предметов, недоступных человеческому познанию, что сами вы писали или читали, видели ли вы собственными глазами или имели ли в руках и осязали? Не верит ли каждый из вас тому или другому авторитету? Кто убежден в истинности того, что другой говорит, тот не находит ли в этом в некоторой степени как бы гарантию достоверности? Кто за начало всех вещей считает огонь или воду, тот не верит ли Фалесу или Гераклиту? Кто за первооснову признает числа, тот не [верит] ли Пифагору Самосскому или Архиту[12]? Кто разделяет душу и принимает бестелесные образы, тот не [верит] ли Платону, ученику Сократа[13]? Кто к первоначальным основам присоединяет пятый элемент, тот не [верит] ли Аристотелю[14], отцу перипатетиков? Кто угрожает, что мир сгорит, когда настанет время, от огня, тот не [верит] ли Панетию, Хрисиппу, Зенону? Кто признает мир постоянно образующимся из неделимых тел[15] и распадающимся на них, тот не [верит] ли Эпикуру, Демокриту, Метродору[16]?

[12]Архит из Тарента — ученик Пифагора.

[13]По учению Платона, душа имеет две части: разумную (τὸ λογιστιχόν или νοῦς) и неразумную (τὸ ἀλογιστιχόν).

[14]Здесь речь идет об энтелехии (ἐντελέχεια), под которой, по учению Аристотеля, разумеется то, что само из себя образуется и само осуществляет свой тип.

[15]Из атомов.

[16]Нам известны два атомиста с таким именем: Метродор Хиосский (IV в. до Р. Х.), ученик Демокрита, и Метродор Лампсакский (331–278 гг. до Р. Х.), ученик и друг Эпикура.

Кто утверждает, что человек ничего не понимает и что все покрыто непроницаемой тьмой, тот не [верит] ли Аркесилаю[17], Карнеаду[18] или, наконец, какому-нибудь приверженцу Старой или Новой Академии?

10. Не говорят ли, наконец, сами представители и основатели названных школ (sententiarum), что их утверждения основываются на вере в их предположения? Видел ли Гераклит происхождение вещей из превращения огня, Фалес — из сгущения воды, Пифагор — соединение чисел, Платон — бестелесные образы, Демокрит — столкновение атомов, и те, кто утверждают, что вообще ничто не может быть понято, знают ли об истинности того, что они говорят, чтобы понять, что это их утверждение служит выражением истины? Так как вы, таким образом, ничего не имеете несомненного и с точностью известного вам, и все то, что вы пишете и излагаете в тысячах книг, вы утверждаете на основании веры, то что это за столь несправедливое решение — смеяться над нашей верой, хотя вы видите, что вы имеете общую с нами веру? Но вы верите людям мудрым и сведущим во всех родах наук. Именно тем, кто ничего не знают и ничего не открывают, кто из-за своих мнений ведут войны с противниками и постоянно борются с враждебным упорством, которые, колебля, разрушая и уничтожая положения друг друга, сделали все сомнительным и разногласием показали, что ничего нельзя знать.

11. Но пусть это нисколько не мешает и пусть ничто не препятствует тому, чтобы вы должны были наиболее им верить и [их] слушать. Почему же вы в этом отношении должны иметь более, а мы менее? Вы верите Платону, Кронию[19], Нумению[20] или кому захотите, а мы верим Христу и на Нем основываемся. Какую великую несправедливость представляет то, что хотя и вы, и мы основываемся на авторитетах и хотя у нас и у вас одна общая вера[21], однако вы хотите, чтобы вам было позволено принимать то, что они говорили, но не хотите, чтобы мы слушали и принимали во внимание то, что было сказано

[17] Аркесилай (III в. до Р. Х.) — платоник, основатель Средней Академии, придерживался скептицизма.

[18] Карнеад — платоник, основатель Новой Академии, развивавшей принципы скептицизма Аркесилая.

[19] Кроний — философ эклектик, склонявшийся к пифагореизму и платонизму и находившийся в дружественных отношениях с Нумением.

[20] Нумений из Апамеи, в Сирии, живший около 150 г. до Р. Х., был также эклектиком, соединявшим учение Пифагора и Платона. Он и Кроний были предтечами неоплатонизма.

[21] Вера в авторитеты.

Христом! Но, если сравнить основания с основаниями и одну сторону с другой, то скорее мы можем доказать, почему мы последовали за Христом, нежели почему вы [последовали] за философами. Мы последовали за Ним именно по причине Его великих дел и могущественных сил, которые Он обнаружил и проявил в различных чудесах и вследствие которых каждый мог необходимо прийти к вере и с уверенностью признать, что это дела не человека, но некой божественной и сокровенной силы. Но каким силам философов вы последовали, чтобы вам необходимо было более верить им, чем мы Христу? Кто из них мог когда-либо одним словом или одним властным повелением — я не говорю — морской шторм или ярость бурь обуздать и укротить, ослепшим или слепорожденным восстановить зрение, умерших возвратить к жизни, многолетние болезни прекратить, но, что гораздо легче, одним воспрещением исцелить чирей, чесотку или укоренившуюся мозоль? Мы не хотим отрицать того, что они заслуживают похвалы за нравственную чистоту и что они сведущи во всех областях научных знаний, потому что мы знаем, что они и говорят изящно, и речь их течет стройно и гладко, делают остроумные умозаключения, располагают доказательства в строгой последовательности, подводят свои положения под определения, делают расчленения и разделения, много говорят о родах чисел и музыке, выясняют своими положениями и правилами предметы, относящиеся к геометрии. Но какое это имеет отношение к делу? Разве энтимемы, силлогизмы и прочее тому подобное могут служить ручательством того, что они знают истину или что вследствие этого они заслуживают того, чтобы необходимо должно было верить им относительно сокровенных предметов? Значение лиц должно быть оцениваемо не по силе красноречия, а по достоинству их дел. Не тот должен быть назван истинным авторитетом, кто умеет искусно говорить, а тот, обещания которого сопровождаются соответствующими божественными делами.

12. Пусть вы противопоставляете нам доводы и остроумные предположения; но если бы Сам Христос пользовался ими перед собравшимся народом, то — да не прогневается Он и да простит мне мои слова! — кто согласился бы с Ним, кто слушал бы Его, кто признал бы, что Он открывает нечто [необычайное], кто, хотя бы это был немудрый и безрассудно легковерный, последовал бы за Ним, если бы Он говорил пустые, праздные слова? Явные чудеса и неслыханная сила, [проявленная] в делах, открыто совершенных Им Самим или совершенных во всем мире Его провозвестниками, — они обуздали пыл страстей и произвели то, что племена, народы и нации совершенно различных

нравов единодушно соединились в принятии одной и той же веры. Ибо можно перечислить и с точностью указать то, что произошло в Индии, у серов[22], персов и мидян, в Аравии, Египте, Азии, Сирии, у галатов, парфян, фригийцев, в Ахайеи, Македонии, Эпире, на островах и во всех провинциях, освещаемых восходящим и заходящим солнцем, наконец, в самом господствующем Риме, жители которого хотя были увлечены хитростями[23] царя Нумы и древними суевериями, однако не замедлили оставить отечественную религию (res) и соединиться с христианской истиной. Ибо они видели колесницу Симона волхва и огненную четверку лошадей (quadrigas), рассеянные устами Петра и исчезнувшие от имени Христова[24]. Видели они, говорю, как он, полагаясь на ложных богов и будучи вследствие их страха оставлен ими, низвергся из-за своей тяжести и лежал на земле со сломанными ногами и как после того, отправившись в Брундизий[25] и будучи удручен страданиями и стыдом, снова бросился вниз с высочайшей вершины. Вы не знаете всех этих событий, не хотели знать их, и никогда не считали это необходимым для себя, и, полагаясь на свой ум и называя мудростью высокомерие, вы тем обманщикам, тем, говорю, пагубным [обманщикам], для которых важно унизить имя христианское, дали возможность распространять тьму и покрыть мраком столь важные факты, лишить вас веры и подвергнуть ее презрению, чтобы они, предчувствуя близость заслуженного ими конца, могли также и вас привести в такое положение, чтобы вы могли подвергнуться погибели и лишиться божественного благоволения.

13. Однако неужели вы, с высоким уважением относящиеся к мнениям ученых и философов и преклоняющиеся перед ними, не считаете весьма несправедливым нападать на нас и насмехаться над нами, как говорящими глупости и вздор, когда оказывается, что и вы говорите то же или подобное тому, над чем смеетесь, когда мы говорим и высказываем это? Я говорю не с теми, которые, размявшись по различным

[22]Серы жили в северо-западной части Китая и на юге нынешней Бухары и славились в древности изготовлением шелковых тканей.

[23]Разумеются те хитрости и уловки, к которым, по сказаниям, прибегал Нума Помпилий, чтобы придать вводимым им новым религиозным установлениям высший, божественный авторитет.

[24]Сказания о Симоне Маге (ср. Деян. 8:5–25), пытавшемся подняться на небо и низвергшемся на землю, и о встрече его с ап. Петром в разных версиях встречаются в апокрифической литературе и у многих церковных писателей (см.: Рыбинский В. П. Самаряне. Киев, 1913. С. 479).

[25]Брундизий (ныне Бриндизи) — приморский город в Южной Италии.

окольным путям и изменяя мнения, пристают то к одной, то к другой школе; я обращаюсь с речью к вам, следующим Меркурию[26], Платону или Пифагору, и к вам прочим, держащимся одного образа воззрения и при единстве мнений идущим одними и теми же путями. Вы осмеливаетесь смеяться над нами за то, что мы чтим Отца и Владыку всего существующего и служим Ему и что Ему мы вручаем и на Него возлагаем свои надежды? Что [говорит] ваш Платон в «Теэтете»[27] — назову в особенности его, — не советует ли он удаляться в душе от земли и всегда, насколько возможно, обращаться к Нему мыслью и умом? Вы осмеливаетесь смеяться над нами за то, что мы говорим о будущем воскресении мертвых, относительно которого мы сознаемся, что хотя мы о нем говорим, но оно иначе понимается вами, нежели мы его понимаем. Что [говорит] тот же Платон в «Политике»[28]? Не пишет ли он, что когда мир начнет вращаться с западных стран и склоняться к той стране, где солнце восходит, то из недр земли снова будут выходить люди, старики, седые, дряхлые, и когда начнут увеличиваться их годы, они по тем ступеням, по которым теперь возрастают, достигнут состояния детства? Вы осиливаетесь смеяться над нами за то, что мы заботимся о спасении своих душ, т. е. о себе самих, — ибо что такое мы, люди, как не души, заключенные в тела? Но разве не заботитесь все вы о сохранении их? Не потому ли вы воздерживаетесь от всех пороков и страстей, что опасаетесь остаться как бы пригвожденными крепкими гвоздями к телам? Какую цель имеют церемонии (ritus) тайных наук, в которых вы обращаетесь с мольбами к каким-то силам, чтобы они были милостивыми к вам и не ставили вам преград и препятствий при вашем возвращении на родину[29]?

14. Вы осмеливаетесь смеяться над нами, когда мы говорим о гееннах и особых неугасимых огнях, в которые души, как мы знаем, ввергаются врагами и противниками их[30]? Что же? Тот же ваш Платон

[26] Легендарный египетский мудрец Меркурий, или Гермес Трисмегист, живший, по свидетельству Лактанция (De ira D. 11), не только ранее Платона и Пифагора, но и семи мудрецов, и отождествляемый также с богом Меркурием (Гермесом) и египетским богом Тотом, или Тевтом (см. ниже II, 69). Ему приписывалось несколько сочинений, представляющих продукты позднейшей эпохи. Ср. Plat. Phaedr. 274; Cic. De nat. deor. III, 22; Lact. Inst. div. I, 6.

[27] Plat. Theaet. 173.

[28] Plat. Polit. 270.

[29] То есть туда, где души людей были до своей жизни совместно с телами на земле.

[30] Злыми духами, по действию которых люди грешат и навлекают на себя осуждение на загробные мучения.

в той книге, которую он написал о бессмертии души[31], не упоминает ли о реках Ахеронте, Стиксе, Коките и Пирифлегетонте[32] и не утверждает ли, что в них падают, тонут и сгорают души? Но [этот] человек, отличающийся великой мудростью и осторожностью в исследованиях и суждениях, допускает нечто необъяснимое, когда, признавая души бессмертными, вечными и чуждыми телесной плотности, однако, говорит, что они наказываются, и приписывает им чувство боли. Кто же из людей не видит, что бессмертное и простое не допускает никакой боли, а то, что чувствует боль, не может иметь бессмертия? Впрочем, его мнение не слишком далеко отступает от истины. Ибо хотя он, как человек мягкий и добродушный, считал бесчеловечным осуждение душ на наказание смертью, однако высказал небезосновательное предположение, что они ввергаются в реки из горящих огненных масс с ужасными грязными пучинами. Они действительно ввергаются [сюда] и, доведенные до уничтожения, постепенно погибают и исчезают навсегда. Ибо они средней природы (mediae qualitatis), как мы знаем из учения Христа (Christo auctore), и могут погибнуть, если не будут знать Бога, и избавиться от утраты жизни, если обратятся к Его милосердию и благости, — [говорю это], чтобы открыть то, что неизвестно. Это есть истинная смерть человека, которая ничего не оставляет после себя, — ибо та, которую мы видим перед глазами, есть разлучение душ от тел, а не последний предел уничтожения, — это, говорю, есть истинная смерть человека, когда души, не знающие Бога, уничтожаются после долговременных мучений неугасимым огнем, в который ввергают их некие беспощадно жестокие [существа], бывшие неизвестными до Христа и открытия Им, Который один знает их[33].

[31] В диалоге «Федон».

[32] Ахеронт, Стикс, Кокит и Пирифлегетонт — реки в Аиде.

[33] Здесь и далее Арнобий развивает своеобразный взгляд на происхождение и природу человеческих душ, ошибочно отождествляемый им с христианским учением. Так, он приписывает душам некоторого рода телесность (II, 30), подобно Тертуллиану, который говорит: «Если душа имеет что-либо такое, через что она существует, то это и есть ее тело. Все, что есть, есть тело своего рода. Бестелесного нет ничего кроме того, что не существует... Душа имеет тело невидимое... Телесность души ясно засвидетельствована в самом Евангелии... Бестелесность свободна от всякого рода заключения, от всякого наказания и от награды... Ибо бестелесность ничего не может ощущать, так как она не имеет того органа, посредством которого могла бы ощущать; а если она имеет его, то она есть тело. Как все телесное имеет способность ощущения, так все, что имеет способность ощущения, телесно» (Tert. De carne Chr. 11; De anim. 7). Нужно, впрочем, заметить, что некоторые из древних учителей Церкви (например, Амвросий, Григорий Великий,

15. Поэтому нет никакого основания нам обманывать себя и подавать себе пустые надежды на основании того, что говорится некоторыми людьми, новыми и имеющими слишком высокое мнение о себе[34], — что души бессмертны, что они по степени достоинства весьма близки к Повелителю и Первовиновнику всего существующго, что они произведены этим Творцом и Отцом, что они божественны, мудры, сведущи и недоступны ни для какого телесного соприкосновения. Если это истинно и несомненно, то мы созданы совершенным [Существом] с не допускающим исправления совершенством, невинны и поэтому живем безукоризненно, добры, справедливы и честны, свободны от всякого рода порочности, никакая страсть не овладевает нами, никакая похоть не обесчещивает нас; мы постоянно соблюдаем и исполняем все добродетели, и так как души всех нас происходят из одного источника, то мы мыслим одинаково и согласно, не разнимся ни в нравах, ни в мнениях, все мы знаем одно и то же, у нас нет столько же мнений, сколько людей в мире, и нет в них различия и бесконечного разнообразия.

16. Но когда мы[35] ниспадаем в человеческие тела и стремимся к ним, то из мировых кругов следуют за нами элементы, вследствие которых мы бываем злыми и даже весьма злыми, воспламеняемся страстями и гневом, ведем позорную жизнь и обрекаемся на удовлетворение общественных вожделений, отдавая на поругание и продавая свои тела. Но каким образом тела могут соединяться с бестелесным

Дамаскин), «усвояя душе человеческой духовность, в то же время приписывали ей своего рода грубость и вещественность или некоторого рода телесность» (Сильвестр, еписк. Опыт православного догматического богословия. Киев, 1885. Т. III. С. 222). Приписывая душам среднюю природу, Арнобий, по-видимому, обнаруживает влияние «Тимея» Платона и смешивает естественную жизнь души с благодатной жизнью ее. Также ученик Арнобия, Лактанций, говорит, что «если одержит верх [над телом] душа, то она, не умирая, будет пребывать в постоянном свете; если же тело победит душу и подчинит ее своей власти, то она будет находиться в вечном мраке и во власти смерти». Но «сила этой смерти, — поясняет Лактанций в противоположность Арнобию, — не в том, что она обращает нечестивые души в ничто, но в том, что подвергает их вечному наказанию. Это наказание называем мы второй смертью, которая и сама вечна, как и бессмертие» (см.: Садов А. И. Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895. С. 164). Также многие отцы и учителя Церкви, признавая души бессмертными, приписывали им бессмертие не по самой природе их, а ставили его в полную зависимость от одной только воли Божией (см.: Сильвестр, еписк. Указ. соч. С. 240–254).

[34]Здесь разумеются, по-видимому, неоплатоники (см.: *Röhricht.* Die Seelenlehre des Arnobius. Hamburg, 1893. S. 30).

[35]По мнению опровергаемых Арнобием противников (неоплатоников).

и то, что создано высочайшим Богом, доводиться низшими силами до позорных пороков? Хотите ли вы, люди, оставить присущие вам высокомерие и гордость — вы, признающие Бога своим Отцом и утверждающие, что вы имеете одинаковое с Ним бессмертие? Хотите ли вы исследовать, выведать и узнать, что такое вы сами, от кого вы происходите, кого вы должны считать отцом, что вы должны делать в мире, каким образом вы рождаетесь, как вступаете в жизнь? Хотите ли вы беспристрастно, путем спокойного размышления понять, что мы — животные, или подобные прочим, или не очень значительно отличающиеся от них? Ибо что есть такого, что указывало бы на наше отличие от них, или каким столь значительным превосходством мы обладаем, чтобы считать унизительным для себя причисление к животным? У них посредством костей скреплены тела и связаны жилами: так же и у нас костями скреплены тела и связаны жилами. Они вдыхают воздух посредством носа и выдыхают его через дыхание: таким же образом и мы вдыхаем воздух и выдыхаем его через частое вхождение и выхождение его. Они распределены по родам мужскому и женскому: столько же полов образовано Творцом и в нас. Они производят и рождают детей из утроб через телесное соединение: так же и мы рождаемся через телесное соединение и выходим на свет из утроб матерей. Они питаются пищей и питьем и удаляют и извергают излишние нечистоты через нижние задние части тела: так же и мы питаемся пищей и питьем и то, что удаляется самой природой, извергаем теми же путями. Все они стараются о предотвращении смертельного голода и неусыпно заботятся о необходимом пропитании: к чему другому стремимся мы в многочисленных занятиях жизни, как не к тому, чтобы избежать опасности голода и устранить мучительное беспокойство? Они подвергаются болезням и истощению и, наконец, дряхлеют от старости: что же? А мы разве свободны от этих зол, и не таким же ли образом мы обессиливаемся тягостными болезнями и разрушаемся изнуряющей старостью? Если же верно также и то, что говорится в тайных мистериях — что души нечестивых, по оставлении человеческих тел, переходят в домашних и других животных, — то этим еще с большей ясностью доказывается то, что мы близко стоим к ним и не отличаемся от них в более или менее значительной степени, так как они на том же основании, как и мы, называются одушевленными существами и имеющими движение и жизнь.

17. «Но мы разумны и умом превосходим все роды бессловесных». Я поверил бы, что эти слова вполне справедливы, если бы все люди жили разумно и обдуманно, всегда соблюдали свои обязанности,

воздерживались от недозволенного, не допускали позорных поступков и если бы никто не стремился, вследствие превратного решения и по причине ослепляющего неведения, к тому, что для него самого вредно и бесполезно. Однако я желал бы знать, в чем состоит та разумность, которой мы превосходим все роды животных. Не в том ли, что мы устроили себе жилища, благодаря которым можем избегать зимних холодов и летнего зноя? Что же? А прочие животные разве не имеют этой предусмотрительности? Не видим ли мы, что одни из них устраивают себе гнезда в наиболее удобных местах, другие скрывают и укрепляют свои жилища в камнях и в высоких скалах, иные делают отверстия в земной почве и устраивают себе места защиты и логова в выкапываемых ямах? Но если бы производящая природа дала им в помощь руки, то также и они, без сомнения, строили бы стены с высокими вершинами и создавали бы новые произведения искусства. Однако и в том, что они делают посредством клювов и когтей, мы замечаем много следов ума и мудрости, чему люди, как бы они ни обдумывали это, не могут подражать, хотя мы имеем искусные и ко всякого рода усовершенствованию способные руки.

18. Они не умеют изготовлять одежду, стулья, корабли, плуги и, наконец, прочую утварь, требующуюся для домашнего употребления. Это не дары знания, но изобретения, [происшедшие] вследствие жалкой нужды, и искусства[36] не ниспали вместе с душами из святилищ неба, но все они здесь, на земле были изобретены и получили начало и с течением времени постепенно произошли путем обдумывания. Но если бы души имели знания, обладание которыми приличествует, конечно, божественному и бессмертному роду, то все люди с самого начала знали бы все, и не было бы ни одного поколения, которое не знало бы какого-либо искусства и не обладало бы знанием вещей. Но теперь люди, убогие и нуждающиеся во многом, замечая в случайных явлениях нечто полезное, путем подражания, опытов, исследований, ошибок, преобразований, изменений и постоянного исправления приобрели незначительные и поверхностные знания искусств и, улучшая [эти знания] в течение весьма долгого времени, достигли некоторого успеха.

19. Если бы люди вполне знали себя самих или при свете какой-либо догадки получили понятие о Боге, то они никогда не приписывали бы себе божественной и бессмертной природы и не считали бы себя

[36] К искусствам (artes) в древности относились также науки, ремесла и разного рода мастерства.

чем-то великим вследствие того, что они сделали для себя рашперы[37], умывальники и кратеры[38], нижние и верхние туники, плащи, парадные одежды, ножи, панцири и мечи, мотыги, топоры и плужники. Никогда, говорю я, они, в гордом превозношении и высокомерии, не признали бы себя первенствующими существами и близкими к высоте Творца вследствие того, что они создали грамматику, музыку, красноречие и геометрию, такие искусства, в которых мы не видим ничего столь удивительного, чтобы по причине изобретения их признать души лучшими солнца и всех звезд и превосходящими по достоинству и значению весь этот мир, членами которого они служат. Ибо что они предлагают и чему иному они могут научить или [что иное] сообщить, как не то, чтобы мы знали правила об именах, различие их и интервалы голосовых звуков, чтобы могли убедительно говорить в судебных процессах и измерять пространство земель? Если бы души принесли это с собой из небесных стран, то всем необходимо было бы знать это, и уже давно на всей земле занимались бы этим, и не нашлось бы среди людей ни одного народа, который не знал бы всего этого в одной и той же степени и в одинаковом виде. Но теперь много ли в мире музыкантов, диалектиков и геометров, много ли ораторов, поэтов, грамматиков? Отсюда ясно, что эти [искусства], как мы часто говорили, были изобретены вследствие потребностей места и времени и что души не снизошли сюда божественными и учеными, потому что не все они образованны и не все могут учиться, и между ними весьма многие тупоумны и глупы и понуждаются к учению принудительными мерами. Если же было бы несомненно, что то, чему мы учимся, есть воспоминание, как это признается древними мнениями[39], то все мы, как происходящие от одной истины, должны были бы одно и то же знать и одно и то же вспоминать и не могли бы иметь различных, многочисленных и не согласных между собой мнений. Но так как теперь один из нас утверждает одно, а другой — другое, то ясно и очевидно, что мы ничего не принесли с неба, но изучаем возникшее здесь[40] и усваиваем то, что утвердилось вследствие догадок.

20. Но чтобы яснее и понятнее показать вам, какое значение имеет человек, которого вы признаете вполне подобным высшей Силе, представьте себе следующий образ, в котором то, что может быть в

[37] Рашпер — решетка для жаренья.

[38] Большие чаши, в которых смешивали вино с водой.

[39] Разумеется учение Платона и его последователей.

[40] На земле.

действительности, мы приведем в подобии, как действительно происходившее[41]. Итак, предположим, что в разрытой земле находится обитаемое место в виде комнаты с кровлей и окруженное стенами, не холодное зимой и не слишком жаркое летом, но столь умеренной температуры, чтобы мы не испытывали ни чувства холода, ни сильной летней жары. Пусть сюда совсем не проникает звук никакого голоса — ни птицы, ни дикого зверя, бури, человека и, наконец, никакого шума и страшных раскатов грома. Потом придумаем, как должен получаться там свет: не от принесенного огня и не от видимого солнца; он должен быть не настоящим, но представлять подобие света с присоединением тьмы. Ни двери, ни прямого входа не должно быть, но доступ туда должен быть через извилистые пути, и никогда он не должен быть открытым, за исключением тех случаев, когда этого потребует необходимость.

21. Приготовив воображаемое местопребывание, мы после того примем в это именно помещение, ничего не заключающее в себе и совершенно пустое, какого-либо новорожденного, хотя бы из поколения Платона или Пифагора[42], или же кого-либо из тех, которые признаются обладавшими божественным умом или названы в оракулах богов мудрейшими. Когда это будет сделано, то следует, чтобы он был надлежащим образом вскормлен и вырощен через соответственное питание. Таким образом, мы должны приставить к нему кормилицу, которая всегда должна приходить к нему нагой, всегда молчащей, ни одного слова не произносящей, и не открывать рта и губ подобно тому, как это бывает, когда что-либо говорят, но, дав ему грудь и исполнив соответствующие обязанности, оставлять его в покое и проводить дни и ночи перед закрытым входом, потому что обыкновенно требуется присмотр кормилицы и наблюдение ее за бывающими по временам движениями. Но когда дитя начнет нуждаться в подкреплении более твердой пищей, то она должна приноситься той же кормилицей, раздетой, как мы сказали, и постоянно соблюдающей молчание. Приносимая же пища всегда должна быть одна и та же, не различная по составу и не разнообразная по вкусу, но [именно] или каша из пшена, или хлеб из полбы, или, в подражание древним временам, желуди, поджаренные

[41] См.: Plat. Menon. 82 sqq.

[42] То есть хотя бы он был таким, каким признают человека последователи Платона и пифагорейцы, по мнению которых люди рождаются одаренными всеми высшими духовными способностями и получают все знания через воспоминание о том, что души их знали до переселения в человеческие тела.

на горячем пепле[43], или ягоды с диких деревьев. Употребление же вина совершенно должно быть неизвестным, и для утоления жажды ничто не должно быть предлагаемо, кроме чистой воды из источников, не согретой на огне и, если возможно, подаваемой пустыми руками. Ибо вследствие употребления [у него] образуется постоянная привычка, обратившаяся в природу, и желание не будет простираться далее вследствие незнания о том, что есть еще большее, чего можно желать.

22. Какую же цель имеет это? Так как верят, что души божественны и бессмертны и снизошли в тела людей со всеми знаниями, то испытаем на [человеке], которого мы захотели воспитать вышеизложенным образом, заслуживает ли доверия это [мнение], или же оно происходит из легковерия и на предвзятого обманчивого чаяния. Итак, пусть выступит перед нами воспитанный в закрытом уединении в каком угодно вам возрасте — двадцати ли лет или тридцати; если он будет иметь даже сорок лет, пусть приведут его в собрание людей, и если справедливо то, что он составляет столь прелестную (tam laetam) часть божественного существа и живет здесь[44], произойдя из источников жизни[45], то, прежде чем он ознакомится с чем-либо или усвоит человеческую речь, пусть даст ответ на вопросы: кто он или от какого отца и в каких странах родился, каким образом или как был воспитан, в каких делах или занятиях он провел истекшее время жизни. Не будет ли он в этом случае стоять тупее и бесчувственнее всякого скота, дерева, камня, и не будет ли он среди новых предметов, которые прежде никогда не были ему известны, не знать прежде всего себя самого? Сможет ли он, если спросят его, объяснить, что такое солнце, земля, моря, звезды, облака, туман, дожди, громы, снег, град? Будет ли он в состоянии знать, что такое деревья, травы или злаки, вол, лошадь или баран, верблюд, слон или коршун?

23. Если дадут ему, когда он будет голоден, виноградную кисть, сдобный пирог, луковицу, артишок, огурец или фигу, будет ли он знать, что всеми этими вещами можно утолять голод или как каждая из них должна употребляться для еды? Если развести большой огонь или если окружить его ядовитыми животными, то не будет ли он идти среди огня, гадюк и тарантулов, не зная, что они опасны, и не понимая, что такое страх? Если положить перед ним одежды, городскую и деревенскую утварь, то будет ли он в состоянии различить и определить, к

[43] Желуди служили, по мнению древних, первоначальной пищей людей.
[44] На земле.
[45] От Бога.

чему каждая вещь пригодна и для какого употребления они изготовлены? Может ли он указать, для какого употребления сделаны ковер, митра, пояс, повязка, подушка, носовой платок, плащ, чепец, полотенце, меховая накидка, туфля, сандалий, башмак? Может ли он также ответить на вопросы, что такое колесо, молотильный каток, веялка, большой кувшин, бочка, маслобойный пресс, сошник, сито, жернов, рукоятка сохи, мотыга, что такое кресло, игла, скребница, умывальный таз, стул, чумичка, блюдечко, подсвечник, чаша, метла, кубок, мешок, что такое цитра, флейта, серебро, медь, золото, книга, чертежная палочка, свиток, что такое прочие орудия, которыми снабжается и окружается жизнь человеческая? Таким образом, хотя он, подобно быку, ослу, свинье или другому какому-либо тупому животному, как мы сказали, будет смотреть на эти [вещи] и замечать различие форм их, но не будет ли он не знать, что такое каждая из них, и не понимать того, для чего их имеют? Если он будет чем-либо вынужден издать звук, то не будет ли он, подобно немым, выкрикивать разинутым ртом нечто нечленораздельное?

24. Почему ты, Платон, в «Меноне»[46] предлагаешь мальчику некоторые математические вопросы и на основании его ответов стараешься доказать, что мы не учимся тому, что изучаем, но снова вспоминаем то, что прежде знали? Если он правильно отвечает тебе — ибо нам не следует отвергать достоверность того, что ты говоришь, — то это происходит не из знания вещей, а из его разумности, и так как он знает некоторые числа из ежедневного употребления, то он вникает в вопросы и таким образом постоянно дополняет и увеличивает [свои математические знания]. Но если ты действительно уверен в том, что души снизошли сюда[47] бессмертными и исполненными знания, то перестань спрашивать этого мальчика, который, как ты видишь, знает вещи и находится в свойственных людям условиях, но призови к себе этого сорокалетнего человека и расспроси его не о чем-либо темном или загадочном, не о треугольниках и четырехугольниках, не о том, что такое куб, квадрат, девять восьмых или, наконец, четыре третьих, но спроси его о том, что общеизвестно: какую сумму составляют дважды два или дважды три. Мы хотим видеть, хотим знать, что ответит он на вопрос, разрешит ли он предложенную ему задачу, и хотя уши у него открыты, однако, заметит ли он, что ты говоришь ему что-то, что ты спрашиваешь его о чем-то, что ты требуешь от него какого-

[46] Plat. Menon. 82–83.
[47] На землю.

либо ответа? Не будет ли он, подобно пню или, как говорят, подобно Марпесийской скале[48], стоять безмолвным и немым, не зная и не понимая даже того, с ним ли ты говоришь или с другими, с другим ли ты беседуешь или с ним, есть ли то, что ты произносишь, речь, или ничего не выражающий, пустой, непрерывно продожающийся звук?

25. Что скажете вы, люди, слишком много приписывающие себе чуждых вам высших качеств? Это ли есть та, обладающая, как вы говорите, знаниями, бессмертная, совершенная и божественная душа, занимающая после Бога, Повелителя всего существующего, и после демонов и гениев четвертое место и истекающая из живых источников? Это ли тот имеющий высокое значение и одаренный высшим разумом человек, называемый малым миром и созданный и образованный по его образу и подобию, который, как оказалось, не лучше скота, тупее дерева и камня и который, если не знает людей и постоянно живет в безмолвном уединении, то остается ничему не научившимся и мычит на воздух, хотя бы он жил бесчисленные годы и никогда не освобождался от телесных уз? Но если он поступит в школу и будет обучен и наставлен учителями, то делается сведущим, образованным и оставляет свое прежнее незнание. Таким же образом осленок и вол через упражнение и постоянное принуждение учатся пахать и молоть, лошадь — ходить в упряжи и замечать при езде повороты, верблюд — опускаться при накладывании на него и при снимании с него вьюка, выпущенный на волю голубь — снова прилетать в место жительства хозяина, собака, когда найдет добычу, — сдерживать и обуздывать лай, попугай повторять слова и произносить посредством клюва имена.

26. Но когда я слышу, что о душе говорят как о чем-то превосходнейшем, как о [существе], близком и сродном Богу, которое прибывает сюда из высшего мира, зная все, то хочу, чтобы она не училась, а учила, и из ученой не делалась, как говорится, учащейся азбуке, но чтобы окружалась земными телами, удерживая свои свойства. Ибо если бы это не было так, то каким образом можно было бы различить, вспоминает ли она то, что слышит, или учится, потому что гораздо легче верить, что она учится тому, чего не знает, нежели [признать], что она забыла то, что немного ранее знала. «Она утрачивает воспоминание о прежнем вследствие противоположения тела». Но на чем основывается утверждение, что души не имеют телесной субстанции? Ибо что чуждо всякой телесности, то не встречает препятствия от другого, противо-

[48] Скала на острове Паросе, из которой добывали мрамор, известный под именем Парасского (ср. Vergil. Aen. VI, 471).

положного ему, и не может утратить что-либо из своей силы, то, что не может подвергаться соприкосновению с чем-либо противоположным. Ибо как число, установленное вне тел, остается неприкосновенным и ненарушимым, хотя бы оно загромождалось тысячью тел, таким же образом и душам, если они, как утверждают, бестелесны, необходимо не испытывать забвения относительно прежнего, хотя бы они были связаны самыми крепкими телесными узами. Мало того. То же самое основание не только показывает, что они не безгласны, но и лишает все их бессмертия и приближает к пределам, которыми обыкновенно ограничивается жизнь, ибо все то что вследствие какой-либо причины настолько изменяется и преобразуется, что не может удержать своей целостности, должно быть признано способным по природе к страданию. Но что склонно и доступно страдание, это самой способностью к страданию дает знать о своей разрушимости.

27. Таким образом, если и души утрачивают все то, что они знали, то они, будучи связаны телесными узами, должны претерпевать нечто такое, что подвергает их слепоте забвения. Ибо если бы они совсем ничего не претерпевали или если бы сохраняли свою целостность, то они не могли бы оставить свое знание или перейти, без изменения себя, в другие состояния. Но мы думаем, что то, что едино, что бессмертпо и что просто, в чем бы оно ни находилось, необходимо должно всегда удерживать свои природные свойства и не должно или не может претерпевать что-либо, если только оно мыслится вечным и остается в пределах собственного бессмертия. Ибо всякое страдание есть дверь смерти и уничтожения, есть путь, приводящий к смерти и приносящий вещам неизбежную погибель. Если же души испытывают ее и подвергаются ее прикосновению и вторжениям, то жизнь дана им во [временное] пользование, а не в собственность, хотя некоторые иначе думают и достоверность столь важного предмета основывают на своих заключениях.

28. Но чтобы нам не удалиться без более обстоятельных сведений и не быть осмеянными вами, [мы желали бы знать], каким образом вы говорите, что души по облечении в земные тела не имеют воспоминания о прежнем, между тем как, находясь в этих телах и сделавшись вследствие соединения с ними почти бесчувственными, они твердо и с точностью удерживают [в памяти] то, что за много лет прежде, хотя бы за восемьдесят или более того, они сделали, перенесли, сказали или слышали. Ибо если тело служит препятствием к тому, чтобы помнить то, что они знали уже давно и прежде, чем они сделались людьми, то они более должны были бы забывать то, что делали по заключе-

нии в тела, нежели то, что [делали], находясь вне их и до соединения с телами. Что при вступлении в новое состояние[49] уничтожает воспоминание о прежнем, это должно совершенно уничтожать и воспоминание о происходившем в продолжение этого состояния. Ибо одна причина не может производить два противоположных действия, так чтобы она усыпляла память об одном, а другое дозволяла исполнителю припоминать. Если же члены препятствуют, как вы говорите, душам вспоминать свои знания и прежнее состояние, то каким образом они, находясь в телах, помнят и знают, что они — души и что не имеют телесной субстанции, что они одарены состоянием бессмертия, какую ступень занимают они в мире, в какой степени они отличаются от Бога Отца, каким образом они прибыли в эти низшие части мира, какие свойства и из каких кругов они получили, нисходя в эти места? Каким образом, говорю я, они знают, что они обладали обширными знаниями и из-за заключения в тела утратили то, что знали? Ведь также и этого они не должны были бы знать, если соединение с телом причинило им ослабление. Ибо знать то, чем ты был и чем теперь перестал быть, служит не знаком утраты памяти, а доказательством и признаком сохранения ее.

29. Поэтому перестаньте — перестаньте, прошу вас — слишком высоко ценить то, что маловажно и незначительно, перестаньте человека, принадлежащего к пролетариям[50], причислять к наиболее состоятельным классам и не имеющего ценза[51] [причислять] к высшим сословиям, хотя он убог, обладает бедным очагом и убогой хижиной и никогда не удостаивался славного имени патрициев. Хотя вам как людям, заботящимся о справедливости и нравственной чистоте, следует обуздывать высокомерие и гордость, окрыляемые которыми все мы превозносимся и наполняемся пустым тщеславием, однако вы не только не обращаете внимания на распространение этих зол, но — что гораздо важнее — увеличили те причины, вследствие которых пороки возрастают и беспутство продолжает оставаться неисправимым. Ибо какой человек, хотя бы он по природе был склонен всегда избегать всего бесчестного и позорного, не ринется стремительно во все пороки и не будет спокойно и без страха предпринимать и исполнять недозволенное,

[49] При соединении души с телом.

[50] Пролетариями в Риме назывались граждане из низшего, беднейшего класса, не платившие податей, но обязанные нести воинскую повинность.

[51] Здесь имеется в виду capite censi — низший, беднейший класс граждан, вносимых в списки поименно, без указания стоимости имущества.

если он услышит речи мудрейших людей о том, что души бессмертны и что они не подчиняются законам судьбы? Не будет ли он, наконец, уступать своим страстям во всем том, чего потребует необузданное вожделение, огражденное сверх того еще свободой безнаказанности? Ибо что может удержать его от этих поступков? Страх перед высшей силой и перед божественным судом? Но как может быть устрашаем каким-либо страхом тот, кто убежден в том, что он так же бессмертен, как Сам высочайший Бог, и что ни за что не может быть судим Им, потому что оба они одинаково бессмертны и вследствие одинакового состояния один из них не может пострадать от силы другого[52].

30. Указывают на наказания в преисподней и на разнообразные виды мучений. Но кто будет настолько неразумен и непоследователен, чтобы поверил тому, что нетленным душам могут причинить какой-либо вред или тьма Тартара, или огненные реки, или озера с грязными пучинами, или быстро вращающиеся колеса[53]? Ибо что неосязаемо и не подлежит законам разрушения, то, хотя бы оно окружалось огненными реками, вращалось в грязи бурных потоков и было покрыто падающими нависшими скалами и обваливающимися огромными горами[54], необходимо должно оставаться невредимым и неприкосновенным и не испытывать никакого чувства смертельного страдания. Мало того. Это убеждение не только служит поощрением к порокам вследствие свободы греха, но лишает основания также саму философию и показывает, что занятие ею составляет пустой, бесполезный труд[55]. Ибо если справедливо то, что души не имеют никакого конца и беспрерывно продолжают существовать в течение всех веков и времен, то какую опасность представляет, презрев и оставив добродетели, которые ограничивают жизнь и делают ее более суровой, отдаться

[52]Арнобий понимает бессмертие в том смысле, в каком оно усвояется Богу, и отождествляет его с божественностью, вследствие чего он делает ошибочное заключение о вере в бессмертие душ (по природе), как могущей приводить к безнравственности.

[53]Арнобий имеет в виду те виды наказаний, которым подвергались в аду, по представлениям древних, преступники, и в частности, сказания об Иксионе, по которым он в аду был прикреплен к огненному, быстро и беспрерывно вращающемуся колесу.

[54]Здесь имеются в виду сказания о загробных мучениях Тантала, который должен был трепетать ежеминутно, видя над головой у себя нависшую, готовую обрушиться скалу. Такое же наказание некоторыми сказаниями приписывается Иксиону.

[55]Арнобий под влиянием, по-видимому, этики Платона главными задачами философии признает этические (см.: Röhricht. Op. cit. S. 52).

наслаждениям и с необузданным пылом неограниченной страстности броситься во все виды распущенности? [Опасение] истощения через наслаждения или вреда через расслабляющие пороки? Но каким образом может подвергаться повреждению то, что бессмертно, что вечно и не подлежит никакому страданию? [Опасение] загрязнить и осквернить себя гнусностью позорных действий? Но как может осквернять то, что не имеет телесной субстанции, и каким образом осквернение может иметь место там, где нет никакого места, на котором могло бы остаться пятно от самого осквернения? Но, с другой стороны, если души, согласно с мнением Эпикура, проходят через врата смерти, то и в таком случае нет достаточного основания стремиться к философии, хотя бы даже справедливо было то, что через нее души очищаются и освобождаются от всякой порочности. Ибо если они вообще умирают и вместе с телами исчезают и уничтожаются жизнь и способность чувствования, то служит признаком не только величайшего заблуждения, но и безрассудного ослепления, — обуздывать природные влечения, стеснять жизнь, ни в чем не уступать природе, не исполнять того, чего требуют и к чему побуждают страсти, коль скоро никакие награды за такой подвиг не ожидают тебя, когда настанет день смерти и когда ты освободишься от телесных уз.

31. Таким образом, некоторого рода среднее состояние и двойственная и неопределенная природа душ создали почву для философии и дали основание для занятия ею[56], так как именно один, делая злое, боится погибели, а другой, не делая ничего преступного и проводя жизнь сообразно с долгом и справедливостью, питает радостные надежды. Поэтому между учеными мужами и одаренными выдающимися талантами происходит спор о свойствах душ, и одни утверждают, что они обладают смертной природой и не могут иметь божественной субстанции, а другие [признают их] вечными и не могущими унизиться до смертной природы. Это обусловливается средним состоянием [душ], вследствие которого и те располагают доказательствами, по которым [души] оказываются способными к страданию и разрушимыми, и эти, с другой стороны, имеют доказательства в пользу того, что они божественны и бессмертны.

32. Так как таково положение дела и так как нам сообщено высочайшим Учителем, что души не далеко стоят от зияющей пасти смерти, но могут, однако, по дару и милости высочайшего Повелителя,

[56] Арнобий имеет здесь в виду два направления философии: эпикуреизм и платонизм.

быть долговечными, если только будут стремиться и направлять свои помышления к тому, чтобы познать Его, — ибо познание Его служит как бы закваской жизни[57] и связующим средством для того, что [само по себе] несоединимо, — и затем, оставив жестокость и бесчеловечие, смягчатся, чтобы приготовиться к тому, что будет дано им, то почему вы признаете нас глупыми и безрассудными, если мы вследствие этих опасений предаем и посвящаем себя Освободителю — Богу? Против вредоносных жал и ядовитых укусов змей мы часто ищем целебных средств и защищаем себя амулетами, которые продаются псиллами, марсами[58] и другими разносчиками товаров и шарлатанами, а для того чтобы не причиняли нам вреда холод и солнечный зной, мы заботливо с тщательной предусмотрительностью ограждаем себя домами и одеждами.

33. Когда нам угрожает страх смерти, т. е. погибели душ, то что же? Не из чувства ли пользы, вследствие которого все мы любим себя, делаем мы то, что держимся Того, Кто обещает нам избавить нас от такой опасности, привязываемся к Нему и предпочитаем Его даже душам нашим, если только позволительно такое сравнение? Вы возлагаете спасение своих душ на самих себя и надеетесь собственными своими силами стать богами, но мы ничего не обещаем себе вследствие своей немощности, потому что мы видим, что наша природа бессильна и во всякой борьбе побеждается своими страстями. Вы думаете, что как только вы освободитесь от уз членов, то у вас явятся крылья, при помощи которых вы можете направиться к небу и лететь к звездам; мы боимся такой смелости и полагаем, что не в нашей власти находится домогаться высшего состояния, потому что нам неизвестно даже, удостоимся ли мы получить жизнь и избавиться от закона смерти. Вы надеетесь свободно и без всякого препятствия возвратиться во дворец Господа как в собственное жилище, а мы не имеем надежды, что это может произойти без Господа вселенной, и думаем, что никому из людей не дается столько власти и свободы.

34. При таком положении дела какую великую несправедливость представляет то, что вы вследствие нашей веры смотрите на нас как на глупых, хотя мы видим, что также и вы верите в подобное и имеете такие же ожидания! Если мы считаемся достойными осмеяния потому, что обольщаем себя такого рода надеждой, то и вас ожидает такое

[57] *Ин. 17:3.*

[58] Псиллы, жившие в Северной Африке, и марсы, жившие в Средней Италии, славились своим искусством исцелять от укуса змей.

же осмеяние, как присваивающих себе надежду на бессмертие. Если, с другой стороны, вы обладаете разумом и следуете ему, то допустите и в нас некоторую часть этого разума. Если бы Платон в «Федре» или другой из этого круга обещал нам эти радости, т. е. путь избежания смерти, и мог предоставить его [нам] и до конца довести обещания, то нам естественно было бы чтить того, от кого мы ожидали бы столь великие дары и благодеяния. Но так как теперь Христос не только обещал, но и многочисленными чудесами доказал, что Он может исполнить [обещания], то что несообразного мы делаем и на каком основании подвергаемся обвинению в безрассудности, если мы повергаемся ниц перед именем и величием Того, от Кого надеемся на то и другое, — и избежать мучительной смерти, и быть одаренными вечной жизнью?

35. Но, говорят, «если души смертны и средней природы, то каким образом из средних природ они могут сделаться бессмертными?». Каким образом вера наша может казаться поколебленной, если мы скажем, что мы не знаем этого и что мы только поверили слышанному нами от могущественнейшего [Существа], если мы верим, что для всемогущего Царя нет ничего трудного, ничего тяжелого, что невозможное для нас возможно для Него и вполне готово к подчинению [Ему]? Ибо что может противостоять Его воле, и, если Он что-либо восхочет, то не следует ли необходимо исполнение? Неужели мы можем на основании своих доводов заключать, что может и чего не может быть, и не принимать во внимание того, что наши заключения столь же смертны, как и мы сами, и не имеют никакого значения перед Творцом? Однако [спрашиваю] вас, не верящих тому, что души имеют среднюю природу и находятся на границе между жизнью и смертью: все вообще те, бытие коих предполагается верованием, — боги, ангелы, демоны или носящие другое какое-либо наименование — не имеют ли также средней природы и не находятся ли в колеблющемся состоянии вследствие двойственности своего жребия? Ибо если все мы согласны с тем, что есть один Отец всего, единый бессмертный и нерожденный, и вообще нет ничего до Него, что можно было бы назвать, то отсюда следует, что все те, которых верование признает богами смертных, или Им рождены, или по Его повелению произведены. Если они произведены и рождены, то они относятся к позднейшему порядку и времени. Если же они позднейшего порядка и времени, то необходимо должны иметь происхождение и начало своего рождения и жизни. Но что имеет момент вступления в бытие и начало возникновения жизни, то необходимо должно иметь и конец.

36. «Но боги признаются бессмертными». Значит, не по природе, а по воле и дару Бога Отца [они бессмертны]. Поэтому, как Он дал дар бессмертия богам, происшедшим в определенное время, таким же образом Он удостоит одарить бессмертием и души, хотя жестокая смерть может, по-видимому, сокрушить их и, доведя до уничтожения, безвозвратно истребить. Божественный Платон, судивший о Боге во многих случаях достойно Его и необычно для толпы, говорит в том диалоге и в той книге, которые надписываются именем «Тимея»[59], что боги и мир разрушимы по природе и вообще не изъяты от разложения, но по воле Бога Царя и Творца они сохраняются в постоянной связи. Ибо что надлежащим образом соединено и связано совершеннейшими узами, то сохраняется по благости Божией, и никем другим, как только самим связавшим, и разрушается, если потребует цель, и одаряется повелением о сохранении [от разрушения]. Таким образом, если таково положение дела и если неуместно иначе думать и верить, то почему вы удивляетесь тому, что мы приписываем душам средние свойства, когда Платон говорит, что даже боги обладают средней природой и получают непрестанную и неразрушимую жизнь по благости Творца? Если же вы не знаете этого и прежде это неизвестно было вам по причине новизны, то узнайте это теперь и научитесь от Христа, знающего и открывшего, что души не дочери высочайшего Царя и [никогда] не начинали знать себя, как утверждают, родившимися от Него и именоваться происшедшими от Него, но имеют какого-либо другого родителя, отличающегося от Повелителя многими степенями достоинства и могущества, но из двора Его и славного по своему высокому происхождению[60].

37. Но если бы души происходили, как говорят, от Господа и были произведением высшего Могущества (potestatis principalis), то ничего не доставало бы им для совершенства, как происшедшим от совершеннейшего Существа (Virtute), все они имели бы одинаковую спо-

[59] Plat. Tim. 41.

[60] Хотя Арнобий признает Бога Творцом всего существующего (II, 2), но в II, 47 и II, 58 он сознается в своем незнании о том, кто творец душ, а в данном месте (II, 36; ср. II, 46 и 48) он, под влиянием, может быть, «Тимея» (Tim. 40–41) и в духе гностицизма и неоплатонизма (см.: Francke. Die Psychologie und Rekenntnislehre d. Arnobius. Lpz., 1878. S. 11; Leckelt. Op. cit. S. 15; Röhricht. Op. cit. S. 57–58), признает души происшедшими не от Бога, а от низшего творца, высказывая это в смысле предположения, исходящего главным образом из представления о человеке как о слишком жалком и порочном существе, которое не могло быть создано Богом, как совершеннейшим Существом (см. след. главу и далее).

собность разумения и общее единомыслие, всегда они обитали бы во дворце Царя, не оставляли бы мест блаженства, в которых они имели и сохраняли совершеннейшие знания, и не стремились бы безрассудно в эти земные области, чтобы, облекшись темными телами, жить среди мокрот и крови[61], среди этих вместилищ нечистот и отвратительных хранилищ мочевой влаги. «Но должны быть обитаемыми и эти части, и поэтому всемогущий Бог послал их сюда, как бы в некоторого рода колонии». Какую же пользу приносят люди миру, и почему они необходимы, чтобы не думать, что они бесцельно должны находиться в этой части и быть обитателями земного тела? Они составляют некоторую часть для завершения полноты этой массы, и если бы не были присоединены, то эта совокупность вселенной была бы несовершенной и неполной? Что же? Если бы не было людей, то разве мир прекратил бы свои функции, небесные светила не совершали бы своих чередований, не было бы лета и зимы, утихли бы дуновения ветров и из собравшихся и нависших туч не падали бы на землю дожди, умеряющие сухость? Но необходимо, чтобы все шло своими путями и не отступало от первоначального порядка, хотя бы имя человека не было слышно в мире и хотя бы на всей этой земле было тихо и безмолвно, как в необитаемой пустыне. Почему же утверждают, что этим странам должно было дать обитателя, хотя ясно, что человек нисколько не содействует усовершенствованию мира и все его стремления всегда имеют целью собственные удобства и не выходят из пределов собственной пользы?

38. Ибо — начну с более важных предметов — какая польза миру от того, что здесь находятся великие цари? Какая польза от тиранов, деспотов и других бесчисленных и могущественных властителей? Какая польза от полководцев, опытных в воинском деле и искусных во взятии городов, и в солдатах, непоколебимых и непобедимых в кавалерийских сражениях или в пешем бою? Какая польза от ораторов, грамматиков, поэтов? Какая польза от писателей, диалектиков, знатоков музыки? Какая польза от пантомимистов, мимиков, актеров, певцов, трубачей и от играющих на флейтах и свирели? Какая польза от скороходов, кулачных бойцов, возниц, волтижеров, тех, кто ходит на ходулях, канатных плясунов, фокусников? Какая польза от смоловаров, солеваров, торговцев рыбой, парфюмеров, ювелиров, птицеловов, бочаров и корзинщиков? Какая польза от сукновалов, шерстяных мастеров, вышивателей, поваров, кондитеров, погонщиков мулов, свод-

[61] В человеческом теле.

ников, мясников, продажных женщин? Что другие роды торговцев, преподавателей и искусств, для перечисления которых недостаточно было бы всей жизни, вносят в строй и порядок мира, чтобы должно было думать, что [мир] не мог быть создан без людей и что он не имел бы полноты, если бы не было присоединено к нему жалкое и излишнее существо?

39. Но, может быть, — хотя произносить это (quae) человеческими устами было бы величайшей дерзостью — Владыка мира для того послал сюда происшедшие от Него души, чтобы те, кто были у Него богинями, чуждыми телесного прикосновения и земного ограничения, смешивались с человеческим семенем, выходили из утроб женщин, начинали и продолжали бессмысленный визг, сосали груди, смачивались и пачкались своими нечистотами и затем, напуганные колыханиями и шумом погремушек кормилицы, утихали? Для того Он послал души, чтобы те, которые незадолго до того были чистосердечными, добрыми и невинными, научились среди людей притворяться, лицемерить, лгать, одурачивать, обманывать, заискивать с льстивым унижением, одно иметь в уме, а другое наружно выражать, опутывать сетями, обольщать неопытных хитростью и коварством, многочисленными способами приготовлять яд зла и с коварным непостоянством сообразовываться с требованиями времени? Для того Он послал души, чтобы они, жившие мирно, тихо и спокойно, получали посредством тела поводы к тому, чтобы быть лютыми и свирепыми, соперничать и враждовать, вести между собой войны, завоевывать и разрушать города, угнетать игом рабства и подвергаться ему и чтобы, наконец, по изменении первоначального состояния, одни подчинялись власти других? Для того Он послал души, чтобы они, перестав помнить истину и забыв, что такое Бог, поклонялись безжизненным истуканам, обращались [с молениями] к дереву, меди и камням, как к божественным существам, искали помощи посредством крови убитых животных, никак не упоминали о Нем и чтобы некоторые из них даже сомневались в бытии Его или совершенно отвергали существование какого-либо Бога (Deum)? Для того Он послал души, чтобы те, которые в собственном местопребывании были единомысленными и обладали одинаковым разумением и знанием, по принятии смертных форм расходились и разногласили в мнениях, чтобы одним одно, а другим другое казалось справедливым, полезным и правильным, чтобы спорили о том, к чему следует стремиться и чего избегать, чтобы одни так, а другие иначе определяли границы зла и добра, чтобы им, при желании знать истину, противостояла тьма и чтобы они, как бы лишенные света глаз, ничего не

видели с точностью и ненадежными путями догадок вводились в заблуждение?

40. Для того Он послал души, чтобы — между тем как прочие живые существа питаются тем, что родилось само собой и выросло без всякого посева, и не ищут для себя защиты или прикрытия домами и одеждами — они были поставлены в жалкую необходимость с большими затратами и с усиленным трудом строить для себя дома, приготовлять покрывала для членов, приобретать различную утварь для ежедневных нужд, пользоваться при своем бессилии помощью бессловесных животных, применять силу к земле, чтобы не ограничиваться ее злаками, но получать требуемые от нее плоды, после напряжения всех сил для обрабатывания земли утрачивать, вследствие [хлебной] ржавчины, града и засухи, надежды, возлагаемые на труд, и, наконец, из-за голода устремляться на человеческие трупы и вследствие разрушительного тления отделяться от человеческих форм? Для того Он послал души, чтобы те, кто, живя с Ним, никогда не имели никакого стремления к собственности, сделались здесь в высшей степени алчными и воспламенялись ненасытной страстью приобретения, раскапывали высокие горы и неизвестное содержимое земли обращали в предметы с другим наименованием и для другого употребления, проникали с опасностью для жизни к отдаленным народам и постоянно выжидали то дороговизны, то дешевизны привозимых товаров, занимались ненасытимым и крайне несправедливым ростовщичеством и, насчитывая тысячи и [нажитое] от крового труда несчастных, усиливали (angerent) бессонницу, постоянно расширяли границы владений и, хотя бы целые провинции составляли одно поместье, вели из-за одного дерева, из-за [одной] борозды тяжбы и питали непримиримую вражду к друзьям и братьям?

41. Для того Он послал души, чтобы те, кто прежде были кроткими и свободными от возбуждений страсти к жестокости, устраивали у себя мясные рынки и амфитеатры, места крови и публичной безнравственности, чтобы в одном [из этих мест] они видели, как люди пожираются и растерзываются дикими зверями и как другие умерщвляются не за вину какую-либо, но в угоду и для удовольствия зрителей, и чтобы самые эти дни, в которые совершается такое беззаконие, они считали днями общей радости и посвящали веселому празднованию, а в другом[62] — чтобы они разрывали внутренности несчастных

[62]На мясном рынке.

животных, хватали, подобно собакам и коршунам, одни — одни части, другие — другие, раздробляли их зубами и передавали жестокому желудку и чтобы при столь жестоких и ужасных нравах те, кого гнетущая бедность удерживала от таких трапез, оплакивали свою судьбу, а те, чьи рты и глаза осквернялись столь жестокими припасами, жили блаженно и счастливо? Для того Он послал души, чтобы они, забыв о божественном достоинстве и важности, приобретали, в ущерб целомудрию, драгоценные камни и жемчуг, вешали их на шеи, добывали румяна для видных частей тела, прокалывали мочки ушей, уменьшали лбы[63] посредством повязок, подкрашивали глаза[64] сажей и не стыдились, имея образ мужчин, завивать щипцами волосы, выглаживать кожу на теле[65], ходить с обнаженными коленями и всеми другими способами устранять мужественность и придавать себе свойственные женщинам изнеженный вид и привлекательность?

42. Для того Он послал души, чтобы одни делали небезопасными дорожные пути, а другие обманывали неопытных, составляли подложные завещания, приготовляли отравленные напитки, вламывались по ночам в дома, склоняли рабов к бегству, угоняли [скот], действовали коварно и изменнически, устраняли [в кушаньях] противный для рта вкус, умели при жарении откормленной живности удерживать вытекающий жир[66], готовили крендельки и кровяные колбасы, пудинги (isicia), пирожные (castellamenta), копченые колбасы, вместе с тем мясо из свиного вымени и холодное из рубленного мяса (glacialia conditione tucceta)? Для того Он послал души, чтобы они занимались здесь музыкой и игрой на свирели как предметами священными и достойными высокого уважения, чтобы при игре на флейтах надували щеки, чтобы запевали бесстыдные песни, чтобы издавали звуки в такт под стук тактомеров[67], причем другая толпа душ с необузданностью производила беспорядочные телодвижения, танцевала и пела, устраивала

[63] Большой лоб женщин считался некрасивым.

[64] Собственно брови.

[65] Изнеженные мужчины посредством разнообразных способов старались обыкновенно делать кожу на своем теле гладкой, подобной женской, и уничтожали волосы на тех частях тела, на которых они не соответствовали понятию о красоте.

[66] Так как употребление коровьего масла неизвестно было римлянам и оно заменялось оливковым, то обыкновенно практиковалось откармливание скота и живности, чтобы они при жарении плавали в собственном жире.

[67] Тактомер (scabillum) у римлян имел вид высокой деревянной подошвы, прикрепляемой к ноге и имевшей в горизонтальном разрезе, под пальцами, металлическую машинку. Посредством этого инструмента отбивали такт при танцах и музыке.

круговые пляски и, наконец, приподняв ягодицы и бедра, делала движения дрожащими ляжками? Для того Он послал души, чтобы они, будучи в мужчинах, развратничали, а будучи в женщинах — становились блудницами, арфистками, играли на цитре, предавались проституции, отдавали свою девственность всем на поругание, были доступными в публичных домах, предлагали себя в притонах, ни от чего не отказываясь и готовые за деньги на самые отвратительные мерзости?

43. Что скажете вы, отпрыски и потомки верховного (primi) Существа[68]? Неужели мудрые и происшедшие от Первовиновника души знали эти виды мерзостей, преступлений и коварств, и им для того было повелено обитать и жить в этих частях [мира] и облечься в человеческое тело, чтобы выполнять, делать, совершать эти злые дела? Кто из смертных, обладающих какой-либо способностью понимания и разумностью, может думать, что мир устроен ради душ, а не [признать] скорее, что назначено место и обиталище, где бы ежедневно творилось всякое беззаконие, совершались все злодейства, козни, обманы, коварства, корыстолюбие, грабежи, насилия, преступления, буйства, безобразия, мерзости, подлости и всякое другое зло, которое люди на всей земле производят со злым умыслом и измышляют на погибель друг друга?

44. «Но, — скажете вы, — они пришли [на землю] по своей воле, а не были посланы Царем». Но где был всемогущий Отец, где авторитет Царского величия, чтобы удержать их от удаления и не допустить погружения в крайне опасные наслаждения? Ибо если Он знал, что они вследствие перемены мест изменятся к худшему, — а знать Он должен был как установитель всех причин — или что к ним извне присоединится что-либо, что заставит их забыть о своем достоинстве и значении, то — тысячу раз прошу о прощении — не другой кто-либо, как сам Он служит причиной всех зол, ибо Он допустил иметь свободу для распущенности тем, относительно кого предвидел, что они не сохранят состояния своей неиспорченности, и таким образом просходит, что совершенно безразлично, пришли ли они [на землю] по своей воле, или повинуясь Его повелению, так как, не препятствуя тому, чему должно было воспрепятствовать, Он, вследствие бездействия, сделал преступление [их] собственным и, не удерживая [от него], заранее допустил [его][69].

[68] Арнобий имеет в виду последователей Платона, признававших души непосредственно происшедшими от самого Бога.

[69] Явно ошибочные суждения Арнобия, высказанные им в предшествующих гла-

45. Но да будем мы далеки от того, чтобы разделять это в высшей степени преступное мнение и признавать, что всемогущий Бог, Виновник, Создатель и Творец всего великого и невидимого, создал души столь изменчивыми, не имеющими никакой твердости, силы и постоянства, способными впадать в пороки, склонными ко всем родам грехов, и хотя знал, что они таковы или подобны этому, однако повелел им войти в тела, чтобы они, будучи заключены в [эти] темницы, жили при ежедневных бурях и невзгодах судьбы, чтобы то делали мерзости, то переносили гадости, чтобы гибли от кораблекрушений, обвалов, пожаров, чтобы одних угнетала бедность, других — нищета, чтобы одни растерзывались дикими зверями, другие гибли от яда насекомых, чтобы одни ходили калеками, другие утрачивали зрение, чтобы иные сидели с сведенными членами, чтобы, наконец, они подвергались всем болезням, которые переносят несчастные и жалкие смертные, терзаемые разнообразными наказаниями, чтобы затем, забыв о единстве происхождения, об одном Создателе и Главе, они ниспровергали и нарушали права родства, разрушали свои города, опустошали, как неприятели, страны, обращали свободных [людей] в рабов, лишали чести дев и чужих жен, ненавидели друг друга, завидовали радостям и счастью других, и, наконец, все злословили себя, поносили и жестоко и злобно оскорбляли и уязвляли.

46. Но, — повторим сказанное нами, — да будет чуждо нам ужасное и преступное убеждение, что Бог, служащий спасением для всего существующего, источником всех добродетелей и столпом благости, и — если возвеличить Его человеческими похвалами — премудрый, праведный, создающий все совершенным и сохраняющимся в пределах своего первоначального состояния, произвел что-либо несовершенное и уклоняющееся от должного пути, или был в отношении к чему-либо причиной бедствий и опасностей, или установил и определил ту самую деятельность, в которой проходит и которой наполняется жизнь человеческая, и повелел, чтобы она протекала по Его определению. Это слишком ничтожно для Него и разрушает силу Его величия и настолько далеко от того, чтобы можно было признавать Его виновником этого, что впадает в преступление нечестия и богохульства тот, кто признает, что Им произведен человек, существо несчастное и жалкое, которое скорбит о своем существовании, проклинает и оплакивает

вах и здесь и в частности, следующие затем суждения его о происхождении зла объясняются, главным образом, тем, что он не имел ясного понятия о свободной воле человека и первородном грехе и не отличал нравственного зла от физического.

свое положение и не видит другой причины для своего происхождения кроме того, чтобы была почва для распространения зла и чтобы постоянно были несчастные, страданиями которых услаждалась бы какая-то сокрытая, жестокая и враждебная человечеству сила.

47. «Но если Отец и Творец душ, — скажете вы, — не Бог, то каким виновником они произведены и каким образом произошли?» Если вы хотите слышать [истину] без прикрас и без каких-либо хвастливых слов, то мы сознаемся также в том, что не знаем, не ведаем этого и знание столь важного предмета считаем превышающим (transire) не только нашу немощность и бренность, но и всех тех сил, которые находятся в мире и которые воспользовались верованиями людей относительно их как богов. Но мы должны указать, от кого происходят те, происхождение которых от Бога мы отрицаем? Это не служит необходимым следствием. Ведь если мы будем отрицать, что мухи, жуки и клопы, полевые мыши, хлебные черви и моль служат произведением всемогущего Царя, то отсюда не вытекает для нас необходимое требование, чтобы мы сказали, кто создал и образовал их, потому что мы можем, нисколько не навлекая на себя порицания, не знать, кто дал также им начало, и утверждать, что не высочайшим Богом произведены [существа] столь излишние, столь ничтожные, столь бесполезные, иногда даже вредные и причиняющие порчу тому, что необходимо.

48. Таким образом, и здесь подобным же образом, когда мы отрицаем, что души происходят от верховного Бога, то отсюда не следует, что мы должны объяснить, от какого же отца они произошли и по каким причинам произведены. Ибо кто может воспрепятствовать нам или не знать, откуда они произошли и явились, или знать, что они не произведены Богом? «На каком основании, — скажете вы, — каким образом?» Потому что истиннее истинного и несомненнее несомненного то, что Первовиновником мира, как мы часто говорили, ничто не совершается, не делается и не устраивается кроме того, чему должно и подобает быть, что полно и чуждо недостатков и законченно в совершенстве своей [полноты] и безукоризненности. Но мы, далее, замечаем, что люди, т. е. самые души, — ибо что такое люди, как не души, соединенные с телами? — развращенностью и многочисленными пороками сами дают о себе знать, что они не высшего происхождения, но произошли из средних кругов. Ибо мы видим, что некоторые из них жестоки, преступны, дерзки, безрассудны, опрометчивы, слепы, лицемерны, лукавы, лживы, горды, надменны, корыстолюбивы, алчны, похотливы, переменчивы, слабы и не могут соблюдать собственных своих решений: такими они, без сомнения, не были бы, если бы им свойственно

было божественное достоинство и если бы они имели высокое происхождение, исходящее от Первоисточника всего существующего.

49. «Но, — скажете вы, — среди человечества есть люди добрые, мудрые, справедливые, чистой и безукоризненной нравственности. Мы не поднимаем вопроса относительно того, были ли когда-либо те, кому ничего не доставало для того, что называют безукоризненностью. Пусть есть и были вполне почтенные и достойные похвал [люди], пусть они достигли высшей степени совершенства и не имели в жизни никаких уклонений и падений, но мы желаем знать, сколько их есть или было, чтобы по величине количества определить, справедливо ли противопоставление и соблюдено ли при сравнении равновесие. Один, два, три, четыре, десять, двадцать, сто, число которых, наверное, определенно и которые, может быть, могут быть поименованы. Но следует ценить род человеческий и судить о нем не по немногим хорошим [людям], а по всем прочим. Ибо часть заключается в целом, а не целое в части, и частное должно присоединяться к общему, а не общее к частному. Что, если бы ты человека, у которого разбиты все члены и который рыдает от жестоких мучений, признал здоровым по той причине, что он не испытывает никакой боли в одном ноготке, или если бы назвал землю золотой потому, что в бугорке одного холма находятся небольшие крупинки, через расплавление которых получается золото, тщательно собираемое и добываемое? Качество массы определяется совокупностью отдельных частей, а не воздухообразными пылинками, и море не делается пресным оттого, если прибавить и влить в него несколько капель более мягкой воды, потому что эта малость поглощается безмерной [массой], и не только незначительным, но и не имеющим никакого значения следует считать то, что, распространяясь повсюду, теряется и исчезает в безграничной массе.

50. Вы скажете (dicatis), что в роде человеческом есть хорошие люди, которых признать таковыми заставляет, может быть, сравнение с наихудшими. Скажите: кто же это? Думаю, что это философы, которые только себя одних считают мудрейшими и вследствие этого наименования высоко поднимают голову, — это именно те, которые ежедневно борются со своими страстями и посредством упорной борьбы ради добродетелей изгоняют и удаляют из душ внедрившиеся в них страстные движения, — которые, для того чтобы какое-либо имущество не могло склонить их к порокам, избегают наследств и богатства и устраняют у себя поводы к падению: этим образом действий и этой заботливостью они с полной ясностью дают знать, что души слабы и вследствие слабости склонны к порокам. Но, по нашему мнению,

то, что хорошо по природе, не требует ни исправления, ни улучшения, мало того, — оно не должно даже знать того, что такое зло, если форма всякого рода требует постоянного сохранения ее в первоначальном состоянии, потому что противоположное не может заключаться в противоположном и равное — содержаться в неравном или сладкое в горьком. Таким образом, кто борется, чтобы исправить врожденную порочность душ, тот яснейшим образом указывает на свое несовершенство и порочность, хотя бы он всеми силами и упорно стремился к противоположному.

51. Но вам представляется наш ответ смешным, потому что мы, отвергая царское происхождение душ, не указываем, со своей стороны, какое они имеют происхождение и начало. Что же это за преступление — или не знать какого-либо предмета, или без всякого притворства сознаваться в незнании того самого, чего не знаешь, и кто из двоих кажется вам более заслуживающим осмеяния — тот ли, кто не присваивает себе никакого звания о каком-либо темном предмете, или тот, кто думает, что он сам через себя вполне ясно знает то, что выходит из границ человеческого знания и что покрыто непроницаемой тьмой? Но если глубже вникнуть в сущность дела, то и вы находитесь в таком же положении, за которое порицаете нас. Ибо, утверждая, что души нисходят от самого Царя и принимают человеческий образ, вы не высказываете что-либо исследованное, ясную, очевидную истину. Вы именно догадываетесь, а не знаете предполагаете, а не постигаете, потому что если знать, значит содержать в душе то, что ты сам видел или познал, то ни о чем из того, что вы утверждаете, вы не можете сказать, что вы когда-либо видели это, т. е. нисхождение душ из небесного местопребывания и области. Таким образом, вы пользуетесь предположением, а не достоверным, ясным знанием. Но что такое предположение, как не мнение неопределенное о вещах и не имеющий никакой опоры полет мысли в сокровенную область? Следовательно, кто предполагает, тот не обладает знанием и не находится в свете познания. Если же это верно и несомненно, то у справедливых и мудрейших судей также и это ваше предположение, на которое вы полагаетесь, должно признаваться за незнание.

52. Но вы не должны думать, что только вам позволительно пользоваться догадками и предположениями, — также и мы можем [пользоваться] ими, потому что общим достоянием служит высказывание того, о чем вы спрашиваете. Откуда, говорите вы, люди, и что такое или откуда [происходят] души самих людей? Но откуда слоны, быки, олени, мулы, ослы? Откуда львы, лошади, собаки, волки, пантеры, и

что такое или откуда происходят души живущих существ? Ибо невероятно то, что из того Платонова кратера, в котором, [как говорит] «Тимей»[70], было произведено смешение, произошли души их, и нельзя думать, что [в нем] были одушевлены и получили жизнь саранча, мышь, землеройка, моль, лягушка, стоножка, так как они имеют причину и начало происхождения в самих элементах, если для произведения одушевленных существ, живущих в каждом из них, [элементам] присущи сокрытые и темные причины. Ибо мы знаем также, что, по словам одних философов, земля служит матерью их, а [по словам] других — вода, иные присоединяют к ним эфир, но некоторые [говорят], что солнце служит творцом их и что огнем его они были одушевлены и получили от него жизнь и движение. Что сказать, если также и этого нет [в действительности] и если что-либо другое, другая причина, другое начало, другая, наконец, сила, о которой мы не слыхали и которой не можем назвать, образовали род человеческий и присоединили его к мировому строю? Разве не могло быть, что таким образом произошли люди и что начало происхождения их не имеет отношения к верховному Богу? Когда великий и мудрый при своей религиозности и нравственной чистоте Платон отклонил создание человека от высочайшего Бога и перенес на какие-то низшие существа и когда он не хотел допустить, чтобы души человеческого рода были смешением той же чистоты, с какой Он создал душу этой вселенной, то какое другое основание он мог иметь для этого, как не то, что он признавал сотворение человека недостойным Бога и образование слабого существа не соответствующим Его величию и высоте?

53. Поэтому не без основания и не напрасно мы верим, что души людей имеют среднюю природу и что они именно не происходят от верховного Существа, подчинены закону смерти и обладают небольшими и слабыми силами, но одаряются вечной жизнью, если надежду на такой дар возлагают на верховного Бога, которому одному принадлежит власть не допустить их до тления. Но мы, [по вашему мнению], глупо верим в это. Какое это имеет отношение к вам, [хотя бы наше верование было] в высшей степени нелепым и вздорным? Каким образом мы можем повредить вам или какое оскорбление наносим или причиняем вам, если мы уверены в том, что всемогущий Бог позаботится о нас, когда мы начнем отделяться от тел и спасаться, как говорится, от пасти смерти (Orci)?

[70] Plat. Tim. 41.

54. «Значит, — скажет кто-нибудь, — нечто может происходить без воли Божией?» Мы должны осторожно и с большим вниманием обсудить и исследовать это, чтобы, думая таким вопросом воздать честь Богу, не впасть в противоположный грех, оскорбляя высоту Его величия. Каким образом, почему? Потому что если все совершается по Его воле и без Его мановения ничто в мире не может ни произойти, ни прекратиться, то необходимо следует понимать также и всякое зло происходящим по Его воле. Если же мы, наоборот, скажем, желая отстранить от Него причины зла, что Он непричастен никакому злу и не производит его, то будет ясно, что зло происходит или вопреки Его воле, или — что страшно сказать — без Его ведома, так что Он не знает и не замечает его. Но если, с другой стороны, мы скажем, что нет никакого зла — что, как мы знаем, предполагают и утверждают некоторые[71], — то все народы и все племена будут протестовать, указывая нам на свои страдания и на разнообразные виды бедствий, которыми ежеминутно удручается и терзается род человеческий. Затем они могут спросить нас: «Если нет никакого зла, то почему вы воздерживаетесь от известного рода действий и поступков? Почему вы не исполняете всего того, к чему побуждает и чего требует необузданная страсть? Почему, наконец, вы посредством возбуждающих страх законов устанавливаете наказания для преступников? Можно ли придумать более чудовищную глупость, нежели утверждать, что нет никакого зла, и истреблять и осуждать погрешающих, как злодеев?».

55. Когда мы вынуждены будем согласиться с тем, что зло существует, и признать, что все человечество изобилует им, то вслед затем они могут спросить: «Почему же всемогущий Бог не прекращает этого зла, но допускает, чтобы оно существовало и беспрерывно продолжалось в течение всех веков?». Если бы мы имели надлежащее понятие о Боге как Царе и Первовиновнике и если бы не хотели блуждать среди нечестивых и безумных предположений, то необходимо должны были бы ответить: мы не знаем этого и никогда не стремились и не старались узнать то, что не может быть постигнуто никакими силами, и вы гораздо лучше, даже лучше всего сделаете, предпочитая скорее оставаться в границах незнания и неведения, нежели утверждать, что все совершается только по воле Божией, разумея вместе с тем, что Он служит и причиной зла, и виновником бесчисленных бедствий. «Откуда же, — скажете вы, — все это зло?» Из элементов и разнообразия их,

[71] Стоики.

говорят философы. Но утверждающие это должны обсудить, каким образом то, что не имеет разумения и способности суждения, может быть признано злым и вредоносным, и не тот ли скорее зол и причиняет вред, кто каким-либо действием усвоил то, что может причинять зло и вред. Что же такое мы? Откуда мы? В ответе нет никакой необходимости. Ибо можем ли мы или не можем и не в состоянии сказать это, то и другое для нас неважно, и мы не считаем имеющим важное значение не знать или знать это, довольствуясь одним только положением, что от верховного Бога ничто вредное и пагубное не может исходить. Это мы утверждаем, это мы знаем, на той одной истине ведения и знания настаиваем, что от Бога происходит только то, что для всех спасительно, что приятно, что исполнено любви, радости и отрады, что содержит бесконечные и непреходящие наслаждения, чего каждый всячески желает и стремится достигнуть, считая все другое пагубным и смертоносным.

56. Все прочее, что обыкновенно подвергается исследованиям и спорам — от каких виновников происходит [зло] и по чьей воле оно совершается, — мы не стремимся знать и не стараемся исследовать и выведывать: все мы предоставляем своим причинам и признаем это не относящимся и не принадлежащим к тому, чего мы можем доискиваться. Ибо что человеческие умы не осмеливаются, из стремления к противоречию, поколебать и разрушить, хотя бы то, что они стремятся ослабить, было ясно, несомненно и запечатлено печатью истины. С другой стороны, чего они не могут подтверждать вполне правдоподобными аргументами, хотя бы совершенно было ясно, что это неправда, хотя бы это было явной, очевидной ложью? Ибо когда кто-либо бывает убежден, что что-либо существует или не существует, то он находит удовольствие в том, чтобы отстаивать свое мнение, и превосходит других остроумием, в особенности если речь идет о предметах отдаленных, сокровенных и покрытых естественной темнотой. Некоторые из философов думают, что мир не имеет происхождения и никогда не погибнет[72], другие признают его бессмертным, хотя приписывают ему происхождение и начало[73], третьим заблагорассудилось утверждать, что он имеет происхождение и начало и погибнет вследствие обыкновенной неизбежности[74]. И хотя из этих трех мнений одно должно быть истинным, однако у всех их нет недостатка в доказательствах, кото-

[72] Например, Гераклит.
[73] Платон.
[74] По учению стоиков.

рыми они подтверждают свои положения и опровергают и колеблют мнения других. Относительно того же [мира] одни учат и объявляют, что он состоит из четырех элементов, другие — из двух, третьи — из одного; некоторые говорят, что [он не состоит] ни из одного из них и что веществом и первоосновой его служат неделимые тела. И хотя одно из этих мнений истинно, но ни одно из них не бесспорно, [поэтому] также и здесь все, располагаясь доказательствами, посредством которых устанавливают истинность того, что сами говорят, и опровергают ложь, заключающуюся в мнениях противников. Таким же образом одни отвергают бытие богов[75], другие говорят, что они сомневаются в существовании их[76], третьи [говорят], что они существуют, но не заботятся о людях[77], иные же, напротив того, утверждают, что они и принимают участие в делах людей, и управляют земными отношениями[78].

57. Итак, несмотря на это и на то, что из всех [мнений только] одно истинно, все, однако, ведут борьбу посредством аргументов и у каждого имеется то, что он может говорить правдоподобно, подтверждая свои мнения или опровергая мнения других. Таким же образом и не иначе они рассуждают о состоянии душ. Один полагает, что они вечны и продолжают существовать по разрушении смертных тел, другой думает, что они не продолжают существования, но погибают вместе с самыми телами[79], а иной держится того мнения, что они ничего не испытывают беспрерывно, но им, по оставлении тела, дается несколько времени для жизни, а после того они подчиняются законами смертности[80]. И хотя все не может быть истинным, однако все выступают с сильными и весьма убедительными доказательствами, так что нельзя найти того, что казалось бы ложным, хотя замечается, что говорят различное во всех отношениях и разногласят, взаимно противореча. Но этого, конечно, не было бы, если бы человеческая любознательность обладала чем-либо несомненным и если бы то, что кажется найденным, подтверждалось согласием всех других. Таким образом, это пустой и бесполезный труд — высказывать что-либо так, как будто бы ты знаешь это, или желать утверждать, что знаешь что-либо, что, хотя бы

[75] Например, Диагор и Феодор Киринейский (ср. Arnob. I, 31).
[76] Например, Протагор из Абдеры (ср. Arnob. I, 31).
[77] Эпикурейцы.
[78] Платон и стоики.
[79] Так думали эпикурейцы.
[80] Подобного рода мнение разделяли стоики (Cic. Tusc. disp. I, 31).

было истинным, может, как мы видим, быть опровергнуто, и принимать за истину то, что может быть не таково и что говорится как бы в бреду. И это естественно. Ибо о божественном мы судим и заключаем не по божественным, а по человеческим отношениям, и чему, по нашему мнению, следовало бы быть, относительно того мы утверждаем, что это действительно так должно быть.

58. Что же? Разве мы одни не знаем и не ведаем, кто творец, кто создатель душ, какой виновник образовал тело, откуда произошло зло или почему высочайший Царь допускает, чтобы оно существовало и совершалось, и не удаляет его от рода человеческого? Знаете ли вы с точностью что-нибудь об этом? Если вам угодно будет изложить свои смелые предположения, то можете ли вы объяснить и сообщить: этот мир, в котором мы находимся, не создан или был устроен в какое-либо время? Если он был устроен и создан, то каким образом и почему? Можете ли вы указать основание и объяснить, почему он не остается непоколебимым и неподвижным, но постоянно совершает круговое движение? Сам ли собой и по своей воле совершает он круговое обращение, или же он вращается вследствие воздействия какой-либо силы? Что такое самое место и пространство, в котором он находится и вращается? Безгранично оно или ограничено, пусто или плотно? Поддерживает ли его[81] ось, опирающаяся на крайние полюсы, или сам он поддерживает себя собственной силой и держится в висячем положении вследствие собственной энергии (spiritu)? Можете ли вы, если вас спросят, объяснить и с полным знанием изложить, почему снег является в виде пушистых хлопьев? Что служит причиной и основанием того, что дневной свет начинается не на западе и оканчивается не на востоке? Каким образом самое солнце через одно и то же соприкосновение производит столь различные и даже противоположные действия? Что такое луна? Что такое звезды? Почему луна не удерживает одного и того же вида, и почему по всему небесному своду подобало или должно было укрепить эти огненные клочки[82]? Почему одни из них малы, а другие больше и значительнее, одни имеют слабый свет, а другие — более яркий и блестящий?

59. Если вы обладаете тем, что вам угодно знать, и если имеете ясное понятие о вещах, то сообщите и скажите нам: каким образом и по каким причинам происходят дожди, так что на высоте и в воздухе вода держится в висячем положении — вещество по природе текучее и

[81] Мир.
[82] Звезды.

столь склонное всегда падать и бежать вниз? Сообщите, говорю, и скажите, что придает округленную форму граду, что заставляет дождь падать каплями, что низвергает ливни, что обращает снег в пух и лепестки, откуда происходит и что такое ветер, почему установлены перемены времен года, когда можно было бы установить одно [время года] и одинаковую температуру, чтобы ничего не доставало для полноты существующего? Что служит причиной и основанием того, что моря солены и что из земных вод одни пресные или теплые, а другие горькие или холодные? Из какого рода вещества образованы и скреплены составные части человеческих тел, отчего происходит твердость костей, что образовало внутренности и трубчатые и удобопроходимые жилы? Почему мы скудно наделены двумя [глазами], хотя нам ввиду опасности слепоты полезнее было бы получать свет через несколько глаз? Для чего образованы или произведены столь несметные и бесчисленные роды диких зверей и змей? К чему служат в мире совы, коршуны, ястребы? К чему вещие птицы (alites)[83] и прочие пернатые? К чему [различные] роды муравьев и червей, являющиеся для того, чтобы портить и причинять разного рода вред? К чему блохи, бесстыдные мухи, пауки, землеройки, мыши, пиявки, водяные пауки? К чему терновники, шиповники, дикий овес, кукол и имеющие приятный или противный запах семена трав и кустарников? Или если вы думаете, что ложно что-либо знать или понимать, то лучше скажите, что такое пшеница, полба, ячмень, просо, горох, чечевица, дыня, тмин, порей, чеснок, лук? Ибо если они служат вам для употребления и предназначены служить для вас средствами пропитания, то не ясно ли и не очевидно ли, что вы должны знать, что такое они, почему им даны именно такие формы и была ли какая-либо необходимость для того, чтобы они должны были иметь не иной вкус, не иной запах и не иной цвет, как тот, какой имеют, или же они могли получить и иной? Что такое, затем, эти самые свойства — я разумею вкус и прочее — и откуда они получают различные качества? Вы отвечаете: из элементов и из первооснов существующего. Но неужели элементы горьки или сладки, имеют какой-либо запах или цвет, так что можно было бы думать, что вследствие соединения их сообщаются вещам при их происхождении такие качества, от которых происходит приятное или неприятное действие их на чувства?

[83] Под alites разумеются птицы, считавшиеся дающими предзнаменования своим полетом.

60. Таким образом, хотя и вам самим неизвестны начала, причины и основания стольких и столь важных предметов и вы не можете ни сказать, ни объяснить, что такое и почему было создано или почему что-либо не должно быть, однако вы поносите и осмеиваете нашу скромность, так как мы сознаемся, что не знаем того, чего нельзя знать, и не стараемся исследовать и разузнавать то, что несомненно не может быть постигнуто, хотя предположения занимают тысячи душ человеческих и находят распространение. И поэтому Христос, Он же, хотя и вопреки вашему желанию, Бог, повторяю: Бог — Христос, — ибо это часто должно говорить, чтобы оглашался и проникался этим слух неверных, — говоря в образе человека по повелению высочайшего Бога и зная, что люди по природе слепы и не могут постигать никакой истины даже относительно того, что находится перед глазами, что они и относительно того, в точном знании чего уверены, не идут далее предположений и ставят спорные вопросы, не решая их, повелел нам оставить и не считать важным все это и не пускаться в бесплодные рассуждения о том, что совершенно недоступно нашему знанию, но, насколько возможно, обращаться к Владыке мира всеми мыслями и всей душой, отрешаться от этих мест и переносить на Него все душевные стремления, постоянно помнить о Нем, и хотя никакой силой воображения не может быть дан образ Его, однако созерцать как бы тень Его; ибо из всего того, что покрывает высочайшее Божество темнотой, Он один несомненен, Он один истинен, и относительно Его никто не может сомневаться, разве только безумец и дошедший до безумного отчаяния, и достаточно Его знать, чтобы ничего другого не знать, и достигает истинного и высшего знания тот, кто утверждается на познании Бога, Главы всего существующего.

61. К чему вам, говорит Он, исследовать и доискиваться, кто создал человека, каково происхождение душ, кто виновник зла, больше ли солнце своего диска, или оно имеет один фут длины, светит ли луна чужим или собственным светом? Знать это или не знать не составляет ни выгоды, ни убытка. Предоставьте это Богу, и пусть Он знает, что, почему и откуда происходит, должно ли быть или не быть что-либо, есть ли что-либо первородное, или оно произошло впоследствии, должно ли оно уничтожаться или сохраняться, разрушаться и разлагаться или постоянно возобновляться во всей целости. Вашему положению не соответствует вмешиваться в это и бесполезным образом заниматься столь далекими предметами — ваше состояние сомнительно, — я говорю о спасении ваших душ, — и если вы не обратитесь к познанию верховного Бога, то вас ожидает, по разрешении от телес-

ных уз, жестокая смерть, не приносящая внезапно уничтожения, но постепенно уничтожающая через жестокое мучительное наказание.

62. Пусть не вводит вас в заблуждение и не обольщает пустой надеждой ни то, что говорится полузнайками и слишком притязательными [людьми], что они созданы Богом и не подлежат законам судьбы, и если будут вести воздержанную жизнь, то им будет открыт дворец Его и они после смерти человеческой без всякого препятствия возвратятся как бы в отеческий дом, ни то, что обещают маги, [говорящие], что они имеют хвалебные молитвы, умилостивляемые которыми какие-то силы сделают легкими пути старающимся вознестись на небо, ни то, что Этрурия обещает в Ахеронтских книгах[84], — что посредством крови определенных животных, приносимой в жертву известным божествам, души делаются божественными и освобождаются от законов смерти[85]. Это пустое обольщение и лелеяние тщетных желаний. Никто другой кроме Бога всемогущего не может сохранять души и, кроме того, никто не может сделать их долговечными и даровать им вечную жизнь, как только Тот, Кто один бессмертен и вечен и не ограничен никакими пределами времени. Ибо так как все боги, истинные ли или признаваемые таковыми вследствие слухов и верования, бессмертны и вечны по воле Его и по дару Его благости, то каким образом может быть, чтобы они могли дать другому то, чем сами они обладают, когда они имеют это как нечто чужое и дарованное им высшей силой? Пусть Этрурия приносит сколько угодно жертв, пусть философы отказывают себе во всем, свойственном людям, пусть маги примиряют и умилостивляют все силы: если Владыкой мира не будет дано душам, и именно через [Его] повеление, то, чего требует [их] состояние, то впоследствии, когда они начнут чувствовать приближение погибели, они испытают великое раскаяние в том, что были предметом осмеяния.

63. «Но, — говорят, — если Христос для того был послан Богом, чтобы избавить несчастные души от окончательной погибели, то чем провинились прежние поколения, погибшие вследствие жребия смерти до Его пришествия?» — Можете ли вы именно знать, что было с душами людей древних и живших в самые отдаленные времена, — не оказана

[84]Разумеются легендарные книги этрусков о культе умерших людей, души которых, по древним верованиям, пребывали в подземном мире, называвшемся также, по имени одной из мифологических рек этого мира, Ахерон.

[85]В приводимых Арнобием трех мнениях имеются в виду неоплатоники и, может быть, Корнелий Лабеон, живший, по всей вероятности, во второй половине III в. по Р. Х. (см.: Röhricht. Op. cit. S. 30, 41; Kettner. Corn. Labeo. Naumb... 1877. S. 19).

ли каким-либо образом и им помощь, не было ли заботы и попечения также и о них? Можете ли, говорю, знать то, что можно было узнать из учения Христа: нескончаемы ли или имели конец поколения с того времени, как род человеческий начал существовать на земле, когда впервые души были соединены с телами, кто виновник этого соединения, даже кто создатель самого человека, куда отошли души предков, в каких частях или областях мира они были, разрушимы ли они или нет, могли ли они достигнуть награды бессмертия и избежать опасности смерти, если бы в необходимое время не явился Христос как Спаситель? Откажитесь от этих забот и оставьте неразрешимые для вас вопросы. Милосердие Царя было оказано также и им, и божественные благодеяния одинаково были простерты на всех: они были спасены, освобождены и оставили жребий и состояние смертности. Каким образом, какие, когда? Если бы вы свободны были от высокомерия, гордости и самомнения, то вы уже давно могли бы знать это из учения Христа.

64. Но, говорите вы, если пришел Христос, Спаситель рода человеческого, то почему Он не спасает всех вообще через одинаковое благодеяние? Почему не спасает одинаково Тот, Кто всех одинаково призывает? — Разве отталкивает или с презрением удаляет кого-либо от божественной благости Тот, Кто высшим и низшим, рабам, женщинам и детям одинаково дает возможность приходить к Нему? Таким образом, для всех открыт источник жизни. и никто не удерживается и не устраняется от права жить[86]. Если ты столь горд, что с презрением отвергаешь благодеяние предложенного дара, или, скорее, если ты настолько силен в мудрости, что то, что предлагается Христом, называешь пустяками и глупостями, то для чего ожидается Призывающий, дело Которого состоит только в том, чтобы предложить пользование Его благостью в зависимости от твоего свободного решения? Бог, говорит Платон[87], ни для кого не служит виновником избрания жребия жизни, и воля другого не может прямо быть передана кому-либо, потому что свобода воли находится во власти того, кто обладает волей. Неужели нужно просить тебя, чтобы ты удостоил принять от Бога благодеяние спасения, и осыпать тебя милостями божественного благоволения, когда ты презрительно отвергаешь их и далеко убегаешь? Желаешь принять то, что предлагается, и употребить на собственную пользу? Сам позаботься о себе. Ты отвергаешь, презираешь, пренебре-

[86] Ср. Ин. 6 : 35, 37.
[87] Plat. De rep. X, 617.

гаешь? Сам лишаешь себя пользы дара. Бог никого не принуждает, никого не устрашает грозными повелениями. Ибо Он не нуждается в нашем спасении и не получает ни какой-либо выгоды, ни урона, соделает ли Он нас богами[88] или допустит до уничтожения через тление и разложение.

65. «Напротив того, — говорят, — если Бог могуществен, милосерден и является спасителем, то пусть Он изменит наше настроение и заставит нас, против нашей воли, верить Его обетованиям». — Значит, это насилие не милость и не щедрость высочайшего Бога, а упорное стремление ребяческого характера одержать верх. Ибо что столь несправедливо, как противящихся и не желающих принудить желать противного, внушить то, чего они не хотят и от чего в душе бегут, скорее вредить, чем приносить пользу, и, удалив прежнее, привести в другое состояние и к другому мнению? Ты хочешь быть измененным и подвергнуться насилию для того, чтобы вследствие принуждения исполнять и усваивать то, чего не желаешь. Почему же ты отказываешься добровольно принять то, что желаешь исполнять, если будешь превращен и изменен? «Я не хочу, — говорят, — и не имею желания». Почему же ты винишь Бога, как будто бы Он отказывается оказать помощь тебе, желающему, — Он, дары и благодеяния Которого ты не только презираешь и отвергаешь, но называешь пустыми словами и осыпаешь насмешками и остротами? — «Значит, если я не буду христианином, то не могу иметь надежды на спасение?» — Это так, как ты говоришь. Ибо дело спасения и дарования душам того, что им подобает и необходимо получить, возложено Богом Отцом на одного [Христа], и Ему передано по имеющимся сокровенным и таинственным причинам. Как у вас известные боги имеют определенный круг попечения, полномочий и власти и вы никого из них не просите о том, что не относится к его власти и полномочию, так власти (pontificium) одного Христа принадлежит спасать души и давать им вечное существование. Если вы верите, что отец Либер может давать вино, а не средства врачевания, Церера — плоды, Эскулап — здоровье, Нептун — одно, Юнона — другое, Фортуна, Меркурий, Вулкан служат подателями тех или иных определенных благ, то вы необходимо должны также согласиться с нами, что души ни от кого другого не могут получить жизнь и спасение, как только от Того, Кому высочайший Царь предоставил исполнение этого служения. Всемогущему Повелителю было угодно, чтобы был

[88] То есть бессмертными. У древних римлян души умерших признавались божественными (dii manes).

этот путь спасения, эта, так сказать, дверь жизни[89], только через нее есть доступ к свету, и другими путями невозможно проникнуть и войти, так как все прочие закрыты и ограждены неодолимой преградой.

66. Таким образом, хотя бы ты, будучи чистым и свободным от всякого пятна пороков, снискал благоволение тех сил и склонил их к тому, чтобы они тебе, при возвращении, не закрывали путей к небу и не заграждали доступа, однако ты никакими усилиями не можешь достигнуть награды бессмертия, если через Христа не получишь того, что дает бессмертие, и не будешь допущен к истинной жизни. Ибо никакого основания не имеет то, за что вы обыкновенно упрекаете нас, — что наша религия новая и появилась чуть не несколько дней тому назад и что мы не должны оставлять древнюю, отечественную [религию] и принимать чужие, иноземные обряды. Что [сказали бы вы], если бы мы захотели подобным образом ставить в вину прежним и именно самым древним поколениям то, что они, по открытии полевых плодов, оставили и отвергли желуди и лесные яблоки, что они перестали покрываться корой и облачаться в кожи после того, как была изобретена одежда из тканей, более пригодная для употребления и более удобная, или что они, построив дома и устроив более красивые жилища, перестали любить древние шалаши и не предпочли жить в скалах и пещерах подобно диким зверям? Всем свойственно и почти с самой колыбели усвоено предпочитать хорошее худому, полезное ставить выше бесполезного и что признается имеющим более значения и доставляющим более радости — к этому стремиться, этого искать и на этом основывать надежду на спасение и благосостояние.

67. Таким образом, когда вы укоряете нас за отступничество от религии предков, то вам следует иметь в виду причину, а не факт, не противопоставлять то, что мы оставили, а скорее обратить внимание на то, чему мы последовали. Ибо если изменять мнение и переходить от древних установлений к другим состояниям и к новым желаниям составляет какую-либо вину или преступление, то этому обвинению подлежите также и вы, потому что вы так часто меняли образ жизни и привычки и переходили к другим нравам и другим обычаям, пренебрегши прежними. Делите ли вы народ на пять классов[90], как это было некогда у ваших предков? Избираются ли у вас должностные

[89] Ин. 14 : 6, 10 : 9.

[90] Имеется в виду установленное Сервием Туллием разделение римского народа по имуществу на пять классов. Лишь не в настоящем смысле называются иногда шестым классом proletarii и capite censi.

лица народом? Знаете ли вы, что такое воинские, городские и общие комиции[91]? Наблюдаете ли вы небесные знамения[92] и не действуете ли вы, не обращая внимания на неблагоприятные предзнаменования? Когда вы готовитесь к войне, то выставляете ли знамя на Капитолии? Соблюдаете ли вы законы о фециалах[93]? Делаете ли вы объявление о начале войны[94]? В критические моменты войны обнадеживаете ли вы себя победой вследствие примет на остриях копий[95]? При занятии должностей соблюдаете ли вы законы о возрасте, относительно даров и подарков — законы Цинция[96] и об ограничении расходов — законы цензорские[97]? Поддерживаете ли во внутренней части дома и в кухнях постоянный огонь на очагах[98]? Освящаете ли вы столы поставленными на них солонками и статуями богов[99]? Когда вы вступаете в брак, то покрываете ли ложи тогой и призываются ли вами гении супругов[100]? Расчесываете ли вы волосы выходящих замуж хо-

[91] У римлян в древности было три рода комиций (народных собраний): центуратские, куриатские и трибутные. Первые, в которых соблюдалось деление народа, как в войсках, на центурии, Арнобий называет воинскими, вторые, в которых участвовали лишь городские курии, — городскими, и третьи, в которых подавались голоса по городским и сельским трибам всего народа, — общими.

[92] Гадания по молнии и грому.

[93] Фециалы объявляли, с соблюдением религиозных обрядов, войну и заключали мирные договоры.

[94] Если римский народ считал себя оскорбленным другим народом, то, до начала войны, посылались на границу неприятельской земли в древнейшее время фециалы, которые, с соблюдением известных обычаев, громко требовали удовлетворения.

[95] Имеется в виду упоминаемое многими древними писателями и считавшееся благоприятным предзнаменованием появление перед битвой света или огоньков на остриях копий, стоявших перед палатками. Это, по-видимому, так называемые огни св. Эльма, замечаемые на разных предметах особенно во время грозы, когда воздух и все предметы бывают сильно наэлектризованы.

[96] Lex Cincia (204 г. до Р. Х.) запрещал адвокатам принимать вознаграждение и подарки от клиентов.

[97] Цензорами в разное время было принято много законов, ограничивавших роскошь, но все они давали лишь кратковременный эффект.

[98] Очаг у римлян считался священным. Он служил домашним алтарем, и в нем в древнейшее время постоянно поддерживался огонь.

[99] Имеются в виду священные столы (mensae sacrae) с солонкой и другими жертвенными принадлежностями, стоявшие в приемной зале перед статуями домашних богов. Солонка считалась священной, как заключавшая соль не только для обыкновенного, но и для жертвенного, употребления.

[100] Разумеется брачное ложе (lectus genialis), которое новобрачная в свадебный вечер покрывала тогой, обращаясь при этом с молитвой к гениям, покровителям новобрачного и ее.

лостым копьем[101]? Посвящаете ли вы одежды дев Деве Фортуне[102]? Ваши матери семейств занимаются ли работами в приемных залах домов, свидетельствуя о своем трудолюбии? Воздерживаются ли они от винопития[103]? Предоставляется ли право родственникам и друзьям целовать их, чтобы убедиться в их трезвости и воздержнности[104]?

68. На Альбанской горе в древности позволялось приносить в жертву[105] быков только белоснежного цвета; разве вы не изменили этот религиозный обычай и разве не было определено постановлением сената, что можно приносить рыжих? Хотя в царствование Ромула и Помпилия[106] для богов сжигались внутренности [животных], вполне сваренные и размягченные, но при царе Тулле[107] разве не начали приносить их полусырыми и слегка разогретыми (animata), пренебрегши старинным обычаем? Хотя до прибытия Геркулеса в Италию отцу Диту[108] и Сатурну приносились в жертву, по внушению Аполлона, человеческие головы, но разве вы не изменили также и этот обычай посредством лукавой хитрости и благодаря неопределенности слов[109]? Таким образом, так как и вы сами то одним обычаям следовали, то другим законам, и многое отвергли и оставили, узнав о заблуждениях или найдя лучшее, то что противного здравому смыслу и суждению мы сделали, если избрали более важное и более верное и не дозволили себе держаться ложных религий?

69. «Но наше имя, — [говорят], — ново, и та религия, которой мы

[101] Так у римлян называлось маленькое копье, острием которого волосы новобрачной в день свадьбы расчесывал и разделял на косы или локоны муж.

[102] Дочери благородных родителей в Риме носили особого рода тоги с красной каймой, которые при вступлении в брак снимались и посвящались Фортуне.

[103] Женщинам в Риме в древнейшее время запрещалось пить вино.

[104] Ср. Plin. Nat. Hist. XIV, 13; Tert. Apol. 6.

[105] Юпитеру Латинскому (Jovi Latiari), покровителю латинского союза.

[106] Нума Помпилий, второй римский царь.

[107] Тулл Гостилий, третий римский царь.

[108] Дит, бог подземного мира, имеющий, подобно многим другим божествам, титул отца (Dis pater), тождествен с Плутоном.

[109] По сказанию, Геркулес, прибыв после победы над Герионом в Италию, внушил жителям приносить в жертву вместо голов людей фигурки в виде человеческих голов, oscilla (Macrob. Saturn. I, 7). Но достоверность этого сказания, встречающегося в разных версиях у многих древних писателей, большей частью отвергается новейшей критикой (см.: Wissowa. Religion und Kultus d. Römer. München, 1902. S. 230, 256, Anm. 8). Древнеримский культ не знал человеческих жертв, и все усилия древних и новых ученых найти более или менее верные следы их, как говорит Виссова, не имели успеха; бывшие же в Риме отдельные случаи приношения человеческих жертв объясняются влиянием иноземных культов (Ibid. S. 31, 354–355; ср. S. 54, 109, Anm. 3, 171, 309).

следуем, появилась несколько дней тому назад». Допустим пока, что то, что ставится нам в упрек, не несправедливо. Но среди занятий человеческих, совершающихся через работу тела и рук или выполняемых только духовной силой, посредством изучения и знания, разве есть такое, которое не с какого-либо времени началось, вошло в употребление и нашло применение? Разве медицина, философия, музыка и все прочие искусства, служащие к украшению и улучшению обыденной жизни, появились на свет вместе с людьми, а не наоборот, — недавно или незадолго до настоящего времени начали заниматься ими, понимать их и распространять? Прежде, чем этруск Тагет[110] увидел свет, кто из людей знал или старался знать и изучить, имеют ли какое-либо значение удары молнии[111] или жилки внутренностей[112]? Когда получило начало знание движения светил и вычисление относительно судьбы по положению звезд при рождении? Не после ли Тевта египетского[113] или, как некоторые говорят, после Атланта, носителя, поддерживателя столба и опоры неба[114]?

70. Но к чему я [говорю] об этих мелочах? Сами бессмертные боги, храмы которых вы теперь посещаете и могуществу (numina) которых поклоняетесь, не начали ли с определенного времени, как это передается в ваших писаниях и верованиях, существовать, быть известными и называться присвоенными им именами? Ибо если справедливо то, что Юпитер со своими братьями родился от Сатурна и его супруги, то до брака и родов Опы нигде не было Юпитера — как верховного Юпите-

[110]Тагет (Tages), основатель этрусского гадания о будущем, вышел из земли мальчиком по наружности, стариком по мудрости, в тот момент, когда один пахарь в области города Тарквиний провел глубокую борозду. На крик пахаря сбежались все этруски, а Тагет, преподав им тайны гадания, немедленно умер. Слова его были записаны и хранились в особых книгах этрусскими гадателями, гаруспиками (см.: Cic. Div. II, 23; Ovid. Met. XV, 553–559).

[111]Молния, поражающая какое-либо место или предмет, считалась знамением божественного гнева, и для умилостивления богов совершались гаруспиками особые религиозные обряды.

[112]По внутренностям животных, приносимых в жертву, гаруспики гадали о будущем.

[113]Относительно Тевта, или Меркурия (Гермеса) Трисмегиста, см. выше II, 13. Платон (Phaedr. 274) говорит, что он изобрел числа, счисление, геометрию, астрономию и письмо.

[114]По древним сказаниям, Атлант (Atlas) был мудрым титаном, носящим на себе или поддерживающим небесный свод; но рационализирующие толкователи изображают его человеком, в частности астрономом, приготовившим первый небесный глобус, математиком, философом, мудрым певцом и прорицателем (см.: Roscher. Austührl. Lexic. d. Mythol. I Bd. Lpz., 1884–1890. S. 704–708).

ра, так и Стигийского[115], — нигде властителя моря[116], нигде Юноны, даже никто другой, кроме двух родителей[117], не обитал на Небе, но от совокупления тех они были зачаты, родились и получили дыхание жизни. Таким образом, с определенного времени Юпитер начал быть богом, с определенного [времени] получать поклонение и жертвы, с определенного — превосходить братьев властью. Но, с другой стороны, если Либер, Венера, Диана, Меркурий, Аполлон, Геркулес, музы, потомки Тиндарея — Касторы и властитель огня Вулкан произведены Юпитером как отцом, т. е. родились от Сатурнийца[118], то прежде чем Мемория[119], Алкмена, Майя, Юнона, Латона, Леда, Диона и Семела сделались беременными от объятий Юпитера (Diespitri)[120], не было также и их нигде среди народов и ни в какой части мира, но они вследствие совокупления с Юпитером произошли, родились и начали иметь некоторого рода самочувствие. Следовательно, также и они начали в определенное время существовать и призываться в числе священных богов при священнодействиях. То же самое можно также сказать о Минерве, применив к ней. Ибо если она вышла, как вы утверждаете, из головы Юпитера безо всякого семени, то несомненно, что прежде, чем родился Юпитер и получил в утробе матери определенную телесную форму, Минервы, во всяком случае, не было, и она не считалась в числе существ, и не имела какого-либо существования, но с того времени, как она вышла из головы Юпитера, она начала быть существом и получила некоторого рода существование. Таким образом, она не имеет изначального происхождения, но с определенного времени начали называть ее богиней, выставлять ее в храмах и посвящать ей ненарушимый культ. Если же это так, то, когда вы говорите о новизне нашей религии, неужели вам не приходит на мысль ваша [религия], и вы не стараетесь вникнуть, когда произошли ваши боги, какое они имеют происхождение, каких виновников, и из каких корней они вышли и появились на свет? Какой стыд или, скорее, какое бесстыдство укорять другого за то, что ты видишь в собственных своих действиях,

[115] Бог подземного мира Плутон.

[116] Нептун.

[117] Сатурна и его супруги Опы.

[118] Сына Сатурна Юпитера.

[119] Богиня памяти, соответствующая греческой Мнемосине.

[120] От союза Юпитера с Меморией (Мнемосиной) появились музы, с Алкменой — Геркулес, с Майей — Меркурий, с Юноной — Вулкан, с Латоной — Аполлон и Диана, с Ледой — Кастор и Полидевк, с Дионой — Венера и с Семелой — Либер, или Вакх.

и делать предметом злословия и обвинения то, что, в свою очередь, может быть обращено против тебя!

71. Но то, что мы исполняем, ново, а что [исполняете] вы, это — старое и весьма древнее. Но почему это может радовать вас или омрачать наше дело и состояние? Ново то, что мы исполняем, но и это некогда будет старым; старо то, что вы исполняете, но в те времена, когда оно началось, оно было новым и недавним. Значение же религии должно оценивать не по времени, но по божественному существу, и следует иметь в виду не то, в какое время, а то, что ты начал чтить. «За триста лет не было, — говорят, — вашей религии». И ваших богов не было за две тысячи лет. Из каких оснований или вычислений можно вывести такое заключение? Из таких, которые не трудны, не темны, но которые каждый желающий может видеть и, как говорится, осязать руками. Кто произвел Юпитера с братьями? Сатурн вследствие совокупления с Опой, происшедший, как вы говорите, от Неба (Caelo)[121] и Гекаты. Кто произвел Пика, бывшего отцом Фавна и дедом Латина? Сатурн, как вы также сообщаете в своих писаниях и через писателей. Таким образом, если это так, то отсюда следует, что Пик и Юпитер были братьями, как происшедшие от одной крови и одного семени. Это согласно с тем, что говорится. Сколько было родовых ступеней от Юпитера и Пика до Латина? Три, как показывает ряд их. Допускаете ли вы, что Фавн, Латин и Пик жили по сто двадцать лет? Более не может продолжаться человеческая жизнь[122]. Это определение правильное и ясное. Значит, это составляет полных триста шестьдесят лет? Это так, как показывает вычисление. Тестем кого был Латин? Энея[123]. Отцом кого был Эней? Аскания, основателя города Альбы. Сколько лет продолжалось царствование в Альбе? Почти четыреста двадцать. Сколько лет приписывается в летописях городу Риму? Он насчитывает тысячу пятьдесят лет или немного менее этого. Таким образом, от Юпитера, бывшего братом Пика и отцом прочих низших богов, до настоящего времени исполнилось почти две тысячи лет, или, если несколько увеличить число лет, вполне. Так как это не может быть опровергнуто, то не только религия, которой вы следуете, оказывается недавно произошедшей, но и сами боги, которым вы, из опасения погибели, приносите в жертву быков и других животных, [оказываются] еще ма-

[121] Бог Неба, Caelus, соответствует Урану.

[122] Так определяет продолжительность жизни человеческой также Теренций Варрон (ср. Lact. Instit. Div. II, 13).

[123] Женою Энея была Лавиния, дочь царя Латина.

лолетними детьми, которым следовало бы еще питаться материнским молоком.

72. Ваша религия на много лет упреждает нашу и стоит ближе к истине потому, что ограждена авторитетом древности. Но какая польза ей оттого, что она на много лет древнее, когда она началась с определенного времени, и какое значение имеют две тысячи лет в сравнении со столь многими тысячами веков? Однако, чтобы не казалось, что из-за столь длинного отступления мы отошли от дела, скажите, если это не тягостно для вас: считаете ли вы всемогущего, высочайшего Бога новым существом и тех, кто чтут Его и служат Ему, — соблюдающими и вводящими неслыханную, неизвестную и неожиданно появившуюся религию? Есть ли что-либо древнее Его, и можно ли найти что-либо, что предшествовало бы Ему по существу, времени и имени? Не Он ли один нерожден, бессмертен и единый вечный? Кто глава и первоисточник всего? Не Он ли? Кому вечность обязана тем самым, что называется вечностью? Не Ему ли? Не из Его ли вечного существования происходит бесконечный ряд веков? Это несомненно и истинно. Таким образом, не ново то, чему мы следуем, но мы поздно узнали, чему должно следовать и служить, на что следует возлагать надежду на спасение и где искать спасительных средств, потому что еще не явился Тот, Кто указал бы путь блуждающим, распространил бы среди находящихся в глубокой тьме свет знания и рассеял бы слепоту неведения.

73. Но разве одна только наша религия находится в таком положении? Что же? Не приняли ли вы египетские божества, называющиеся Сераписом и Изидой, в число своих богов после консульства Пизона и Габиния[124]? Не начали ли вы также знать о Фригийской Матери[125], основателем [культа] которой называют Мидаса или Дардана[126], и не

[124]Культ Сераписа и Изиды уже в эпоху Суллы имел довольно широкое распространение в Риме, но не был официально признан. В консульство А. Габиния и Л. Кальпурия Пизона (58 г. до Р. Х.) совершавшийся на Капитолии культ этих божеств по постановлению сената был запрещен, и алтари были разрушены (Tert. Apol. 6; Ad nat. 10). Подобного рода запретительные меры принимались сенатом также в 53, 50 и 48 г. до Р. Х. Но в 43 г. до Р. Х. триумвирами было постановлено построить храм Сераписа и Изиды, и культ их получил, таким образом, официальное признание (см.: Preller. Röm. Mythol. II Bd. 3 Aufl. S. 378–379; Wissowa. Op. cit. S. 292–293).

[125]Фригийская Мать (Phrygia Mater), или Кибела, богиня фригийского происхождения, называющаяся также Великой Матерью (I, 41 и др.), Матерью богов (III, 32; V, 5), Диндименой (IV, 35), Берекинтией (V, 13).

[126]Арнобий здесь следует, по-видимому, Клименту Александрийскому (Protr. 13).

установили ли замечательный культ ей [только] тогда, когда Пуниец[127] опустошал Италию и домогался господства над этой страной[128]? Что культ матери Цереры, незадолго перед тем принятый, был неизвестен вам, не доказывается ли через греческие названия, так что самые наименования свидетельствуют о новизне его[129]? Не говорят ли сочинения ученых, что Помпилиевы Индигитаменты[130] не знают имени Аполлона? Отсюда ясно видно, что также и он был неизвестен вам, но впоследствии и он стал в некоторое время известным. Поэтому если кто-либо спросит вас, почему вы так поздно приняли культ тех божеств, о которых мы только что упомянули, то вы, без сомнения, ответите: или потому, что мы прежде не знали, что они принадлежат к числу богов, или потому, что теперь мы были вразумлены прорицателями, или потому, что при затруднительных обстоятельствах мы были спасены благодаря их благодеяниям и помощи. Но если вы думаете, что это справедливо говорится вами, то вы должны признать таким же и ответ с нашей стороны. Наша религия явилась теперь, потому что теперь пришел Посланный, Который открыл ее нам, ввел нас в истину ее, дал нам знать, что такое Бог, и призвал нас от суеверий к служению Ему.

74. «Но почему, — говорят, — Богу, Царю и Повелителю угодно было послать с небесных высот к вам Спасителя, Христа, за несколько, как говорится, часов?» Спросим и мы со своей стороны: какая причина, какое основание того, что времена года иногда не совпадают с соответствующими месяцами, но позже бывают зимы, позже [бывают] лето и осень? Почему иногда идут дожди после того, как жатвенные хлеба посохли и погибли, между тем как им следовало бы падать тогда, когда все находится в неповрежденном состоянии, и приносить помощь в надлежащее время? Или, лучше, спросим: если следовало родиться Геркулесу, Эскулапу, Меркурию, Либеру и некоторым дру-

Мидас (Midas) — царь пессинунтский (ср. V, 7), или фригийский. Дардан — мифологический родоначальник троянцев.

[127] Ганнибал Карфагенский.

[128] В конце II Пунической войны, в 204 г., когда римлянами был получен через Аттала, царя пергамского, из Пессинунта (во Фригии) священный камень (аэролит), служивший символом этой богини (см. ниже VII, 49–50).

[129] Также и Цицерон говорит, что так как культ (sacra) Цереры заимствован от греков, то он постоянно совершался греческими жрицами, и все названия в нем были греческие (Pro Balbo, 24) (ср. Wissowa. Op. cit. S. 245–246).

[130] Сборник молитв к различным богам, составленный, по преданию, царем Нумой Помпилием, но впоследствии расширенный и переработанный.

гим для того, чтобы быть присоединенными к сонму богов и принести некоторую пользу людям, то почему они так поздно были произведены Юпитером, что знало их только потомство, но древность прежних времен не знала их? Вы скажете, что было какое-либо основание [для этого]. Таким образом, было и здесь основание, почему не прежде, а теперь, пришел Спаситель нашего рода. Какое же основание? Мы не отрицаем, что не знаем этого, потому что никому не дано знать намерения Божии или то, каким образом Он устраивает Свои дела; человек, существо слепое и не знающее себя самого, никакими соображениями не может постигнуть, что должно быть, когда или как; один только Отец, Управитель и Владыка всего существующего знает это. И если я не могу указать вам причины, почему что-либо происходит так или иначе, то отсюда не следует, что не было того, что было, и не утрачивает достоверности то, несомненность чего доказана столь многими родами чудесных действий и сил.

75. Ты можешь возразить и спросить: «Почему так поздно был послан Спаситель?». В бесконечной, беспрерывно продолжающейся вечности ничто вообще нельзя назвать поздним. Ибо где нет конца и начала, там нет ничего преждевременного, ничего позднего, потому что время узнается по концу и по крайним пределам, которых не может иметь беспрерывно и бесконечно продолжающийся ряд веков. Что, если именно то, чему следовало оказать помощь, требовало этого времени, как наиболее благоприятного? Что, если в древнее время было иное состояние, чем в последующее время? Что, если древним иначе должно было оказывать помощь, нежели позднейшим [поколениям]? Не известны ли вам сообщения в ваших сочинениях о том, что некогда были люди полубогами, героями, с огромными, колоссальными телами? Не читаете ли вы, что у груди матерей плакали исполинские младенцы, и что те, кем были найдены кости их, выкопанные в различных странах, едва могли поверить тому, что это остатки человеческих членов? Таким образом, может быть, что Бог всемогущий, Бог единый тогда только послал Христа, когда род человеческий стал более хилым и природа наша — более слабой. Если бы то, что теперь совершилось, должно было совершиться за тысячи лет, то высочайший Царь совершил бы это, или если бы через столько же тысяч должно было исполниться то, что теперь произошло, то ничто не заставило бы Бога не дожидаться необходимого времени. По неизменным определениям совершаются Его действия, и чему раз определено быть, это не может быть изменяемо через что-либо новое.

76. Говорят: «Если вы служите всемогущему Богу и уверены в том, что Он имеет попечение о вашем спасении и благосостоянии, то почему Он допускает вас испытывать такие преследования и подвергаться всякого рода наказаниям и мучениям?». Спросим и мы со своей стороны, почему также и вы не свободны от столь многих опасностей и бурь, которыми ежедневно преследует вас различными способами пагубная судьба, хотя вы чтите столь великих и столь многочисленных богов, устраиваете посвященные им храмы, делаете изображения их из золота, закалываете стада животных, наполняете все курильницы на жертвенниках ладаном? Почему, говорю, боги ваши медлят удалить от вас столько родов болезней и недугов, кораблекрушения, обвалы, пожары, эпидемии, бесплодие, утрату близких родных, конфискацию имущества, раздоры, соперничество, войны, завоевания городов и порабощение по лишении свободы? Также и нам Бог не помогает в подобного рода случаях. Причина этого известна и ясна. Ибо никаких надежд нам не дано в отношении к этой жизни, и не обещано, и не определено никакой помощи и защиты находящимся в этой телесной оболочке; напротив того, мы научены не придавать значения угрозам судьбы, каковы бы они ни были, и не обращать внимания на них, и если когда-либо поразит нас какая-либо жестокая сила, неизбежно причиняющая смерть, принимать несчастье с радостью, не бояться и не избегать [смерти], чтобы мы легче могли освободиться от телесных уз и избежать непроницаемой тьмы.

77. Таким образом, то, что вы называете жестоким преследованием, служит не преследованием, а нашим освобождением, и мучение не составляет наказания, а приводит вас к свету свободы. Подобно тому как если бы какой-либо безумец или сумасброд думал, что человек, заключенный в темницу, при пытках никогда не подвергается достаточно тяжким и жестоким наказаниям, если тот не применит жестокости к самой темнице, не разрушит того, из чего она состоит, и не сожжет кровлю, не раскроет, не сбросит и не разобьет стены, двери и другие части работы, не сознавая, что из-за таких действий тому, кому он думает причинить вред, доставляется свет и устраняется пагубная темнота, так и вы через огни, ссылки, мучения и зверей, посредством которых растерзываются и истязаются вами наши тела, не жизнь отнимаете у нас, но освобождаете нас, не зная того, от кожи и оболочки, и чем более вы упорствуете и продолжаете проявлять жестокость в отношении к этим нашим внешним формам и обликам, тем более вы освобождаете нас от тесных и тяжелых уз и, разрывая цепи, даете нам возможность устремиться к свету.

78. Поэтому перестаньте, люди, через тщетные изыскания создавать препятствия для ваших надежд, и если что-либо бывает не так, как вы думаете, вы должны верить не столько вашим мнениям, сколько тому, что имеете божественный авторитет. Наступают времена, полные опасности, и угрожают пагубные наказания: обратимся к Богу спасающему и не будем искать разумного основания для предложенного дара. Когда речь идет о спасении душ и о нашей пользе, то что-то следует делать и без рассуждения, как говорит Эпиктет, по Ариану[131]. Мы сомневаемся, спорим и с подозрением относимся к тому, о чем говорят как о достоверном: вверим себя Богу, и пусть для нас имеет значение не столько наше неверие, сколько величие Его имени и могущества, чтобы — пока мы ищем для себя оснований, вследствие которых кажется ложным то, относительно чего мы желаем и стараемся, чтобы это было истинным, — не застиг нас врасплох последний день и чтобы мы не оказались в пасти враждебной смерти.

[131] Ср. Epictet. Philos. Monum / Ed. Schweighduser. T. III. Lips., 1799. Frg. 181.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. На все эти обвинения или, скорее, чтобы сказать правду, на клевету уже давно даны достаточно полные и точные ответы мужами, выдающимися в этом отношении и обладающими надлежащим знанием этой истины, и ни в каком вопросе не был опущен ни один пункт, который не был бы тысячеобразно и самыми убедительными доводами опровергнут. Поэтому нет необходимости далее останавливаться на этой стороне дела; к тому же христианство может существовать без защитников, истинность христианской религии не может доказываться многочисленностью поборников ее, и она не может получить авторитет от людей. Она довольствуется своими силами, опирается на основание присущей ей истины и не может лишиться своей силы, хотя бы не имела ни одного защитника и если бы даже все языки стали противодействовать, устремились против нее и с горячим единодушием объединились для уничтожения этой веры.

2. Теперь мы возвратимся к тому порядку, от которого несколько ранее по необходимости отступили, чтобы слишком продолжительный перерыв защиты не был признан уступкой победы в доказанности обвинения клеветникам. Они говорят также следующее: если дело религии (divina res) дорого вам, то почему вы не чтите вместе с нами других богов и не поклоняетесь им, а также не соединяетесь с вашими соплеменниками, чтобы приносить общие жертвы и совершать религиозные обряды? Мы можем пока сказать: для того чтобы чтить Божество, достаточно нам высочайшего Бога, говорю — высочайшего Бога, Отца и Владыки Мира, все устраивающего и всем управляющего; в Нем мы чтим все то, что должно чтить, поклоняемся тому, чему следует поклоняться, оказываем благоговение тому, что требует выражения благоговения. Ибо так как мы имеем Первоисточник самой божественности, из Которого происходит божественность всех божественных существ, то считаем излишним обращаться к каждому из них в отдельности, тем более что мы не знаем, кто они и какие имеют имена, и не можем иметь ясных, точных и несомненных сведений о том, как велико число их.

3. Как в земных царствах мы никакой необходимостью не вынуждаемы вместе с государями поименно чествовать [лиц], принадлежащих

к царским фамилиям, но в чествовании самих царей безмолвно выражается и включается [также и] должное чествование их, так и все те, какие бы то ни было боги, на существование которых вы указываете нам, если они составляют царское поколение и происходят из божественного Первоисточника, то знают, что хотя они поименно не получают от нас никаких чествований, однако чествуются сообща со своим Царем и включаются в Его чествование. Впрочем, это высказано нами лишь на тот случай, если бы не подлежало никакому сомнению то, что кроме самого Царя и Первовиновника есть другие высшие существа, которые, будучи разделены и распределены по числу, образуют как бы толпу плебеев. Но не показывайте нам в священных храмах изображения вместо богов, статуэтки и статуи, относительно которых также и вы знаете, хотя отказываетесь и не хотите сознаться, что это образы из ничтожной глины и детские выдумки художников. Так как мы говорим с вами о божестве, то требуем, чтобы вы доказали, что сушествуют другие боги по природе, силе и имени, не в образах представленные, которые мы видим, а в том существе, относительно которого следует признать, что им должна обладать сила столь великого имени.

4. Но мы не намерены более останавливаться на этой стороне дела, чтобы не казалось, что мы вызываем большие споры и завязываем бурную борьбу. Пусть будет этот, как вы говорите, низший класс божеств, пусть будут бесчисленные роды богов; мы соглашаемся с этим, признаем это, допускаем и не подвергаем это какому-либо вопросу как сомнительное и спорное. Однако мы просим и желаем слышать от вас: откуда вы получили точные сведения или каким образом узнали, существуют ли на небе те [боги], которых вы признаете и чтите, или существуют какие-либо другие, о признании и имени которых вы не слыхали? Ведь возможно, что есть и такие, существования которых вы не признаете, и что те, в бытии которых вы уверены, не находятся ни в какой части мира. Ибо вы никогда не поднимались на звезды небесные, не видели наружности и лица каждого из них, но тех, о ком вы упоминаете как о существующих там, вы начали здесь чтить как известных вам и виденных вами. Также еще это желаем мы слышать: те имена, которыми вы их называете, вами ли даны им, или сами они дали их себе в дни очищения[1]. Если это имена божественные и небесные, то кто сообщил их вам? Если же сами даны им эти наименования,

[1] Имеются в виду дни очищения новорожденных детей посредством жертвоприношения (8-й день для девочек и 9-й — для мальчиков), когда носили их по дому к домашнему алтарю и по храму и давали им имя.

то каким образом вы могли дать имена тем, кого вы никогда не видели и свойства или сущность которых не были знакомы и известны вам?

5. Пусть, по вашему желанию, верованию и убеждению, будут эти боги, пусть они называются также теми именами, которыми, согласно с народным суждением, называет их народная масса; но откуда вам известно, составляют ли они со своими именами полный список [богов], или есть [еще] какие-либо, которые неизвестны вам и которых вы никогда не видели и не знали? Ибо нелегко знать, ограниченный ли и определенный характер имеет многочисленность их, или же многочисленность их не образует никакой суммы и не может быть определена никакими вычислениями. Представим себе, что вы чтите тысячу или, лучше, пять тысяч богов; но в действительности может оказаться, что есть сто тысяч богов, может еще более быть их, даже может быть, как мы немного ранее сказали, что нет никакой суммы их и она не может быть ограничена никаким численным определением. Таким образом, или также и вы безбожны, как не исполняющие обязанностей, за исключением немногих богов, по отношению к прочим, или, если вы требуете снисхождения себе за неведение о других богах, то такое же снисхождение должны вы оказать и нам, если мы подобным образом воздерживаемся от почитания тех [богов], о существовании которых совсем не знаем.

6. Но пусть никто не думает, что мы по упорству не хотим совершать служение другим каким бы то ни было божествам. Ибо мы [обратили бы к ним] богобоязненные сердца и простирали бы руки с молениями и не отказывались бы следовать куда бы вы ни призывали, если бы мы могли знать, какие это боги, которых вы нам предлагаете и которых следовало бы присоединить к почитанию высочайшего Царя и Повелителя. Говорят: это Сатурн, Янус, Минерва, Юнона, Аполлон, Венера, Триптолем[2], Геркулес и прочие, которым богобоязненная древность посвятила великолепные храмы почти во всех городах. Вы, может быть, могли бы пригласить нас к служению этим богам, если бы сами вы сперва в своих бесстыдных мнениях не измыслили относительно них такие гнусности, которые не только оскорбляют достоинство их, но и служат доказательством того, что приписанные им качества отнюдь не принадлежат им. Склониться к вере в них мы не можем, прежде всего, потому, что эти бессмертные и совершеннейшие существа делятся по полам, и одни из них мужского пола, а другие —

[2]См. I, 38.

женского. Этот пункт уже давно, как в римской, так и в греческой литературе, подробно выяснен людьми проницательного ума, и в особенности Туллий[3], красноречивейший из римлян, не опасаясь обвинения в безбожии, с достоинством, с твердостью, свободно и с большим религиозным воодушевлением высказал свой взгляд относительно этого мнения, и если бы вы старались усвоить у него факты, изложенные на основании справедливого суждения, а не изящество речи, то дело это было бы закончено и вы не требовали бы от нас, младенцев, как говорится, нового рассмотрения.

7. Но к чему мне говорить о том, что у него ищут изысканных выражений и блеска речи, когда я знаю, что есть немало таких [людей], которые враждебно относятся к его книгам и избегают их вследствие того, что ими опровергаются их предвзятые мнения, и когда слышу, что другие с негодованием ворчат и говорят, что сенат должен постановить, чтобы были уничтожены эти сочинения, как подтверждающие христианскую религию и подрывающие авторитет древности? Но если вы уверены, что говорите нечто несомненное о ваших богах, то уличите Цицерона в заблуждении, опровергните его, отразите его доводы, докажите, что он говорит безрассудно и безбожно. Ибо уничтожать сочинения и желать прекращения чтения их народом значит не богов защищать, а бояться свидетельства истины.

8. Однако, чтобы кто-либо по необдуманности не возвел на нас обвинение, будто бы мы приписываем чтимому нами Богу мужской пол на том именно основании, что, говоря о Нем, мы называем Его в мужском роде, пусть тот знает, что через это не пол, а имя Его обозначается согласно с употреблением и свойством языка. Ибо не Бог мужского пола, но имя Его мужского рода, чего вы не можете сказать относительно вашей религии, потому что вы в молитвах обыкновенно говорите: «Бог ли ты или богиня»[4], и эта формула сомнения самым противопоставлением показывает, что вы приписываете богам пол. Таким образом, мы не можем склониться к вере в телесных богов, потому что они необходимо должны быть телесными, если они мужского и женского пола или если имеют отличительное половое различие. Ибо кто, хотя бы он обладал малой способностью понимания, не знает, что Творцом земных существ установлены и образованы различные полы только для

[3] Cic. De nat. deor. frg. 3 (ed Baiter).

[4] Эта и т. п. формулы употреблялись римлянами обыкновенно в тех случаях, когда они не могли с точностью определить, к какому именно божеству следует обратиться с молитвами (см.: Preller. Röm. Mythol. I Bd. 3 Aufl. S. 61–63).

того, чтобы бренное и скоропреходящее существо могло путем соединения и смешения тел продолжать существование через постоянное возобновление преемственности?

9. Что же? Не должны ли мы сказать, что боги производят, что боги рождаются и что для того даны им половые члены, чтобы они могли восполнять свой род и чтобы постепенно через всякое новое рождение восстановлялось и заменялось то, что погибло в предшествующее время? Таким образом, если это так, если небесные боги производят и пользуются полом согласно с этими законами и если они бессмертны и не ослабевают вследствие свойственного старости истощения, то отсюда следует, что все должно быть заполнено ими и что бесчисленные небеса не могут вместить множества их, потому что и сами они постоянно рождают, и через поколения поколений бесчисленное множество их постоянно увеличивается. Или если непристойность совокупления, как это и подобает, чужда богам, то какую причину или какое основание можно указать для того, почему они наделены теми членами, вследствие которых пол обыкновенно дает себя знать через возбуждение свойственных ему вожделений? Ибо невероятно, что они попусту имеют эти [члены] или что природа хотела сыграть с ними злую шутку, дав им такие члены, которыми нельзя было бы пользоваться. Как для определенного употребления образованы руки, ноги, глаза и прочие члены — все они имеют соответствующее им назначение, — так следует думать, что и эти члены образованы для исполнения свойственных им действий, или же следует признать, что в телах богов есть нечто бесполезное, что образовано попусту и бесцельно.

10. Что скажете вы, святые и безукоризненные служители религии? Боги имеют, таким образом, пол и обладают непристойными половыми членами, которые вследствие нравственной стыдливости считается позорным называть собственными именами? Что остается еще, как не то, чтобы мы признали, что они, подобно нечистым четвероногим, предаются необузданным страстям, с бешеной страстностью стремятся к взаимному соединению и, наконец, с разбитыми и расслабленными телами изнемогают от сладострастного обессиления? И так как они имеют нечто свойственное женскому полу, то следует также признать, что богини, по истечении месячных периодов, имеют регулы, зачинают и подвергаются возбуждающей отвращение беременности, выкидывают, не донашивают и иногда, вследствие преждевременных родов, производят семимесячных детей. О, чистое, о, святое, свободное и далекое от всякого пятн непристойности божество! Дух [божественный] жаждет и горит желанием в небесных обширных залах и дворцах видеть

богов и богинь с непокрытыми нагими телами: Иакхову полногрудую Цереру[5], как изображает ее муза Лукреция[6], геллеспонтского Приапа[7], бесстыдно выступающего среди богинь — дев и матерей — и постоянно готового к [любовным] состязаниям. Жаждет, говорю, видеть богинь беременных, богинь, разрешающихся от бремени, как одни с ежедневно увеличивающимися животами медленно двигаются вследствие тяжести своего бремени, как другие мучаются в течение долгого времени родами и требуют помощи повивальных бабок, как иные, вследствие тяжких и жестоких болей, рыдают, корчатся и среди всего этого умоляют Юнону Люцину[8] о помощи. Не гораздо ли лучше было бы злословить, поносить и осыпать богов другими оскорблениями, нежели выражать даже под прикрытием набожности столь нелепые и недостойные мнения о них?

11. И вы осмеливаетесь приписывать нам причину оскорбления богов, между тем как, если рассудить, она, несомненно, находится в вас и состоит не в том оскорблении, какое вы признаете! Ибо если боги, как вы утверждаете, гневаются и воспламеняются страстью негодования, то почему мы не можем думать, что они недовольны и именно крайне недовольны тем, что вы приписываете им пол, с каким образованы собаки и свиньи, и что, признавая это, вы таким же образом изображаете их и выставляете с позорным хвастовством? Таким образом, если это так, то вы служите причиной всех бед, вы вызываете и возбуждаете богов поражать землю всякими бедствиями и ежедневно устраивать что-либо новое, через что они могли бы отомстить за себя, будучи раздражены вашими столь многими оскорблениями и поношениями; в поношениях и оскорблениях, говорю я, заключающихся отчасти в бесстыдных баснях, отчасти — в непристойных мнениях, которые вашими теологами, которые вашими поэтами, которые также вами самими выражаются в позорных обрядах, вы найдете причину того, что положение людей безнадежно и что боги оставили кормило,

[5]Иакх (Jacchus) — название Диониса (Бакха) в элевсинских мистериях, в которых он является сыном Деметры (Цереры) и братом (по некоторым сказаниям — сыном) или питомцем Коры (Персефоны, или Прозерпины).

[6]Lucr. De rer. nat. IV, 1068.

[7]Геллеспонтским называется Приап потому, что он считался родившимся в городе Лампсаке при Геллеспонтском (Дарданельском) проливе, прилегающие к которому местности назывались также Геллеспонтом, и здесь было главное место культа его.

[8]Люциной называется Юнона как богиня родов, дающая свет жизни (lucem), т. е. жизнь (см. ниже III, 21 и 23).

если только входит в круг попечения их определение судеб людских и управление ими. Ибо они не имеют причин гневаться на нас, потому что они видят и знают, что мы не чтим их и не насмехаемся над ними, как утверждают, но гораздо приличнее, чем вы, судим и думаем о достоинстве их имени.

12. Хватит о поле. Теперь перейдем к образу и тем формам, в которых вы представляете небесных богов или, вернее, в которых изображаете и выставляете их в обширных помещениях храмов. И пусть никто не противопоставляет нам иудейские и саддукейские басни, как будто бы также и мы приписываем формы Богу, ибо думают, что так говорится в их писаниях и что утверждают это как факт несомненный и удостоверенный: это или не имеет никакого отношения к нам и ни в какой части не имеет ничего общего с нами, или, если есть, как полагают, нечто общее, то вы должны искать учителей, обладающих более глубоким пониманием, от которых вы могли бы узнать, каким образом следует рассеивать туман, покрывающий те писания. Наше мнение относительно этого таково: всякое божественное существо, которое никогда не имело начала бытия и никогда не достигнет предела жизни, чуждо телесных очертаний и не имеет ничего подобного формам, которыми обыкновенно заканчиваются крайние пределы совокупности членов. Ибо, что таково — это мы признаем смертным и скоропреходящим, и полагаем, что не может иметь беспрерывного вечного существования то, что, будучи в конечных пунктах заключено в границы, окружается неизбежными пределами.

13. Но, мало того что вы применяете к богам измерение форм, — вы определяете их также человеческими чертами и, что гораздо недостойнее, ограничиваете очертанием земных тел. Что же мы должны сказать? Что боги имеют голову, возвышающуюся над продолговато-круглой шеей, соединенную посредством связующих жил со спиной и грудью и имеющую, для необходимых поворотов шеи, опору в совокупности суставов и в костной системе? Если мы признаем это за истину, то отсюда следует, что они имеют также уши с извилистыми отверстиями, подвижные круги глаз, прикрытые краями бровей, нос с ноздрями для сморкания и дыхания, троякого рода зубы[9] для размельчения пищи, приспособленные к троякому назначению, руки, вследствие суставчатых пальцев и подвижности локтей, пригодные для выполнения работ, ноги — для поддержания тела, колени — для того чтобы шагать

[9] Резцы, клыки, коренные зубы.

и делать первоначальные движения перед ходьбой. Но если они имеют то, что находится на виду, то должны они иметь также и то, что покрывает кожа под костями и сплетением их и брюшина: дыхательное горло, желудок, селезенку, легкие, [желчный] пузырь, печень, ряд подвижных кишек и проходящие через все внутренности вены, наполненные пурпуровой кровью и соединенные с дыхательным каналом.

14. Или тела небожителей не имеют этих безобразий, и так как они воздерживаются от земной пищи, то следует думать, что они, подобно малым детям, беззубые и, вследствие пустоты пухлых тел, находятся в висячем положении, подобно надутым мехам? Если это так, то вам необходимо также обратить внимание на то, все ли боги похожи друг на друга, или они имеют различное очертание форм. Ибо если у всех них один и тот же вид, то естественно думать, что при узнавании друг друга они ошибаются и обманываются. А если они имеют различия по внешнему виду, то следует полагать, что эти различия даны им только для того, чтобы каждый из них мог быть узнаваем по особенностям различных признаков. Поэтому должно сказать, что некоторые из них — с большими головами, с небольшими остроконечными головами, с большими лбами, толстыми губами, с вздернутыми носами, другие — с длинными подбородками, с родимыми пятнами, с острыми носами, третьи — с расширенными ноздрями, иные — с тупыми носами, некоторые — с одутловатыми щеками или скуластые, с пискливым голосом, карлики, высокого роста, среднего роста, сухощавые, тучные, толстые, другие — с вьющимися курчавыми волосами, иные — лысые и плешивые? Что наше мнение небезосновательно, об этом свидетельствуют и это доказывают мастерские; потому что когда вы делаете и изображаете богов, то представляете одних волосатыми, других — безволосыми, стариками, юношами, отроками, с черными, голубыми, серыми глазами, полунагими, неодетыми или, чтобы холод не причинял им вреда, прикрытыми накинутыми на них широкими одеждами.

15. Кто из людей, обладающих в некоторой степени здравым смыслом, может поверить тому, что на телах богов растут волосы и пушок, что они различаются по годам, что они ходят в различных одеждах и покрывалах и защищают себя от жары и холода? Кто это считает за истину, тот необходимо должен признать истинным и то, что есть боги сукновалы и цирюльники, которые чистят священные одежды или стригут слишком разросшиеся на голове волосы. Не позорно ли, не нечестиво ли и не оскорбительно ли приписывать богам черты смертного и бренного существа, наделять их такими частями, которые ни один скромный человек без величайшего ужаса и отвращения не ре-

шится перечислять, описывать и мысленно представить? Это ли то ваше пренебрежение, та высокомерная мудрость, вследствие которой вы презираете нас, как невежественных, и думаете, что вы обладаете всем знанием о божественных предметах? Вы смеетесь над мистериями (aenigmata) египтян, потому что они представляют божественные силы в образе бессловесных животных и чествуют эти образы посредством многочисленных курений и прочих религиозных обрядов; но вы чтите изображения людей как божественные силы, и вам не стыдно придавать им вид земного существа, обвинять других в заблуждении и глупости и впадать в такого же рода заблуждение и в такой же недостаток.

16. Может быть, вы скажете, что боги имеют другие формы, но из уважения и для виду вы придали им образ людей: это составляет гораздо большее оскорбление, нежели какое-либо заблуждение, происходящее вследствие неведения. Ибо если бы вы признавали, что вы приписали божественным образам то, чему вы верили вследствие своего мнения, то оскорбление, происходящее вследствие предвзятого мнения, составляло бы менее значительную погрешность; но так как вы в одно верите, а другое изображаете, то оскорбляете тех, коим приписываете то, что им, по вашему признанию, не принадлежит, и оказываетесь безбожными, потому что поклоняетесь тому, что изображаете, а не тому, что признаете действительно существующим. Если бы ослы, собаки, свиньи имели какое-либо разумение и обладали искусством изображения, и захотели совершать нам какой-либо культ, и почтить нас посвящением статуй, то какой пламенный гнев, какие бури негодования возбудили бы они в нас, если бы они захотели, чтобы наши изображения приняли и имели формы их тел? Какой, говорю, пламенный гнев они вызвали бы и возбудили, если бы основатель города Ромул стоял в виде осла и святой Помпилий[10] — в виде собаки и если бы под изображением свиньи было подписано имя Катона или Марка Цицерона? Неужели же вы думаете, что ваши боги не смеются — если они [вообще] смеются — над вашим безрассудством или — так как вы признаете их подвергающимися гневу — не приходят в ярость, не неистовствуют, не хотят мстить за столь великие оскорбления и обиды и подвергать вас тому, чему обыкновенно подвергают и что придумывают огорчение и жестокое оскорбление? Не гораздо ли лучше было бы придать им формы слонов, пантер или тигров, быков и лошадей?

[10]Царь Нума Помпилий называется святым (sanctus), как отличавшийся, по древним сказаниям, благочестием и имевший общение с богами.

Ибо что есть в человеке прекрасного, что, спрашиваю, удивительного и привлекательного кроме того, что он имеет общим, как утверждал некоторый писатель[11], с обезьяной?

17. «Но, — говорят, — если вам не нравится наше мнение, то сообщите, скажите, какую форму имеет Бог?» — Если вы желаете слышать истинное мнение, то Бог или не имеет никакой формы, или, если имеет какую-либо форму, то такую, которой мы, наверно, не знаем. Ибо мы не считаем постыдным не знать того, чего мы никогда не видели, и нам не препятствует опровергать мнения других то обстоятельство, что сами мы не высказываем относительно этого никакого мнения. Подобно тому как если бы сказали, что мир состоит из стекла, из серебра, из железа или составлен и образован из хрупкой черепицы, мы не поколеблемся признать это ложью, хотя не знаем, из какого вещества он состоит; так, когда идет речь об образе Божием, мы утверждаем, что он не такой, какой вы называете, хотя не можем объяснить, какой он [в действительности].

18. «Что же? — скажет кто-нибудь, — разве Бог не слышит, не говорит, не видит находящиеся перед Ним предметы, не смотрит на них?» Может быть, особым образом, а не по-нашему. Относительно столь важного предмета мы не можем знать что-либо истинное или открыть посредством предположений, которые у нас, как это ясно, неустойчивы, шатки и подобны пустым грезам. Ибо если мы скажем, что Он видит таким же образом, как видим и мы, то необходимо должно будет признать, что Он имеет оболочки, прилегающие к зрачкам, закрывает глаза, мигает ими, видит посредством лучей или образов[12], или — что обычно для всех глаз — совсем ничего не видит без помощи другого света[13]. То же самое подобным образом следует сказать о слухе, о способе речи и произношении слов: если Он слышит посредством ушей, то Он имеет также отверстия с извилистыми проходами, через которые могли бы проникать звуки, сообщающие смысл речи, или, если слова исходят изо рта, Он имеет губы и зубы, через сближение и движение которых многосложный язык артикулирует звуки и преобразует звуки в слова.

[11] Квинт Энний, по Cic. De nat. deor. I, 35.

[12] Так, стоики причину зрения видели в лучах, исходящих из глаз, а Эпикур — в образах, отделяющихся от видимых предметов и опускающихся на глаза (ср. Gell. Noct. Att. V, 10).

[13] То есть света, исходящего извне. Древние признавали свет присущим также самому глазу.

19. Но если вы не отказываетесь выслушать наше искреннее мнение, мы настолько далеки от приписывания Богу телесных очертаний, что опасаемся приписывать столь великому Существу даже душевные достоинства и сами добродетели, отличаться которыми предоставлено только немногим. Ибо кто мог бы назвать Бога мужественным, стойким, воздержанным, благоразумным, честным, трезвым, знающим что-либо, сведущим в чем-либо, предусмотрительным, направляющим решения относительно своих действий к определенным целям, соответствующим долгу? Это человеческие достоинства, и, в противоположность порокам, они удостоились получить похвальное значение. Но кто настолько тупоумен, настолько безрассуден, чтобы мог сказать, что Бог велик вследствие человеческих достоинств или что Он потому возвышается величием имени, что чужд мерзости пороков? Все, что можно сказать о Боге, все, что можно безмолвно представить в мысли, переходит в человеческое понимание и извращается, и то, что выражается нашими словами, образованными для человеческих отношений, не имеет характера адекватного обозначения. Одно знание человека о существе Божием вполне достоверно: если ты знаешь и чувствуешь, что человеческим языком ничего нельзя сказать о Нем.

20. Это первое оскорбление ваших богов, которое вы, благонамеренные защитники и охранители религии, совершаете, приписывая им формы и пол. Но какое значение имеет то, что теперь следует, — что вы одних богов выставляете перед нами кузнецами, других — врачами, иных — шерстопрядами, моряками, кифаристами, флейтистами, охотниками, пастухами и, что еще оставалось, земледельцами? Тот бог, говорят, — музыкант, а этот, другой — прорицатель. Таким образом, прочие боги не музыканты и не могут предсказывать то, что имеет произойти, по незнанию и неведению о будущем. Один сведущ в повивальном искусстве, другой искусен в медицине. Таким образом, каждый из них не имеет ли силу только в своей области, и, будучи призваны на помощь в других случаях, они не могут оказать помощи? Этот красноречив и искусен в периодической речи, но другие тупоумны, и если должны бывают говорить, то не могут сказать ничего умного.

21. Но спрашиваю: какое основание, какая столь жестокая необходимость, какая причина того, что небожители, подобно презренным ремесленникам, должны знать и усваивать эти искусства? На небе поют и играют на музыкальных инструментах, так что девять сестер[14]

[14] Девять муз.

искусно выполняют интервалы и мелодии звуков и модулируют. Есть на небесных светилах, находящихся в постоянном вращении, леса, есть рощи, есть дубравы, чтобы Диана могла проявлять превосходство в охотничьих прогулках. Боги не знают того, что им предстоит, и живут и действуют под жребием судьбы, так что Латонин прорицатель[15] должен открывать и объявлять, что принесет каждому ближайший день или час. Сам он вдохновляется другим богом и подавляется и возбуждается силой высшего божества, так что справедливо называется и считается вдохновенным. Боги подвергаются болезням и могут быть ранеными и испытывать мучение от чего-либо, так что, когда требует состояние, помогает им Эпидаврский помощник[16]. Они мучаются родами и рождают, так что тяжелые родовые муки облегчает и сокращает Юнона Люцина. Они занимаются земледелием и исполняют воинские обязанности, так что властитель огня Вулкан изготовляет для них мечи или выковывает земледельческие орудия. Они нуждаются в прикрытии одеждой, так что Тритонская дева[17] усердно ткет для них ткани и, смотря по свойству времени [года], приготовляет одежды или из трехнитяных тканей, или из шелка. Они выступают обвинителями и опровергают обвинения, так что потомок Атланта[18], вследствие усердного упражнения, достиг первенства в красноречии.

22. Но, говорят, ты заблуждаешься и обманываешься: боги не занимаются сами этими искусствами, но они наставляют способных людей в этих искусствах и сообщают смертным знания, необходимые для усовершенствования жизни. — Но кто сообщает какие-либо знания незнающему и не знакомому с ними, стараясь сделать его искусным и сведущим в каком-либо деле, тот необходимо сам, прежде всего, должен знать то, чему он решил научить другого. Ибо невозможно сообщать знание чего-либо, не зная правил того, что сообщается, и не обладая предметом в совершенстве. Таким образом, боги — первые художники или потому, что они, как вы говорите, внедряют знания в умах, или потому, что они, как бессмертные и никогда не рождавшиеся, превосходят весь земной род по долговечности. Поэтому возникает вопрос: так как небесные боги не имеют никакого повода [заниматься] этими искусствами, и ни потребности, ни природа их не требуют знания ка-

[15] Аполлон, сын Латоны.

[16] Бог врачевания Эскулап, родиной которого считался Эпидавр (в Арголиде), служивший также одним из главных мест культа его.

[17] Минерва (Афина Паллада).

[18] Меркурий, сын Майи — дочери Атланта.

кого-либо искусства или ремесла, то почему вы утверждаете, что одни из них имеют опытность и обладают одними знаниями, другие — другими, отличаясь и превосходя других своими знаниями и пониманием?

23. Может быть, вы скажете, что боги не занимаются искусствами, но они покровительствуют им, имеют попечение о них, под их охраной находится даже все то, что мы делаем и чем занимаемся, и они пекутся о том, чтобы это было благополучным и успешным. Эти слова казались бы, конечно, справедливыми и правдоподобными, если бы всегда согласно с желанием и намерением происходило то, что мы предпринимаем, делаем или испытываем в обстоятельствах человеческих. Но так как действительность ежедневно получает противоположный оборот и конец действий не соответствует намерениям и желаниям, то только в насмешку можно говорить, что боги помогают нам как охранители, которые созданы нашей фантазией, а не открыты как несомненная истина. Мать Матута[19] доставляет полную безопасность совершающим плавания по морям; но почему яростное море столь часто требует жестоких, гибельных кораблекрушений? Конс[20] дает для наших намерений спасительные и верные советы, но почему неожиданное изменение решений постоянно приводит к противоположным результатам? Палес[21] и Инуй[22] служат охранителями стад и скота, но почему они, из-за пагубной беспечности, не заботятся об отвращении чумы и повальных болезней от пасущихся стад? Мать Флора[23], чествуемая безнравственными играми, заботится об успешном цветении полей, но почему пагубный мороз постоянно причиняет вред почкам и расцветающим растениям и уничтожает их? Юнона покровительствует деторождению и оказывает помощь рождающим, но почему ежедневно тысячи матерей гибнут и умирают от причиняющих смерть родов? Под охраной Вулкана находится огонь, и его власти подчинено

[19]Матута, обыкновенно называемая матерью Матутой (mater Matuta), — древнеиталийское божество утренней зари, в конце Республики была отождествлена с греческой Левкофеей и стала считаться морской богиней и покровительницей мореплавания.

[20]Конс, древнеиталийский бог земледелия и плодородия, считался также дающим тайные советы (deus consilii).

[21]Палес — покровительствующая стадам богиня, от которой отличается носящее то же имя божество мужского пола (см. ниже III, 40).

[22]Инуй — древнеиталийский бог, отождествлявшийся с Фавном (Паном) и считавшийся охранителем и оплодотворителем стад.

[23]Флора — богиня цветов и вообще цветения и цветущей юности. Празднество ее (Floralia) сопровождалось цирковыми и сценическими играми, на которых допускалась нравственная распущенность (см. ниже VII, 33; Lact. Div. Inst. I, 20).

пламя, но почему он весьма часто допускает, что храмы и части городов обращаются в пепел пожирающим пламенем? Пифиец[24] наделяет прорицателей искусством предсказания, но почему он очень часто дает и внушает ответы неопределенные, двусмысленные, туманные и темные? Эскулап покровительствует врачеванию и врачебному искусству, но почему очень многие роды болезней и недугов не излечиваются и не приводятся в здоровое состояние, а даже во время самого лечения делаются более жестокими? Меркурий имеет попечение о местах борьбы и покровительствует кулачным боям и борьбе, но почему он не делает непобедимыми всех тех, кому покровительствует, — почему он, будучи один покровителем, одних делает победителями, а других допускает подвергаться осмеянию за позорное бессилие?

24. Говорят: «Никто не обращается с молениями к богам охраняющим, и потому они не оказывают покровительства и помощи». — Таким образом, если боги не получают курений и плодов с солью, то они не могут благодетельствовать, и если не видят свои жертвенники обагренными кровью животных, то оставляют и прекращают свое покровительство? Но немного ранее я думал, что милости богов добровольны и что они по собственному побуждению изливают неожиданные дары благоволения. Ибо неужели небесный Царь какими-либо возлияниями или животными жертвами склоняется к тому, чтобы доставлять смертным то, что необходимо для жизни? Не дает ли Бог плодотворный жар солнца, времена ночи, ветры, дожди, плоды всем одинаково: добрым, злым, неправедным, праведным, свободным, рабам, бедным и богатым? Всемогущему и истинному Богу свойственно без просьб оказывать помощь удрученным и изнуренным несчастьями и постоянно окруженным разнообразными тягостными обстоятельствами. Исполнять по принесении жертв то, чего просят, значит не помогать просящим, а продавать щедроты своей благости. Мы, люди, дерзко шутим относительно столь важного предмета и, забывая о существе Божием и величии Его имени, приписываем богам охраняющим все те низости и пошлости, какие может измыслить наша легковерная фантазия.

25. Унксия (Unxia), говорят, покровительствует намазыванию [дверных косяков] маслом (unctionibus), а Цинксия (Cinxia) — развязыванию поясов (cingulorum)[25], святейшие Викта (Victa) и Потуя (Po-

[24] Аполлон, называвшийся Пифийцем, или Пифийским, потому, что главным местом его почитания и оракула были Дельфы, древнейшее название которых было Пифо.

[25] Унксия и Цинксия — названия Юноны как покровительницы браков. Под по-

tua) имеют попечение о пище (victui) и питье (potui). Превосходное и единственное в своем роде объяснение божественных полномочий! Если бы новобрачные не намазывали дверные косяки мужей жирным маслом, если бы девственные пояса не были развязываемы мужьями, уже пылающими страстью и стремящимися к достижению цели, если бы люди не пили и не ели, то неужели боги не имели бы имен? Мало того, — не довольствуясь предоставлением богам и возложением на них столь унизительных забот, вы приписали им еще лютость, жестокость, свирепость и свойство всегда радоваться злоключениям и бедствиям рода человеческого.

26. Мы не будем в настоящем месте говорить о Лаверне, богине воров[26], о Беллонах[27], Дискордиях[28], Фуриях[29] и безмолвно обойдем молчанием прочие, выставляемые вами, недоброжелательные божества. Мы укажем только на Марса и на прекрасную мать Купидонов[30], из которых одному вы предоставляете владычество над войнами, а другой — над любовью и пылом страсти. Марс, говорят, имеет власть над войнами. Для того ли, чтобы прекращать начавшиеся, или для того, чтобы возбуждать прекращающиеся и затихшие? Если он прекращает неистовство войн, то почему войны постоянно существуют? Если же он виновник их, то мы должны будем сказать, что он ради собственного удовольствия приводит во враждебное столкновение весь человеческий род, дает поводы к раздорам и борьбе между народами, разделенными далеким расстоянием стран, сводит друг против друга столько тысяч людей и мгновенно покрывает поля трупами, проливает потоки крови, разрушает сильнейшие государства, сравнивает города с землей, лишает граждан свободы и налагает на них иго рабства, радуется междоусобиям, взаимному братоубийству и, наконец, преступной ужасной борьбе сыновей с отцами.

27. То же самое и на том же основании можно перенести на Венеру. Ибо если она, как вы утверждаете и верите, возбуждает пламя любви в душах человеческих, то следует признать, что все те беды и преступления, которые происходят от такого безумия, должны быть относимы

кровительством ее новобрачная при первом входе в дом своего мужа намазывала дверные косяки маслом или жиром, а новобрачный в первую ночь после брака развязывал пояс новобрачной.

[26] См. ниже IV, 24.

[27] См. выше I, 28 (примеч.).

[28] Богини раздора или несогласия.

[29] Богини мщения.

[30] Венеру.

к язвам, причиняемым Венерой. Не вследствие ли возбуждения этой богиней часто даже благородные лица компрометируют свое достоинство через самое позорное распутство, разрываются крепкие узы браков, кровные родственники воспламеняются непозволительной страстью, матери проявляют безумную любовь к детям, отцы направляют на себя желания своих дочерей, старики, вопреки свойственной возрасту благопристойности, с юношеской страстью предаются постыдной похоти, люди мудрые и твердые, утратив силу и мужественность, разрушают свои твердые решения, [некоторые] затягивают петли на своих шеях, всходят на горящие костры[31], прыгают по доброй воле в пропасти и бросаются стремглав с огромных высоких скал[32].

28. Кто из людей, обладающих какими-либо задатками разумности, может осквернять и пятнать божественное Существо столь отвратительными нравами? Кто может приписывать богам такие свойства, которые человеческая гуманность часто укрощает и смягчает в диких зверях? Где же, спрашиваю, то [убеждение], что боги чужды всякого страстного движения, что они кротки, спокойны, добры, что они совершенны во всякого рода добродетелях и обладают высшей степенью самой мудрости? И почему мы молимся им об отвращении от нас несчастий и всего неблагоприятного, если сами они оказываются виновниками всех тех зол, которым мы ежедневно подвергаемся? Вы можете, сколько вам угодно, называть нас нечестивцами, неверующими или безбожниками, но никогда вы не убедите нас в том, что есть боги любовных связей, есть боги войн, есть такие, которые возбуждают раздоры и которые удручают души ужасными муками. Ибо или действительно существуют боги, но не делают того, о чем вы говорите, или, если они делают то, что вы говорите, то они, без сомнения, не боги.

29. И, однако, мы могли бы, во всяком случае, принять от вас эти мнения, полные нечестивых измышлений, если бы сами вы, высказывая о богах многое противоречивое и само себя уничтожающее, не заставляли нас воздержаться от согласия. Ибо так как каждый из вас признает иных [богов] превосходящими прочих славой глубокого знания, то вы упраздняете тех самых богов, в которых верите, и заменяете другими, которые, очевидно, не существуют; одни из вас признают

[31] Ср. сказание о Дидоне, которая после того, как покинул ее Эней, в которого она влюбилась, сожгла себя на костре.

[32] Ср. сказание о горе Левкате, или Левкаде (в Эпире), с которой бросались в море влюбленные, отчаявшиеся в любви.

одних богов, а другие — других в одной и той же области; вы насчитываете бесчисленное множество таких [богов], которые общим мнением людей всегда принимались как единичные существа. Итак, начнем по обычаю и мы с отца Януса[33], которого некоторые из вас выдают за мир, другие — за год, иные — за Солнце[34]. Если мы признаем это за истину, то необходимо следует признать, что никогда не было никакого Януса, о котором говорят, что он, родившись от Неба и Гекаты, впервые царствовал в Италии, был основателем города Яникула, отцом Фонта, зятем Вультурна, мужем Ютурны[35], и таким образом вами уничтожается имя бога, которого вы ставите на первом месте во всех молитвах и признаете открывающим путь вам к услышанию вас богами. Но, далее, если Янус есть год, то и в таком случае он не может быть богом. Ибо кто не знает, что год есть определенный период времени и что не имеет божественной силы то, что вычисляется и определяется по месяцам и дням? То же самое можно перенести также на Сатурна. Ибо если этим именем обозначается время, как полагают греческие толкователи, так что χρόνος (время) принимается за Κρόνος[36], то нет никакого бога Сатурна. Ибо кто настолько безрассуден, чтобы признавал богом время, служащее мерой некоторого протяжения, беспрерывно продолжающегося? Таким образом, должен быть исключен из ряда небесных богов и этот, которого древность создала и передала потомству как сына Неба, отца великих богов, насадителя винограда и как вооруженного серпом[37].

30. Что, далее, должны мы сказать о самом Юпитере, которого философы признают за Солнце[38], едущее на окрыленной колеснице в сопровождении толпы богов[39], а некоторые — за пылающий пламе-

[33] Януса как бога всякого начала призывали обыкновенно при начале всякого важного предприятия и взывали к нему в молитвах к первому.

[34] См.: Macrob. Saturn. I, 9; Aug. De civ. Dei VII, 7.

[35] Янус как бог Солнца считался также богом родников и рек и, в связи с этим, назывался в некоторых сказаниях отцом бога источников Фонта (Fonti или Fontis), мужем речной нимфы Ютурны и зятем речного бога Вультурна, или Вольтурна.

[36] За Кроноса, или Крона, которого римляне отождествляли с Сатурном. Но новейшие ученые отрицают тождество Хроноса (бога времени) с Кроносом (см.: Preller. Griech. Mythol. 3 Aufl. S. 45; Roscher. Lexic. d. Mythol. I Bd. S. 899–900).

[37] Сатурн как бог земледелия и садоводства в широком смысле, изображался держащим в руке серп или садовый кривой нож (falcem). Кроме того, по преданию, Сатурн серпом оскопил своего отца.

[38] Представление о Зевсе, с которым отождествлялся Юпитер, как о боге солнца выражается в особенности в орфических гимнах (см. также: Macrob. Saturn. 1, 23).

[39] Plat. Phaedr. 246.

нем и безмерным неугасимым жаром эфир[40]. Если это верно и несомненно, то, по вашему свидетельству, совершенно нет того Юпитера, который был рожден Сатурном и Опою и для того, чтобы избежать ярости отца, скрылся, как рассказывают, в пределах Крита[41]. Затем, подобного рода мнением не исключается ли также Юнона из списка богов? Ибо если она означает воздух (aer), как вы обыкновенно шутя говорите и повторяете, переставляя буквы греческого имени[42], то нет сестры и супруги всемогущего Юпитера[43], нет Флювионии (Fluvionia)[44], нет Поманы (Pomana)[45], Оссипагины (Ossiipagina)[46], Фебруты (Februtis)[47], Популонии[48], Цинкции[49] и Капротины[50], и, таким образом, имя ее оказывается праздным вымыслом, пустым мнением, получившим широкое распространение.

31. Как говорит Граний[51], Аристотель, человек исключительных дарований и необычайной учености, посредством убедительных дово-

[40]Такой взгляд высказывается Эврипидом и стоиками (см.: Cic. De nat. deor. I, 15; II, 25–26).

[41]На Юпитера римлянами были перенесены сказания о рождении Зевса, по которым Кронос (Сатурн) во избежание предначертанного низвержения от рук своих детей проглатывал их; но вместо родившегося Зевса (Юпитера) ему был поднесен (и проглочен им) спеленутый в виде ребенка камень, а новорожденный был скрыт и воспитан на острове Крите.

[42]То есть произнося греческое имя Юноны Ἥρα (Гера), как слово ἀήρ (aer, воздух) (ср. Cornut. 3).

[43]Юнона считалась сестрой и супругой Юпитера. Следующие за этим имена относятся к Юноне как покровительнице браков.

[44]Флювионией, или, по Орелли, Флюонией (Fluonia), называлась Юнона, как освобождающая женщин от истечений крови (fluorem sanguinis) или от менструаций во время беременности.

[45]По мнению Орелли, Pomona. Но Помона, богиня древесных плодов, не имеет отношения к Юноне, а имя Поманы встречается лишь у Арнобия в данном месте. Виссова полагает, что вместо Pomana следует читать Rumina, т. е. питающая сосцами, и что этот эпитет вполне применим к Юноне (Wissowa. Religion und Kultus d. Römer. S. 115, Anm. 3).

[46]Относительно Юноны как Оссипагины, или Оссипаги (Ossipago, от ossa — кость и pangere — устанавливать, обещать), т. е. содействующей твердости и укреплению костей младенцев, см. ниже IV, 7–8.

[47]Так называлась Юнона, как очищающая (в религиозном смысле) и оплодотворяющая (ср. februa).

[48]Содействующей росту народонаселения (ср. populus).

[49]См. выше III, 25.

[50]Это название Юноны стоит в связи с празднеством ее, совершавшимся под именем Nonae Caprotinae римскими свободными женщинами и рабынями под диким (козьим) фиговым деревом (caprificus).

[51]Граний Флакк, автор сочинений Ad Caesarem de indigitamentis и De jure Papiriano, живший в I в. до Р. Х.

дов выясняет и с ученым авторитетом доказывает, что Минерва означает луну[52]. Другие утверждали, что она означает вершину эфира и всю высшую область его[53]; некоторые признавали ее за память (memoriam), откуда образовано и самое имя Minerva, как бы Meminerva[54]. Но если это достоверно, то в таком случае нет дочери Метиды (Metis)[55], нет [дочери] Виктории[56], нет изобретательницы масличного дерева[57], родившейся из головы Юпитера, нет сведущей в искусствах и разнообразных науках[58]. От покрытия земли водой получил, говорят, название и имя Нептун[59]. Но если название этим именем означает покрытие водой, то совсем нет никакого бога Нептуна, и, таким образом, исключается и устраняется родной брат Стигийского и Олимпийского Юпитера[60], вооруженный железным трезубцем, властитель крупных и мелких морских рыб, царь морских пучин и потрясатель дрожащей земли.

32. Также имя «Меркурий» означает как бы некто «посреди бегающий» (Medicurrius), и форма этого имени произошла от того, что речь между двумя говорящими перебегает от одного к другому[61]. Если это так, то Меркурий служит именем не бога, а попеременной речи и слов, и, таким образом, устраняется и уничтожается Килленский глашатай, родившийся на холодной горе[62], изобретатель слов и имен, заведую-

[52]Мнение Аристотеля подтверждается многими сказаниями об Афине Палладе, с которой римляне отождествляли Минерву (ср. Preller. Griech. Mythol. I Bd. 3 Aufl. S. 160–161).

[53]Ср. Macrob. Saturn. III, 4; I, 17; Aug. De civ. Dei Vll, 16; Preller. Op. cit. S. 150, 151, 156.

[54]Имя Минервы сродно с mens (разум) и memini (помнить). В связи с этим стоит название Minerva Memor.

[55]По Орелли — Mentis. По одним сказаниям, Минерва была дочерью Юпитера и Метиды (Μῆτις, Mens — разум, мудрость), по другим — она родилась из головы Юпитера после того, как он проглотил Метиду.

[56]В сохранившихся мифах она не называется дочерью Виктории (Победы или Победительницы), хотя ставится в близкое отношение к ней и носит эпитет Победы или Победительницы (Νίκη) (см.: Preller. Op. cit. S. 177–178).

[57]Она, по легенде, посадила первое масличное дерево в Аттике.

[58]Она считалась покровительницей наук и искусств, к которым относились также ремесла и рукоделия.

[59]Ср. Varro. De lingua lat. V, 72: Neptunus quod mare terras obnubit.

[60]См. выше II, 70 (примеч.).

[61]Такого же рода объяснение имени Меркурия, считавшегося богом речи и в частности искусной речи, или красноречия, см.: Aug. De civ. Dei. VII, 14; Isidor. Origin. VIII, 11. — Но Меркурий признавался, главным образом, богом торговли, и имя его, несомненно, сродно со словами merx (товар) и mercari (торговать).

[62]Меркурий, отождествленный римлянами с греческим Гермесом, считался также глашатаем или вестником богов, родившимся на горе Киллене в Аркадии.

щий торговлей, куплей и обменом товаров. Некоторые из вас назвали землю Великой Матерью, потому что она доставляет пищу всем живым существам, другие называют ее Церерой (Cererem), потому что она производит (gerat) плоды полезных семян, а некоторые — Вестой (Vesta), потому что она одна неподвижно стоит (stat) в мире[63], между тем как прочие части его находятся в постоянном движении. Если вы говорите и утверждаете это на несомненном основании, то все три божества (numina), согласно с вашим объяснением, не существуют: ни Церера, ни Веста не должны считаться в списке богов, ни даже, наконец, Мать богов, которая, как полагает Нигидий[64], была в супружестве с Сатурном, не может по справедливости быть названа богиней, потому что одна земля имеет все эти имена, и она одна обозначается этими предикатами.

33. В настоящем месте мы, во избежание утомления, опустим Вулкана, которого все вы одинаково и согласно признаете огнем[65], Венеру (Veneram), названную оттого, что она ко всем приходит (veniat)[66], и Прозерпину (Proserpinam) — от выползания (quod proserpant) посеянных растений на свет[67], чем вы еще упраздняете бытие трех божеств, потому что первое служит наименованием стихии, а не обладающей чувствованием силы, второе — (наименованием) страсти, распространенной среди всех живых существ, а третье обозначает всходы ростков и выращивание плодовых растений. Также когда вы утверждаете, что Либер, Аполлон и Солнце означают одно божество, умноженное тремя наименованиями[68], то не уменьшается ли вашими суждениями число

[63]Также Исидор Севильский говорит, что земля называлась Церерой, Великой Матерью, и Вестой (Origin. XI, 11). Под Великой Матерью или Матерью богов, как она далее называется, имеется в виду Кибела, отождествлявшаяся с Реей, супругой Кроноса (Сатурна). Имя Цереры также Теренций Варрон (De lingua lat. V, 64) и Цицерон (De nat. deor. II, 26; III, 20) производят от gerendo, но в вышеуказанном месте Исидора оно более правильно производится от creando. Явно несостоятельное объяснение имени Весты, излагаемое Арнобием, встречается также у Овидия (Fast. VI, 299: Stat vi terra sua: vi stando Vesta vocatur) (ср. Aug. De civ. Dei VII, 10).

[64]Публий Нигидий Фигул, современник и друг Цицерона, известный своей широкой ученостью, из-за которой его ставили рядом с Теренцием Варроном, и своими сочинениями по грамматике, теологии и естествоведению. Мать богов, или Кибела, отождествлялась с Реей, супругой Кроноса (Сатурна).

[65]Ср. Aug. De civ. Dei VII, 16; Prudent. Contra Symm. I, 304.

[66]Такое же, явно неправильное, объяснение встречается у Цицерона в De nat. deor. II, 27.

[67]Ср. Varro. De lingua lat. V, 68; Aug. De civ. Dei IV, 8; VII, 20; Isidor. Origin. VIII, 11.

[68]Солнце (Sol, Ἥλιος) считалось особым божеством, но также отождествлялось с

богов и не рушится ли предвзятое мнение? Ибо если справедливо, что Солнце есть то же, что Либер и Аполлон, то отсюда следует, что в мире нет ни Аполлона, ни Либера, и, таким образом, вами самими уничтожаются и устраняются Семелеец и Пифиец, из которых один доставляет бесстыдное веселье, а другой служит пагубой для Сминфийских мышей[69].

34. Люди из вашей среды, не лишенные учености и не склонные к легкомысленному пустословию, утверждают, что Диана, Церера и Луна представляют личность одной богини в трояком родстве и что это три различных имени, а не три различных лица, что Луна называется всеми ими и к ее имени присоединен ряд прочих наименований[70]. Если же это достоверно, несомненно и таким образом оказывается соответствующим действительности, то также имена Цереры и Дианы оказываются ничего не значащими, и дело сводится к тому, что и та изобретательница, как вы утверждаете, плодов[71], согласно с вашим указанием и свидетельством, не существует, и Аполлон лишается своей сестры[72], на которую некогда, когда она омывала в чистом источнике грязь со своих членов, смотрел рогатый охотник, подвергшийся наказанию за свое любопытство[73].

35. Замечательные философы, возведенные вашими похвалами на высшую ступень в этой области, с большой вероятностью утверждают, что весь тот громадный мир, который окружает, обнимает и содержит всех нас, есть одно живое существо, одаренное пониманием, разумное и мудрое[74]. Если мнение их справедливо, достоверно и несомненно, то в силу этого должны прекратить существование также те

Аполлоном и Либером, или Дионисом (см.: Macrob. Saturn. I, 17, 18; Firm. Matern. De err. 7; Aug. De civ. Dei VII, 16).

[69]Семелеец, т. е. сын Семелы, Либер (Дионис, Вакх) считался богом вина и веселости, и культ его сопровождался необузданным весельем. Аполлон, названный здесь Пифийцем, считался охранителем полей от полевых мышей и истребителем последних. Это обстоятельство в связи с тем, что полевая мышь (σμίνθις) была в древности символом предсказания, послужило основанием для особого культа его (сминфий), главным местом которого был троадский город Сминфа.

[70]Сервий говорит, что стоики отождествляли Луну с Дианой и Церерой (Comm. in Virgil. Georg. I, 7). Некоторые из новейших ученых полагают, что Арнобий здесь имеет в виду Корнелия Лабеона (Röhricht. Die Seelenlehre des Arnobius. S. 37).

[71]Церера.

[72]Дианы.

[73]Знаменитый, по мифам, охотник Актеон, который на охоте увидел купающуюся в источнике Диану, за что был превращен богиней в оленя и растерзан своими собаками.

[74]Plat. Tim. 30.

боги, которых вы несколько ранее признавали за части его с измененными названиями. Ибо как один человек не может быть разделен на несколько так, чтобы тело его оставалось целым, и как, с другой стороны, несколько человек, сохраняя различие, свойственное разделению, не могут слиться в сознании единой нераздельной души, так и мир, если он есть одно живое существо и направляется действием одного ума, не может разделиться на несколько божеств, и если его части — боги, то они не могут объединиться и превратиться в сознание одного существа. Луна, солнце, земля, эфир, звезды — это члены и части мира; но если они члены и части, то они, конечно, не существа с их наименованиями, потому что части ни в каком отношении не могут быть тождественными с целым, и не может обладать самосознанием и самочувствием то, что вне согласия с целым существом, не имеет никаких собственных движений. Сущность установленного и изложенного нами сводится к тому, что ни солнце, ни луна, ни эфир, ни земля, ни прочее — не боги, ибо это части мира, а не особые наименования божеств, и так как вы перепутываете и смешиваете все божественное, то происходит то, что во вселенной признается один бог — мир, и отвергаются все прочие, как признанные [за богов] совершенно попусту, тщетно и без всякого основания.

36. Если бы мы столь же многими способами и столь же многочисленными мнениями разрушали веру в ваших богов, то никакому сомнению не подлежало бы, что вы, вследствие гнева и ярости, требовали бы против нас огней, диких зверей, мечей и других родов казней, которыми вы обыкновенно утоляете свою жажду нашей крови. Но хотя вами самими с видом талантливости и учености отрицается почти весь род богов, однако вы осмеливаетесь укорять нас, что из-за нас угнетается богами род человеческий, между тем как если верно то, что они где-либо существуют и воспламеняются гневом, то они имеют вполне справедливое основание для проявления жестокости в отношении к вам, потому что вы отрицаете их бытие и существование их в какой-либо части мира.

37. Мнасей[75] говорит, что Музы — дочери Земли (Telluris) и Неба (Caeli); прочие называют их дочерьми Юпитера и Мемории, или Mens[76]; некоторые пишут, что они девы, а другие — что они были матерями. Мы хотим теперь вкратце коснуться именно таких пунктов, в

[75] Ученик Эратосфена из города Патр (в Ахайе), живший в III—II вв. до Р. Х. и написавший большое географическое сочинение.

[76] См. II, 70; III, 31, примеч.

которых, вследствие разнообразия мнений, обнаруживается, что один из вас говорит одно, а другой — другое об одном и том же предмете. Так, Эфор[77] указывает трех Муз, упомянутый Мнасей четырех, Миртил[78] говорит о семи, Кратет[79] утверждает, что их восемь, наконец, Гесиод называет по именам девять [Муз], обогащая небо и звезды богами. Если мы не ошибаемся, это разногласие служит доказательством незнания истины, а не происходит от соответствия действительности. Ибо если бы наверное знали истину, то все говорили бы одинаково и приходили бы к одному и тому же мнению, и было бы общее согласие.

38. Каким же образом вы можете восстановить религию в полной силе, когда вы заблуждаетесь относительно самых богов, или склонить нас к чтимым культам, когда вы не можете сообщить нам определенного понятия о самих божествах? Ибо, не говоря о писателях, [названных нами] в середине, или первый из названных[80] исключает и уничтожает шесть божеств (Муз), если наверняка известно, что их девять, или последний из них[81] прибавляет шесть несуществующих, если в действительности существуют только три, так что нельзя узнать и понять, какие должны быть прибавлены и какие исключены, и в выполнении самой религии является опасность или чтить то, чего нет, или пропустить то, что, может быть, существует. Пизон[82] думает, что Novensiles[83] — это девять (novem) богов, культ которых был установлен сабинами в Требии[84]; Граний[85] считает их за Муз, соглашаясь с

[77] Греческий историк, ученик Исократа, живший в IV в. до Р. Х.

[78] Миртил, или Мирсил, — историк из Мефимны на острове Лесбосе, живший, вероятно, при первых Птолемеях.

[79] Кратет из Малла (в Малой Азии), глава пергамских грамматиков, живший во II в. до Р. Х. и известный своими научными грамматическими работами и комментариями к греческим классикам.

[80] Эфор.

[81] Гесиод.

[82] Луций Кальпурий Пизон Цензорий Фруги, бывший консулом в 133 г. до Р. Х. и написавший «Анналы» в семи книгах.

[83] Novensiles, или Novensides, — класс римских богов, о значении которых, как видно из дальнейшего изложения, имели смутное понятие и древние, исходившие в объяснительных попытках из сродства этого названия со словами novem (девять) и novus (новый). По-видимому, это чужеземные, новые боги, принятые римлянами в очень древнюю эпоху от других народов и, в частности, от сабинян (см.: Preller. Röm. Mythol. I Bd. 3 Aufl. S. 101–103; Wissowa. Op. cit. S. 15–16).

[84] Требия — один из сабинских городов.

[85] Граний Флакк.

Элием[86]; Варрон указывает на девятеричное (novenarium) число их, как на считающееся всегда имеющим наиболее благоприятное влияние и высшим[87]. Корнифиций[88] признает их за охранителей нового (novitatum), потому что, благодаря их попечению, все возобновляется и продолжает существовать; Манилий[89] — за девять (novem) богов, которым одним Юпитер дал власть метать его молнию; Цинций[90] призывает их за чужеземные божества, получившие название вследствие самой новизны (novitate), потому что римляне обыкновенно религии побежденных городов отчасти вводили в отдельных семействах, а отчасти причисляли к государственным культам, и, чтобы кто-либо из богов вследствие многочисленности или по неведению не был обойден, призывали всех Novensiles, для ускорения и ради краткости, под одним общим именем.

39. Кроме того, есть некоторые, которые утверждают, что этим названием обозначаются люди, возведенные в богов[91], как Геркулес, Ромул, Эскулап, Либер, Эней. Все эти мнения, как это ясно, различны, и невозможно разногласящих в мнениях считать свидетелями одной истины. Так, если мнение Пизона соответствует истине, то лгут Элий и Граний, а если верно то, что ими говорится, то заблуждается обладающий самыми широкими сведениями Варрон, заменяющий существенное пустяками и не имеющим никакого значения. Если от числа девять происходит наименование «Novensiles», то уличается в пустой болтовне Корнифиций, как приписывающий богам, покровительствующим новизне, чуждую им силу. Если же мнение Корнифиция верно, то оказывается несведущим Цинций, наделяющий богов побежденных городов властью божеств Novensiles. Но если это те, кого признает Цинций, то окажется говорящим ложь Манилий, понимающий под этим именем метателей чужой молнии. Если же достоверно и несомненно то, что думает Манилий, то в величайшем заблуждении находятся те, кто полагают, что Novensiles называются, вследствие новизны почести, смертные, возвеличенные божественными почестями и

[86]Здесь речь идет об Элии Стилоне, первом римском филологе (в собственном смысле), учениками которого были Теренций Варрон и Цицерон.

[87]См.: Садов А. И. Знаменательные числа. СПб., 1909. С. 27–32.

[88]Здесь разумеется, по-видимому, Корнифиций Лонг, написавший этимологическое сочинение об именах богов (De etymis deorum).

[89]Л. Манилий, или Манлий, живший в I в. до Р. Х.

[90]Л. Цинций Алимент, участвовавший во II Пунической войне и написавший «Анналы» на греческом языке.

[91]См.: Serv. Comm. in Virgil. Aen. VIII, 187.

обоготворенные. Но если Novensiles — те, кто удостоились, по окончании земной жизни, вознестись до звезд, то совсем нет богов Novensiles. Ибо как рабы, солдаты, начальники служат наименованиями не лиц подлежащих, а обязанностей, состояний и должностей, так, когда мы говорим о Novensiles, то, если это служит наименованием тех, кто из людей удостоились быть богами, ясно и очевидно, что наименование Novensiles обозначает не определенных, в частности, лиц, а самое состояние новое.

40. Нигидий говорит, что боги Пенаты[92] — это Нептун и Аполлон, которые некогда по заключенному договору окружили Илион[93] неразрушимыми стенами. Он же далее, в шестнадцатой книге[94], следуя этрусским учениям, сообщает, говоря нечто необъяснимое, что есть четыре рода Пенатов и что одни из них — [Пенаты] Юпитера, другие — Нептуна, третьи — подземного мира, четвертые — смертных людей. Цезий[95], следуя тем же [учениям], полагает, что это Фортуна, Церера, Гений Юпитера[96] и Палес, но не женского пола, как обыкновенно принимается, а какой-то мужского пола служитель и управитель Юпитера[97]. Варрон высказывает мнение, что это — обитающие внутри, и именно во внутренних покоях (penetralibus) неба боги, о которых мы говорим, и что число и имена их неизвестны. Этруски называют их Consentes и Complices[98], и именно потому, что они вместе происходят и вместе умирают, — шесть мужского и столько же женского пола, с неизвестными именами и немилосердные; но они считаются советниками и соучастниками Юпитера. Есть также такие, которые писали, что боги Пенаты — это Юпитер, Юнона и Минерва, без которых мы не можем жить и понимать, но которые изнутри управляют нами через

[92] Под Пенатами обыкновенно понимаются различные боги, почитавшиеся как охранители или покровители домашних съестных запасов (penus), домашнего благосостояния и вообще дома, а также покровители государства как большой семьи.

[93] Трою.

[94] Подразумевается, по-видимому, сочинение Нигидия Фигула «О богах», упоминаемое Макробием (Saturn. III, 4, 6).

[95] Цезий Басс, выдающийся римский лирик и автор сочинения о метрах, погибший при извержении Везувия в 79 г. по Р. Х.

[96] У римлян существовало верование, что боги также имеют гениев, хотя гений, собственно, считался духом, подателем и хранителем жизни человека.

[97] См. выше III, 23, примеч.

[98] То есть соединенные или совокупные. Но у римлян Consentes назывались обыкновенно не низшие, а 12 высших богов во главе с Юпитером, которые составляли как бы сенат его и имена которых были известны (см.: Roscher. Op. cit. S. 923.

разум, теплоту и дыхание[99]. Как видите, также и здесь нет никакого согласия в утверждениях, нет определенного решения, нет ничего надежного, на чем мысль могла бы остановиться в своих предположениях как на наиболее близком к истине. Ибо настолько колеблются взгляды, и одно мнение опровергается другим, что или во всех них нет ничего истинного, или если высказывается кем-либо истина, то она остается неизвестной вследствие столь многих разногласий.

41. Можем, если угодно, сказать кое-что и о Ларах, которых народ считает богами улиц и путей, потому что греки называют улицы λαύρας. Нигидий в различных сочинениях признает их то за стражей кровель и домов, то за тех Куретов[100], которые некогда, посредством шума оружия, скрывали, как утверждают, крик Юпитера, то говорит, что так называются Самофракийские Дигиты, которых греки называют пятью Идейскими Дактилями[101]. Также Варрон колеблется и то говорит, что это — Маны[102] и что поэтому мать Ларов называется Манией, то признает их за богов воздуха и героев, то утверждает, следуя мнениям древних, что Лары — это Ларвы[103], как бы некоторого рода гении и души умерших.

42. Было бы слишком продолжительным и нескончаемым делом рассмотреть каждую частность в отдельности и через сами сочинения показать, что нет ни одного из предполагаемых и признаваемых вами богов, о котором вами не высказывались бы неопределенные и проти-

[99] Ср. Macrob. Saturn. III, 4, 8.

[100] Куреты — демонические существа, спутники Реи (Кибелы), которая на острове Крите передала им для охраны и воспитания своего новорожденного сына Юпитера (Зевса), спрятанного в гроте горы Иды. Чтобы Кронос (Сатурн) не услышал крика мальчика и не проглотил его, они производили шум, ударяя копьями о щиты. Куретами назывались также жрецы Критского Юпитера.

[101] Самофракия — остров в Эгейском море у Фракийского берега с соименным главным городом, известный в особенности мистериями Кабиров. Дигиты (пальцы) — латинское название Дактилей. Идейские Дактили — это древние фригийские демоны на горе Иде, служители Реи (Кибелы), считавшиеся открывателями и первыми обрабатывателями железа и вообще художниками и даже магическими волшебниками. Число их определяется различно, но не менее пяти. Дактили нередко смешиваются с Куретами, Корибантами, с Самофракийскими Кабирами и Тельхинами.

[102] Маны — manes, т. е. чистые, светлые, добрые. Так римляне называли умерших, которые считались духами, т. е. лишенными земной телесности и бессмертными, как боги, вследствие чего они назывались также Divi и Dii Manes.

[103] Ларвы, по римскому народному верованию, были злые духи умерших, которые, вследствие собственной вины или перенесенных тяжелых оскорблений, не находили покоя и причиняли вред людям или пугали их в виде привидений.

воречивые мнения с тысячью различий, но ради краткости и чтобы не затягивать, достаточно сказанного. Слишком трудно было бы также собрать столь многое вместе, между тем как из одного-двух [примеров] ясно видно, что все у вас шатко и неустойчиво и что ничего определенного вы не говорите о том, что утверждаете. Вы, может быть, скажете: «Хотя мы не знаем, в частности, кто такие Лары, Novensiles и Пенаты, но само согласие писателей доказывает, что они существуют и имеют соответствующий их роду образ в числе небожителей». Но каким образом можно знать, существует ли какой-либо бог, если остается неизвестным и если не знают, что он такое, и каким образом может иметь значение испрашивание благодеяний, если совершенно неизвестно, кто и в каких случаях должен призываться для помощи? Ибо всякий, стремящийся получить ответ какого-либо божества, необходимо должен знать, к кому следует обращаться, кого умолять, у кого испрашивать помощи в человеческих делах и нуждах, тем более что и сами вы указываете, что не все боги могут все исполнять, и что гнев и оскорбление каждого из них примиряются различными обрядами.

43. Так, если один [бог] требует черной, а другой — белой кожи[104], если одному должно приносить жертвы с покрытою головой, а другому — с открытой, к тому обращаются по делам, касающимся брачной жизни, а этот помогает при болезнях, то отнюдь не может быть безразличным, тот ли или другой принадлежит к Novensiles, так как незнание этого и смешение лиц вызывает оскорбление богов и заставляет их требовать необходимых средств умилостивления. Так, представь себе, что сам я, по причине какого-либо несчастья или для устранения опасности, стал бы молиться какому-либо из богов, говоря: «Помогите, помогите, боги Пенаты, ты, Аполлон, и Нептун, и устраните, по вашей божественной благости, эти бедствия, которые мучат, терзают, удручают меня». Можно ли надеяться на получение от них помощи, если богами Пенатами будут Церера, Палес, Фортуна или Гений Юпитера, а не Нептун и Аполлон? Или если я буду призывать Куретов вместо Ларов, которых некоторые из ваших писателей считают Самофракийскими Дигитами, то каким образом я могу воспользоваться их помощью и благорасположением, когда я называю их не свойственными им, но чужими, именами? Столь необходимо знать богов в их особенностях и не сомневаться, и не колебаться относительно значения имени каждого, чтобы они, будучи призываемы при несоответствую-

[104] Жертвенных животных черного и белого цвета.

щих обрядах и под чужими именами, не имели уши закрытыми и не связали нас незагладимыми винами.

44. Поэтому если для вас несомненно, что в высоте, в небесных дворцах обитает и живет то множество богов, которое вы перечисляете, то вам следует оставаться в границах одного утверждения, а не разрушать разделением на различные и противоречивые мнения доверие к тому самому, что вами утверждается. Если есть Янус, то пусть он будет Янус, если есть Либер, то пусть он будет Либер, если есть Сумман[105], то пусть он будет Сумман, ибо быть уверенным, обладать знанием — значит оставаться непоколебимым в знании того, что было исследовано, а не говорить, подобно слепым и блуждающим: «Novensiles — это Музы, нет, это — Требийские боги, скорее, это — девятеричное число, или, лучше сказать, это покровители разрушенных городов», и таким образом подвергать столь важные предметы опасности, что, когда вы устраняете одних [богов] и заменяете их другими, то справедливо можно будет сомневаться в существовании всех.

[105] Сумман считался у римлян богом ночного неба и ночной молнии и отождествлялся в позднейшее время с Плутоном. Но первоначально это было, по всей вероятности, одно из свойств Юпитера, которое обособилось в самостоятельное божество.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Желательно спросить вас, и прежде всего самих римлян, владык и повелителей мира: признаете ли вы Любовь (Pietatem)[1], Согласие (Concordiam), Здоровье (Salutem)[2], Честь (Honorem), Мужество (Virtutem)[3], Счастье (Felicitatem) и прочие подобного рода имена, которым вами устроены, как мы видим, жертвенники и великолепные храмы, имеющими божественную природу и обитающими в небесных странах, или, как это обыкновенно бывает, вы для вида относите их к числу богов потому, что мы считаем желательными и хотим иметь эти блага? Ибо, если вы, считая эти имена пустыми, бессодержательными словами, однако, обоготворяете их, [отводя им место] в странах богов, то вам необходимо будет рассмотреть, не есть ли это детская забава или не имеется ли в виду осмеяние ваших богов, к которым вы приравниваете и присоединяете пустые измышленные слова? Но если вы, вследствие искреннего убеждения считая их богами, почтили их храмами и пиршествами, то просим вас наставить нас в нашем неведении: каким образом и каким путем можно прийти к пониманию, что Победа (Victoria), Мир (Pax), Справедливость (Aequitas) и прочее, прежде названное нами, — боги и принадлежат к собранию богов?

2. Мы, если вы не отказываете нам в здравом смысле и допускаете его, так думаем и судим, что ничто из названного не имеет божественной силы и не обладает какой-либо формой соответствующего рода, но мужество есть свойство мужественного, здоровье — здорового, честь — почтенного, победа — победителя, согласие — находящегося в согласии, любовь — любящего, память — памятливого, а счастье — живущего счастливо и без каких-либо неудач. Что это вполне справед-

[1]Под pietas римляне понимали внушаемую чувством долга любовь и преданность богам, родителям, детям и вообще близким родным, людям, сделавшим много добра или нуждающимся в помощи, и отечеству.

[2]Salus как богиня служила у римлян олицетворением как общего благосостояния, так, в частности, и телесного благосостояния, или здоровья; в последнем случае она отождествлялась с греческой Гигией.

[3]Хотя под virtus римляне понимали все те лучшие физические и нравственные качества, которые должны украшать каждого мужчину, но в Virtus как в богине они олицетворяли, собственно, воинскую доблесть или мужество, вследствие чего эта богиня изображалась со шлемом на голове, и культ ее стоял в связи с культом Марса (см.: Preller. Röm. Mythol. II Bd. 3 Aufl. S. 248–250; Wissowa. Religion und Kultus d. Römer. S. 135–136).

ливо говорится нами, это легко можно узнать из противоположностей и противопоставлений, как несчастье, раздор, забвение, несправедливость, нарушение долга любви, малодушие и неблагоприятное состояние здоровья. Ибо как это бывает с людьми и состоит в действиях людей и случайных состояниях, так противоположное этому и имеющее название от более благоприятных свойств необходимо бывает с другими [людьми], и эти свойства их послужили основанием к образованию этих имен.

3. Что же касается других сонмов богов, на которых вы указываете нам, то мы не можем решить, делаете ли вы это серьезно и вследствие убеждения в достоверности, или же вы забавляетесь пустыми вымыслами богатой фантазии. Так как жестокая волчица пощадила выброшенных детей[4], то, говорят, она была названа, по свидетельству Варрона, богиней Люперкой. Таким образом, вследствие стечения обстоятельств, а не вследствие своей природы, произошла эта богиня, и после того, как страшное животное удержалось от жестокого кусания, она начала существовать и получила имя с соответствующим значением? Или если она уже давно была богиней, прежде чем родились Ромул и его брат, то скажите: каково было ее имя и как она называлась? Престана (Praestana), как вы утверждаете, получила название оттого, что Квирин[5] превзошел всех силой при метании копья, и, оттого что Титу Тацию[6] было дозволено для взятия Капитолийского холма открыть (pandere) и сделать доступным путь, была названа богиня Панда (Panda), или Пантика (Pantica). Значит, до этих событий не было также этих божеств, и если бы Ромул метанием копья не овладел Палатинским холмом и царь сабинский не занял Тарпейскую скалу, то не было бы никакой Пантики, никакой Престаны? Если же вы скажете, что также и они существовали до возникновения повода к их наименованию, то — как мы спрашивали перед этим — сообщите, как и они назывались.

4. Богиня Пеллония (Pellonia) имеет силу прогонять (pellendorum) врагов. Если не тягостно для вас, то скажите: каких? Стороны борются друг против друга и решают дело оружием, и эта сторона служит врагом для той, а та враждебна в отношении к этой: кого же Пеллония будет прогонять, когда борьба ведется с обеих сторон, и кому она будет оказывать благорасположение, когда она той и другой стороне должна

[4] Ромула и Рема.

[5] Имя Ромула после его обоготворения.

[6] Тит Таций — царь сабинский, позднее соправитель Ромула.

доставлять свою божественную силу и помощь? Но если она действительно сделает это, т. е. окажет благоволение и покровительство обеим сторонам, то утратит значение ее имя, происшедшее от изгнания одной стороны. Может быть, вы скажете: она — богиня только римлян и одним только квиритам[7] готова всегда оказывать благосклонное содействие. Из любви к имени [римлян] мы желаем, чтобы это было так; но отсюда возникает немалое недоумение. Что же? Разве римляне имеют особых богов, которые не служат [богами] других народов? И каким образом они могут быть богами, если они не будут одинаковым образом являть свое имя всем, где бы то ни было, народам? И где, спрашиваю я, была эта Пеллония в те давние времена, когда слава народа склонилась в Кавдинских ущельях под ярмом[8], когда при Тразименском озере[9] были пролиты потоки крови, когда поля Диомеда[10] были покрыты трупами римлян, когда тысячи других несчастий постигли нас в бесчисленных поражениях? Спала она, храпела или, как это обыкновенно делают презренные люди, убежала в лагерь врагов?

5. Неблагоприятствующие (laevi)[11] боги и неблагоприятствующие богини покровительствуют только странам, находящимся с левой стороны, и неприязненны правым сторонам. На каком основании и в каком смысле говорится это, этого и мы сами не понимаем, и вы, как мы уверены, не можете сколько-нибудь уяснить и сделать это общепонятным. Ибо прежде всего мир сам по себе не имеет ни правых сторон, ни левых, ни верхних, ни нижних, ни передних, ни задних[12]. Ибо все

[7] Римлянам.

[8] Имеется в виду поражение римлян от самнитов в 321 г. до Р. Х., когда римское войско принуждено было к сдаче с позорным условием пройти под ярмом, т. е. через отверстие под копьем, укрепленным на двух копьях, воткнутых в землю.

[9] При этом озере в Этрурии Ганнибал нанес в 217 г. поражение римлянам.

[10] В Апулии, при реке Авфиде, где находится местечко Канны, прославившееся большой победой Ганнибала над римлянами в 216 г. до Р. Х.

[11] Laevus значит «левый», «находящийся с левой стороны». Но в гаданиях у римлян это слово означало «благоприятный», «счастливый», «предвещающий доброе», потому что римские авгуры обращались лицом к югу, вследствие чего восточная сторона, считавшаяся счастливой, оказывалась левой, а западная, считавшаяся приносящей несчастье, — правой. Но у греков, гадатели которых обращались лицом к северу, было наоборот: правая сторона считалась счастливой или благоприятной и левая — неблагоприятной.

[12] Ср. Plat. Tim. 62, где говорится, что так как мир имеет шарообразную форму, то в нем нет ничего находящегося вверху или внизу, — ни в окружности (на периферии) или в самых крайних точках его, которые все имеют одинаковые свойства, как находящиеся на одинаковом расстоянии от середины (центра), ни в середине, которая не может находиться ни внизу, ни вверху, но именно в середине.

то, что кругло и что со всех сторон имеет вполне округленную форму, не имеет ни начала, ни конца; а где нет конца и начала, там не может также никакая часть целого быть концом и началом. Таким образом, когда мы говорим: эта страна находится справа, а та слева, то говорим это не в отношении к положению мира, который весь вполне равен себе, но в отношении к нашему положению и состоянию, потому что мы так устроены, что одно по отношению к нам называется правым, а другое — левым; но и то самое, что мы называем левым и правым, не имеет для нас ничего постоянного и неизменного, но в какое положение приведут нас случай и обстоятельства времени, соответственно этому образуются представления о зависимости от наших сторон. Если я буду смотреть на восходящее солнце, то холодный пояс и север будут для меня левыми, а если я сюда перенесу взоры, то левым для меня будет запад, который был позади в направлении от солнца. Но если я затем обращу глаза на запад, то юг и полдень получат наименование левых; а если обстоятельства времени заставят меня обратиться [лицом] в эту сторону, то изменение [положения] и поворот тела произведут то, что восток будет называться левым. Отсюда очень легко можно понять, что в действительности нет ни правого, ни левого, но [эти понятия происходят] в зависимости от положения, от времени, соответственно тому направлению, какое принимается вследствие обстоятельств нашим телом. Если же это так, то на каком основании и каким образом могут быть боги левых сторон, когда не подлежит сомнению, что одни и те же страны бывают то правыми, то левыми? Или чем правые стороны провинились перед бессмертными богами, что они должны оставаться без всяких покровителей, хотя на них всегда указывали как на счастливые и имеющие благоприятные предзнаменования?

6. Латеран (Lateranus), как вы говорите, есть бог и гений очагов и назван этим именем потому, что этого рода очаги устраиваются людьми из необожженных кирпичей (laterculis). Что же? Если очаги будут сделаны из обожженной глины (testa) или из другого какого-либо материала, то неужели они не будут иметь гениев, и Латеран, кто бы он ни был, должен будет оставить обязанность охранения, потому что то, что принадлежит к области его владычества, устроено не из кирпичей? И что, спрашиваю я, должен делать этот бог как охранитель очагов? Он бегает по кухням людей, смотря и исследуя, из какого рода дров зажигается огонь в его очагах, сообщает глиняным сосудам свойство не лопаться от огня, заботится о том, чтобы кушанья имели приятный вкус и не были испорчены, исполняет обязанности дегустатора и пробует, надлежащим ли образом приправлены кушанья? Не позорно

ли, даже, говоря ближе к истине, не оскорбительно ли, не преступно ли для того только предлагать какие-то вымыслы о богах, чтобы не честь должную воздать им, а приписать им заведывание непристойными вещами и позорными занятиями?

7. Не покровительствует ли Венера воинская лагерным мерзостям и обесчещению мальчиков? Одна из сонма божеств, Перфика (Perfica), не доводит (perficit) ли до конца омерзительные и грязные удовольствия без нарушения наслаждения? Не помогает ли в спальнях Пертунда (Pertunda) мужьям лишать девства? Не считаете ли вы приносящим счастье и желательным, чтобы на огромный фасцин Тутуна садились ваши матроны[13]? Если это само по себе не склоняет вас узнать истину, то, по крайней мере, неужели из самых имен вы не можете понять, что это измышления пустейшего суеверия и фантастические образы ложных богов? Подрезке (putationibus) деревьев, говорите вы, помогает Пута (Puta), достижению просимого (rebus petendis) — Пета (Peta), есть бог рощ (nemorum) Неместрин (Nemestrinus), есть божества Пателлана (Patellana) и Пателла (Patella), из которых одна предназначена для того, что раскрылось (patefactis rebus), а другая — для того, что должно раскрыться (patefaciendis)[14]. Нодутом (Nodutis) называется бог, который содействует образованию узлов (nodos) в растениях, и Нодутеренсою (Noduternsis) покровительница обмолачивания (terendis) плодов; от блужданий в пути спасает богиня Упибилия (Upibilia); под охраной Орбоны (Orbonae) находятся родители, лишившиеся (orbati) детей; под [охраной] Нении (Neniae) — те, которые находятся при конце жизни. Далее называется даже Оссипага (Ossipago) как та, кто укрепляет кости (ossa) малых детей и сообщает им твердость; богиня Меллония (Mellonia) имеет власть и силу над пчелами, имея попечение о сладком меде (mellis) и охраняя его.

8. Скажите, прошу вас, — пусть будут благосклонны и милостивы к вам Пета, Пута, Пателла: если бы на земле совсем не было никаких пчел или если бы люди рождались без костей, подобно червям, то не было бы богини Меллонии или Оссипага, укрепительница костей, не имела бы своего имени? Я именно спрашиваю и прошу ответить:

[13]Подобного рода сведения сообщают Лактанций о Тутуне (Tutinus) и бл. Августин о Приапе, которого он отождествляет с Тутуном (ср. Lact. Instit. Div. I, 20; Aug. De civ. Dei VI, 9; IV, 11).

[14]Здесь имеется в виду раскрытие колосьев или выход их из первоначально покрывающей их оболочки (Aug. De civ. Dei IV, 8; ср. Preller. Op. cit. S. 223–224; Roscher. Lexik. d. Mythol. II Bd. S. 212–213).

считаете ли вы богов имеющими превосходство по природе, времени и давности существования или же людей, пчел, плоды, ветви и прочее? Никто из людей не будет сомневаться, что вы скажете, что боги неисчислимым рядом периодов и столетий древнее всего существующего. Но если это так, то каким образом может по естественному порядку вещей быть возможным, чтобы то, что предшествует по времени, получило имя от того, что в позднейшее время было произведено, или чтобы боги получили для охранения то, что еще не было создано и не было дано людям для употребления? Или, может быть, боги долгое время были без имен и удостоены вами названий этими отличительными наименованиями после того, как вещи начали происходить и появляться на земле? Но откуда вы могли знать то, какое имя следовало дать каждому из них, когда вы совсем не знали о существовании их, или то, что они обладают теми или другими силами, когда вам также было неизвестно, кто из них что может сделать и к чему он должен быть приставлен соответственно власти своего божества?

9. «Что же, — скажете вы, — вы думаете, что этих богов нигде нет и что они созданы ложными верованиями?» Не только мы, но сама истина говорит это, и разум, и тот здравый смысл, который присущ всем людям. Ибо кто может поверить, что есть боги Лукрии (Lucrios) и что они покровительствуют достижению выгод (lucrorum), когда известно, что это весьма часто происходит из позорных побуждений и всегда [соединяется] с потерями для других? Кто может [поверить], что Либентина (Libentina) и Бурн (Burnum) покровительствуют чувственным удовольствиям (libidinum), которых мудрость внушает избегать и к которым в их разнообразных видах стремится предающееся им крайнее бесстыдство? Кто [может поверить], что Лиментин и Лима (Limentinus, Lima) охраняют дверные пороги (liminum), исполняя обязанности привратников, когда мы постоянно видим, как двери (limina) храмов и частных домов взламываются и разрушаются, и что не без их содействия совершаются позорные хождения в публичные дома? Кто [поверит], что Лимы (Limas) покровительствуют имеющему косое направление (obliquitatum), что Сатурн (Saturnus) охраняет посев (sationis), Монтин (Montinus) — горы (montium), богиня Мурция (Murciam deam) — ленивых[15]? Кто, наконец, может поверить, что есть богиня Пекуния (Pecuniam)[16], которая как могущественнейшее боже-

[15]Ср. Aug. De civ. Dei IV, 16, где имя этой богини ставится в связь со словом murcidus (ленивый).

[16]Ср. ibid., 24: «Пекунией называлась богиня, дающая деньги (pecuniam)».

ство доставляет, по свидетельству ваших сочинений, золотые кольца[17], лучшие места на играх и в театрах[18], высшие почетные посты, важнейшие государственные должности и, что в особенности любят ленивые, спокойную праздность вследствие богатства?

10. Но если имеют в жилищах богов своих особых покровителей кости, мед, дверные пороги и прочее, чего мы или мимоходом коснулись, или, из опасения растянутости, совсем не касались, то можно на том же основании ввести тысячи других богов, которые должны оказывать свое попечение и охрану бесчисленным вещам. Ибо почему бог должен покровительствовать одному только меду, а не должен покровительствовать тыквам, репам, чаберу, кресс-салату, горошку, свекле, капусте? Почему одни только кости удостоились охраны, а не удостоились ногти, волосы и прочие [члены], находящиеся в сокрытых и в менее пристойных частях, хотя они подвергаются весьма многим случайностям и более требуют попечения и внимания богов? Если же вы скажете, что и эти части имеют божественных покровителей, то окажется столько же богов, сколько есть предметов, и нельзя будет объяснить причины, почему не все предметы находятся под божественным покровительством и попечением, если вы утверждаете, что есть известного рода предметы, которым покровительствуют и о которых имеют попечение боги.

11. Что говорите вы, отцы[19] новых религий и божеств? Не вопите ли и не жалуетесь ли вы, что нами оскорбляются и с безбожным презрением пренебрегаются эти боги — гений очагов Латеран, покровитель дверных порогов Лиментин, Пертунда, Перфика, Нодутеренса? И так как мы не повергаемся с мольбами перед Мутуном[20] и Тутуном, то не утверждаете ли вы, что род человеческий стал клониться к погибели и самый мир изменил свои законы и строй? Но рассмотрите и рассудите, не вы ли, выдумывая и предлагая такие нелепости, оскорб-

[17]То есть всаднические достоинство. Для причисления к сословию всадников требовался крупный имущественный ценз, и одним из отличительных признаков их служило золотое кольцо.

[18]Лучшие, передние места в римских театрах предоставлялись высшим и наиболее состоятельным классам граждан.

[19]То есть виновники, изобретатели новых божеств и культов, которые прежде не были известны.

[20]Мутун большей частью отождествляется с Тутуном (см. выше IV, 7, примеч.), и эти два названия (Mutunus Tatunus или Tutinus) считаются за двойное имя одного божества (см.: Preller. Op. cit. S. 218, 219; Wissowa. Op. cit. S. 195; Roscher. Op. cit. S. 204–207).

ляете наиболее несомненных богов, если только есть такие, которые достойны носить и иметь это высокое имя, и не вследствие ли иной причины разражаются и ежедневно возрастают и усиливаются те бедствия, о которых вы говорите? «Но почему, — скажет, может быть, кто-нибудь из вас, — ложно то, что эти боги существуют? Они и являются, когда их призывают гаруспики, и приходят, когда называются их имена, и дают верные ответы вопрошающим». Мы можем подтвердить ложность того, что говорят, как тем, что все это переполнено суевериями, так и тем, что многие предсказания ежедневно, как мы видим, или иначе исполняются, или, вопреки ожиданию, имеют противоположный исход.

12. Но пусть [предсказания] будут, как вы утверждаете, истинными, однако каким образом вы можете удостоверить, что, например, Меллония или Лиментин проникают во внутренности[21] и усваивают смысл того, о чем вы спрашиваете? Разве вы видели когда-либо лицо, образ и внешний вид их? Или разве можно видеть это в легких или в печени[22]? Не может ли случиться и произойти, хотя вы лукаво скрываете это, что один является вместо другого, обманывая, глумясь, вводя в заблуждение и принимая вид призываемого? Если маги, братья гаруспиков, говорят, что при их вызываниях очень часто вместо вызываемых прокрадываются демоны и что это некоторого рода духи из более плотной материи, которые выдают себя за богов и обманывают неведущих посредством лжи и притворства, то почему нам не думать, что подобным образом и здесь другие выдают себя за тех, которых нет, чтобы и ваши верования подтвердить, и себе доставить удовольствие через приношение жертв под чужими именами?

13. Если же вы отказываетесь принять это вследствие новизны предмета, то откуда вы можете знать, не заменяет ли всех тех, которых вы призываете, некий один и, являя себя во всех частях и долях печени, представляется вами в виде многих богов и сил? Может быть, спросят: кто же этот один? Мы, будучи наставлены достоверными свидетелями, можем сказать это, но, чтобы вы не отказали нам в доверии, пусть спросят египтян, персов, индийцев, халдеев, армян и всех других, видевших и узнавших это в мистериях, и тогда вы, без сомнения, узнаете, кто этот один Бог или те весьма многие, которые под образом Его выдают себя за богов и издеваются над неведением

[21] Внутренности жертвенных животных, по которым гаруспики совершали гадания.

[22] Гаруспики гадали, главным образом, по этим частям жертвенных животных.

рода человеческого. Мы уже давно стыдимся коснуться того пункта, относительно которого не могут удержаться от смеха не только дети и люди распущенные, но даже серьезные и постоянно имеющие суровый и мрачный вид. Ибо хотя всем нам внушено и сообщено нашими учителями, что в склонениях [имен] богов не бывает множественного числа, потому что боги — единичные существа и всякое собственное имя не может быть общим для весьма многих, однако вы, забыв об этом и заглушив воспоминание о наставлениях из времен детства, прилагаете ко многим богам одни и те же имена, и, будучи в других случаях в отношении к числу их более воздержанными, вы снова умножаете их через общие наименования. Этот пункт многие лица, отличающиеся основательностью суждений и проницательным умом, выяснили некогда на латинском и греческом языках. Поэтому мы могли бы лишь вкратце коснуться этого, если бы мы не заметили, что некоторые не знают этих сочинений, и если бы также предпринятое нами рассуждение не побуждало нас изложить относительно этого нечто, хотя бы у тех [писателей] заимствованное и сообщенное ими.

14. Итак, ваши теологи и исследователи темной древности говорят, что есть в мире три Юпитера[23], из которых один был рожден от Эфира, другой — от Неба (Caelo), третий — от Сатурна, родившийся и погребенный на острове Крите; есть пять богов Солнца (Soles) и пять Меркуриев[24], из которых первый бог Солнца (Sol), как говорят, называется сыном Юпитера и считается внуком Эфира, второй — также сыном Юпитера, рожденным Гиперионой, третий — сыном Вулкана, но не Лемносского, а того, который был сыном Нила, четвертый считается отцом Ялиса, которого в героические времена родила Акантфа (Acantho) на [острове] Родосе, пятый — [отцом] скифского царя[25] и изменчивой Кирки[26]. Далее, первый Меркурий — сын высочайшего Неба (Caeli), проявивший, как говорят, чувственные стремления по отношению к Прозерпине, второй, часто называемый Трофонием, находится под землей, третий рожден Майей (Maia) и третьим Юпитером, четвертый, перед именем которого египетский народ трепещет, боясь произнести его, есть сын Нила, пятый — убийца Аргуса, беглец

[23] Ср. Cic. De nat. deor. III, 21, 53.

[24] Ср. ibid., 21–22, 54–56.

[25] Персеса, бывшего царем в Таврийской стране (на западном и южном берегах нынешнего Крыма), относившейся к Скифии, или же Ээта (Aeetes), который был царем в Колхиде (на восточном берегу Черного моря) и который упоминается также Цицероном как сын пятого бога Солнца (De nat. deor. III, 21, 54).

[26] Кирка — нимфа-волшебница, обладавшая способностью к превращениям.

и изгнанник, изобретший письмо в Египте. Подобно богам Солнца и Меркуриям, есть также, как говорят, пять Минерв[27], из которых первая не дева, но мать Аполлона от Вулкана, вторая — дочь Нила, считающаяся египетской, третья — дочь Сатурна, изобретшая употребление оружия, четвертая — дочь Юпитера, которую мессенцы называют Корифасией, и пятая — убившая отца, Палланта, покушавшегося на кровосмешение.

15. Но, чтобы не показалось слишком длинным и утомительным рассмотрение каждого предмета в отдельности, [мы ограничимся кратким замечанием]: те же ваши теологи утверждают, что есть четыре Вулкана[28] и три Дианы[29], столько же Эскулапов[30], пять Дионисов[31], шесть Геркулесов[32], четыре Венеры[33], три рода Касторов[34] и столько же Муз[35], три окрыленных Купидона[36] и четыре Аполлоновых имени[37], называют также их отцов, матерей, места рождения их и указывают происхождение каждого из них вместе с родством. Но если это верно, несомненно и подтверждается достоверными фактами, то или все они не боги, потому что многие, как мы знаем, не могут иметь одно и то же имя, или если есть кто-либо из них [бог], то он останется неузнанным и неизвестным, потому что это затемняется смешением одинаковых имен. Таким образом, вы сами, хотя и вопреки вашему желанию, служите виновниками того, что религия запутывается и колеблется и не имеет определенной цели, к которой она могла бы направляться, если бы избежала многих заблуждений, происходящих вследствие неопределенности.

16. Представьте себе, что мы вследствие авторитета или вашего жестокого насилия решились почтить, например, Минерву обычными у вас жертвоприношениями и общепринятыми религиозными церемониями, и если в то время, как мы готовимся приступить к священнодействию и возложить на пылающие жертвенники установленные

[27] Ср. Cic. De nat. deor. III, 59; Clem. Alex. Protr. 28.
[28] Ср. Cic. De nat. deor. III, 55.
[29] Ср. ibid., 58.
[30] Ср. ibid., 57.
[31] Ср. ibid., 58.
[32] Ср. ibid., 42.
[33] Ср. ibid., 59.
[34] Ср. ibid., 53.
[35] Ср. ibid., 54.
[36] Ср. ibid., 60.
[37] Ср. ibid., 57.

приношения, явятся все Минервы и, споря об обладании этим именем, каждая из них потребует ей принести приготовленные жертвы, то что при этом затруднении сделаем мы, слабые существа, или, лучше, за какой из сторон признаем право на дар благочестия? Ибо первая из названных нами может сказать: «Мне принадлежит имя Минервы и ее божественность, я родила Аполлона и Диану и плодами своего чрева обогатила небо божествами и умножила число богов». «Нет, — скажет пятая, — ты не Минерва, ты замужняя и через многократные роды нарушала святость чистого целомудрия. Разве ты не видишь, что во всех капитолиях находятся изображения девственных Минерв и что всеми художниками придается им характер безбрачных? Поэтому перестань присваивать себе не принадлежащее тебе право на это имя. Ибо, что я Минерва, дочь Палланта, об этом свидетельствует весь хор поэтов, который называет меня Палладою, производя это имя от отца». «Что ты говоришь? — скажет, услышав это, вторая [Минерва]. — Разве можешь носить имя Минервы ты, дерзкая отцеубийца, запятнавшая себя гнусной кровосмесительной любовью, посредством румян и употребляемых блудницами искусств вполне возбудившая ужасную страсть к себе даже в отце? Итак, продолжай, ищи для себя другого названия; ибо это [наименование] принадлежит мне, которую Нил, величайшая из рек, произвел из чистой воды и через сгущение ее дал девственный вид. Если же потребуешь подтверждение факта, то я укажу как на свидетелей на египтян, на языке которых я называюсь Нейт, по свидетельству Платонова "Тимея"[38]» . Что далее, по нашему предположению, произойдет? Перестанет ли и та называть себя Минервой, которая носит имя Корифасии или от названия матери, Корифы, или от того, что она выскочила из головы[39] Юпитера со щитом и страшным оружием, или та, третья, терпеливо оставит имя? Не будет ли она доказывать свои права и опровергать притязание первых словами в таком роде: «Ты ли осмеливаешься присвоить себе истинное величие моего имени — ты, вышедшая из грязи и болот и образованная из ила? И неужели можешь усвоить себе чужое достоинство богини, ты, лживо утверждающая, что ты произошла из главы Юпитера и убеждающая глупейших людей в том, что ты — разум? Разве Юпитер зачинает и рождает детей из головы? И разве для ковки и изготовления оружия, которое ты носишь, в пустом пространстве головы его были мастерская, наковальни, молотки, печи, мехи, угли и щипцы? И если спра-

[38] Ср. Plat. Tim. 21.
[39] По гречески Κορυφή.

ведливо то, что ты утверждаешь, что ты — разум, то перестань присваивать себе мое имя, потому что то, что ты называешь разумом, не есть определенный вид божества, но знание сокрытых причин». Таким образом, если, как было сказано нами, в то время, когда мы приступим к принесению жертвы Минерве, явятся пять [Минерв] и, споря об обладании этим именем, каждая потребует, чтобы ей была принесена жертва из благовонного курения или совершено возлияние жертвенного вина из золотых чаш, то посредством какого исследователя или судьи мы можем прекратить этот спор и какой следователь или третейский судья будет настолько смел, чтобы решился среди лиц такого рода произнести справедливый приговор или признать притязание справедливым? Не предпочтет ли он отправиться домой и, воздерживаясь от таких дел, не сочтет ли более безопасным совсем не участвовать в них, чтобы, предоставляя одной то, что принадлежит всем, не навлечь на себя ненависти других или чтобы не подвергнуться упреку в глупости, если он всем присвоит то, что должно принадлежать одной?

17. То же самое мы могли бы сказать о Меркуриях, о богах Солнца и о всех других [богах], число которых вы расширяете и умножаете. Но достаточно из одного [примера] узнать, что в таком же положении находятся и прочие [боги], и, чтобы не вызвало скуки выслушивание подробностей, мы оставим изложение частностей, чтобы, уличая вас в излишествах, мы сами не подверглись обвинению в чрезмерном многословии. Но что говорите вы, посредством терзания членов склоняющие нас к служению богам и принуждающие нас к принятию культа ваших божеств? Мы могли бы не быть несговорчивыми, если бы только было показано нам что-либо достойное веры в столь великое имя. Покажите нам Меркурия, но одного; дайте нам одного Либера, одну Венеру и одну также Диану. Ибо никогда вы не убедите нас в том, что есть четыре Аполлона или три Юпитера, хотя бы вы указали на самого Юпитера как на свидетеля или выставили Пифийца поручителем.

18. Но с противной стороны говорят: «Откуда мы можем знать, писали ли теологи то, что было исследовано и узнано, или же они излагали по своему усмотрению и решению произвольные вымыслы?». Это не имеет никакого отношения к делу, и наша речь не имеет в виду рассматривать, так ли обстоит дело, как сообщают сочинения теологов, или иначе и со многими отличиями от этого. Для нас достаточно говорить о том, что общеизвестно, и не исследовать, что соответствует действительности, но опровергать и доказывать ложность того, что служит общим достоянием и что принято человеческим верованием.

«Но если они лжецы, то вы изложите истину и откройте неопровержимую тайну». Но как это может произойти, если отвергаются сообщения литературных произведений? Ибо что можно сказать о бессмертных богах, что не сделалось бы известным людям через сочинения людей? И что вы сами можете сообщить о религиозных обрядах и церемониях, что не было бы изложено в произведениях письменности и не было бы обнародовано в сочинениях писателей? И если вы считаете их не имеющими никакого значения, то пусть будут уничтожены все имеющиеся у вас книги о богах, написанные теологами, понтификами[40] и некоторыми философами, или, лучше, предположим, что от начала мира никто из людей никогда ничего не писал о богах: хотели бы мы испытать и желали бы знать, могли ли бы вы сделать даже самое слабое напоминание о богах или представить их в уме, если бы ни из одного письменного труда вы не получили понятия о них? Но так как несомненно, что при помощи книг вы узнали об их именах и силах, то несправедливо было бы лишать доверия письменные произведения, свидетельством и авторитетом которых вы подтверждаете то, что говорите.

19. Может быть, это ложно, а то, что вами говорится, соответствует истине? Но на каком основании и по какому свидетельству? Так как говорившие как это, так и то, были, конечно, людьми и так как спор велся той и другой стороной о предметах неизвестных, то признавать истинным то, что тебе нравится, и обвинять в произвольности и лжи то, что не согласно с твоим мнением, служит доказательством высокомерия. Во имя общечеловеческих прав и общей всем смертным природы [я спрашиваю]: когда вы слышите и читаете, что «такой-то бог родился от такого-то отца и такой-то матери», то неужели у вас не возникает мысль, что говорится что-то человеческое и проистекающее из низкого состояния, свойственного земным существам? Или когда вы думаете, что это действительно так, то неужели у вас не является никакого опасения, что вы можете причинить какое-либо оскорбление самим богам, кто бы они ни были, признавая их явившимися вследствие постыдного полового акта на бывший для них неизвестным свет? Но, чтобы кто-либо не подумал, что мы не знаем и не ведаем, что приличествует достоинству этого имени, [мы считаем нужным сказать, что], по нашему мнению, или должно быть чуждо богам происхождение через рождение, или, если они имеют какое-либо происхождение,

[40]Понтификами составлялось много книг, относящихся к религии и культу.

то произошли они, как мы полагаем и признаем, от Владыки и Первовиновника мира известными Ему Самому способами, будучи незапятнанными, чистыми, невинными, не знающими скверны совокупления, и по окончании первоначального творения, не простиравшегося на них самих.

20. Но вы, напротив того, забывая о таком величии и высоте, приписываете им такое рождение и происхождение, которое люди менее огрубевшие считают отвратительным и ужасным. Вы говорите, что Юпитер (Diespiter) со своими братьями родился от Опы как матери и от Сатурна как отца. Но разве боги имеют жен и вступают в брачные союзы по заранее заключенным условиям? Разве они договариваются о заключении брака на основании давности, через религиозные обряды или через куплю[41]? Разве у них есть невесты, имеющиеся в виду, помолвленные и договоренные на определенных условиях? Но к чему мы говорим о самых договорах, когда вы говорите, что некоторые [из богов] праздновали свадьбы и устраивали веселые многолюдные собрания, на которых забавлялись богини, и что не участвовавшие в фесценнинах[42] все привели в расстройство вследствие раздора и подвергли род человеческий опасности уничтожения в последующее время[43]?

21. Может быть, в других [богах] менее обнаруживается отвратительность этого безобразия. Но неужели владыка неба, отец богов и людей, мановением, т. е. киванием головы, приводящий в движение и сотрясение все небо, родился от мужчины и женщины? И если бы два пола не предавались в телесном соединении грязным наслаждениям, то неужели не было бы верховного Юпитера, боги до сего времени не имели бы царя и небо оставалось бы без владыки? И что мы удивляем-

[41]Здесь указывается на три формы брака у римлян: 1) в силу давности (usu), если женщина в течение целого года жила безукоризненно с мужчиной; 2) через особый торжественный религиозный обряд (confarreatione), в котором наиболее характерным элементом был хлеб из полбы (farreum), который отчасти съедался новобрачными, отчасти приносился в жертву; 3) через символический обряд купли невесты (coemptione), которая, с ее согласия, покупалась будущим супругом у ее родителей за фиктивную плату.

[42]То есть в свадебных увеселениях. Фесценнинами назывались собственно свадебные песни, большей частью неприличного характера.

[43]Здесь указывается на известное сказание об Эриде (Eris), богине раздора, которая в отмщение за то, что не была приглашена на свадьбу Пелея и Фетиды, на которой присутствовали все боги и богини, бросила перед Юноной, Минервой и Венерой золотое яблоко и этим вызвала ссору между ними, имевшую пагубные последствия для троянцев.

ся вашим рассказам о происхождении Юпитера из чрева женщины, когда ваши авторы пишут, что он имел кормилицу и поддерживал недавно полученную жизнь через питание чужой[44] грудью? Что говорите вы, господа? Неужели, таким образом — снова скажу, — громовержец, мечущий молнии, поражающий ими и собирающий страшные тучи, сосал молоко из грудей, издавал [детский] крик, ползал, умолкал под шум погремушек, прекращая беспричинный плач, и засыпал, лежа в мягкой постели и утихая под убаюкивающие звуки? О, благочестивое уверение о богах! Какое свидетельство и внушение представляет оно о досточтимом достоинстве возбуждающего страх величия? Неужели, таким образом, по вашему мнению, происходят — спрашиваю я вас — совершеннейшие небесные силы и через такое же рождение появляются на свете ваши боги, через какое зачинаются и рождаются ослы, свиньи, собаки и все множество нечистых земных животных?

22. Не довольствуясь присвоением величию Сатурна подобного рода телесных соединений, вы даже утверждаете, что сам царь мира более позорным образом производил детей, нежели сам был рожден и произведен от Гиперрионы как матери, говорите вы, и от громовержца Юпитера родилось золотое блестящее Солнце (Sol); от Латоны и от него же — стрелец Делоский и охотящаяся в лесах Диана; от Леды и от него же — [те, которые] по-гречески называются Диоскурами; от Алкмены и от него же — тот Геркулес Фиванский, которого защищали дубина и [звериная] шкура; от Семелы и от него же — Либер, называющийся Бромием (Bromius)[45], родившимся также от того же отца; от него также и от Майи — красноречивый Меркурий, носитель смирных змей[46]. Может ли какое-либо более тяжкое оскорбление быть нанесено вашему Юпитеру, и что другое может более колебать и уничтожать достоинство главного из богов, нежели ваше мнение, что он некогда предавался чувственным наслаждениям и воспламенялся пылом страсти к женщинам? И какое было дело Сатурнову царю до чужих жен? Не достаточно ли было для него Юноны, и не мог ли он удовлетворять пыл страсти через царицу богов, которой придавали привлекательность ее выдающееся благородство, фигура, лицо, достоинство и белоснежные, мраморные руки? Неужели, не довольствуясь одной же-

[44]То есть не материнской. Юпитер был вскормлен молоком козы Амалфеи.

[45]То есть шумящим (от Βρόμος — шум). Так называется Либер (Вакх, или Дионис) от шумного веселья его празднеств.

[46]Здесь указывается на жезл Меркурия (Гермеса) как глашатая или герольда, обвитый двумя змеями.

ной, похотливый бог, подобно распутным молодым людям, повсюду проявлял свою невоздержнность, наслаждаясь с наложницами, блудницами и любовницами, и, будучи седым, возобновлял ослабевающий пыл страстей через бесчисленные любовные связи? Что говорите вы, нечестивцы, и какие гнусные мнения измышляете вы о своем Юпитере! Неужели же вы не замечаете и не видите, каким позором клеймите и виновником какого преступления выставляете вы его, или какие мерзости приписываете ему и как бесчестите его?

23. Люди, которые склонны к распутству и, вследствие слабости природы, расположены к привлекающим чувственным наслаждениям, карают, однако, прелюбодеяния законами и подвергают смертной казни тех, которые застигнуты при осквернении чужого брачного ложа[47]. Неужели высший из царей не знал, какому позору и бесчестию подвергается личность соблазнителя и прелюбодея, и неужели тот, кто, как рассказывают, надзирает над делающими доброе и худое, не замечал, какие желания приличествуют ему, утратив способность суждения? Эти постыдные поступки, может быть, могли бы быть терпимы, если бы вы представляли его вступающим в связи, по крайней мере, с равными ему и если бы он изображался вами прелюбодействующим с бессмертными богинями. Но, спрашиваю, что прекрасного и привлекательного есть в человеческих телах, что могло бы прельщать и склонять к себе взоры Юпитера? Не кожа ли, мускулы, слизь и все то грязное содержимое кишечного канала, которое не только Линкея с его проницательным взором[48] могло бы привести в ужас, но и всякого другого могло бы заставить удалиться даже при одной мысли о нем? Прекрасная награда за прелюбодеяние, достойное и драгоценное удовольствие, ради которого верховный Юпитер превращался [в лебедя], в быка и в производителя белоснежных яиц[49]!

24. Если бы вы захотели раскрыть свои глаза и вникнуть беспри-

[47]В Риме муж и отец женщины, виновной в нарушении супружеской верности и пойманной на месте преступления, имели право убить ее; такому же наказанию мог подвергнуться виновный мужчина. Август в значительной степени ограничил это право мести. Константин установил смертную казнь как наказание за прелюбодеяние, допустив лишь в некоторых случаях изгнание.

[48]Линкей, сын Афарея, один из аргонавтов, славившийся необычайной остротой зрения, вошедшей в пословицу.

[49]Здесь указывается на связь Юпитера (Зевса) в виде быка с Европой, дочерью финикийского царя Агенора, и в виде лебедя — с Ледой, снесшей яйцо, из которого родились близнецы Кастор и Полидевк (Диоскуры); из того же или из другого яйца, происшедшего от такого же рода связи, родилась, по некоторым сказаниям, также Елена.

страстно в подлинную истину, то нашли бы, что причины всех бедствий, которыми, по вашим словам, уже давно удручается род человеческий, проистекают из подобного рода представлений, которые вы издавна имеете о своих богах и которые отказываетесь исправить, хотя истина для всех очевидна. Ибо что неприличного мы когда-либо думали о них или распространяли в непристойных сочинениях, чтобы страдания рода человеческого и оскудение жизненных удобств могли быть поставлены нам в укор? Разве мы утверждаем, что некоторые боги родились из яиц подобно аистам и голубям, что из соединения морской пены и ампутированных частей Урана произошла белоснежная Венера Киферская[50], что Сатурн вследствие отцеубийства был заключен в узы и в определенные[51] дни освобождается и получает облегчение от тяжелых уз, что Юпитер, благодаря услуге Куретов, спасся от погибели, что он лишил отца царской власти и посредством насилия и обмана присвоил себе не принадлежавшее ему право владычества, что изгнанный старик скрылся в пределах Италии и, будучи в безопасности от сына, дал в дар имя Лациуму (Latio)[52]? Разве мы говорим, что ваш Юпитер вступил в кровосмесительный брак с сестрой, что, быв приглашен на трапезу, он вместо свиного мяса ел, по неведению, сына Ликаонова[53], что хромой на одну ногу Вулкан занимался на острове Лемносе ремеслом[54], что Эскулап за алчность и корыстолюбие был, как говорит беотиец Пиндар[55], поражен ударом молнии[56], что Аполлон, став богатым, обманывал двусмысленными ответами тех самых царей, сокровищами и дарами которых обогатился[57]? Разве мы разгласили, что Меркурий — вор, что есть Лаверна и что она вместе

[50]Это название Венеры объясняется тем, что она вышла из морских волн на острове Киферу (при входе в Лаконский залив), который сделался одним из главных мест культа ее.

[51]Здесь разумеются Сатурналии, дни празднеств в честь Сатурна.

[52]Также Вергилий (Aen. VIII, 322–323) и Минуций Феликс (Octav. 21) производят имя Latium от latere (скрываться) и ставят в связь с этим сказанием о Сатурне.

[53]В таком же виде, но более подробно, передает Климент Александрийский (Protr. 36) сказание о царе аркадском Ликаоне, предложившем мясо убитого им собственного сына в пищу Зевсу (Юпитеру).

[54]Ср. Clem. Alex. Protr. 29.

[55]Pindar. Pyth. III, 3.

[56]Ср. Clem. Alex. Protr. 30.

[57]Здесь указывается на двусмысленные ответы Дельфийского оракула Крезу о будущих результатах войны его с персами: «Крез, перешедши Галис, ниспровергнет огромную силу войск» (Hdt. I, 65) и Пирру об исходе войны его с римлянами: «Dico te, Pyrrhe, vincere posse romanos» (Aug. De civ. Dei III, 17).

с ним покровительствует обманам и воровству? Разве нам принадлежит писатель Миртил, признающий муз за невольниц Мегакло, дочери Макара[58]? Разве мы говорили, что Кипрский царь Кинир (Cinyras) причислил развратницу Венеру к богам[59]?

25. Кто сообщил, что палладий сделан из останков Пелопа[60]? Не вы ли? Кто [говорит], что Марс был спартанцем? Не ваш ли писатель Эпихарм[61]? Кто [говорит] о рождении его в пределах Фракии? Не Софокл ли аттический[62] при одобрении всех театров? Кто [говорит], что он в Аркадии был заключенным в узы в течение тринадцати месяцев? Не сын ли реки Мелы[63]? Кто [говорит], что кариянами приносятся ему в жертву собаки и скифами — ослы? Не прежде ли всего Аполлодор и другие[64]? Кто говорит, что он, опозорив чужое брачное ложе, попал в расставленные сети[65]? Не ваши ли книги? Не театральные ли сцены? Писали ли когда-либо мы, что боги за плату были в услужении, как Геркулес в Сардах вследствие необузданной любви[66], как Аполлон Делоский — у Адмета[67], как брат Юпитера — у троянца Лаомедонта[68], у него же, но вместе с дядей, Пифиец[69], и что Минерва прислуживала и доставляла лампой освещение при тайнах брачного союза[70]? Не ваш ли тот поэт[71], который представил Марса и Венеру раненными руками смертных? Не один ли из вас Паниассис[72], кото-

[58]Подробнее говорит об этом Климент Александрийский (Protr. 31).

[59]Ср. Clem. Alex. Protr. 13; Firm. Matern. De err. 10.

[60]По Клименту (Protr. 47), палладий (изображение Афины Паллады, или Минервы) был сделан из костей Пелопа.

[61]Ср. Clem. Alex. Protr. 29.

[62]Ср. ibid.

[63]Ср. ibid., где указывается, что некоторые считают Марса (Ареса) аркадянином, но не говорится, что он был заключен в узы именно в Аркадии. Под сыном реки Мелы разумеется Гомер, как родившийся, по некоторым сказаниям, на берегу реки Мелы (Melas), или Мелеты (Meles), близ Смирны, в Ионии.

[64]Ср. ibid.

[65]По «Одиссее» (VIII, 266 слл.), он и находившаяся с ним в связи Венера (Афродита) попали в сети, которыми супруг ее Вулкан (Гефест) окружил ложе.

[66]Имеется в виду пребывание Геракла у Омфалы.

[67]За убийство циклопов Зевс приказал Аполлону прослужить год пастухом у Адмета, царя Фер.

[68]Нептун (Посейдон).

[69]Аполлон с Нептуном построили стену вокруг Трои.

[70]О богах, бывших в услужении, и о Минерве (Афине) см.: Clem. Alex. Protr. 35.

[71]Гомер (Il. V, 343 и 857).

[72]Эпический поэт из Галикарнасса, живший около середины V в. до Р. Х. дядя Геродота.

рый говорит, что отец Дит (Ditem)[73] и царица Юнона были ранены Геркулесом? Не сообщается ли в сочинениях вашего Полемона[74], что мужественная Дева была ранена, окровавлена и терзаема Орнитом[75]? Не говорит ли Сосибий[76], что сам Геркулес получил ранение и боль от детей Гиппокоонта[77]? Разве нами передается, что Юпитер был похоронен на острове Крит[78]? Разве мы говорим, что в спартанских и лакедемонских пределах были похоронены соединенные с колыбели братья[79]? Разве нам принадлежит писатель, называющийся в заглавиях сочинений Патроклом Фурийским (Patrocles Thurius)[80], который говорит, что в земле Сицилийской находятся могила и останки Сатурна? Разве можно доказать, что нашим был Иероним (Hieronymus)[81], как и Плутарх, который говорит, что Геркулес, после эпилептических припадков, превратил себя в пепел на горе Эте?

26. Но что сказать о той любви, которой, по произведениям ваших писателей, святые небожители воспламенялись к женщинам? Разве нами царь моря уличается в том, что он в пылу необузданной страсти лишил Амфитрит, Гиппофой, Амимон, Меланнип и Алкион (Alcyonas)[82] девственной чистоты, или непорочный, целомудренный, чистый сын Латоны, Аполлон, — в том, что он с безрассудной страстностью покусился на Арсиной, Эфус, Гипсипил, Марпесс, Зевксипп, Профой, Дафн и Стероп[83]? Разве в наших поэтических произведениях сообщается, что старый Сатурн, давно покрывшийся сединами и вследствие многолетия уже ослабевший, будучи застигнут женой в прелюбодеянии, принял образ лошади и под видом животного быстро убежал со ржанием[84]? Самого Юпитера, царя мира, не опозориваете ли вы, [утверждая], что он принимал бесчисленные виды и прикрывал пла-

[73] Аид (ср. Clem Alex. Protr. 36).

[74] Полемон — греческий писатель и историк первой половины II в. до Р. Х.

[75] Афина была ранена Орнитом, когда она, приняв человеческий облик, пыталась отговорить его от возвращения в Грецию после ссоры с Агамемноном (Paus. VIII, 28; ср. Clem Alex. Protr. 36).

[76] Историк, современник Каллимаха, писал о религиозных древностях.

[77] Сыновья Гиппокоонта. Гиппокоонт со своими сыновьями были убиты за убийство родственника Геракла (ср. Clem Alex. Protr. 36).

[78] Ср. Clem Alex. Protr. 37.

[79] Ср. ibid. 30.

[80] Ср. ibid.

[81] Греческий философ-перипатетик, живший около 300 г. до Р. Х.

[82] Ср. ibid. 32.

[83] Ср. ibid.

[84] Ср. Verg. Georg. III, 92–94.

мя необузданной любви унизительным (servilibus) обманом? Разве мы писали когда-либо, что он, для осуществления своих сладострастных стремлений, превращался то в золото, то в веселящегося Сатира, в дракона, в птицу, в быка и — что превосходит все виды поруганий, — в маленького муравья, чтобы именно дочь Клетора в Фессалии сделать матерью Мирмидона[85]? Кто представляет его девять подряд ночей проведшим у Алкмены[86]? Не вы ли? Кто [говорит], что он, отдаваясь любви, оставлял небесное жилище? Не вы ли? И с этим вы соединяете, конечно, немалые благодеяния, потому что для вас родился бог Геркулес, который в делах подобного рода оставил позади и превзошел доблести своего отца. Тот в девять ночей едва мог одно дитя произвести, а святой бог Геркулес в одну ночь научил пятьдесят дочерей Фестия и девственность оставить, и сделаться беременными[87]. Мало того, — не довольствуясь приписыванием богам любви к женскому полу, вы присоединяете еще любовь богов к мужскому полу[88]. Один любит Гиласа[89], другой увлекается Гиакинтом[90], тот пылает страстью к Пелопу[91], этот страдает от страсти к Хрисиппу[92], Катамит похищается, чтобы доставлять удовольствия [богам] и быть виночерпием[93], и у Фабия на мягких задних частях выжигается [молнией] знак, чтобы его называли любимцем Юпитера.

27. Но, по вашему мнению, только [боги] мужского пола отдаются любви, а женский пол соблюдал невинность? Однако не удостоверяется ли вашими сочинениями, что Аврора любила Тифона, Луна воспламенялась страстью к Эндимиону, Нереида — к Эаку, Фетида — к отцу Ахилла, Прозерпина — к Адонису, мать ее Церера — к некому сельскому жителю Ясиону, и сама Венера, мать потомков Энея и основательница римского владычества, [увлеклась], после Вулкана, Фаэтонта и Марса, браком с Анхизом[94]? Приписывая, таким образом, столь по-

[85] Ср. Clem. Alex. Protr. 39.

[86] Ср. ibid. 33.

[87] Ср. ibid.

[88] Ср. ibid.; Firm. Matern. De err. 12, 2.

[89] Любимец Геракла, принимал вместе с ним участие в походе аргонавтов, похищен нимфами.

[90] Любимец Аполлона, случайно убитый им во время метания диска.

[91] Любимец Нептуна.

[92] Сын Пелопа, соблазненный Лаем; по другой версии похищен Зевсом или Тезеем.

[93] Имеется в виду Ганимед, любимец Зевса.

[94] Ср. Clem. Alex. Protr. 33. — Вместо Фаэтонта, на которого указывает Арнобий согласно с Климентом Александрийским, другие древние писатели называют Фаона (Ael. Var. Hist. XII, 18).

зорные и гнусные поступки не одному только определенному [богу], но одинаково всем, признаваемым вами богам без всякого исключения, как вы осмеливаетесь, без нарушения скромности, утверждать, что мы безбожны, а вы благочестивы, между тем как они получают от вас гораздо более оскорблений из-за всех тех мерзостей, которые приводятся вами в поругание их, нежели возвеличивания и почестей через религиозные обряды и церемонии? Ибо или ложно все то, что говорится о каждом из них в оскорбление их достоинства и величия, и все это вполне заслуживает того, чтобы из-за этого боги совершенно уничтожили весь род человеческий, или, если это вполне достоверно и не подлежит никакому сомнению, дело сводится в сущности к тому, что мы, вопреки вашему желанию, должны признать их имеющими не высшее, а человеческое происхождение.

28. Ибо, где свадьбы, браки, рождение детей, [помощь] кормилиц, занятия ремеслами, болезни, где состояние свободы и условия рабства, где раны, убийство, кровопролитие, где любовные связи, вожделения, чувственные наслаждения, где душевные движения, происходящие вследствие бурных волнений, там не может быть ничего божественного, и что свойственно слабым и бренным земным существам, это не может быть присущим высшему Существу. И кто, понимая и признавая то, в чем состоит сущность этой Силы, может поверить тому, что бог имел половые члены и лишился их через омерзительную ампутацию, что он скрывал рождавшихся от него некогда детей и был наказан заключением в оковы, что он вел против отца как бы междуусобную войну и лишил его царской власти, что в страхе перед слабейшим, будучи побежденным, обращался в бегство и, подобно беглецу и изгнаннику, скрывался в отдаленном уединении? Кто, говорю, может поверить, что бог участвовал в человеческих трапезах, был умерщвлен за корыстолюбие, обманывал молящихся двусмысленными ответами, отличался искусством обманов и воровства, совершал прелюбодеяния, был в услужении, подвергался ранам, влюблялся и предавался всем видам распутства и гнусных страстей? Однако вы утверждаете, что все это совершалось и совершается вашими богами, и не опускаете никакого вида порочности, преступления и падения, которых вы своей необузданной фантазией не приписывали бы богам в поругание их. Поэтому или вы должны искать других богов, к которым все это не относилось бы, — потому что те, к которым это относится, имеют человеческое и земное происхождение, — или, если существуют только те [боги], имена и нравственные качества которых вами оглашаются, вы уничтожаете их своими мнениями о них. Ибо все то, что вы говорите

о них, свойственно смертным существам, [а не бессмертным богам].

29. Относительно всех тех, на которых вы указываете нам и которых называете богами, мы могли бы здесь, конечно, доказать, что они были люди, развернувши Эвгемера Агригантского[95], книги которого Энний[96] перевел на латинский язык, чтобы сделать их общепонятными, или Никагора (Nicagora) Кипрского[97], или Леонта Пеллейского[98], или Феодора Киренейского[99], или Гиппона и Диагора с [острова] Мелоса[100], или тысячи других авторов, которые старательно, со скрупулезной тщательностью и благородной независимостью выяснили темные предметы. Мы могли бы, говорю, сообщить, если будет угодно, о делах Юпитера и войнах Минервы и девственной Дианы, о том, посредством какого обмана Либер достиг господства в Индии[101], к какому званию принадлежала, что делала и чем занималась Венера, с кем вступила в брак Великая Мать, какие надежды и какую страсть питала она в отношении к прекрасному Аттису, откуда происходят Серапис египетский и Изида и почему даны им соответствующие имена.

30. Но в задачи настоящей нашей беседы, в наши намерения не входит указывать и сообщать, кто были все они. Так как вы нас называете безбожниками и нечестивцами, а себя, наоборот, выдаете за благочестивых почитателей богов, то мы намерены показать и выяснить, что никем из людей они не опозориваются более, чем вами. Если же это очевидно из самого этого позора, то отсюда необходимо следует заключить, что вы возбуждаете в богах страшное негодование, слушая

[95]Эвгемер — греческий философ из Агригента в Сицилии, живший за 300 лет до Р. Х. Полагал, что боги — это люди, обожествленные в древности за свои заслуги. Относительно Эвгемера и следующих затем писателей см.: Clem. Alex. Protr. 24; Strom. I, 21.

[96]Энний — один из первых римских поэтов (III—II вв. до Р. Х.). Перервел на латынь «Священную историю» Эвгемера.

[97]По чтению Орелли — Nicanora (по Клименту Александрийскому). О Никагоре Кипрском упоминается также Фульгенцием (Myth. II, 9) и некоторыми другими писателями. Никанор Кипрский — один из старейших учеников Эпикура (Diog. Laert. X, 20).

[98]Леонт, или Леон Пеллейский, или Египетский, современник Александра Македонского, был жрецом в Египте и написал сочинение о египетских богах (ср. Clem. Alex. Strom. I, 106; Aug. De civ. Dei VIII, 5, 27).

[99]Феодор из Кирены по прозвищу Безбожник (330–270 гг. до Р. Х.), ученик Аристиппа, философ-киренаик.

[100]Диагор с Мелоса (V в. до Р. Х.) также имел прозвище Безбожника. Лирический поэт, ученик и последователь Демокрита.

[101]Имеются в виду легендарные сказания о завоевательных походах Диониса-Вакха (Либера) в Индию и о распространении в ней его культа.

столь гнусные и позорные вымыслы о них, веря им или сочиняя их. Ибо не того лишь одного следует признавать чтущим богов и исполняющим обязанности религии, кто [все в культе] заботливо обдумывает и в жертву приносит безукоризненных животных, кто предает огню для сожжения кучи ладана. Истинный культ заключается в сердце и состоит в достойном представлении о богах, и совершенно бесполезно приношение кровавых жертв, если ты веришь относительно богов тому, что не только вполне чуждо их природе, но и соединяется с каким-либо позором и бесчестием для их величия и славы.

31. Мы хотим спросить вас и попросить об ответе в краткой беседе: считаете ли вы более важным никаких жертв не приносить им вследствие убеждения, что столь высокие существа не желают и не требуют их, или же иметь и выражать относительно них столь низкое и позорное мнение, что это в душе каждого вызывало бы негодование и месть. Если надлежащим образом взвесить значение этих обстоятельств, то нельзя будет найти ни одного столь несправедливого судью, который не признал бы более преступным позорить честь кого-либо явной клеветой, нежели обходить его молчанием. Ибо последнее может считаться и быть признано имеющим разумные основания, а первое — служить доказательством преступного образа мыслей и неисправимого ослепления в области измышлений. Если при ваших священнодействиях и религиозных церемониях требуется умилостивление [богов] и считается обязательным принесение умилостивительной жертвы, коль скоро кто-либо неумышленно погрешит в словах или [в форме] жертвенного возлияния, и если, далее, на торжественных играх и священных скачках вы все немедленно поднимаете крик, что совершен проступок против религии, коль скоро танцор остановится, или флейтист внезапно умолкнет, или так называемый puer patrimus et matrimus[102] по неопытности выпустит из рук ремень или упадет[103], то каким образом

[102] Мальчик, имеющий в живых отца и мать.

[103] Римляне всякое случайное отступление от установленных формул и форм культа, как, например, пропуск или изменение каких-либо слов в молитве, неправильное движение рукой при жертвенном возлиянии и т. п., считали религиозным преступлением, вызывающим гнев богов и требующим умилостивления их в виде особой жертвы или повторения всего религиозного акта. Это относилось также к общественным играм и, в частности, к скачкам, имевшим у римлян религиозное значение и относившимся к культу. Здесь также считалось религиозным преступлением, если произойдет хотя бы кратковременный перерыв в танцах и в сопровождающей их музыке, если мальчик, ведущий лошадей, впряженных в колесницу со статуями богов, выронит из рук ремень (повод) или поскользнется и упадет, и т. п. (см. ниже VII, 44; Cic. De harusp. respons. 23; Preller. Röm. Mythol. I Bd. 3 Aufl. S. 132–133).

вы осмеливаетесь отрицать, что столь тяжкими преступлениями вами постоянно оскорбляются боги, между тем как вы сами признаете, что часто, по незначительным поводам, они приходят в гнев, угрожающий разрушением государства?

32. Говорят, что все это — вымыслы поэтов и шутки, сочиненные для забавы. Но невероятно, чтобы разумные люди и исследователи самой отдаленной древности не внесли в свои поэтические произведения те вымыслы, которые продолжали существовать в представлениях людей и сообщались слушателям, или чтобы они захотели только себе присвоить право неограниченной свободы безрассудно сочинять то, что было недалеко от безумия и что могло возбуждать в них страх перед богами и опасение ответственности перед людьми. Но допустим, что сочинителями и виновниками этих мерзостей были, как вы утверждаете, поэты; однако и в таком случае вы не свободны от оскорбления богов, так как вы не караете за такие преступления или не противодействуете изданием законов и строгими наказаниями такому безрассудству и вами не установлено, чтобы впредь никто из людей не говорил относительно богов ничего позорного и недостойного их величия. Ибо кто допускает грешника грешить, тот поддерживает его в его смелости, и более тяжким оскорблением служит клеймить и бесчестить кого-либо ложными обвинениями, нежели указывать на действительные проступки и за них укорять. Ибо если называют тебя таким, каков ты в действительности и справедливость чего ты чувствуешь, то это причиняет более слабое огорчение, будучи смягчаемо безмолвным признанием, но наиболее сильное огорчение причиняет то, что клеймит невиновных и что опорочивает доброе имя и репутацию.

33. О ваших богах пишут, что они в небесных столовых и в украшенных золотом залах едят, пьют и, наконец, забавляются струнной и вокальной музыкой. Вы терпеливо это слушаете и не считаете недостойным приписывать богам то, что служит подкреплением для земных тел и чего ищет расслабленный и изнеженный слух. Некоторые из них выставляются влюбленными и прелюбодеями, вступающими в постыдные и преступные связи не только с женщинами, но и с лицами мужского пола. Вас нисколько не озабочивает то, что говорится о столь высоких существах, и вы даже страхом наказания не обуздываете дерзость и распущенность литературных произведений. О других [говорится], что они в безумии и в неистовстве делают себя сиротами и, как кровью врагов, обагряют себя отцеубийством; вы восхищаетесь возвышенностью и изяществом этих поруганий над богами, и то, за

что следовало бы подвергать всякого рода наказаниям, превозносите похвалами, поощряющими к тому, чтобы дерзость выступала еще с большей смелостью. Иные [выставляются] оплакивающими горести сиротства (orbitatis)[104] и с неподобающими воплями жалующимися на жестокость судьбы; вы изумляетесь силе красноречия, и то, что следовало бы совершенно уничтожить в обществе человеческом, вы перечитываете, изучаете и заботитесь, чтобы это не погибло вследствие забвения. Говорится, что они подвергаются ранениям, испытывают мучения и в разгар ужасных раздоров ведут между собой войны; описание этого доставляет вам удовольствие и, чтобы защитить такую дерзость писателей, вы лживо утверждаете, что это аллегории и учение естественных наук.

34. Но к чему я жалуюсь на невнимание к оскорблениям других богов? О самом Юпитере, имя которого вам следовало бы произносить со страхом и трепетом, пишут, как он, застигнутый женой в качестве любовника, сознается в своих проступках и, как бы обезумев и утратив сознание, сообщает, каких возлюбленных он, закосневши в бесстыдстве, предпочитал супруге, каких метресс [предпочитал] жене[105]; тех, которые сообщают такие нелепости, вы называете одаренными божественным вдохновением вождями и царями поэтов, священными главами, и настолько отступили от долга по отношению к введенной вами религии, что у вас более значения имеют слова, которыми оскорбляется величие богов. Если бы у вас был только какой-нибудь страх перед богами или если бы вы верили в существование их на основании твердого убеждения, то не следовало ли вам посредством законопроектов, народных решений и страха постановлений сената протестовать, противодействовать и узаконить, чтобы никто необдуманно не говорил о богах ничего кроме того, что вполне соответствует религии? Неужели они не считаются у вас заслуживающими даже такого уважения, чтобы вы ограждали их от оскорблений теми же законами, какими ограждаете себя самих? У вас считаются виновными в оскорблении величества те, кто шепнут что-либо худое о царях. Унижение правительственного лица или опорочивание сенатора вы строгими наказаниями признали очень опасным. Составление пасквиля (carmen malum), которым пятнается репутация и жизнь другого, вы не захотели по

[104]Orbitas (сиротство) означает утрату не только родителей, но также детей или мужа.

[105]Hom. Il. XIV, 312–328.

определениям децемвиров[106] оставить безнаказанным и, чтобы кто-либо не оскорблял вашего слуха дерзким ругательством, вы установили законы относительно грубых оскорблений. Одни только боги остаются у вас без уважения, в пренебрежении, в униженном состоянии, и относительно них вами предоставлено право каждому говорить, что угодно, и приписывать им такие виды мерзостей, какие распущенность может сочинить и выдумать. И неужели вы не стыдитесь укорять нас за пренебрежение к так обесчещиваемым богам, между тем как гораздо лучше не верить в существование богов, нежели признавать их такими и иметь такое мнение о них?

35. Но поэтам ли только вы позволяете сочинять недостойные басни о богах и бесстыдные насмешки над ними? Что делают ваши мимы, актеры и множество всяких развратников? Не злоупотребляют ли они вашими богами для своекорыстных целей и не пользуются ли оскорблениями богов и опозорением их как средством для доставления удовольствий? Сидят на публичных зрелищах коллегии всех жрецов и правительственных лиц, верховные понтифики и высшие курионы, сидят квиндецемвиры[107], увенчанные лавром, и жрецы Юпитера в остроконечных шапках, сидят авгуры, истолкователи божественных мыслей и воли[108], а также целомудренные девы, поддерживающие и охраняющие постоянный огонь[109], сидит весь народ и сенат, сенаторы (patres), отправлявшие должность консулов, и наиболее близкие к богам августейшие цари, и — что не следовало бы слушать — танцует исполненная любви мать Марсова племени и виновница владычествующего народа Венера, и изображается отдающейся с необузданным бесстыдством всем страстным возбуждениям, свойственным самому низкому разврату. Танцует и Великая Мать, украшенная священными повязками, и эта Пессинунтская Диндимена[110], к позору [нашего] времени, представляется испытывающей позорное вожделение в объятиях какого-то пастуха[111]; также сын Юпитера, Геркулес, выводится

[106] В Законах XII Таблиц (451 г. до Р. Х.) есть особое положение против тех, «кто злую песню распевает».

[107] Члены жреческой коллегии, состоявшей из 15 лиц, имевших надзор за Сивиллиными книгами и производивших предсказания по ним.

[108] Авгуры — жреческая коллегия, производившая гадания по полету, клеванию, крику птиц, по небесным знамениям и другим приметам.

[109] Весталки, поддерживавшие постоянно огонь в храме Весты.

[110] Кибела, называющаяся Диндименою по имени посвященной ей горы Dindymus, или Dindyma, при городе Пессинунте во Фригии (см. II, 73, примеч.).

[111] Аттиса.

в «Трахинянках» Софокла — как он, облекшись в отравленную одежду, издает ужасные вопли, изнемогает от сильной боли и, по распространении разрушения по всему телу, погибает. Даже сам верховный правитель мира, без всякого страха перед его именем и величием, выводится в пьесах исполняющим роли прелюбодеев и, чтобы вводить в заблуждение целомудренных чужих жен, коварно изменяющий, свой вид и, под прикрытием обманчивого тела, принимающим образ мужей[112].

36. Но недостаточно этой вины. Также в мимах и шутовских представлениях выводятся лица святейших богов, и, для возбуждения смеха и веселости в праздных зрителях, божества подвергаются шуткам и насмешкам: публика подымает крик и встает, весь театр оглашается шумом и рукоплесканиями, и — что не может быть заглаждаемо никакими средствами искупления — для развратников и осмеивателей богов устанавливаются подарки и награды, освобождение от общественных повинностей и налогов, разные привилегии и украшение венками. И после этого вы осмеливаетесь удивляться, откуда происходят эти бездействия, которыми без всякого перерыва наводняется и угнетается род человеческий, хотя все те произведения, в которых заключаются позорные деяния богов и поругания, вы ежедневно повторяете и изучаете, и если когда-либо является желание наполнить досуг праздными фантазиями, то вы требуете назначения дней для беспрерывного исполнения их. Если бы вы имели какое-либо негодование из-за вашей религии, то вы скорее должны были бы уже давно сжечь эти произведения, уничтожить эти книги, разрушить эти театры, в которых ежедневно оглашается опозорение богов в бесстыдных пьесах. Но чем заслужили наши писания предания огню? Почему беспощадно должны разрушаться места собраний[113], в которых совершается моление высочайшему Богу, испрашивается мир всем и помилование правительственным лицам, войскам, государям, друзьям, врагам, как остающимся еще в живых, так и отрешившимся от телесных уз, и где ничего другого не слышат кроме того, что делает [нас] человеколюбивыми, кроткими, скромными, благонравными, целомудренными,

[112]Здесь указывается на сказание об Алкмене, обманутой Юпитером, явившимся к ней под видом ее мужа Амфитриона, послужившее сюжетом для комедии Плавта «Амфитрион».

[113]Имеется в виду изданный Диоклетианом в 303 г. первый эдикт против христиан, которым, по свидетельству Евсевия (НЕ VIII, 2), предписывалось сжигать священные книги христиан и разрушать места их собраний.

общительными в отношении имущества и соединенными со всеми вами узами тесного братства?

37. Но дело в том, что, так как вы мечом и железом приобрели весьма большую силу, то считаете себя превосходящими [других] также в знании истины и богобоязненными, хотя вы первые запятнали могущество богов грязными представлениями о них. В настоящем месте мы просим вас ответить нам, если это допускает ваша запальчивость и дозволяет ваше раздражение: признаете ли вы, что гнев свойствен природе богов, или божественное блаженство совершенно чуждо этих аффектов? Если они воспламеняются и ожесточаются вследствие волнений от гнева, как показывают это ваши мнения (потому что вы утверждаете, что они часто то по причине небрежно устраивавшихся игр, то по причине неугодных распорядителей, то по причине осквернения некоторых мест, то по причине ненадлежащего совершения священных обрядов приводили землю в сотрясение и заражали воздух моровой язвой к печальной гибели народа), то отсюда необходимо следует заключить, что они питают немалый гнев по причине вышеупомянутых мнений. Если это допускается, то необходимо допускается и то заключение, что все те бедствия, которым обыкновенно в изобилии подвергается род человеческий, проистекают из подобного рода измышлений; а если от этих причин происходит негодование богов, то виновниками столь великих бедствий служите вы, как беспрерывно оскорбляющие небожителей и возбуждающие их к жестокой мести. Но если боги свободны от подобного рода раздражения и совершенно не знают, что значит гневаться, то не имеет никакого основания утверждение, что они гневаются на нас, — они, которые не знают, что такое гнев, и которые вполне свободны от связи и общения с ним. Ибо в действительности невозможно, чтобы одно превратилось в два и чтобы единство переходило в различные состояния, подвергаясь разделению врожденной простоты.

КНИГА ПЯТАЯ

1. Пусть так: пусть все то, что бесчестит бессмертных богов, было сообщено шутящими поэтами. Но то, что содержат пользующиеся доверием, серьезные и тщательные исторические произведения и что передается в таинственных мистериях, разве также измышлено фантазией поэтов? Если бы вы считали это за подобного рода нелепые басни, то не удерживали бы некоторые из них у себя в употреблении, не посвящали бы им ежегодно веселые празднества и не сохраняли бы их в священных обрядах как символы. Из столь многого в этом роде я, соблюдая надлежащую меру, приведу пока один [пример], где сам Юпитер выставляется глупым и непредусмотрительным, обманутым неопределенностью слов. Во второй книге Антийца[1] — пусть не подумает кто-либо, что мы обвиняем клеветнически, — записана такого рода басня: когда царь Нума не знал средств очищения после молнии[2] и желал узнать это, то, по совету Эгерии[3], скрыл двенадцать невинных юношей с веревками близ воды, чтобы, когда придут Фавн и Марсов Пик[4] на это место пить — потому что они обыкновенно этим путем ходили за водой, — напасть на них, схватить и связать. Но, чтобы это можно было легче выполнить, царь наполнил значительное число бокалов вином и винным медом и поставил их при входе к источнику как коварную западню для тех, кто придет. Те, захотев пить, пришли обычным образом на известные места. Но когда они натолкнулись на пахучие бокалы с ароматной жидкостью, то предпочли старому новое, с жадностью набросились, выпили, увлекшись сладостью напитка, слишком много и, опьянев, заснули; тогда двенадцать [юношей] напа-

[1] Валерий Антиат (I в. до Р. Х.) — автор «Анналов» в 75 книгах, где излагалась история от основания Рима до смерти Суллы.

[2] Молния, поражавшая какой-либо предмет или место, считалась римлянами знамением божественного гнева, для умилостивления которого и для предотвращения угрожающего наказания требовалось совершение особого рода очистительных обрядов.

[3] Эгерия — нимфа, обладавшая пророческим даром и бывшая супругой или возлюбленной Нумы Помпилия и его советницей в вопросах религии.

[4] Фавн и Пик, боги полей и лесов, обладавшие даром предсказания, считались также древнейшими латинскими царями. Пик называется Марсовым (Martius) как превращенный нимфой Киркой за отвергнутую им любовь ее в посвященную Марсу птицу, дятла (picus).

ли на уснувших и связали опьяневших, а те по пробуждении немедленно сообщили царю, какими способами и посредством каких жертвоприношений можно вызвать Юпитера на землю, и царь, получив сведения, совершил жертвоприношение на Авентине, вызвал Юпитера на землю и спросил его о способе очищения того, что поражено молнией. Юпитер, после долгого колебания, сказал: «Ты должен очищать то, что поражено молнией, посредством головы»; царь ответил: «Посредством головки лука»; Юпитер снова [сказал]: «Посредством человеческой [головы]»; царь заметил: «Но посредством волос головы»; бог возразил: «Посредством живого существа»; «Посредством мены (maena)[5]», — добавил Помпилий. Тогда Юпитер, уловленный неопределенностью выражений, сказал так: «Ты, Нума, перехитрил меня, потому что мной было определено, чтобы то, что поражено молнией, очищалось посредством человеческих голов, а не посредством мены, волос головы и головки лука; но так как твоя хитрость обошла меня, то ты всегда будешь совершать очищение того, что поражено молнией, тем способом, каким ты пожелал, и посредством тех предметов, которые выговорены тобой»[6].

2. Что прежде всего и что в конце концов разум должен принять или обойти молчанием, это нелегко сказать и выяснить какими-либо соображениями. Ибо все это так вымышлено и приспособлено для насмешек, что вы скорее должны стремиться к тому, чтобы это признавалось ложным, хотя бы было истинным, нежели доказывать истинность этого и выдавать за нечто чудесное не без унижения самого божества. Что же говорите вы? Можем ли мы верить, что Фавн и Марсов Пик, если они принадлежат к числу богов и обладают вечной и бессмертной природой, изнемогали когда-либо от жестокой жажды и, чтобы охладить жар внутри, ходили к водам источника? Можем ли мы верить, что, увлекшись чистым вином и прельстившись сладостью винного меда, они так долго прикладывались к обманчивым бокалам, что дошли до опасности опьянения? Можем ли мы верить, что они, погрузившись в глубокий сон и впав в беспамятство, дали возможность земным существам связать их? Какие, затем, члены их были связаны веревками? Имели ли они что-либо плотное, и разве из твердых костей были образованы их руки, так что они могли быть стягиваемы петлями и быть удерживаемы посредством завязанных узлов? Я уже

[5] Мена — небольшая морская рыба, которую ели в соленом виде небогатые люди и которая приносилась также в жертву подземным богам.

[6] Ср. Plut. Num. 15; Ovid. Fast. III, 261–344.

не спрашиваю и не допытываюсь, могли ли они, находясь в беспамятстве от опьянения и шатаясь, говорить что-либо, или мог ли кто-либо, вопреки воли Юпитера или, скорее, без ведома его, сообщить способ низведения его на землю; я желаю только одно слышать: почему Фавн и Пик, если они обладают божественным происхождением и силой, не предпочли сами указать спрашивающему то, что Нума желал с большей опасностью услышать от самого Юпитера? Неужели один только Юпитер знал это? И неужели от него ниспадают молнии для того, чтобы применение известного знания должно было отвращать то, чем они угрожают? Или, так как он сам мечет эти огни, то делом других должно быть знание того, какими способами следует смягчать его гнев и раздражение? Ибо, действительно, весьма глупо было бы думать, что он сам сообщает те средства, какими можно отвращать то, что он определил через удар молнии совершить в жизни людей. Это значило бы сказать: посредством такого рода обряда вы будете умилостивлять гнев мой, и если через молнии я укажу на что-либо угрожающее, то сделайте то и то, чтобы то, что я решил совершить, не осуществилось и вследствие священнодействий упразднилось и исчезло.

3. Но допустим, что Юпитер, как говорят, сообщил против себя самого средства и способы, через которые следует противодействовать его предуказаниям: неужели мы можем верить тому, что столь могущественный бог был вызван на землю и, стоя на выступе одного холма[7], вступил в препирательство с жалким человеком? И что это, спрашиваю, была за жертва, которая заставила Юпитера отвлечься от столь необъятной массы дел и явиться по вызову людей? Мука с солью (mola salsa)[8], ладан, кровь, курение священной зелени (verbenarum suffitio)[9] и шептание возбуждающих страх слов[10]? Но неужели все это было более могущественным, нежели Юпитер, так что заставило его вопреки желанию подчиниться требованиям или добровольно отдаться в обман? Неужели имеет достоверность также то, что следует из этого, — что сын Сатурна был настолько непредусмотрителен, что или высказал то, из-за неопределенности чего был пойман, или не знал, каким образом человеческая хитрость и лукавство насмеются над ним? Ты

[7] Авентина.

[8] При жертвоприношениях употреблялась крупномолотая мука, смешанная с солью.

[9] Имеются в виду листья и молодые, нежные ветви лавра, маслины, мирта, кипариса и т. п., употреблявшиеся для увенчивания и воскурений при жертвоприношениях и других религиозных обрядах.

[10] Магических заклинаний.

должен очищать, сказал он, то, что поражено молнией, посредством головы. Речь еще не окончена и смысл выражения не вполне определен, ибо необходимо следовало знать, внушает ли Юпитер совершать это очищение посредством головы барана, свиньи, быка или какой-либо другой. Так как он еще не определил этого в частности и мысль остается еще не определенной и не законченной, то каким образом Нума мог знать, что Юпитер будет говорить о голове человеческой, так что он предотвратил, предупредил это и перенес неопределенное выражение на головку лука?

4. Может быть, вы скажете, что царь был божественным: неужели он мог быть более божественным, чем сам Юпитер? Если бы человек не предусмотрел, что скажет Юпитер, то не обманул бы того: неужели бог не мог знать, каким образом человек намеревался обмануть его? Таким образом, не вполне ли очевидно, что это — изобретение детской фантазии, которым возвышается живость ума Нумы и приписывается величайшая неразумность Юпитеру? Ибо что столь неразумно, как сознаться в том, что ты был пойман хитростью ума человеческого, и, сожалея о том, что тебя обманули, согласиться с желанием победителя и отказаться от предложенного тобой средства? Если было разумным и соответственным естественному порядку вещей требование, чтобы очищение пораженного молнией предмета совершалось посредством головы человеческой, то я не вижу, почему царем была предложена головка лука; а если это могло совершаться и посредством головки лука, то была необузданная жажда человеческой крови. Таким образом, та и другая части сводятся к противоречиям, так что и Нума оказывается нехотевшим знать того, чего он хотел, и Юпитер представляется жестоким, как сказавший, что он хотел, чтобы посредством голов человеческих очищалось то, что могло совершаться посредством мены и головки лука.

5. У Тимофея[11], одного из небезызвестных теологов, также у других, столь же ученых, находится следующее указание относительно происхождения Великой Матери богов и ее культа[12], заимствованное из малоизвестных книг о древностях и из таинственных мистерий, как

[11] Известно несколько авторов по имени Тимофей. Возможно, здесь имеется в виду элевсинский жрец Тимофей, живший в IV в. до Р. Х.

[12] Подобного рода сообщения, с некоторыми вариациями, о Великой Матери богов, или Кибеле, и ее культе с относящимися к нему мифами встречаются также у Павсания, Страбона, Овидия и других древних писателей (см.: Preller. Griech. Mythol. I Bd. 3 Aufl. S. 526–539; Roscher. Lexik. d. Mythol. s. v. Agdistis, Attis, Kybele).

он сам пишет и сообщает. В пределах Фригии, говорит он, есть некоторая неслыханной величины скала, называющаяся Agdus, названная так туземцами той страны. Согласно с повелением прорицавшей Фемиды, Девкалион и Пирра бросали на землю, не имевшую людей, камни[13], взятые из этой [скалы], и из них вместе с другими также произошла и была одушевлена божественной силой называющаяся Великой Матерью. Когда она на самой вершине скалы предавалась покою и сну, Юпитер воспламенился к ней позорной нечистой страстью, и так как после продолжительной борьбы он не мог достигнуть того, к чему стремился, то, вынужденный отступить, излил свою страсть на камень. Отсюда скала зачала, и, после предварительных многочисленных мычаний, родился на десятом месяце Агдестис, названный по имени матери. Он обладал непреодолимой силой, неукротимой лютостью, безумной, неистовой страстью к обоим полам и наклонностью насильственно похищать, разрушать и уничтожать то, на что направлялась его жестокость; он не обращал внимания ни на богов, ни на людей и был уверен, что кроме него нет ничего более могущественного на земле, небе и звездах.

6. Так как в совете богов часто возникал вопрос о том, каким образом можно было бы обуздать или прекратить дерзость его и так как другие оставались в нерешительности, то заботу о выполнении этой задачи принял на себя Либер. Он влил большое количество крепкого вина в хорошо знакомый ему источник, в котором он обыкновенно охлаждал жар и утолял жажду, возбуждавшиеся играми и охотой. Агдестис прибегает туда, когда ему было необходимо пить, с жадностью глотает питье без надлежащей меры, и, таким образом, происходит то, что он вследствие необычайности погружается в глубокий сон. Либер является на место засады, набрасывает петлю из искусно сплетенных крепких волос на ступню ноги, а другую часть прикрепляет к гениталиям. Тот, протрезвившись от опьянения, быстро вскакивает и, натянув ступней петлю, сам собственной силой лишает себя отличий мужского пола. При разрыве членов вытекает большое количество крови, она поглощается и впитывается землей, и немедленно из нее вырастает гранатное дерево с плодами. Увидев его и удивляясь его красоте, Нана,

[13]Имеется в виду сказание о Девкалионе и его жене Пирре, которые одни спаслись на корабле от всемирного потопа, истребившего человеческий род. Проплавав 9 дней, они высадились на горе и, по указанию Фемиды, стали бросать позади себя «кости матери», т. е. камни земли, причем камни, бросаемые Девкалионом, обращались в мужчин, а бросаемые Пиррой — в женщин.

дочь царя или реки Сангария, срывает [плод] и кладет его за пазуху; от этого она делается беременной. Отец подвергает ее как опозоренную заключению и старается, чтобы она умерла от голода, но Мать богов подкрепляет ее древесными плодами и другой пищей. Рождается дитя, но Сангарий приказывает выбросить его; кто-то, найдя его, берет к себе из-за его красоты, кормит его козлиным молоком, и он получает имя Аттиса или потому, что так в Лидии называются красивые, или потому, что так фригийцы называют козлов на своем языке. Его в особенности любила Мать богов за его выдающуюся красоту. Любил его также Агдестис и, когда он подрос, сопровождал его, ухаживая за ним, и, привязав его к себе наименее пристойным, насколько это было только возможно для него, потворством, водил его по лесам и наделял многочисленными дарами из дичи, о которых сначала мальчик Аттис хвастливо говорил, что это плоды его трудов и искусства, но впоследствии, под влиянием вина, он сознался, что его любит Агдестис и награждает лесными дарами; поэтому не дозволяется входить в его святилище тем, которые опорочили себя винопитием, выдавшим тайну.

7. Пессинунтский царь Мидас, желая избавить юношу от столь позорной связи, назначает ему свою дочь в супружество и, чтобы кто-либо неблагоприятным предзнаменованием не нарушил бы радости брачного торжества, приказsdftn запереть город. Но Мать богов, зная судьбу юноши и то, что он среди людей будет пользоваться благополучием до тех пор, пока будет свободен от брачного союза, входит, чтобы не случилось какого-либо несчастья, в запертый город, приподняв стены его головой, которая вследствие этого стала окружаться башнями[14]. Агдестис, пылая гневом по причине того, что от него оторван юноша и устранен для любви к жене, приводит всех пирующих в состояние исступления и бешенства, фригийцы в испуге поднимают крик: «Должно молиться богу»[4]); Галл[15] отрезает у себя [гениталии], дочь метрессы — груди; Аттис берет флейту, которую он употреблял для возбуждения безумия, и сам, пришедши в исступление, неистово мечется, падает на землю и под сосной оскопляет себя, говоря: «Вот тебе, Агдестис, то, из-за чего ты причинил столько ужасных бед». Вместе с истечением крови исчезает жизнь. Но Великая Мать богов собира-

[14]Кибела (Мать богов) обыкновенно изображалась в короне, составленной из башен или имевшей вид крепостной стены, как олицетворявшая землю с городами.

[15]Галлами (по имени фригийской реки Gallus) назывались жрецы Кибелы, которые обыкновенно сами оскопляли себя.

ет отрезанные части и засыпает их землей, предварительно покрыв и обернув их одеждой умершего. Из истекшей крови вырастает цветок, фиалка, и обвивает дерево: отсюда произошел и доселе существует обычай покрывать и увенчивать священные сосны. Девица, которая была невестой и которая, как пишет понтифик Валерий[16], называлась Ия (Ia), покрывает грудь умершего мягкой шерстью, оплакивает его вместе с Агдестисом и умерщвляет себя; кровь погибшей превращается в пурпуровые фиалки. Мать богов погребает также Ию, откуда вырастает миндальное дерево, указывающее на горечь смерти. После того она относит ту сосну, под которой Аттис оскопил себя, в свой грот и, соединившись в плаче с Агдестисом, бьет себя и наносит себе раны в грудь около ствола дерева, остающегося неподвижным. Агдестис просил Юпитера, чтобы Аттис снова был живым, но тот не согласился, однако он без труда позволил то, что было возможно по определению судьбы: чтобы тело его не разлагалось, чтобы волосы всегда росли и чтобы один только малый палец оставался живым и всегда сохранял способность движения. Удовлетворившись этими милостями, Агдестис объявил божественным тело его в Пессинунте и установил в честь его ежегодные празднества и главных жрецов.

8. Если бы какой-либо презритель богов, полный дикого исступления, возымел в своем безбожном сердце намерение злословить ваших богов, то осмелился ли бы он сказать что-либо более жестокое, нежели то, что сообщается в вышеприведенном рассказе, который, как нечто достойное удивления, вы внесли в летописи и, чтобы он, вследствие влияния времени и древности, не подвергся забвению, прославляете его постоянным чествованием. Ибо если бы то, что в нем приведено и изложено относительно богов, ты высказал в отношении к человеку благонравному и воспитанному в строгих правилах, то не подлежал ли бы ты обвинению в клевете и не подвергся ли бы непримиримой ненависти вследствие обид, оскорблений и вражды? Из камней, которые бросали Девкалион и Пирра, произошла, как вы утверждаете, Мать богов. Что говорите вы, теологи и служители вышних сил? Значит, ранее конца потопа ни в какой части мира не было Матери богов и, если бы весь род человеческий не был уничтожен ливнем, то не было бы

[16]Возможно, Валерий Флакк (I в. по Р. Х.), член коллегии пятнадцати для священнодействий, в чьи обязанности входило служение Аполлону, обращение к Сивиллиным книгам и надзор за отправляемыми в Риме иностранными культами. Впрочем, возможно, что этот рассказ заимствован из «Анналов» Валерия Антиата (см. сноску 1).

повода и причины ее происхождения? Таким образом, человеческим даром служит то, что она сознает себя существующей, и благодеяниям Пирры она обязана тем, что видит себя числящейся в качестве какого-либо существа; но если это служит истиной, то необходимо должно быть не ложным и то, что она человек, а не божество. И если несомненно то, что люди ведут начало своего происхождения от упомянутого бросания камней, то необходимо следует признать, что и она была одной из нас, происшедшей вследствие одинаковых причин. Ибо не могло быть, как не соответствующее естественному порядку, чтобы из одного рода камней и вследствие одного и того же способа бросания их некоторые получили жребий бессмертных, а другие — участь людей. Знаменитый римлянин Варрон, выдающийся по многосторонней учености и по исследованию древностей, в первой из четырех написанных и оставленных им книг о происхождении римского народа сообщает на основании тщательных вычислений, что от времени потопа, о котором мы выше упоминали, до консульства Гирция и Пансы[17] не протекло еще двух тысяч лет. Если это заслуживает доверия, то следует сказать, что и время жизни Великой Матери входит в границы этого периода, и это приводит к заключению, что та, которая выдается за мать всех богов, не мать, а дочь или, скорее, малое дитя, если только мы допускаем, что боги вечно существуют и в отношении времени не имеют ни начала, ни конца.

9. Но к чему мы говорим о той земной грязи, которой вы покрываете Мать богов, когда вы не могли даже на короткое время прекратить позорить самого Юпитера? Когда Мать богов спала на вершине горы Агда, сын, подстерегая и подкрадываясь, покушался, как вы говорите, на целомудрие спавшей. Неужели, после лишения целомудрия бесчисленных дев и матрон, Юпитер посягнул в преступной страсти даже на мать, и не удержал его от пыла страсти тот ужас, который внушили сама природа и врожденное общее всем чувство не только людям, но и некоторым животным? Неужели чувство долга и нравственного достоинства было чуждо охранителю капитолиев, и отуманенный безумной страстью ум его не был в состоянии обсудить и понять преступность его желания? Но, как бы то ни было, забыв о достоинстве и величии, он, подкрадываясь, шел для позорного беспутства, со страхом и трепетом, сдерживая дыхание, осторожными из-за страха шагами, и, колеблясь между опасением и надеждой, приступал к покушению,

[17] 43 г. до Р. Х.

испытывая крепость сна и терпение матери. Какое позорное представление! Какое гнусное поведение Юпитера, готовящегося приступить к постыдной борьбе! Таким образом, царь мира, когда, действуя неосмотрительно и торопливо, потерпел неудачу в тайном покушении, то обратился к открытому нападению, и так как не мог посредством хитрости и обмана достигнуть удовлетворения страсти, то применил насилие к матери и открыто начал посягать на высокочтимое целомудрие? После весьма продолжительной борьбы с сопротивляющейся он, будучи побежден, ослабев и потерпев поражение, отступил, и, кого чувство долга не могло удержать от преступного влечения к матери, того удалило охлаждение страсти?

10. Может быть, вы скажете, что люди избегают попытки к подобного рода связи и считают ее гнусной, но для богов нет кровосмешений. Но почему мать энергично боролась с насилием, причиняемым ей сыном? Почему она уклонялась от объятий, избегая связи с ним, как непозволительной? Ведь если бы в этом не было ничего худого, то она должна была бы без всякого сопротивления так же подчиниться ему, как он горячо желал удовлетворить свою возбужденную страсть. Относительно этого обстоятельства вы, как люди весьма экономные и даже в отношении к позорным действиям бережливые, говорите, что камень поглотил грязь невоздержания Юпитера, чтобы священное семя не казалось излитым напрасно. Прошу вас сказать: что последовало далее? В недрах камня и именно в наиболее твердой части его образовался и получил жизнь младенец, будущий потомок великого Юпитера. Нелегко возражать против столь противоестественных и необычайных зачатий. Ибо так как вы утверждаете, что род человеческий явился и произошел из камней, то необходимо признать, что камни имеют половые органы, принимают извергаемое семя, по истечении [определенного] времени делаются беременными и, наконец, после тяжелых напряжений, рождают подобно женщинам. Любознательность побуждает нас спросить вас: так как через десять месяцев, по вашим словам, произошли роды, то в течение того времени, когда [младенец] был заключен в недрах камня, какой пищей и какими соками подкреплялся он, или какое питание он мог получить из твердого камня, подобно тому как дети обыкновенно [получают это] от матерей? Еще он не родился и уже подражал, как говорят, громам отца через мычание, а после того как ему дано было видеть небо и дневной свет, он нападал и истреблял все встречавшееся и надеялся, что будет в состоянии изгнать самих богов с неба. Какая осторожная и предусмотрительная Мать богов, которая, чтобы не подвергнуться

ненависти дерзкого сына или чтобы сын через свое мычание не мешал ее сну и не нарушал покоя, освободила себя от него и удалила от себя пагубное семя, предоставив его грубым камням!

11. В собраниях богов горячо обсуждали, какими способами можно было бы обуздать эту неукротимую дерзость, и так как никакого другого пути не оставалось, то прибегли к единственному средству — посредством большого количества вина сделать его пьяным и лишить отличий мужского пола, как будто бы подвергшиеся этой физической утрате делаются менее смелыми и [как будто] мы не видим ежедневно, что оскопившие себя делаются более наглыми и, оставив все узды стыда и скромности, предаются самым низким, грязным порокам и открыто сознаются в этом. Но, если бы мне дано было жить в те времена, я желал бы видеть, как отец Либер, покоритель наглости Агдестиса, спустился, после святейшего совета богов, с небесных высот, отрезал хвосты у лошадей, сплел из них гибкие веревки, смешал чистую безвредную воду с большим количеством вина и после того, как образовалось опьяняющее питье, начал осторожно действовать руками, опутал гениталии спящего и, чтобы наложенные петли веревок все охватили, старательно применил искусство к подлежавшим уничтожению частям.

12. Может ли кто-либо говорить это о богах, имея хотя бы слабое представление о них? И если они предаются таким делам, планам и заботам, то какой разумный человек может признать их за богов или, по крайней мере, причислить их к бессмертным? Скажите: этот Агдестис, оскопление которого должно было принести безопасность небожителям, был ли одним из земных существ или кем-либо из богов и был одарен бессмертием? Ибо если на него смотрели, как на обладающего нашим жребием и человеческими свойствами, то почему он внушал такой страх богам? А если он был богом, то каким образом можно было обмануть его или отнять что-либо от божественного тела? Но мы не будем останавливаться на этом вопросе; пусть он будет божественного происхождения или одним из нас, если вы признаете более правильным это сказать: постепенно ли из истекшей крови и из отнятых гениталий выросло гранатное дерево, или в то время, когда эти части были покрыты недрами земли, они укоренились в почве, пустили крепкий ствол, образовали ветви, осыпанные цветами, и мгновенно принесли нужные, исключительного достоинства вполне зрелые плоды? И так как они произошли из красной крови, то имеют желтоватый цвет с просвечивающимся пурпуровым цветом. Прибавьте сюда еще то, что потому они сочны, потому они имеют сходство с

вином, что имеют происхождение из крови опьяневшего от вина, — и басня соответственным образом закончена вами. О, Абдера, Абдера[18]! Сколько поводов к осмеянию доставила бы ты людям, если бы тобой была сочинена такого рода басня! Ее изучают все сенаторы, перечитывают высокомерные города, а тебя считают глупой и крайне бестолковой.

13. Через пазуху Нана, говорят, зачала от плода [гранатного дерева]. Это, конечно, естественное следствие, потому что где скалы и крепкие камни рождают, там и древесные плоды должны обладать способностью к рождению. Берекинтия[19] кормила ее в заключении желудями и фигами. Это сообразно и правильно, потому что древесными плодами должна была питаться та, которая сделалась матерью от древесного плода. Когда родилось дитя, Сангарий приказал выбросить его вдали — он не хотел допустить, чтобы назывался сыном его дочери тот, кого он уже давно признал зачатым от божества. Младенец был вскормлен козлиным молоком. Какая враждебная и неприязненная постоянно для мужского пола басня, в которой не только люди утрачивают мужской пол, но даже животные делаются из самцов матерями! Он отличался выдающейся красотой и замечательной привлекательностью. Очень удивительно, что козлиный запах не заставлял удаляться и бежать от него. Его полюбила Великая Мать. Если [она полюбила его] как бабушка внука, то это дело естественное, а если так, как изображают театры, то это любовь бесчестная и позорная. Любил его также Агдестис, щедро наделяя его охотничьими подарками. Хотя от полумужчины никакой опасности не могло быть для целомудрия, но чего испугался Мидас, это легко отгадать. Мать вошла [в город] вместе с самыми стенами. Мы удивляемся в этом отношении силе и энергии богини, но, с другой стороны, обвиняем ее в небрежности, потому что она, помня определение судьбы, неосторожно сделала город доступным для врагов. Агдестис привел в состояние исступления и безумия участвовавших в свадебном торжестве. Если царь Мидас оскорбил его, привязав юношу к жене, то чем провинились Галл и дочь метрессы, что тот лишил себя отличий мужского пола, а эта — грудей, служащих украшением? Вот тебе, сказал он, то, из-за чего ты возбудил смятение и причинил столько бед. Мы все доселе не знали бы, чего желала от

[18] Абдера — город во Фракии, жители которого пользовались репутацией крайне глупых и бестолковых людей.

[19] Кибела, называвшаяся Берекинтией по имени древнего города при реке Сангарии во Фригии, называвшейся также Берекинтией.

юноши безумная страсть Агдестиса, если бы пресыщенный юноша не бросил ампутированные части перед оскорбленным.

14. Что скажете вы, народы и племена, разделяющие подобного рода мнения? Когда рассказывают это, то не бывает ли вам совестно и стыдно от таких мерзостей? Мы желаем слышать или узнать от вас относительно богов то, что достойно их, а вы сообщаете нам об отрезании грудей, об оскоплении, ярости, крови, неистовстве, и самоубийстве девиц, и о цветах и деревьях, выросших из крови умерших. Скажите еще: неужели Мать богов, будучи опечаленной, сама с почтением и усердием собирала ампутированные гениталии вместе с излившейся кровью, сама священными, божественными руками трогала и поднимала непристойные, отвратительные органы, предавала их также земле и, конечно, для того чтобы они, будучи обнаженными, не разлагались в недрах земли, прежде, нежели обвернуть их и покрыть одеждой, омыла их, наверное, и натерла благовонными мазями? Ибо каким образом могли бы вырасти пахучие фиалки, если бы гниение члена не ослаблялось через это добавление мазей? Когда вы прочитываете эти рассказы, то — скажите — не кажется ли вам, что вы слушаете или девушек-ткачих, сокращающих долгое время скучной работы [через болтовню], или престарелых старух, старающихся развлекать легковерных детей и рассказывающих сказки под видом истины? Когда Агдестис говорил Юпитеру, чтобы он возвратил жизнь возлюбленному, то Юпитер не согласился на это, потому что этого не допускала более могущественная судьба, но, чтобы не быть слишком жестоким, он даровал одну милость — чтобы тело не разлагалось через гниение, чтобы всегда росли волосы и чтобы один только малый палец оставался живым в теле и имел способность постоянного движения. Может ли кто-либо допустить это или легкомысленно согласиться с этим и утверждать, что волосы растут у умершего, что одна часть остается в целости, и смертное тело, будучи изъято из закона тления, доселе продолжает существование?

15. Мы уже давно могли бы потребовать от вас доказательства относительно этого, если бы не было одинаковой глупостью и говорить такие вещи, и требовать доказательств относительно их. Но этот рассказ ложный и не заключает в себе ничего истинного. Для нас, впрочем, неважно, на каком основании вы утверждаете, что боги изгнаны с земли, состоятельно ли оно и опирается ли на непоколебимой достоверности или же, наоборот, возникло вследствие лжи и обманчивого какого-либо вымысла. Ибо для нас достаточно того, что теперь мы имели в виду показать, — что если те боги, на которых вы указываете,

существуют где-либо и воспламеняются гневом, то они не столько от нас, сколько от вас, получают поводы считать себя жестоко оскорбленными и что этот [рассказ] находится в литературных произведениях, занесен вами в летописи и ежедневно может желающими прочитываться и передаваться в поучение будущему времени в порядке преемственности. Если он вполне верен, то мы не видим никакого основания утверждать, что небесные боги гневаются на нас, потому что мы не сообщали таких мерзостей относительно их, не излагали их письменно и не публично свидетельствовали о нем религиозными церемониями. Если же он, как вы полагаете, неверен и перемешан с лжеизмышлениями, то никто из людей не может сомневаться в том, что виновниками оскорбления [богов] служите вы, как дозволившие некоторым писать это или допустившие, чтобы написанное оставалось в памяти в течение веков.

16. Но как вы можете обвинять эти записи во лжи, когда сами религиозные церемонии, ежегодно совершаемые вами, служат свидетельством того, что вы верите в истинность их и признаете их достоверными? Что означает та сосна, которую вы всегда в определенные дни вносите в святилище Матери богов? Не служит ли она образом того дерева, под которым пришедший в исступление несчастный юноша наложил на себя руки и [которое] Мать богов в утешение своей скорби освятила? Что означают шерстяные повязки, которыми вы обвязываете и обвертываете ствол дерева? Не напоминают ли они о той шерсти, которой Ия покрыла умершего, полагая, что это доставит некоторую теплоту охладевшим членам? Что означают украшенные и обвитые гирляндами из фиалок ветви дерева? Не указывают ли они на то, что Мать украсила первоначальными цветами сосну, служащую указанием и свидетельством печальной судьбы? О чем свидетельствуют ударяющие руками в грудь галлы с распущенными волосами? Не напоминают ли они о той скорби, которой украшенная башнями Мать вместе с Агдестисом сопровождала юношу, проливая слезы и рыдая? Что означает воздержание от употребления хлеба, называемое вами castus[20]? Не подражание ли это тому времени, когда богиня, вследствие сильной скорби, отказалась от плода Цереры[21]?

17. Но если это не так, как мы говорим, то сообщите нам, скажите относительно этих оскопленных и расслабленных, которых мы видим участвующими вместе с вами в служении этой богине: какое им дело

[20] Воздержание от пищи (пост) и от чувственных наслаждений.
[21] От хлеба.

там, о чем они заботятся и хлопочут, и почему они, подобно оплакивающим, ударяют себя руками в грудь и подражают находящимся в плачевном состоянии? Что означают венки, фиалки, обвиваемые повязки из мягкой шерсти? Почему, наконец, самая сосна, дерево, незадолго перед тем праздно качавшееся среди терновых кустов, помещается затем в жилище Матери богов как подлинное божественное существо? Или причиной этого служит то, что мы находим в ваших сочинениях и летописях, и в таком случае очевидно, что вы не религиозные церемонии совершаете, а восстановляете образ печальных событий, или же для этого есть другое основание, сокрытое от нас в таинственном мраке, но и в таком случае это также должно соединяться с чем-либо позорным и бесчестным. Ибо кто может поверить, что есть что-либо благопристойное в том, что начинается и совершается презренными, расслабленными и развратными галлами?

18. Важность предмета и долг самой защиты требуют, чтобы мы подобным образом проследили также прочие виды мерзостей, которые отчасти сообщаются историей древности, а отчасти заключаются в мистериях, называющихся инициями (initiis)[22], и которые вы не всем передаете открыто, а немногим втайне. Но бесчисленность религиозных обрядов и соединяющиеся с каждым из них мерзости не позволяют нам излагать все в частности; говоря ближе к истине, от некоторых мы даже сознательно и намеренно уклоняемся, чтобы, стараясь все объяснять, не запятнать грязью самое изложение. Поэтому мы не будем говорить о Фенте Фатуе, называемой Доброй Богиней, которая была высечена миртовыми прутьями за то, что, без ведома мужа, выпила полный кувшин (seriam)[23] вина, как сообщает Секст Клодий[24] в шестой книге греческого сочинения о богах. На это ясно указывает также то, что когда женщины совершают ей жертвоприношение, то ставится закрытый большой сосуд с вином и не позволяется приносить миртовые ветви, как пишет в своем сочинении о причинах Бута (Butas)[25]. Подобным образом мы обойдем молчанием также богов плодородия,

[22]То есть началами, потому что в мистериях, как говорит Цицерон (De legib. II, 14), мы действительно познаем начала (principia) жизни.

[23]Seria — глиняный сосуд в виде большого кувшина вместимостью в несколько ведер.

[24]С. Клодий, преподававший латинскую и греческую риторику, был учителем и потом другом триумвира Антония (ср. Macrob. Saturn. I, 12, 22–25; Lact. Div. Inst. I, 22).

[25]О Буте (Βούτας) как авторе сочинения «О причинах» (Αἰτίαι) упоминает также Плутарх (Romul. 21).

которые, как пишет вместе с другими Флакк, приняв образ мужского члена, скрылись в пепле, находившемся под горшочком с [жертвенными] внутренностями, и когда сведущая в этрусских науках Танаквиль[26] разгребла его, то боги поднялись, укрепившись божественной силой. После того она приказала пленнице из Корникула[27] наблюдать и замечать, что это значит. Окризия[28], женщина очень умная, соединила с собой богов, делая известные движения; тогда святые боги, воспылав страстью, проявили то, что Луцилий называет жизненной силой, и [таким образом] родился римский царь Сервий[29].

19. Мы опустим также ужасные Вакханалии, которые по-гречески называются омофагиями[30] и в которых вы, выставляя себя находящимися в исступлении и лишенными здравого ума, обвиваете себя змеями и, чтобы показать себя исполненными божественной силы и величия, терзаете окровавленными челюстями внутренности издающих крики козлов. Также опустим мы тайное служение Кипрской Венере, учредителем которого считается царь Кинира и участвующие в котором делают определенные денежные взносы, как блуднице, и получают в дар фаллос как знак благоволения богини[31]. Пусть будет предано забвению также празднество Корибантов[32], на котором передается священная тайна (mysterium): брат был убит братьями, из крови убитого вырос сельдерей; эту зелень воспрещается подавать на стол, чтобы не вызвать непримиримый гнев манов умершего. Мы не будем говорить также о других Вакханалиях, на которых открываются и сообщаются посвященным тайны, относительно которых требуется молчание[33]: как Либер, занятый детскими играми, был растерзан Титанами, как он

[26] О Грании Флакке см. III, 31, примеч. Изложенное здесь сказание о необычайном рождении царя Сервия Туллия сообщается в различных версиях также другими писателями, как, например, Дионисием Галикарнасским (Ant. Rom. IV, 2) и Овидием (Fast. VI, 627–634).

[27] Корникул — древний латинский город, при завоевании которого Тарквинием Древним была взята в плен Окризия.

[28] Жена римского царя Тарквиния Древнего, которая была родом из Этрурии, славившейся между прочим искусством гадания истолкований знамений.

[29] Сервий Туллий — шестой римский царь.

[30] То есть поеданием сырого мяса (ὠμοφαγία) (ср. Clem. Alex. Protr. 18; Firm. Matern. De err. VI, 5).

[31] Ср. Clem. Alex. Protr. 14; Firm. Matern. De err. X.

[32] Корибанты — демонические существа, спутники Реи (Кибелы), нередко отождествлявшиеся с Кабирами и Куретами (ср. Clem. Alex. Protr. 19; Firm. Matern. De err. XI).

[33] Ср. Clem. Alex. Protr. 17–18.

был разрублен ими на части и был брошен в котлы, чтобы быть сваренным, как Юпитер, привлеченный приятным запахом, явился без приглашения на трапезу и, узнав о преступлении разбойников, поразил их молнией и низверг в глубины тартара. Как на свидетельство об этом и как на символы судьбы [Либера] Фракиец[34] в своих стихотворениях указал на игральные кости, зеркало, кубари, вращающиеся колеса, округленные мячи и золотые яблоки[35], полученные от девственных Гесперид[36].

20. Мы намеревались обойти молчанием также те мистерии, которые совершаются во Фригии и всем населением Илиона, если бы встречающееся в них имя Юпитера не удержало нас от оставления оскорблений и опозорения его без краткого упоминания, — не потому, чтобы нам приятно было осмеивать такие мерзости мистерий, но для того, чтобы для вас самих еще раз выяснилось, какие оскорбления вы наносите тем, стражами, защитниками и почитателями которых вы себя объявляете. Говорят, что некогда Юпитер, воспылав постыдной и непозволительной страстью к своей матери Церере — ее именно жители той страны считают матерью Юпитера — и не решаясь посредством явного насилия достигнуть того, к чему стремилась его необузданная страсть, придумал хитрую уловку, чтобы обесчестить мать, не опасавшуюся ничего подобного: он превращается из бога в быка и, скрывая под видом животного безнравственное и дерзкое намерение, внезапно с бешенством нападает на бывшую покойную и ничего не знавшую [мать], осуществляет свои грязные намерения и, когда через его похоть обнаружился обман, убегает, будучи узнан и разоблачен[37]. Мать воспламеняется яростью и негодованием, испускает пену, задыхается, волнуется и, как не могущая сдерживать взрывов бурного гнева, она впоследствии, по причине постоянного страстного возбуждения, получила название Brimo[38], и ничто другое не лежало у нее на сердце, как только то, чтобы отмстить за дерзость сына посредством тех кар, какие были в ее власти.

[34] Фракийский певец Орфей (сын Музы Каллионы и Аполлона или Эагра и супруг Эвридики), которому приписываются несколько поэтических произведений из позднейшего времени и который считался основателем орфических мистерий и соединенного с ними тайного учения.

[35] Эти детские игрушки использовались в мистериях Вакха (Диониса).

[36] Гесперид — дочери Ночи, обитавшие на крайнем Западе и охранявшие золотые яблоки, подаренные Геей Гере.

[37] Ср. Clem. Alex. Protr. 15.

[38] От βριμᾶν — сильно сердиться, гневаться, негодовать.

21. Юпитер, удрученный страхом, терзается и не находит средств для смягчения гнева опечаленной [матери]. Он осыпает ее просьбами и мольбами, но она остается опечаленной и не слушает. Посылается к ней весь сонм богов, но никто не оказывает на нее такого влияния, чтобы быть выслушанным. Наконец, сын, ища способов примирения, придумывает такое средство: он выбирает породистого барана с очень большими тестикулами и сам отрезает и вынимает их из покрытого шерстью мешочка. Подойдя с опечаленным видом и покорностью к матери и, как бы сам осудив себя по собственному приговору, он бросает их ей на недро[39]. Она, увидев их, успокаивается и обращается к заботам о зачатом плоде; на десятом месяце она рожает дочь выдающейся красоты, которую впоследствии называли то Либерой, то Прозерпиной. Когда овноподобный Юпитер увидел ее, полную здоровья, цветущей красоты и сил, то, забыв о том, какие безобразия и преступления и сколько безрассудств незадолго перед тем он совершил, возвращается к прежнему образу действий, и, так как слишком преступным казалось отцу открыто вступить в супружескую связь с дочерью, он принимает страшный образ дракона, охватывает огромными извивами испуганную девицу и, под прикрытием животного, обманывает ее и ласкает в нежных объятиях. Таким образом, и она зачинает от могущественного Юпитера, но не так, как мать, потому что та родила дочь с ее чертами, а девица разрешилась от бремени в виде быка, напоминающего об обмане Юпитера[40]. Если кто-либо потребует подтверждения для этого, то мы сошлемся на Тарентинца[41] и на известный шестистопный стих, поющийся со времен древности и гласящий: «бык произвел дракона и дракон быка». Наконец, свидетельством истины могут быть также мистерии и обряды самого посвящения, которые называются Сабазийскими и при которых золотой змей опускается на грудь посвященных и затем вынимается изнутри[42] с нижних частей.

[39] Ср. Clem. Alex. Protr. 15.

[40] Ср. ibid. 16.

[41] Здесь имеется в виду, по-видимому, Ринфон, основатель особого вида комедии, живший во времена Птолемея I (320–305 г. до Р. Х.) и бывший родом из Тарента или Сиракуз. Следующий затем стих приводится также Климентом (Protr. 16) и Фирмиком Матерном (De err. XXVI, 1), но без указания автора.

[42] То есть из-под одежды (ср. Clem. Alex. Protr. 16; Firm. Matern. De err. X). Сабазийские мистерии называются по имени бога Сабазия, культ которого из Фригии и Фракии перешел в Грецию и Рим и перенесен был на Диониса (Вакха) и Юпитера. Символом его был змей как ежегодное возобновление естественной жизни (см.: Preller. Griech. Mythol. I. Bd. 3 Aufl. S. 577–578).

22. Полагаю, что также здесь нет необходимости подробно говорить, излагать все частности и выяснять, какое множество гнусностей и позора заключается в каждой части. Ибо кто из людей, обладающих хотя бы малой долей здравого смысла, не может сам видеть, какой характер имеет все это и сколько преступлений, сколько мерзостей и позора приписывается богам и самими обрядами мистерий, и их постыдным происхождением? Юпитер, говорят, воспылал страстью к Церере. Чем, — скажите, — Юпитер, кто бы он ни был, настолько провинился перед вами, что нет никакого вида позора и бесчестия, никакого прелюбодеяния, которых вы не взваливали бы на его голову, как на какую-либо ничтожную и презренную личность? Леда нарушила супружеский долг — Юпитера называют виновником этого. Даная не смогла сохранить девство — говорят, что она была обманута Юпитером. Европа поспешила [из девицы] сделаться женщиной — на него же указывают, как на лишившего ее невинности. Алкмена, Электра, Латона, Лаодамия, тысячи других дев и тысячи матерей и вместе с ними мальчик Катамит лишаются добродетели цедомудрия — везде те же речи об Юпитере, и нет ни одного вида мерзости, соединенного с распутством, который не ставился бы в связь с его именем, так что он, жалкий, по-видимому, для того только и родился, чтобы быть вместилищем преступлений, предметом поношений, открытым некоторого рода местом для отвода всех нечистот из помойных ям. Однако если бы вы говорили, что он имел связь с чужими женами, то это было бы преступно, но оскорбительная клевета была бы терпимой. Но не воспламенялся ли он пылом необузданной страсти даже к матери и даже к дочери, и ни священный долг уважения к матери и даже ужас перед родной дочерью не смогли отклонить его от представления о столь гнусном намерении?

23. Желал бы я видеть Юпитера, отца богов, вечного повелителя мира и людей, украшенным бычьими рогами, шевелящим мохнатыми ушами, [ходящим] при помощи ног, суженных в виде копыт, пережевывающим темно-зеленую траву и имеющим хвост сзади и ноги, загрязненные от нечистот. Желал бы я, говорю, видеть — ибо это часто нужно повторять, — как приводящий в движение небесные светила и громом устрашающий и поражающий напуганные народы следит за стадами баранов, осматривает тестикулы баранов, хватает их той карающей божественной рукой, которой он во гневе обыкновенно направляет сверкающие огненные молнии, и затем проникает в сокровенные части, и, в отсутствие свидетелей, освобождает гениталии от окружающей оболочки, и предоставляет их еще раздраженной матери, как бы

некоторого рода инфулы[43], чтобы вызвать сострадание ее: расстроенный, бледный, смущенный, притворно выражающий мучительную скорбь и, для возбуждения доверия, запачканный кровью барана и с мнимой раной, покрытой шерстяными и полотняными повязками. И это слушают и читают в поднебесном мире? И те, которые сообщают это, хотят считаться богобоязненными, набожными и охранителями религии? Есть ли какое-либо богохульство, более тяжкое, чем это, и может ли найтись ум со столь безбожными мнениями, как тот, кто верит в это, принимает это и изображает в тайных религиозных мистериях? Если бы этот Юпитер, кто бы он ни был, сознавал себя существующим или мог чувствовать оскорбление, то не было ли бы это заслуживающим того, чтобы он во гневе и раздражении удалил землю из-под наших ног, чтобы погасил свет солнца и луны или чтобы все привел в прежний однообразный вид хаоса?

24. Но, говорят, эти мистерии не нашего государства. Кто же это говорит или кто возражает? Римлянин, галл и испанец, африканец, германец или сицилиец? И чем помогает делу то, что они не ваши, когда совершающие их принадлежат к числу вас? Какое значение имеет, одобряете вы это или нет, когда ваше собственное оказывается столь же мерзким или еще более гнусным? Не хотите ли, чтобы мы рассмотрели также те религиозные мистерии, которые у греков называются Фесмофориями[44] и которым посвящены аттическим народом священные бдения и суровые всенощные празднества? Не хотите ли, говорю, чтобы мы рассмотрели, какое происхождение и какое основание они имеют, чтобы доказать, что также самые Афины, славящиеся науками и искусствами, столь же оскорбительно говорят о богах, как говорят другие, и что ими под видом религии оглашаются не меньшие гнусности, нежели те, какие вами ставятся в укор другим? Рассказывают: некогда, когда Прозерпина, бывшая еще не женщиной, а девой, собирала на лугах Сицилии пурпуровые цветы и когда желание собирать их увлекало ее в разные места на цветочном лугу, то в одну сторону,

[43] Инфулы (infulae) — шерстяные повязки, которыми обвязывались жрецы, жертвенные животные и ищущие покровительства, защиты и мира.

[44] Фесмофории — празднество в честь Деметры (Цереры) θεσμοφόρος (законодательницы) как учредительницы земледелия, брака и гражданского порядка и ее дочери Персефоны (Прозерпины), совершавшееся замужними женщинами и состоявшее в ночных торжествах и строгом воздержании. На связь этого празднества со сказаниями о похищении Прозерпины указывает также Климент Александрийский в Protr. 17.

то в другую, царь Манов[45], выскочив из глубокой пещеры, похищает деву, увозит с собой и снова скрывается под землей. Так как Церера не знала об этом происшествии и не подозревала, где находится ее дочь, то она решила искать пропавшую по всей земле; она берет два факела, зажженных от пламени Этны, и, светя ими перед собой, начинает поиски во всех странах земли.

25. В странствовании при этих поисках она приходит также в пределы Элевсина[46]. Так называется селение, находящееся в аттической стране. В то время в этой местности жили пять туземцев, имена которых были следующие: Бавбо, Триптолем, Эвмолп, Эвбулей и Дисавл. Триптолем — запрягатель волов, Дисавл — сторож коз, Эвбулей — [пастух] свиней, Эвмолп — [пастух] овец; от последнего происходит род Эвмолпидов и ведут начало как это знаменитое у жителей Аттики имя, так и процветавшие впоследствие жреческие служители, главные жрецы и глашатаи[47]. Та Бавбо, которая, как мы сказали, была обитательницей селения Элевсина, оказывает гостеприимство Церере, удрученной многими несчастьями, льстит ей, оказывая любезные услуги, просит ее позаботиться о подкреплении тела, предлагает ей для утоления жажды смешанный напиток, который в Греции называют кикеоном (cyceonem)[48]; опечаленная богиня отказывается и отвергает любезные услуги, и несчастье не позволяет ей помнить о здоровье. Та любезно просит и уговаривает ее, как это обыкновенно бывает в подобного рода случаях, не пренебрегать ее дружественным расположением; Церера продолжает упорствовать и остается непоколебимой и непреклонной. Так как это часто происходило и так как никакими любезностями нельзя было поколебать непреклонное решение, то Бавбо обращается к хитрости, и ту, которую не могла склонить серьезными мерами, решила развеселить посредством необычайных шуток — она начинает заботиться о той, остававшейся долго без внимания, части тела, в которой обнаруживается женский пол, посредством которой происходит

[45]Плутон (Аид), бог подземного мира, царствующий над тенями умерших, Манами, и называемый также Орком и Дитом.

[46]Сказания, содержащиеся в этой и следующей главах, вместе со стихами, приписываемыми Орфею, излагаются Арнобием с незначительными отступлениями и дополнениями согласно с Климентом Александрийским (Protr. 20–21); но они должны быть относимы не к Фесмофориям, а к Элевсинским мистериям, как указывает на это и Арнобий в конце 26-й главы.

[47]Эвмолпиды заведывали культом Элевсинских мистерий.

[48]Так назывался напиток, приготовлявшийся из ячменной крупы, тертого козьего сыра и вина.

рождение и от которой пол обыкновенно получает название, и придала ей более чистый и гладкий вид, как у малолетних детей. Затем она возвращается к опечаленной богине и среди тех общих разговоров, которыми обыкновенно ослабляют и облегчают скорбь, обнажает себя и показывает все непристойные части на открытом теле. Богиня устремляет на них взоры и услаждается видом неслыханного рода утешения; затем, развеселившись вследствие смеха, берет и пьет напиток, от которого отказывалась, и Бавбо бесстыдным поступком достигла того, чего долго не могла добиться скромностью.

26. Если кто-либо заподозрит нас в бесчестной клевете, то пусть возьмет книги фракийского поэта[49], которые вы относите к священной древности, и он найдет, что мы ничего не вымышляем с лукавой целью, и не стремимся к этому, и не стараемся осмеивать святость богов. Мы можем привести самые стихи, которые сын Каллиопы[50] составил на греческом языке и издал для пения людьми во все времена: «Так сказав, она вместе с тем сняла одежду снизу и выставила перед глазами тайные части, которые имели юный вид и которые Бавбо нежно трогает рукой. Тогда богиня, устремив священные взоры на них и несколько успокоившись, оставляет душевную скорбь, потом берет рукой бокал и со смехом и веселостью выпивает весь смешанный напиток». — Что скажете вы, хитроумные Эрехтиды, граждане Минервы[51]? Желательно знать, какими речами вы будете защищать столь рискованные дела или каким искусством вы могли бы спасти находящихся в столь безнадежном состоянии лиц или факты и дела. Это не ложное обвинение, и вы не подвергаетесь клеветническому доносу. Известно позорное происхождение ваших Элевсиний: это обнаруживают изречения в древних произведениях письменности, и самые формулы, которыми вы отвечаете на вопросы при принятии в мистерии: «Я постился и пил смешанный напиток; взял из ящика [напиток] и положил в корзину; снова взял и переложил в ящичек».

27. Итак, ваши боги, как показывают те священные и тайные мистерии, похищаются и похищают, вступают в брачные связи посредством обмана и воровских приемов, лишают красоты девства тех, которые сопротивляются и не соглашаются, не знают о предстоящих обидах, не ведают того, что происходит с похищенными, ищут потерянное подобно людям и при сияющем солнце странствуют со светильниками

[49] Орфей.
[50] Он же.
[51] Афиняне.

и факелами по беспредельной земле? Они подвергаются обидам, печалятся, носят траурное платье и знаки печали, и для того, чтобы склонить их к принятию пищи и питья, не разумное основание, не время, не какая-либо трезвая беседа или серьезный разговор применяются, а показываются и выставляются те непристойные части тела, которые общее чувство стыда и естественный закон скромности заставляют скрывать и которые для целомудренного слуха нельзя называть без извинения и без особого позволения. Что, спрашиваю, в этом зрелище, что в непристойных частях у Бавбо было такого, что в богине женского пола, имеющей такие же формы, могло вызвать удивление и смех и что, будучи представлено очам и взору богини, заставило бы ее забыть о несчастии и немедленно привело бы ее в веселое и радостное настроение? Как многое и какого рода мы могли бы привести в осмеяние и для издевательства, если бы не удерживали нас религия народа и авторитет писаний!

28. Признаюсь, я уже давно колеблюсь, опасаюсь и уклоняюсь умножать, как говорится, Телленские нелепости (tricas Tellenas)[52], потому что стыжусь сообщать об Алимунтских (Alimuntia)[53] мистериях, на которых в честь отца Либера в Греции выставляют фаллос, и вся страна наполняется этими изображениями. Что это означает, это, может быть, темно, и возникает вопрос, почему это делается. Кто этого не знает, тот пусть узнает и, изумляясь этому, хранит это всегда в чистом сердце и с соблюдением осторожности. Когда Нисийский и Семелийский Либер[54] жил еще среди людей, то пожелал, как говорят, познакомиться с подземным миром и узнать, что происходит в местах Тартара; но его желанию мешали некоторые затруднения, потому что, по незнанию дороги, он не знал, как отправиться и совершать путь. Является имевший позорную любовь к богу и слишком наклонный к преступным удовольствиям некий Просимн, который обещает указать дверь Дита и выходы к Ахеронту, если бог удовлетворит его желания. Бог легкомысленно дает клятву, что он предоставит себя в его распо-

[52]Теллена, или Теллены (Tellena), — латинский город, жителям которого приписывались, по-видимому, разного рода нелепости.

[53]Алимунт (Галимунт) — город в Аттике. Относительно Алимунтских мистерий, празднеств в честь Либера (Диониса, Вакха) и сказаний о нем и Просимне см.: Clem. Alex. Protr. 34. Арнобий неверно передает слова Климента, который, наоборот, противопоставляет общегреческие фаллические шествия и галимунтские мистерии.

[54]Либер (Дионис) считался сыном Семелы и был воспитан нимфами в Нисе, местоположение которой в древности определялось различно.

ряжение и исполнит его желание, но только тогда, когда возвратится из подземного мира, исполнив свое желание и предприятие. Просимн охотно указывает путь и приводит его к самому порогу подземного мира. Между тем, когда Либер с любопытством осматривал Стикс, Цербера, фурий и все прочее, руководитель его умирает и погребается обычным образом. Эвий[55] выходит из подземного мира, и узнает о смерти руководителя, и, чтобы с точностью исполнить договор и не нарушить клятвы, отправляется на место погребения, и, отрезав от фигового дерева крепкий сук, обтесывает его, выскабливает, выглаживает, придает ему известную форму (humani speciem fabricatur in penis), укрепляет его на могильном холме, и совершает посредством него гнусный акт (postica ex parte nudatus accedit, subdit, insidit. Lascivia deinde surientis adsumpta huc atque illuc clunes torquet et meditatur ab ligno pati quod jam dudum in veritate promiserat).

29. Но чтобы кто-либо не подумал, что столь нечестивые сказания вымышлены нами, мы не требуем, чтобы он поверил свидетельству Гераклита, и не хотим, чтобы он из чтения его узнал, что тот думал о такого рода мистериях: пусть он спросит всю Грецию, что означают эти фаллосы, которые по древнему обычаю выставляют и чтут в селах и в городах, и он найдет, что это происходит по указываемым нами причинам. Если же стыд воспрепятствует прямо объяснить истину, то какая польза утаивать и скрывать причину и происхождение обычая, когда на самом деле происходит оскорбление религии? Что скажете вы, народы и племена, с такой преданностью чтущие храмы? К этому-то культу вы принуждаете нас посредством огня, ссылок, убийств и иного рода наказаний и страхом жестокостей? Этих-то богов вы даете нам, вводите у нас, навязываете нам — [богов], быть подобными которым вы не желаете ни себе, ни другому кому-либо из своих родственников и друзей? Можете ли вы сообщать своим несовершеннолетним детям о том, какие условия заключал Либер со своими любовниками? Можете ли вы своих невесток или жен побуждать к «благонравию» Бавбо и к «скромным» удовольствиям Цереры? Желаете ли вы, чтобы ваши молодые люди знали, слышали и получали сведения о том, каким был сам Юпитер в отношении к одной и другой матери? Желаете ли вы, чтобы взрослые девицы и обладающие еще крепостью сил отцы знали, посредством какой хитрости он соблазнил дочь? Желаете ли вы, чтобы воспламеняющиеся уже страстью родные сестры и их

[55] Evius (ликующий) — одно из наименований Либера (Диониса).

родные братья также знали, что он не пренебрегал преступной связью с сестрой? Таким образом, не следует ли немедленно далеко бежать от такого рода богов и вполне закрывать уши, чтобы мерзость столь нечистой религии не проникла в сердце? Ибо кто из людей настолько тверд в благонравии, чтобы примеры богов не могли склонить его к подобного рода необузданности? И кто будет в состоянии сдержать свои вожделения в отношении к кровным родственникам и лицам, требующим особого уважения, когда он видит, что боги отдаются без разбора страстям, не останавливаясь ни перед чем священным? Ибо когда известно, что высшее и совершенное существо не может удерживать свое вожделение в должных границах, то почему не стал бы без разбора отдаваться страстным влечениям человек, склонный вследствие природной слабости к падению и побуждаемый примером святого божества?

30. Сознаюсь, что я уже давно, обдумывая подобного рода нелепости, обыкновенно удивлялся тому, что вы осмеливаетесь называть атеистом, нечестивцем или богохульником кого-либо из тех, которые или совершенно отрицают бытие богов, или подвергают сомнению, или утверждают, что они были людьми и по причине могущества и заслуг причислены к богам, между тем как если согласно с истиной рассмотреть дело, то никто более не заслуживает носить этого рода названия, нежели чем вы, так как вы под видом чествования более наносите им оскорблений и поношений, нежели если бы решились открыто делать это, сознаваясь в оскорблениях. Кто сомневается или совершенно отрицает бытие богов, тот хотя следует, по-видимому, ужасным и дерзким мнениям и представлениям, однако ни на кого не нападает и не верит в то, что сокровенно, и кто утверждает, что они были человеческого происхождения, тот хотя лишает их небесного величия, однако усваивает им другие достоинства, полагая, что они за благодеяние и достойные удивления превосходства возвышены в божественное достоинство.

31. Но вы, выдающие себя за защитников и поборников бессмертия их, обошли ли одного кого-либо из них, оставили ли не оскорбленным вашими клеветами? Есть ли вид какой-либо гнусности, достойный осуждения по общему признанию, который вы побоялись бы приписать им, будучи удерживаемы хотя бы только авторитетом имени? Кто сообщил, что боги влюблялись в бренные и смертные существа? Не вы ли? Кто [утверждает], что они на чужих брачных ложах тайно предавались сладострастию? Не вы ли? Кто [говорит], что сыновья с матерями и также отцы со своими дочерьми имели преступные связи? Не вы ли? Кто [сообщает], что они имели непозволительную страсть к

красивым мальчикам и миловидным юношам? Не вы ли? Кто [говорит] о них как о кастрированных, о развратниках, о менявших свой вид, о ворах, о находившихся в узах и в цепях, о поражаемых молнией, о раненых, об умиравших и о погребенных в земле? Не вы ли? И, возводя столько обвинений на богов в поругание их, вы осмеливаетесь укорять нас, что из-за нас боги считают себя оскорбленными, между тем как уже давно стало очевидным, что виновниками столь великого гнева и вызывающими негодование богов служите вы.

32. Но, говорят, ты заблуждаешься, ошибаешься и в самой критике этих сказаний оказываешься слишком несведущим, необразованным, невежественным. Все те сказания, которые кажутся тебе гнусными и ведущими к опозорению богов, заключают в себе священные тайны и достойные удивления и глубокие идеи, в которые нелегко всякому проникнуть силой ума. Ибо в них не то обозначается и говорится, что написано и что на первый взгляд выражается словами, но все это должно быть понимаемо в аллегорическом смысле и мистически. Таким образом, кто говорит, что Юпитер имел связь со своей матерью, тот не указывает на кровосмешение или на постыдное плотское соединение, но Юпитером называет дождь и Церерой — землю. И кто, далее, утверждает, что он предавался распутству с дочерью, тот нисколько не говорит о гнусных чувственных наслаждениях, но именем Юпитера обозначает дожди, а именем дочери — посев. Также кто говорит о похищении Прозерпины отцом Дитом, тот говорит не о похищении девы, как ты думаешь, ради гнусной страсти, а о том, что богиня ушла под землю потому, что мы скрываем семена в недрах земли, и соединение с Орком обозначает производительное оплодотворение. Подобным образом и в прочих сказаниях говорится одно, а разумеется другое, и под обыкновенными простыми словами скрываются тайный смысл и глубокая, сокровенная тайна.

33. Очевидно, что все это — уловки и хитросплетения, какими в судах обыкновенно поддерживают безнадежные дела, или, говоря ближе к истине, приемы софистических рассуждений, через которые достигается всегда не истина, а подобие, вид истины и тень. Ибо так как стыдно, позорно и неприлично принимать читаемое в прямом смысле, то направились в эту сторону, заменяя одно другим и через объяснение придавая постыдному приличный вид. Но какое нам дело до того, скрываются ли другие мысли и другой смысл в ваших произведениях? Для нас, утверждающих, что боги трактуются вами преступно и нечестиво, достаточно знать то, что написано и что слушают, и мы не должны заботиться о том, что сокрыто, потому что оскорбление

богов содержится не в темном сокрытом смысле, а в значении ясных выражений. Впрочем, чтобы не казалось, что мы не хотим обратить внимание на то, что говорят, мы прежде всего, если только вы хотите иметь терпение, спросим вас: откуда вам известно, или каким образом вы узнали, написано ли было это аллегорически, или же это только должно быть понимаемо таким образом? Разве писатели приглашали вас на совещание? Разве вы скрывались в их мыслях тогда, когда они одно заменяли другим, скрывая в тайне истину? Затем, если они вследствие какого-либо основания или религиозного опасения хотели скрыть те тайны в непроницаемой темноте, то какую великую смелость обнаруживаете вы, желая понимать то, что они хотели оставить неизвестным для вас, и давая знать всем то, что они тщетно скрыли в словах, не выражающих истины!

34. Но согласимся с вами, что во всех этих сказаниях Ифигениями называются лани[56]; однако откуда вам известно, что, желая объяснять или излагать эти аллегории, вы таким же образом истолковываете или то же разумеете, что разумели в тайных мыслях сами историки и что они изложили не соответствующими словами, а посредством других выражений? Вы говорите, что соединением Юпитера с Церерой названо ниспадение дождя в недра земли, но другой может придумать и предположить другое, более остроумное и правдоподобное, третий — третье, четвертый — четвертое, и соответственно степени умственных способностей лиц, высказывающих мнения, каждое сказание может подвергаться бесчисленным толкованиям. Ибо так как вся эта так называемая аллегория заимствуется из сокровенной области и не имеет определенных границ, в которых смысл того, о чем говорится, оставался бы твердым и неизменным, то каждый располагает свободой направлять читаемое туда, куда ему угодно, и утверждать, что там изложено то, к чему привело его собственное его мнение и предположение. Но если это так, то каким образом вы можете выводить что-либо определенное из того, что неопределенно, и придавать один смысл выражению, которое, как вы видите, может подвергаться бесчисленным видам разнообразных толкований?

35. Наконец, если вы считаете удобным, снова спросим вас также о следующем: думаете ли вы, что все эти сказания, т. е. каждое из них в

[56]Имеется в виду известное сказание об Ифигении, которую отец ее Агамемнон хотел привести в жертву для умилостивления Дианы (Артемиды), но которую Диана, заменив во время жертвоприношения ланью, унесла в облаке в Тавриду и сделала там своей жрицей.

целом виде, двусмысленны и написаны аллегорически и способами, допускающими изменения, или же в одних частях их не говорится ничего двусмысленного, а другие имеют многие значения и прикрыты аллегорическим покровом? И если все содержание излагаемого от начала до конца во всем объеме облечено завесой аллегории, то объясните и укажите, что вместо каждого пункта, приводимого в каждом сказании, мы должны принимать и говорить и к каким другим предметам и значениям относить. Так, например, если вы утверждаете, что Юпитер называется вместо дождя, Церера — вместо земли, Либер и отец Дит — вместо бросания и опускания семян [в землю], то вы должны сказать, что мы должны понимать под быком, что — под негодованием и гневом Цереры, что значит слово Brimo[57], что [означают] мольбы встревоженного Юпитера, посылавшиеся [к Церере] и не выслушанные [ею] небожители, кастрированный баран, отнятые тестикулы барана, достигнутое через них умилостивление и то, что снова было совершено [Юпитером], вследствие еще более гнусной страсти, с дочерью? Что также означают в другом сказании Геннская (Hennae) роща[58] и цветы, огонь, полученный из Этны, и зажженные от него факелы, странствование с ними по земле, Аттическая страна, селение Элевсин, хижина и деревенское гостеприимство Бавбо, что означают смешанный напиток, отказ от напитка, выглаживание и очищение непристойных частей тела, позорное наслаждение зрелищем и достигнутое через такие средства забвение об утрате? Если вы, изменяя сказания, укажете то, что должно разуметь под всем этим, то мы согласимся с вами относительно вашего такого рода утверждения; но если вы не можете каждый пункт заменить другим и провести в целом другой смысл изложения, то к чему вы покрываете аллегорической темнотой то, что было написано просто и оглашено для общего понимания?

36. Может быть, вы скажете, что не во всем составе сказаний находятся такого рода аллегории, но одни части написаны обыкновенным образом, а другие — двояко и покрыты завесой двусмысленности. Это — замысловатое остроумие, ясное и для всякого глупого человека. Так как для вас слишком трудно аллегорически объяснить все написанное, то вы выбираете нечто, соответствующее вашему желанию, и посредством этого стараетесь доказать, что истина скрыта под несобственными и неподлинными выражениями. Согласимся с вами, что это

[57] См. выше V, 20, примеч.

[58] Имеется в виду роща с лугом при городе Генне (Henna), или Енне (Enna), в Сицилии, где Прозерпина (Персефона) собирала цветы.

так, как вы утверждаете; но каким образом вы можете знать и откуда вам известно, какая часть рассказа написана просто и какая — прикрыта имеющими различный смысл и несобственными выражениями? Возможно, что то, что вы считаете простым, написано иначе, и то, что вы признаете написанным иначе, изложено другими и противоположными выражениями. Ибо когда в составе одного произведения одна часть признается написанной аллегорически, а другая — не возбуждающей сомнений прямой речью, и когда в изложении нет признака, по которому можно было бы определить различие между двусмысленными и простыми выражениями, то возможно как простое признать за изложенное в двояком смысле, так и написанное двусмысленно считать свободным от иносказаний. Мы, по крайней мере, сознаемся, что не можем понять, каким образом происходит или признается могущим происходить это [различие].

37. Рассмотрим то, что говорят в этом отношении. В Геннской роще некогда дева Прозерпина, говорят, собирала цветы. Доселе это просто и изложено прямой речью, потому что всем, без сомнения, известно, что такое роща, цветы, Прозерпина и дева. Внезапно явился из земли на колеснице, запряженной в четверню, Сумман[59]. И это также просто, потому что четверня, колесница и Сумман не требуют никакого объяснения. Неожиданно он похитил Прозерпину и увез с собой под землю. Говорят, что похищением Прозерпины называется сокрытие семян [в земле]. Что — скажите — произошло, что рассказ вдруг подвергся изменению, и Прозерпиной стало называться семя, так что та, которая прежде считалась девой, собиравшей цветы, после ее взятия и похищения начала иметь значение посева? Юпитер, говорят, превратившись в быка, домогался соединения со своей матерью, Церерой: как выше изложено, этими именами называются земля и падающий дождь. Я нахожу [здесь] применение закона аллегории темным и неопределенным. Церера воспламенилась гневом и получила тестикулы барана вместо наказания и удовлетворения. Это также я нахожу изложенным обыкновенной речью, потому что о гневе и удовлетворении сказано соответственно их свойству и значению. Что же здесь произошло, что от Юпитера и Цереры, означающих дождь и землю, речь перешла к настоящему Юпитеру и к простому обозначению предметов?

38. Таким образом, или все должно быть написанным и изложенным аллегорически и таким же образом все должно быть объясняемо

[59] Плутон. См. выше V, 44.

нами, или же ничто не написано этим способом, потому что то, что находится во взаимной связи, не представляется как бы состоящим отчасти из рассказа и отчасти из аллегории. Все это, — [скажут], — написано аллегорически. Это не представляется несомненным. Спросите: каким образом, почему? Потому что то, что составляет действительный и очевидный факт, не может превратиться в аллегорию, совершившееся не может быть несовершившимся и природа события перейти в другую природу. Разве может Троянская война превратиться в осуждение Сократа и известная битва при Каннах — в проскрипцию и жестокость Суллы? Конечно, можно, как делает это шутя Цицерон[60], проскрипцию назвать битвой при Каннах; но в давнее время происходившая битва не может быть битвой и вместе с тем проскрипцией, потому что совершившееся, как я сказал, не может быть ничем другим, как только тем, что совершилось, и не может перейти в другую сущность то, что неизменно в своем существе и своих свойствах.

39. Где же мы находим доказательства того, что все эти рассказы служат описаниями событий? В священных празднествах и в таинственных мистериях, которые или совершаются в установленные времена и дни, или тайно передаются народами, постоянно удерживая свойственный им характер. Ибо нельзя думать, что они не имели соответствующего им происхождения, что они совершаются без основания и бездельно и что первоначальное установление их не соединялось с причинами. Та сосна, которая торжественно вносится в святилище Матери богов, не служит ли образом того дерева, под которым Аттис кастрировал себя и которое богиня, как говорят, посвятила себе в утешение от своей скорби? То выставление фаллосов, которые через ежегодные обряды чтут и прославляют в Греции, не представляет ли образ того позорного поступка, посредством которого Либер исполнил свое обещание? О чем напоминают Элевсинские мистерии и тайные религиозные обряды? Не о том ли странствовании, во время которого Церера, утомленная поисками дочери, прибыла в Аттику, принесла зерна пшеницы, одарила семейство Небридов[61] кожей молодого оленя и рассмеялась от замечательного зрелища непристойных частей Бавбо? И если это имеет другую причину, то это не имеет никакого значения для нас, коль скоро все это совершается по какой-либо причине. Ибо невероятно, чтобы это было принято без каких-либо предшеству-

[60] Cicer. pro Rosc. 32.

[61] Здесь разумеются, по-видимому, участники Элевсинских мистерий, совершавшихся в честь Цереры и Вакха, надевавшие на себя кожу молодого оленя (nebrida).

ющих причин, и нельзя считать жителей Аттики настолько безрассудными, что они придумали для себя религиозный обряд, установив его без каких-либо причин. Если это ясно и несомненно, то есть если причина и происхождение мистерий проистекают из совершившихся событий, то ни через какую переделку они не могут быть превращены в аллегории. Ибо что совершилось и произошло, это не может быть несовершившимся вопреки законам природы.

40. Но согласимся с вами, что это так, то есть что рассказы изображают не то, что обозначают слова, что они, подобно болтающим вздор, выражают нечто другое; однако неужели вы не замечаете и не видите, с каким бесчестием и опозорением богов говорится это? Можно ли изобрести более тяжкое оскорбление, нежели землю и дождь или что-либо другое — ибо это совершенно безразлично, какое вследствие объяснения происходит изменение, — называть и именовать соединением Юпитера и Цереры и ниспадение дождя с неба и увлажнение земли обозначать как преступления богов? Можно ли думать или признавать что-либо более нечестивое, нежели опущение семян в землю или что-либо другое, — ибо это также совершенно безразлично — называть похищением Прозерпины и говорить о земледельческой работе, позоря отца Дита? Не было ли бы в тысячу раз лучше лишиться языка и стать немым, нежели извергать этот поток слов и треск грязной болтовни и называть самые постыдные предметы именами богов или обычные занятия обозначать как позорные поступки богов?

41. Прежде был обычай посредством аллегорической речи придавать неприличному приличный смысл и облекать в благопристойный вид то, о чем неприлично говорить. Но по вашему свидетельству, в неблагопристойной форме говорится о благопристойных предметах, и безукоризненное в нравственном отношении излагается в грязных выражениях, так что то, что прежде благопристойность прикрывала вследствие боязни неприличия, теперь, с изменением образа изложения, изображается в пошлом и неприличном виде. Говоря о Марсе и Венере, окруженных, благодаря искусству Вулкана, сетью во время прелюбодеяния, мы, как утверждают, говорим о страсти и гневе, обузданных силой и решением разума. Что же препятствовало, что мешало тому, чтобы каждый предмет обозначить соответствующими словами и выражениями, или, скорее, что заставляло, при желании сообщить что-либо посредством книг и письменных произведений, не желать, чтобы было понято то, что сообщается, но в одном изложении одновременно говорить о противоположных предметах и обнаруживать усердие желающего и недоброжелательство не желающе-

го сообщать сведения? Разве речь о богах как прелюбодеях не представляла никакой опасности, а упоминание о страсти и гневе могло осквернить язык и уста через соприкосновение с грязью? Но если бы это так происходило и если бы был устранен покров аллегорической темноты, то и изложение было бы легким для понимания, и достоинство богов сохранилось бы неоскорбленным. Но теперь, когда говорят, что заключение Марса и Венеры в узы обозначает обуздание пороков, то в одно и то же время происходят два крайне ненормальных явления: с одной стороны, тому, что имеет постыдный вид, придается благопристойный смысл, а с другой — в душу проникает скорее представление позора, нежели какая-либо серьезная религиозная идея.

42. Может быть, вы скажете — потому что только это одно остается, что вы, по-видимому, можете возразить нам, — что боги не хотят, чтобы люди знали их тайны, и что поэтому рассказы [о богах] написаны с аллегорической двусмысленностью. Но откуда вам известно, что боги не хотят открывать свои тайны людям? Откуда вы знаете их и почему стараетесь раскрыть их через объяснение аллегорий? Наконец, почему боги, запрещая приличное, допускают говорить о них то, что позорно и неприлично? Если мы называем Аттиса, то, говорят, мы обозначаем и называем солнце. Но если Аттис — солнце, как вы рассказываете и говорите, то кто будет тот Аттис, который, как сообщают и указывают ваши литературные произведения, родился во Фригии, который испытывал известные состояния и совершал известные действия, которого все театры знают по представлениям и которому среди священных культов специально устраиваются, как мы видим, ежегодные празднества, и именно как божеству? Перенесено ли от солнца на человека или от человека на солнце это наименование? Ибо если это имя с самого начала принадлежало солнцу, то чем провинилось перед вами золотое солнце, что вы дали ему наименование, общее с полумужчиной? Если же оно происходит от козлов и фригийцев, то что совершил родитель Фаэтонта и отец сияющего света[62], чтобы казаться заслуживающим получить название от кастрированного человека и с помощью этого наименования стать более чтимым?

43. Но в чем тут дело, это для всех, конечно, ясно. Так как вы стыдитесь подобного рода сочинений и рассказов и видите, что нельзя устранить те позорные сообщения, которые уже занесены в книги,

[62] Солнце как божество (Ἥλιος, Sol).

то стараетесь придать позорному содержанию благопристойный вид и посредством всякого рода ухищрений изменяете и извращаете значения слов соответственно подставляемому содержанию и, подобно тому как это обыкновенно бывает иногда с больными, которых болезненное расстройство сил лишает здравого смысла и понимания, говорите спутанно и неопределенно и блуждаете в пустых, бессодержательных фикциях. Пусть под соединением Юпитера и Цереры обозначено орошение земли, под похищением [Прозерпины] отцом Дитом — сокрытие семян [в земле], под растерзанными членами Либера — распространение виноделия на земле, и связыванием прелюбодействовавших Венеры и Марса названо обуздание страсти и безрассудства.

44. Но если эти сказания вы признаете написанными аллегорически, то что будет с прочими, которые, как мы видим, не допускают подобного рода превращений? Что мы должны понимать под теми постыдными движениями, которые сын Семелы в пылу страсти производил на могильном холме? Что [должны мы понимать] под похищенными и поставленными для услуг в наслаждениях Ганимедами? Что — под превращением в муравья, посредством которого величайший Юпитер ограничил свой неизмеримый внешний вид? Что — под лебедями и сатирами? Что — под золотыми дождями, в которые он облекся, обольщая посредством коварного обмана и доставляя себе удовольствие, благодаря разнообразным формам? Но — чтобы не казалось, что мы хотим говорить об одном только Юпитере, — какие аллегории могут быть в любовных связях прочих богов, какие — в наемнических и невольнических отношениях их, в заключениях в узы, в утратах детей, в выражениях печали, в мучениях, ранах, погребениях? Имея возможность ограничиться при этом одной виной, вы через такого рода изображение богов прибавили, как говорится, плохую рыбу к хорошему соусу (addidistis garo gerem)[63], называя именами богов постыдные вещи и снова пятная богов наименованиями позорных вещей. Но если бы вы с несомненным убеждением верили, что они здесь присутствуют или существуют где-либо, то при упоминании о них вы испытывали бы страх и так должны были бы верить и твердо удерживать в мысли такое представление о них, что они слышат вас и внимают вашим словам. Ибо для людей, преданных религии сообразно с долгом, не только сами боги, но и имена их должны быть досточтимыми, и сколько [достоинства] принадлежит тем, которые называются

[63] Пословица «garo gerem addere» означает портить хорошее через прибавление к нему чего-либо нехорошего.

этими именами, столько же достоинства должно быть и в наименованиях их.

45. Если судить справедливо, то вы окажетесь подлежащими осуждению за то, что в своем словоупотреблении называете Марса вместо битвы, Нептуна — вместо воды, отца Либера — вместо вина, Цереру — вместо хлеба, Минерву — вместо тканья, Венеру — вместо безнравственных наслаждений. Ибо какое есть основание для того, чтобы предметы, которые могли бы называться собственными их именами, назывались именами богов и чтобы наносилось такое оскорбление богам, какого мы, люди, не перенесли бы, если бы кто-либо наши имена употреблял и применял к недостойным предметам? «Но наша речь загрязнилась бы, если бы она осквернялась такого рода словами». Какая похвальная скромность! Вы стыдитесь называть хлеб и вино и не стесняетесь вместо половой связи называть Венеру!

КНИГА ШЕСТАЯ

1. Так как мы в общем показали, какие нечестивые и позорные мнения вы имеете о богах, то теперь нам следует еще сказать о храмах, о статуях, жертвах и о ряде других предметов, которые примыкают к названным и находятся с ними в тесной связи. Ибо в этом отношении вы обыкновенно возводите на нас тягчайшее обвинение в безбожии, и именно потому, что мы не строим храмов для благоговейного служения, не ставим статуи или изображения какого-либо из богов, не устраиваем алтарей и жертвенников, не приносим жертв из крови убитых животных, ладана и полевых плодов с солью и, наконец, не делаем возлияний вина из чаш. Мы, действительно, перестали устраивать или делать это, но не потому, чтобы имели безбожные и преступные мнения или питали к богам какое-либо презрение, соединенное с безрассудной дерзостью, а потому, что мы полагаем и верим, что боги — если только они действительно существуют и одарены этим высоким именем — или осмеивают эти виды чествований, если они смеются, или же негодуют, если они испытывают возбуждения гнева.

2. Но пусть вам будет известно, как мы думаем и судим об этом имени: мы думаем, что они — если только они (пусть это будет сказано еще раз для полноты) действительно боги — должны обладать всеми совершенствами, быть мудрыми, справедливыми, полными достоинства — и если только не составляет вины осыпать их человеческими похвалами, — отличаться присущими им преимуществами и не получать через внешние средства чего-либо, через что возвышалась бы полнота их ненарушимого блаженства, быть свободными от всех возбуждений и всех волнений, не воспламеняться гневом, не возбуждаться никакими страстями, никому не причинять несчастия, не находить жестокого удовольствия в бедствиях людей, не устрашать знамениями, не давать угрожающих предсказаний посредством необычайных явлений, не связывать обетами и не подчинять им, не требовать умилостивительных жертв угрожающими предзнаменованиями, не наводить эпидемий и болезней через порчу воздуха, не выжигать полевые плоды засухами, не участвовать в убийственных войнах и в разрушении городов, не желать бедствий одним и не содействовать пользе других, но, как это свойственно великим разумным существам, ко всем одинаково относиться и оказывать всем одинаковое благоволение. Ибо [только]

бренным существам и человеческой слабости свойственно поступать противоположным этому образом, и те, кто испытывают душевные волнения, страдают и скорбят, ослабевают, по мнениям и суждениям философов, и невозможно, чтобы подвергающиеся каким-либо страстям не подлежали законам смерти. Но если это так, то каким образом мы можем считаться презирающими богов, относительно которых мы утверждаем, что они не могут признаваться богами и причисляться к небесным силам, если они не истинны и не заслуживают удивления и хвалы великих умов?

3. Но мы не строим им храмов, не поклоняемся изображениям их, не закалываем животных и не приносим в жертву ладана и вина. Как же мы можем приписать им более чести и достоинства, нежели тем, что ставим их в такое же отношение, в какое Главу и Владыку мира и самого высочайшего Царя, Которому они вместе с нами обязаны тем, что сознают себя существующими и пользующимися жизнью? Разве мы чтим Его святилищами или построением храмов? Разве мы закалываем для Него жертвенных животных? Разве мы посвящаем Ему другие предметы, приношение и возлияние которых служат требованием не разумного основания, а обычая, установившегося из-за привычки? Это совершенное безумие — по своим нуждам судить о более могущественном, и то, что требуется для тебя, приносить подающим это богам и считать это за честь, а не за поношение. Мы спрашиваем: для каких потребностей богов, по вашим словам, построены храмы или ради какой необходимости они, по вашему мнению, опять должны строиться? Разве они испытывают зимний холод или опаляются солнечным зноем, бывают мокрыми от проливных дождей, обеспокоиваются бурными ветрами или подвергаются опасности неприятельского нашествия или яростного нападения диких зверей, что справедливо следовало бы заключать их под крепкую кровлю или защищать нагромождением камней? Ибо что такое эти храмы? С точки зрения человеческой слабости это нечто огромное и великолепное, но, если судить соответственно могуществу богов, это некоторого рода небольшие пристанища или, говоря ближе к истине, род весьма тесных пещер, устроенных измышлением скудного ума. Если ты спросишь, кто был первым основателем или устроителем их, то тебе укажут, что это был Фороней, или египтянин Мероп[1], или, как сообщает Варрон в книге «О чудесном»

[1]Также Климент Александрийский называет первыми основателями храмов аргосского легендарного царя Форонея или Меропа (Protr. 44), но последний, по мнению комментаторов, ошибочно назван вместо Кекропа, первого аттического царя и

(in Admirandis)[2], сын Юпитера Эак (Aeacus)[3]. Пусть они построены из мраморных глыб, пусть они сияют позолоченными филенчатыми потолками, пусть в них сверкают драгоценные камни и, подобно звездам, испускают разнообразный блеск: все это — земля и образовано из последних подонков ничтожной материи. И если вы высоко цените это, то нельзя думать, что боги находят в этом удовольствие и что они не отказываются и не отвергают того, чтобы их ограждали и посредством этих преград держали в заключении. Говорят: это храм Марса, это — Юноны и Венеры, это — Геркулеса, Аполлона, Дита. Что другое означают эти слова, как не то, что это дом Марса, это — Юноны и Венеры, здесь обитает Аполлон, здесь пребывает Геркулес, а там — Сумман? Таким образом, не служит ли первым и величайшим оскорблением то, что вы ограничиваете богов жилищами, назначаете для них хижинки, устраиваете комнаты и каморки и признаете необходимым для них то, что требуется для людей, кошек, муравьев, ящериц, для убегающих, робких маленьких мышей?

4. Но не для того, говорят, мы посвящаем храмы богам, чтобы как бы оградить их от мокроты ливней, от ветров, дождей или солнечного зноя, а для того, чтобы иметь возможность лично и непосредственно созерцать их, обращаться к ним на ближайшем расстоянии с речью и, как с присутствующими, вступать в благоговейное собеседование. Ибо если бы их призывали под открытым небом и под эфирным сводом, то они ничего не слышали бы, и, если бы не на ближайшем расстоянии направлялись к ним моления, то они оставались бы недоступными и неподвижными, как бы ничего не говорили им. Но мы полагаем, что всякий бог вообще, если только он обладает свойственной этому имени силой, должен, как бы присутствуя, слышать то, что каждый скажет в какой бы ни было части мира, он должен заранее знать даже то, что каждый будет иметь в сокровенных и безмолвных мыслях, и как звезды, солнце и луна, совершая путь над землей, тотчас для всех вообще бывают видимыми и повсюду присутствующими, так и слух богов ни для какого языка не должен быть закрытым и всегда быть присутствующим, хотя бы голоса направлялись к нему из отдаленных стран. Ибо богам свойственно все наполнять своей силой, не быть где-либо

основателя города Афин, считавшегося первым установителем культа и бывшего, по преданию, местным уроженцем или египетским переселенцем.

[2]В произведении Марка Теренция Варрона Gallus Fundanus de admirandis, составлявшем одну из 76 книг сочинения Logistorici.

[3]Эак, первый царь эгинский, построил, по преданию, первый храм Зевсу.

отчасти, но повсюду быть вполне, не присутствовать и не отсутствовать, не отправляться на пиршество в Эфиопию и не возвращаться через двенадцать дней в свое жилище[4].

5. Если бы не было так, то уничтожилась бы всякая надежда на помощь и было бы сомнительным, слышат ли вас боги или нет, хотя бы вы исполнили должные религиозные церемонии. Чтобы понять это, представим себе, что какое-либо божество имеет храм на Канарских островах, также на отдаленной Туле (Thylen)[5], также у серов, у смуглых гарамантов и у других каких-либо [народов], к ознакомлению с которыми не допускают моря, горы, леса и четыре страны света: если все они в одно и то же время, совершив религиозные обряды, будут испрашивать у божества то, о чем просить заставляет их нужда, то какая у всех будет надежда на получение милости, если бог не слышит отовсюду направленного к нему голоса и если будет далекое расстояние, куда не может достигнуть речь просящего помощи? Ибо или он ни в каком месте не будет находиться, если он может когда-либо не быть где-либо, или он явится только к одним, так как он не может слушать всех вместе и безраздельно. Таким образом, бог или совсем никому не помогает, если он, будучи занят чем-либо, не может явиться для выслушивания просьб, или будут услышаны только одни, а прочие ничего не достигнут.

6. Что сказать о том, что многие из этих храмов, воздвигнутых с позолоченными куполами и возвышающимися фронтонами, покрывают, как свидетельствуют сочинения писателей, прах и кости и служат местами погребения умерших? Не ясно ли и не очевидно ли, что или вы вместо бессмертных богов чтите умерших, или наносится неизгладимое оскорбление богам, святилища и храмы которых устроены на могилах умерших? Антиох[6] в девятой книге «Истории» упоминает, что в Афинах в храме Минервы был предан земле Кекроп, далее, в ее же храме, находящемся в акрополе Лариссы, похоронен, как пишут

[4]Имеется в виду Зевс у Гомера (ср. Il. I, 423–424).

[5]Thyle, или Thule, — остров на севере Европы, не вполне известный древним и впоследствии принимавшийся то за берег Норвегии, то за Исландию, то за один из Шотландских островов (Мейнланд).

[6]Антиох Сиракузский, современник Фукидида, написавший историю Италии и историю Сицилии в 9 книгах до 423 г. до Р. Х. Следующие затем сообщения, с некоторыми отступлениями, встречаются также у Климента Александрийского в Protr. 45.

и передают, Акрисий[7], в храме Полиады — Эрихтоний[8], в Элевсинской ограде, вблизи города — братья Даира (Dairas) и Иммарад (Immaradus)[9]. Что сказать о дочерях Келея[10]? Не погребены ли они, как утверждают, в храме Элевсинской Цереры? Не [погребены ли] в святилище Дианы, устроенном при храме Аполлона Делосского, Гипероха и Лаодика, прибывшие туда, как указывают, из Гиперборейской страны[11]? Леандрий[12] говорит, что Клеох (Cleochum)[13] получил последние почести в Милетском храме Аполлона Дидимского[14]. Зенон Миндийский[15] объявляет и говорит, что в святилище Дианы при Магнезии находится надгробный памятник Левкофрины[16]. Не свидетельствуют ли произведения писателей единогласно, что под жертвенником Аполлона, который можно видеть в городе Телмессе, похоронен прорицатель Телмесс? Птолемей, сын Агезарха[17], в первой книге о Филопаторе сообщает на основании документов, что царь Кинира[18] вместе со своим семейством и даже со всем потомством похоронен в Пафе[19], в храме Венеры. Было бы делом бесконечным и чрезмерным описывать, в каких храмах на всей земле и кто находится, и нет нужды в точном исследовании — хотя Египет установил наказание для того, кто огласил бы, где похоронен Апис[20], — под какими храмами находятся [указываемые] Варроном кладбища и какие тяжелые массы нагромождены на них.

[7] Акрисий — царь Аргоса, сын Абанта, отец Данаи, дед Персея.

[8] Эрихтоний — сын Гефеста (Вулкана), получеловек-полузмей, бывший, по изгнании Амфиктиона, царем Афинским и погребенный в храме Афины Паллады.

[9] Арнобий искажает слова Климента. Иммарад — сын Евмолпа и Даиры, местного элевсинского божества (ср. Paus. I, 5, 2).

[10] Келей — царь и жрец в Элевсине. Его дочери носили имена Диогенея, Паммеропа и Сесара (ср. Paus. I, 3, 38).

[11] Гипероха и Лаодика — девушки, которых гипербореи послали на остров Делос со священными дарами (ср. Hdt. IV, 33).

[12] «Леандрий» также заимствован Арнобием у Климента. Искаж. «Меандрий», историк из Милета.

[13] Клеох — отец Ареи, матери Милета, основателя одноименного города.

[14] См. выше I, 26, примеч.

[15] Грамматик неизвестного времени из малоазийского города Минды. Возможно, упоминается Диогеном Лаэртским (VII, 35), Евсевием Кесарийским (Praep. Evang. II, 6), Феодоритом (Serm. VIII ad Graec.) Стефаном, (s. v. Μύνδος) и др.

[16] Город Магнезия на Меандре служил центром культа Дианы (Артемиды) Левкофрины.

[17] Птолемей — историк из Мегалополя, современник Филопатора.

[18] См. выше IV, 24.

[19] Паф — город на острове Кипр, с древнейшим храмом Венеры.

[20] Вероятно, имеется в виду сообщение Геродота о тайном захоронении быка Аписа, раненного Камбизом (Hdt. III, 29).

7. Но к чему говорить об этих мелочах? Кто из людей не знает, что в Капитолии господствующего народа находится могила Ола Вулкентана[21]? Кто, говорю, не знает, что из самых оснований его была вынута голова человека в не очень давнее время или одна, без прочих частей, как сообщают некоторые, или со всеми членами, и была погребена? Если вы потребуете подтверждения этого посредством свидетельств писателей, то Саммоник[22], Граний[23], Валериан[24] и Фабий[25] могут указать вам, чей сын был Авл (Aulus)[26], из какого он рода и племени, почему рукой раба (cur manu servuli) он был лишен жизни и света и чем он провинился перед своими согражданами, что ему было отказано в погребении в отеческой земле. Вы узнаете также — хотя они притворяются не желающими оглашать это, — что произошло с найденной головой и в какой части местности[27] она старательно была скрыта для того именно, чтобы удостоверенное знамение[28] навсегда осталось неизменным и упроченным. И хотя следовало бы скрывать это и предать забвению, свойственному давности, однако состав наименования[29] дает знать об этом и вместе со своими причинами в течение предоставленного ему времени продолжает быть неуничтожимым свидетельством, и самый великий город, почитатель всех божеств[30], не постыдился, давая наименование храму, назвать его от головы Ола Капитолием, а не по имени Юпитера.

8. Таким образом мы, полагаю, достаточно показали, что храмы бессмертным богам или напрасно воздвигнуты, или вопреки достоинству и признаваемому могуществу построены вследствие оскорбитель-

[21] См.: Serv. Comm. in Virgil. VIII, 345.

[22] Саммоник Серен, живший в царствование Септимия Севера и умерщвленный по приказанию Каракаллы в 212 г., автор многих сочинений, из которых известно Rerum reconditarum libri.

[23] Граний Флакк (см. выше III, 31, примеч.).

[24] Может быть, Корнелий Валериан, писатель, неоднократно цитируемый Плинием Старшим.

[25] Возможно, Фабий Пиктор, древнейший из римских историков-анналистов, живший во время II Пунической войны.

[26] Aulus то же, что Olus.

[27] Капитолийского холма.

[28] Найденная на Капитолийском холме человеческая голова была истолкована этрусским гадателем как знамение будущего владычества римлян, и они должны были употребить особые меры для того, чтобы это знамение осталось неизменным.

[29] Capitolium.

[30] Ср. Min. Fel. Octav. 6, где говорится: «... римляне чтут всех богов. Они ищут повсюду чужестранных богов и делают их своими, строят жертвенники даже неизвестным божествам».

ных мнений. Теперь нам следует сказать нечто о статуях и изображениях, которые вы изготовляете с большим искусством и которым оказываете религиозное почитание. Если это соединяется с какой-либо верой, то мы для себя самих никакими соображениями не можем установить, делаете ли вы это серьезно и с имеющей важное значение целью, или же занимаетесь этим, забавляясь, вследствие детской фантазии. Ибо если для вас несомненно, что боги, признаваемые вами, существуют и пребывают в высших небесных областях, то что служит причиной или основанием того, что вами изготовляются эти изображения, когда имеются действительные существа, которым вы можете молиться и просить их, в случае нужды, о помощи? Если же вы не верите или, выражаясь мягче, сомневаетесь, то что также и в таком случае побуждает вас придумывать и изготавливать изображения того, что сомнительно, и на основании фантастического подражания изображать то, в существование чего не верите? Или, может быть, вы скажете, что при помощи этих изображений боги являют вам как бы свое присутствие, и так как богов нельзя видеть, то таким образом им оказывают чествование и исполняют требуемые долгом обязанности? Кто говорит и утверждает это, тот не верит в существование богов и обнаруживает отсутствие доверия к своим религиозным мнениям, коль скоро ему необходимо видеть то, что он принимает, чтобы не было праздным то, что как незримое не может быть видимо.

9. Посредством изображений, говорите вы, мы чтим богов. Что же? Если бы этих [изображений] не было, то разве боги не знали бы, что им служат, и не могли бы признать, что им оказывается чествование? Таким образом, как бы окольными путями и через некоторого рода, так сказать, уполномочия они получают и принимают ваши чествования, и прежде, чем они узнают, для кого предназначается это поклонение, вы приносите жертвы перед изображениями и предоставляете им самим как бы некоторые остатки из чужого полномочия. Что может быть более оскорбительным, обидным и жестоким, нежели признавать богом одно, а совершать моления перед другим, надеяться на помощь от божества, а испрашивать ее у бесчувственной статуи? Не то же ли это значит, спрашиваю, что, как говорится в народных пословицах, бить кузнеца, когда хотят наносить удары сукновалу, и просить мнения об образе действий у ослов и свиней, когда ищут совета у человека?

10. Откуда, наконец, вы знаете, все ли те изображения, которые вы делаете, как заменяющие бессмертных богов, имеют и представляют сходство с богами? Ибо, может быть, что на небе имеет бороду тот, кто вами изображается безбородым, может быть пожилым тот, кому вы

приписываете отроческий возраст, возможно, что являющийся здесь белокурым в действительности имеет серые глаза и что широкий нос имеет тот, кого вы представляете и изображаете длинноносым. Ибо нельзя называть и именовать правильным такое изображение, которое не представляет одинаковых черт с оригиналом: в ясности и несомненности этого можно убедиться посредством общеизвестных явлений. Так, хотя все мы, люди, посредством не подлежащего сомнению наблюдения глаз видим солнце округленным, однако вы приписали ему человеческое лицо и черты смертных существ. Луна постоянно находится в движении и, возобновляясь, принимает тридцать видов в течение месяца, а по вашим указаниям и изображениям она — женщина и [всегда] имеет одно и то же лицо, хотя она, вследствие ежедневного изменения, превращается в тысячи видов. Все мы знаем, что ветры составляют течение воздуха, толкаемого и приводимого в движение космическими причинами, а вы представляете их в виде людей, своим дыханием производящих дуновения изнутри извилистых труб. Среди ваших богов мы видим свирепое лицо льва, покрытое чистым суриком, и это именуется [богом] плодородия[31]. Если все эти изображения служат подобиями небесных божеств, то следует сказать, что и на небе обитает такой бог, сходство с фигурой и видом которого представляет это изображение, и именно как этот здесь, так тот там имеет только голову с лицом без прочих частей, издающий рычание из свирепой пасти, наводящий ужас кроваво-красным цветом, стискивающий челюсть своими зубами и, подобно утомленным собакам, дерзко высовывающий язык из открытой пасти. Но если этого нет в действительности, как все мы признаем это, то какую великую дерзость представляет измышлять какой угодно образ и говорить, что это — изображение бога, существование которого нельзя доказать ни в какой части мира?

11. Вы смеетесь над тем, что персы в древние времена, как сообщается в исторических произведениях[32], чтили реки, арабы — бесформенный камень, скифские племена — кривую саблю[33], феспийцы — сук вместо Цинкции[34], икарийцы — необтесанный чурбан вместо Дианы[35],

[31] Возможно, Митра.
[32] Ср. Clem. Alex. Protr. 46.
[33] У Климента — короткий меч, акинак (Protr. 46).
[34] Феспии — город в Беотии. Цинкция — Юнона (см. выше III, 25 примеч.).
[35] Икария — один из островов в Эгейском море.

пессинунтцы — твердый камень вместо Матери богов[36], римляне — копье вместо Марса, как указывает Варрон в «Музах» (Musae), и, по сообщению Аэтлия[37], самосцы, до употребления пластических искусств и изучения их, — столб вместо Юноны, но воздерживаетесь от смеха, молясь статуэткам людей вместо богов бессмертных и человеческим изображениям! Вы даже считаете самые статуэтки за богов и верите, что, кроме них, ничто не обладает божественной силой. Что говорите вы? Значит, небесные боги имеют уши и виски, шею, затылок, спину, бедра, бока, колени, ягодицы, лопатки, пятки и все прочие члены, из которых построены мы и которые полнее перечислены и подробнее описаны в первой части? Если бы можно было заглянуть в ваши сердца и в самые тайники ваших душ, где у вас возникают и хранятся разного рода сокровенные мысли, то мы нашли бы, что также и вы сами то же думаете, что мы, и такие же имеете мнения об изображении богов. Но что мы можем сделать против упорного пристрастия, против угрожающих мечами и изображающих новые наказания? Вы посредством угроз поддерживаете заведомо неправое дело, и что раз сделали неразумно, это вы защищаете, чтобы когда-либо не показаться не знающими чего-либо, и считаете за лучшее не подчиняться, нежели уступить признанной истине и согласиться с ней.

12. По этим же причинам, при вашем снисхождении, произошло также то, что художники дерзко потешались над телами богов и придавали им такие формы, которые для всякого серьезного человека могли бы служить насмешкой. Так, Аммон[38] представляется и изображается с бараньими рогами, Сатурн, страж полей, — с загнутым серповидным ножом, как какой-либо подрезыватель разросшихся ветвей, сын Майи[39] — в дорожной шляпе, как готовый отправиться в путь и защищающий себя от солнца и пыли, Либер — с нежными членами, полным женственности и свойственного женщинам слабосилия, Венера — нагой и неприкрытой, как будто бы хотят сказать, что она всем предлагает себя и продает телесную красоту за плату, Вулкан — в шапке и с молотом, но со свободной правой рукой, как приготовившийся к кузнечной работе, Делосский [Аполлон] — с плектром[40] и кифарой,

[36] См.: II, 73, примеч. и VII, 49–51.

[37] Аэтлий — самосский историк.

[38] Амон, или Гаммон, — египетское и ливийское божество, почитавшееся также в Риме как Юпитер Аммон.

[39] Меркурий.

[40] Плектр — палочка, которой ударяли по струнам лиры или кифары.

в позе кифареда и актера, собирающегося петь куплеты, царь моря — с трезубцем, как будто бы ему предстоит вступить в борьбу в состязании гладиаторов, и нельзя найти ни одного изображения какого-либо божества, которое не имело бы определенного вида, присвоенного ему щедростью художников. Вот если бы какой-либо находчивый и хитрый властитель без вашего ведома удалил Солнце (Solem)[41] из его пределов и перевел на место Меркурия, и затем взял Меркурия и заставил переселиться в святилище Солнца — потому что оба они изображаются вами безбородыми и с гладким лицом, — и придал ему лучи, а на голову Солнца возложил дорожную шляпу, то каким образом вы могли бы различить, кто из них Солнце и кто Меркурий, когда вы обыкновенно различаете богов по внешнему виду, а не по личным свойствам? Если, далее, вследствие подобного изменения он отнимет рога у нагого Юпитера и прикрепит их к вискам Марса, а Марса лишит оружия и затем облечет в него Аммона, то какое возможно будет различие между ними, когда тот, кто был Юпитером, может считаться также за Марса, а бывший Марсом может получить вид Юпитера Аммона? Так далеко простирается произвол в изготовлении изображений, в присвоении имен как собственных тем, которых если лишить внешнего вида, то утрачивается возможность распознавать их, бог с богом могут смешиваться, один может казаться другим, и даже каждый из двух может признаваться за другого.

13. Но к чему я смеюсь над присвоенными богам серпами и трезубцами, рогами, молотами и шляпами, когда мне известно, что некоторые изображения имеют формы известных людей и черты презренных блудниц? Кому неизвестно, что афиняне изготовляли известные гермы[42] по образцу тела Алкивиадова[43]? Кто из читающих Посейдиппа[44] не знает, что Праксителъ с необычайным искусством изобразил лицо Книдской Венеры по образцу любовницы Кратины, которую несчастный страстно любил? Но разве была единственной эта Венера, красота которой возвеличена через перенесение на нее черт лица блудницы? Известная Фрина Феспийская[45], по сообщению писавших феспийскую историю, когда была на самом верху красоты, привлекательности и

[41] Гелиос.

[42] Колонны с головой Гермеса (Меркурия) или какой-нибудь другой.

[43] См. относительно этого, как и следующих затем сообщений об изображениях Венеры и Юпитера: Clem. Alex. Protr. 47.

[44] Посейдипп — автор сочинения о малоазийском городе Книде (Clem. Alex. Protr. 53).

[45] О Фрине то же сообщают Татиан (Orat. 33) и Климент (Protr. 53).

блеска, служила, как утверждают, моделью для всех, пользующихся известностью, Венер как в греческих городах, так и там, куда проникла любовь и страсть к подобного рода статуям. Поэтому все художники, жившие в то самое время и достигшие первенствующего положения точностью воспроизведения моделей, со всей тщательностью и усердием состязались в перенесении черт лица распутницы на статуи Венеры, таланты художников воодушевлялись, и они соперничали и соревновались, стараясь превзойти один другого, не для того, чтобы более возвысить Венеру, а для того, чтобы Фрину изобразить под видом Венеры. Таким образом, дело дошло до того, что блудницам вместо бессмертных богов приносятся жертвы и жалкие религии вводятся в обман из-за изготовляемых статуй. Когда упоминаемый как первый среди ваятелей известный Фидий окончил свое произведение огромных размеров, [статую] Юпитера Олимпийского, то надписал на пальце бога: «Pantarces Pulcher»[46] — а это было имя мальчика, которого он любил и к которому питал позорную страсть, — и никакое опасение или религиозное чувство не удержали его от того, чтобы назвать бога именем развратника и даже присвоить развратнику божественность и образ Юпитера. Так далеко простирается шалость и ребячество в изготовлении этих статуй, в поклонении им вместо богов и в присвоении им божественной святости, так как мы видим, что сами художники через изготовление их потешаются и ставят памятники собственным страстям. Ибо что, спрашивается, могло бы удержать Фидия от шалости и забавы, когда он знал, что сделанный им сам Юпитер незадолго перед тем был золотом, камнями и костями, бесформенными, разъединенными и неупорядоченными, что он собрал и соединил их, придал им вид и подобие членов, и — что в особенности важно — благодаря ему тот [Юпитер] произошел и стал получать поклонение от людей?

14. В настоящем месте желательно как бы в присутствии всех народов земного мира обратиться к ним с одной общей речью и вслух всем сказать следующее, чтобы все выслушали. Что это значит, люди, что вы сами относительно столь ясных и несомненных предметов обманываете и вводите себя в заблуждение через добровольное ослепление? Рассейте, наконец, мрак и, возвратившись к свету разума, вникните ближе и рассмотрите качество того, о чем идет речь, если только вы

[46] По Клименту Александрийскому (Protr. 53), Παντάρχης Καλός (прекрасный помощник для всех). Надпись двусмысленна: в приложении к Зевсу (Юпитеру) слова эти составляют его прозвище; но они были также именем любимца Фидия, служившего художнику моделью при изготовлении статуи бога.

удерживаете принадлежащее вам право и находитесь в границах данного вам разума и благоразумия. Эти статуи, которые внушают вам страх и перед которыми вы во всех храмах повергаетесь ниц и смиренно молитесь, представляют собой кости, камни, медь, серебро, золото, глину, древесные материалы или смесь, соединенную гипсом; они, может быть, из украшений блудниц, из женских уборов, из верблюжьих костей, из клыков индийского животного, из котлов, горшков, канделябров и ламп или из других предметов низшего назначения были составлены, обработаны, приведены в этот вид и получили видимые вами формы, были обожжены в гончарных печах, получившись при посредстве наковален и молотов, будучи выскоблены стругами, выглажены рашпилями, обрезаны, обтесаны и пробуравлены пилами, буравами и топорами, просверлены коловоротами и выравнены рубанками. Не заблуждение ли это или, собственно говоря, не безумие ли — признавать богом то, что ты сам сделал, с трепетом молиться перед своим произведением, и хотя ты с несомненностью знаешь, что это твоя работа и дело твоих рук, повергаться ниц перед ним, смиренно просить о помощи в несчастье, а в трудных обстоятельствах прибегать к милости и благоволению этого божества?

15. Вот если бы кто-либо выставил публично необработанную и не выделанную в виде какого-либо изделия медь, слитки необработанного и необделанного серебра и золота, дерево, камни, кости и другие предметы, из которых обыкновенно состоят статуи и [другие] изображения богов, или если бы кто-либо выставил разбитые лики богов, поломанные и изуродованные изображения и приказал вам приносить перед этими кусками и обломками жертвы и совершать перед бесформенными массами религиозные обряды, то мы желали бы слышать от вас, исполнили ли бы вы это или, вопреки приказанию, отказались бы? Может быть, вы спросите: почему? Потому что никто в мире не настолько безрассудно слеп, чтобы серебро, медь, золото, гипс, слоновую кость, глину относить к числу богов и утверждать, что они сами по себе имеют божественную силу и обладают ею. Какое же есть основание [признавать], что все эти тела — если они остаются в неприкосновенном виде и необработанными — не имеют божественной силы и небесного достоинства, а коль скоро они получают человеческие формы — уши, нос, щеки, губы, глаза, ресницы, — то немедленно делаются богами и вступают в ряд и в число небожителей? Разве обработка придает этим телам что-либо новое, так что вы вынуждаетесь верить, что этим добавлением им сообщились какого-то рода божественность и величие? Разве она превращает медь в золото или заставляет ничтожную глину

перейти в серебро? Разве она дает жизнь и способность к духовным движениям тому, что незадолго перед тем было бесчувственным? Если вошедшее в состав статуй удерживает все те свойства, какие оно имело вне их, то какое великое безрассудство (я отказываюсь назвать это ослеплением) — признавать, что сущность вещей изменяется вследствие свойства форм и что через внешний вид получает божественность то, что в первоначальном теле было безжизненным, неразумным и лишенным чувства и движения!

16. Таким образом, вы, люди, разумные существа, одаренные даром мудрости и благоразумия, совершенно забыв о сущности и происхождении статуй, повергаетесь перед обожженной глиной, поклоняетесь кускам меди, у слоновых клыков просите здоровья, должностей, господства, власти, побед, прибылей, выгод, богатых жатв и обильных сборов винограда, и хотя ясно и очевидно, что вы обращаетесь со словами к безжизненным предметам, однако вы думаете, что они выслушивают вас, и сами вводите себя в обман пустым легкомыслием. О, если бы можно было проникнуть в пустые внутренности какой-либо статуи или, лучше, если бы можно было расчленить и разложить Олимпийских и Капитолийских Юпитеров и рассмотреть в отдельности каждую из всех тех частей, из которых состоит целое этих тел! Вы немедленно увидели бы, что те боги, которым внешнее изящество придает величие искусственным блеском, представляют собой соединение литых кусков металла и бесформенных частиц, что они предохраняются от опасности распада и разрушения посредством шипов и цепей, крючьев и скоб, что во все отверстия и соединяющие связи влит свинец и что сделаны приспособления для предохранения статуй от повреждения на долгое время. Вы, говорю, немедленно увидели бы одни только лица без затылков, половины рук без передних частей, туловища с половинами боков, незаконченные стопы ног и — что наиболее может возбуждать смех — богов, сделанных, вследствие неодинакового соединения тел, с одной стороны — из дерева и с другой — из камня. Если бы это, как прикрытое искусством, вы не могли заметить, то находящееся перед глазами всех должно было бы научить вас и дать вам знать, что ваши труды бесплодны и что вы совершаете бесполезное служение ничтожным предметам. Неужели же вы не замечаете, что эти как бы живые статуи (spirantia signa)[47], к стопам и коленам которых вы прикасаетесь и которые обнимаете с молитвами,

[47] Ср. Virg. Aen. VI, 848; Georg. III, 34.

то подвергаются падающим на них дождям, то портятся от гниения и плесени, покрываются дымом и копотью, обезображивающими их, и чернеют, утрачивают, находясь долгое время в пренебрежении, свой вид и повреждаются, разъедаемые ржавчиной? Неужели, говорю, вы не замечаете, что в пустых местах этих статуй свивают гнезда и живут ящерицы, землеройки, мыши и боящиеся света мокрицы, заботливо собирают сюда всякого рода грязные вещи и то, что пригодно для их потребностей: полуобъеденные корки хлеба, кости, принесенные для будущего употребления, тряпки, шерсть, обрезки бумаги, чтобы гнезда сделать мягкими и чтобы обогревать жалких детенышей? Неужели вы не замечаете, что иногда пауки ткут на лице статуи паутину и коварные сети, чтобы ими опутывать летающих и жужжащих бесстыдных мух[48], и что, наконец, летающие в самых куполах храмов и полные нечистот ласточки бросают свой помет и пачкают то сами лица, то головы божеств, бороду, глаза, носы и все другие части, на которые падают извержения[49]? Покраснейте, таким образом, от стыда, хотя поздно, воспользуйтесь образом действия бессловесных животных, и пусть они научат также и вас тому, что нет ничего божественного в статуях, на которые они не боятся и не избегают извергать нечистоты, следуя своим законам и истинному внушению природы.

17. Но, говорят, ты заблуждаешься и впадаешь в ошибку потому, что мы не признаем медь, золото, серебро и другие материалы, из которых делаются статуи, богами самими по себе святыми существами, но в них мы оказываем почитание и молимся тем, посвящение которым соединило со статуями и привело к обитанию в них[50]. Это неплохое и не заслуживающее пренебрежения объяснение, на основании которого всякий тупица и даже вполне рассудительный человек может верить, что боги, оставив собственные жилища, т. е. небо, не отказываются и не избегают входить в земные обиталища и даже вынуждаются в силу посвящения соединиться и слиться со статуями. Значит, боги ваши пребывают в гипсе и в глине, или, лучше сказать, боги служат умами, душами и жизненной силой глины и гипса и, чтобы возвысить ничтожнейшие предметы, позволяют себя заключать и скрывать в тесном и темном жилище? Поэтому в настоящем случае мы прежде всего желаем и просим услышать от вас следующее: вопреки ли желанию они делают это, т. е. входят ли они в помещение статуй, вынужденные си-

[48] Ср. Min. Fel. Octav. 24.
[49] Ср. Clem. Alex. Protr. 52.
[50] Ср. Min. Fel. Octav. 23.

лой посвящения, или же добровольно и охотно, без применения каких-либо принудительных средств? Если они делают это не добровольно, то каким образом возможно, что они подвергаются принуждению с умалением величия? А если это исполняется ими вследствие добровольного согласия, то чего боги ищут в глине, предпочитая ее небесным жилищам?

18. Что же? Постоянно ли боги обитают в подобного рода материалах и никуда не уходят, хотя бы этого требовало весьма важное дело, или же они обладают свободой передвижения и могут, когда им угодно и куда угодно, уходить и оставлять свои места пребывания и статуи? Если они вынуждены бывают оставаться, то что может быть более жалким и печальным, коль скоро их так прикрепляют к пьедесталам крючья и свинцовые связи? Но если мы предположим, что они, будучи связанными и почти неподвижными, предпочитают глину и прочие [материалы], из которых делаются статуи, небу и жилищам на звездах, то они утратят свое божественное могущество; а если они могут удаляться, когда им угодно, и имеют неограниченное право оставлять ничтожные статуи, то, значит, статуи иногда перестают быть богами, и будет непонятно, когда должно приносить им жертвы и когда следует и необходимо бывает удерживаться от этого. Часто мы видим, что художники то делают эти статуи маленькими и уменьшают их до размеров ладони, то чрезмерно увеличивают их и воздвигают [статуи] огромных объемов. Из этого обстоятельства мы должны вывести заключение, что в маленьких статуэтках боги уменьшаются и сокращают себя применительно к форме чужого тела, а в больших — они удлиняются и увеличивают свой объем. Если это так, то следует признать, что в сидящих статуях богов они сидят и в стоящих — стоят, в бегущих бегут, в стреляющих — пускают стрелы, — они применяются к форме и виду изображенного тела и уподобляются ему.

19. В статуях обитают боги. Каждый ли в каждой вполне или же частично и разделившись на члены? Но невозможно, чтобы один бог одновременно мог находиться во многих статуях и, вследствие происходящего дробления, разделяться на части. Так, предположим, что на всей земле есть десять тысяч статуй Вулкана: возможно ли, как я сказал, чтобы он один в одно и то же время находился во всех десяти тысячах? Не думаю. Почему? Потому что отдельное и единое по природе не может быть многим с сохранением своего единства и целостности, и это тем более невозможно, если боги имеют, как показывает ваше верование, человеческие формы. Ибо рука отдельно от головы или нога, отделенная от тела, не могут представлять совокупность целого,

и невозможно утверждать, что части тождественны с целым, потому что целое не может существовать, если оно не состоит из соединения частей. Если же будут утверждать, что один и тот же [бог] находится во всех [статуях], то истина утрачивает всякое основание и почву, коль скоро признают, что один одновременно пребывает во всех, или же следует признать, что каждый из богов так отделяет себя самого от себя, что бывает и самим собой, и другим, не отличаясь никаким различием, но тот же и он сам, и другой. Так как это не допускается, устраняется и отвергается природой, то или следует сказать и признать, что есть бесчисленное множество Вулканов, коль скоро мы утверждаем, что он находится и живет во всех статуях, или же он не будет находиться ни в одной, потому что природа не допускает, чтобы он был разделенным по многочисленным [статуям].

20. Но если для вас ясно и несомненно, что внутри статуй живут и обитают небесные боги, то почему вы сторожите, оберегаете и держите их в заключении под крепкими замками и огромными запорами, под засовами, задвижками и тому подобными вещами, и чтобы какой-либо вор или ночной грабитель не вторгся, охраняете их тысячами храмовых блюстителей и тысячами сторожей[51]? Почему вы содержите собак в капитолиях? Почему вы даете корм и пропитание гусям[52]? Если вы уверены в том, что там находятся боги и что они никуда не удаляются из статуй и изображений, то предоставьте им самим заботиться о себе[53], пусть святилища всегда будут отпертыми и открытыми и, если что-либо будет похищено кем-либо через дерзкую кражу, то пусть они проявят божественную силу и при самом покушении на кражу подвергнут святотатцев соответствующим наказаниям. Это — дело недостойное и подрывающее могущество и авторитет: вверять охрану высших божеств попечению собак и, ища каких-либо устрашающих средств для защиты от воров, не находить их у самых богов, но признавать ими гоготанье гусей.

21. Рассказывают, что Антиох Кизикиец[54] взял из святилища золотую [статую] Юпитера в десять (decem)[55] локтей и заменил ее сделан-

[51] Ср. Cypr. Ad Demetri; Lact. Inst. Div. II, 4; Ambr. De virgin. II, 5.

[52] Гуси, спасшие своим криком и шумным взмахом крыльев, по преданию, Рим от нападения галлов (Liv. V, 47), содержались в Капитолии, как посвященные Юноне и как его стражи.

[53] Ср. высказывание Тиберия, приводимое Тацитом: «Оскорбление богов — забота самих богов» (Tac. Ann. I, 73).

[54] Антиох Кизикиец — Антиох IX.

[55] У Климента — пятнадцать (Protr. 52).

ной из медных листов. Если боги находятся и обитают в своих статуях, то какими делами и заботами был занят Юпитер, что не преследовал за личное оскорбление и не наказал за подделку из более дешевого материала? Когда Дионисий Младший[56] снял со [статуи] Юпитера золотую одежду, и заменил ее шерстяной, и насмехался, и шутил при этом, говоря, что та при суровой погоде слишком холодна, а эта тепла, та летом слишком тяжела, а эта при солнечной жаре легка, то где был царь неба, что не доказал своего присутствия каким-либо устрашающим явлением и не обратил дерзкого шутника к серьезному отношению? Что сказать об осмеянном им достоинстве Эскулапа, лишив которого большой, тяжеловесной и столь густой, как у философов, бороды, он говорил, что неприлично сына, происшедшего от такого отца, как безбородый, гладколицый и очень похожий на несовершеннолетнего Аполлон, изображать с такой бородой, что остается под сомнением, кто из них отец и кто сын, и даже принадлежат ли они к одному роду и одной фамилии? Но если в то время, когда все это происходило и когда грабитель богохульно насмехался и шутил, божество находилось в статуе, посвященной его имени и величию, то почему оно посредством справедливого и заслуженного наказания не преследовало за оскорбление, причиненное через обезображение и обесчещение его лица[57], и не доказало этим, что оно присутствует и постоянно охраняет и защищает свои храмы и статуи?

22. Может быть, вы скажете, что боги не обращают внимания на эти утраты и не считают их достаточной причиной для того, чтобы выступить и наказать виновников оскорбления религии. Но если это так, то они не желают иметь статуй, коль скоро дозволяют безнаказанно разрушать и расхищать их, и даже, наоборот, дают знать о своем пренебрежении к ним, так как, будучи оскорбляемы в них, не считают нужным указать на это какой-либо местью. Филостефан[58] в сочинении о Кипре сообщает, что кипрский царь Пигмалион, вследствие помрачения ума, души, света разума и способности суждения, полюбил, как женщину, ту статую Венеры, которая у киприотов с древних времен считалась священной и пользовалась религиозным почитанием,

[56] Дионисий Младший — сиракузский тиран (ср. Cic. De nat. deor. III, 34; Clem. Alex. Protr. 52).

[57] Насильственное лишение бороды считалось позорным.

[58] Филостефан Киренский — александрийский историк и географ, живший в III в. до н. э. Возможно, здесь имеется в виду его книга «Об островах», о которой говорит Константин Багрянородный в «Об областях, принадлежащих Римской империи».

и имел безумную привычку класть [статую] богини, как бы ради супружеских отношений, на ложе, обнимать и целовать ее и совершать в своей фантазии все то, что свойственно разврату[59]. Подобным образом Посейдипп в написанной им книге о Книде и его истории рассказывает о благородном юноше, не называя его имени, что он был влюблен в ту Венеру, от которой Книд получил известность, и что он также предавался распутству на ложе со статуей богини, удовлетворяя свое сладострастие[60]. Опять спрошу подобным же образом: если в меди и в других материалах, из которых делаются статуи, скрываются силы небожителей, то где были та и другая Венера, что не устранили от себя бесстыдной дерзости юношей и не покарали за нечестивое обращение тяжким наказанием, или, так как эти богини кроткие и мягкосердечные, то как легко было бы им угасить безумную страсть несчастных и восстановить и обратить ум их к здравому разумению!

23. Может быть, для богинь сладострастия и чувственных удовольствий, как вы говорите, эти поругания были приятными и они не считали позорный поступок заслуживающим наказания, потому что он льстил их собственным наклонностям и потому что они сознавали, что сами они располагают к человеческим страстям. Но если богини Венеры, как одаренные мирным характером, признавали нужным снисходительно относиться к несчастиям ослепленных лиц, то в то время, когда пожирающий огонь столько раз истреблял Капитолий и когда он охватывал самого Юпитера Капитолийского с супругой и дочерью, где был метатель молний, что не устранил этого ужасного пожара и не защитил от пагубного несчастия свою собственность, себя самого и всю семью? Где была царица Юнона, когда та же огненная сила истребляла ее знаменитое святилище вместе со жрицей Хрисидой в городе Аргосе[61]? Где был Серапис египетский, когда вследствие подобного несчастия он был превращен в пепел вместе со всеми мистериями и Изидой? Где были Либер Элевтерий[62], Диана и Додонский Юпитер, когда [подобное происходило] в Афинах, Ефесе и Додоне? Где, наконец, был божественный Аполлон, когда он морскими разбойниками так был ограблен и сожжен, что из огромной массы золота, накопленной в течение бесчисленных веков, не осталось даже ни одного скрупула, ко-

[59] Ср. Clem. Alex. Protr. 57; Ovid. Met. X, 243 sqq.
[60] Ср. Protr. 57.
[61] Ср. Protr. 53.
[62] Либер называется Элевтерием (Ἐλευθέριος), как избавляющий от трудов и забот.

торый указывал бы на пристанище для ласточек, как говорит Варрон Мениппов[63]? Было бы бесконечным делом описывать, какие на всей земле святилища были разрушены землетрясениями и бурями, какие сожжены неприятелями, какие ограблены царями и тиранами, даже стражами и жрецами, устранявшими от себя подозрение, и, наконец, ворами и чародеями, тайными средствами открывающими запертое: эти [святилища], без сомнения, оставались бы в безопасности и не подвергались бы никаким случайностям, если бы боги присутствовали в них как охранители или имели, как утверждают, какое-либо попечение о храмах. Но так как они, без сомнения, пусты и не охраняются никакими обитателями, то судьба имеет свою власть над ними, и поэтому они подвергаются всем случайностям, как все прочее, лишенное самостоятельного движения.

24. В этом отношении также защитники статуй обыкновенно говорят, что древним небезызвестно было, что статуи не имеют ничего божественного и совершенно не обладают никакими чувствами, но ради необузданной и невежественной черни, составляющей в государствах и городах наибольшую часть, они соорудили статуи ввиду пользы их и с той целью, чтобы [эти люди] из страха как бы перед видимыми богами оставили грубость, и, считая себя живущими в присутствие богов, прекратили беззаконные дела, и, изменив нравы, перешли к исполнению человеческих обязанностей, и не по другой какой-либо причине изобретены для них досточтимые формы из золота и серебра, как для того, чтобы внушить веру, что самому блеску присуща известного рода сила, которая не только поражает зрение, но и самые души устрашает лучами божественного света. Эти слова могли бы казаться имеющими некоторое основание, если бы после строительства храмов богам и сооружения статуй не было в мире ни одного преступника и вообще ничего худого, если бы справедливость, мир и честность господствовали в сердцах людей, если бы никто на земле не назывался виновным и невиновным и если бы преступные действия никому не были известны. Но так как теперь, наоборот, все наполнено злом и почти исчезло слово «невинность», каждую минуту, каждое мгновение возникает вследствие дерзости преступников множество новых злодеяний, то каким образом можно говорить, что статуи богов сооружены для внушения страха народу, когда мы видим, что кроме бесчисленных видов преступлений и позорных действий даже сами храмы подвергаются свя-

[63]Теренций Варрон называется Менипповым как автор сатир (Saturae Menippeae), в которых он подражал Мениппу.

тотатственным поруганиям со стороны тиранов, царей, грабителей и ночных воров и что те самые боги, которых для устрашения создала и освятила древность, переходят со своим золотым блеском, который должен возбуждать страх, в притоны грабителей.

25. Если справедливо и беспристрастно рассмотреть дело, то что великого заключают в себе эти так называемые образы, чтобы древние справедливо могли надеяться и думать, что при виде их могут ослабляться человеческие пороки и обуздываться преступления и нравы? Разве могли внушать страх людям в такой степени, чтобы они стремились к мирной жизни и устраняли в себе преступные наклонности, серп, присвоенный Сатурну, двуликий Янус или зубчатый ключ, служащий его отличием, Юпитер в накидке и с бородой и держащий в правой руке фитиль, отделанный в виде молнии, пояс Юноны или дева, скрывающаяся под военным шлемом, Мать богов с тамбурином, Музы с флейтами и цитрами, окрыленный убийца Аргуса Меркурий, Эскулап с жезлом, Церера с большими грудями или находящийся в правой руке Либера сосуд для питья, Вулкан с орудиями кузнеца или Фортуна с рогом, наполненным яблоками, фигами и осенними плодами, Диана с полуприкрытыми бедрами или нагая Венера, возбуждающая к сладострастию, Анубис с головой собаки или Приап, более низкий, нежели гениталии его?

26. О, какие это ужасные страшилища и возбуждающие страх пугала, от которых род человеческий находился в постоянном оцепенении и, будучи поражен которыми, ничего не предпринимал и удерживался от всякого преступного и позорного действия: серпы, ключи, головные уборы, перуны, крылья на ногах, жезлы, тамбурины, флейты, цитры, открытые большие груди, бокалы, щипцы, рога с плодами, нагие тела женщин и выставленные необычайно большие мужские члены? Не лучше ли было бы плясать и петь, нежели с видом важности и серьезности говорить, что эти безжизненные и нелепые изображения были сооружены древними для удержания от грехов и для устрашения людей преступных и безбожных? Неужели люди того века и времени были до такой степени безрассудны, неразумны и нерассудительны, что, подобно малым детям, могли удерживаться от беззаконных поступков имеющими страшный вид масками, кривляющимися рожами и пугалами? И каким образом это получило противоположный оборот, так что, хотя в городах находятся столь многие храмы, наполненные статуями всех богов и хотя существует столько законов и родов наказаний, однако, это не может остановить множества преступников, и никакими средствами не может быть искоренена дерзость, но тем более умно-

жаются и усиливаются преступления, чем более стараются уменьшать преступные действия законы и суды и искоренять наказаниями? Если бы статуи внушали какой-либо страх людям, то законодательство прекратилось бы и не устанавливались бы столь разнообразные наказания для дерзости преступников. Но так как с несомненностью известно и доказано, что мнение о страхе, внушаемом, как говорят, статуями, в действительности не состоятельно, то обратились к установлению законов, которые самым несомненным образом внушали бы страх, и было определено и установлено осуждение, чему и самые статуи обязаны тем, что они доселе остаются в целости и ограждены известного рода уважением.

27. Так как нами достаточно, насколько требовало дело, доказана бесполезность статуй, то порядок [изложения] требует сказать далее как можно короче и без всяких околичностей о жертвоприношениях — о заклании и принесении в жертву животных, о жертвах из вина и ладана и обо всем прочем, что делается в этом отношении. Ибо в этом отношении вы обыкновенно возводите на нас тягчайшие обвинения, называя нас безбожниками, и так как мы не приносим жертв богам, то присуждаете нас даже к смертной казни через жестоких зверей. Но мы сознаемся, что не делаем этого не вследствие неуважения или презрения к богам, но вследствие убеждения в том, что эти могущественные существа не требуют этого и не желают ничего подобного.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. Что же, — скажет кто-нибудь, — по вашему мнению, совсем никаких жертв не следует приносить? Ответим на это не своим [мнением], а мнением вашего Варрона: никаких. Почему так? Потому что истинные боги, говорит он, не желают и не требуют их, а сделанные из меди, глины, гипса или мрамора еще менее заботятся об этом, потому что они лишены способности чувствовать, и ты не навлечешь на себя никакой вины, если не будешь приносить их, и не получишь никакой милости, если будешь их приносить. Нельзя найти никакого мнения, более здравого и верного, нежели это, которое может быть принято всяким, даже человеком недалекого ума и наиболее несообразительным. Ибо кто настолько тупоумен, чтобы приносить жертвы тому, что лишено способности чувствовать, и признавать необходимым посвящение их тем, кто полностью отличаются от них по природе и по состоянию блаженства?

2. Какие же, — скажете вы, — истинные боги? На это мы ответим общим выражением и просто: не знаем. Ибо каким образом мы можем знать, кто те, кого мы никогда не видели? От вас мы обыкновенно слышим, что весьма многие боги существуют и считаются в числе божественных существ. Если они, как вы утверждаете, существуют где-либо и если они истинные [боги], то отсюда следует, по мнению Теренция[1], что они соответствуют своему имени, то есть, что они таковы, какими должны быть по общему нашему признанию и какими должны называться сообразно со смыслом этого наименования, или, выражаясь кратко, каков Владыка мира и сам Всемогущий, которого все мы знаем как Бога и признаем истинным, когда приступаем к упоминанию Его имени. Ибо [один] Бог по божественному существу ничем не отличается от другого, и что принадлежит к одному роду, это не может в своих частях быть большим или меньшим при сохранении однообразия своих свойств. Так как это несомненно, то отсюда следует, что они должны быть нерожденными и вечными, не стремящимися ни к чему вовне и не почерпающими каких-либо удовольствий из богатств земной материи.

[1] Варрона.

3. Если это так, то мы прежде всего желали бы узнать от вас, какую причину или какое основание вы имеете для приношения этих жертв, какая, затем, польза от этого происходит для самих богов и что приятного получается ими отсюда? Ибо все то, что совершается, должно иметь причину для себя и не быть столь чуждым основания, чтобы выражаться в праздных действиях и в пустых, бесцельных занятиях. Может быть, небесные боги питаются этими жертвами и для их сохранения требуется присоединение некоторого вещества? Но кто из людей настолько не знает, что такое Бог, что мог бы думать, что боги подкрепляются каким-либо родом пищи и что питание доставляет им жизнь и бесконечное, вечное существование? Ибо все то, что имеет опору во внешних причинах и средствах, необходимо должно быть смертным и склоняться к погибели, коль скоро не будет чего-либо, что доставляет жизнь. Затем, мы видим, что из всего того, что возлагается на алтари, ничто не присоединяется к существу богов и не достигает его. Ибо им приносится или ладан, который разлагается на углях и исчезает, или животная жертва, кровь которой слизывается собаками, или возлагаются на жертвенники какие-либо внутренности, которые также сгорают и превращаются в пепел. Может быть, Бог поглощает души жертвенных животных и воспринимает запах от пылающих жертвенников и дым и насыщается испарениями, которые испускают горящие внутренности, еще влажные от крови и мокрые от прежних соков? Но если Бог, как утверждают, бестелесен и недоступен ни для какого прикосновения, то каким образом может быть, чтобы бестелесное питалось телесным, чтобы смертное служило к сохранению бессмертного и было спасительным для существа, с которым оно не может соприкасаться и которому не может дать жизненной силы? Таким образом, это объяснение жертвоприношений, как оказывается, несостоятельно, и никто не может утверждать, что жертвы приносятся потому, что боги питаются ими и сохраняются через насыщение ими.

4. Если этого нет, то не для наслаждения ли какого-либо и, как говорится, для удовольствия происходит заклание богам жертвы и возлагаются на возженные жертвенники? Но какой человек может быть убежден в том, что боги становятся нежными от развлекающих удовольствий, жаждут наслаждений и радостей и, подобно презренному животному, отдаются ласкающим чувствам и услаждаются быстролетным щекочущим чувством приятности? Ибо что развлекается от удовольствия, это необходимо должно быть угнетаемо противоположной ему скорбью, и не может быть свободным от угнетающей печали то, что трепещет от радости и возбуждается от пустых удовольствий.

Но боги должны быть свободными от того и другого душевного состояния, если мы признаем их вечными и чуждыми свойственной смертным существам бренности. Далее, всякое удовольствие есть как бы некоторого рода ласкание тела и воспринимается известными пятью чувствами, и если оно испытывается богами, то необходимо также и им обладать телами, которые служат путем для чувств и дверью для восприятия удовольствий. Наконец, что за удовольствие радоваться умерщвлению невинных животных, часто слышать жалкие мычания, видеть потоки крови и то, как вместе с кровью исчезает жизнь, как по раскрытии сокрытых [частей] выпадают внутренности и извержения, как, вследствие остающейся жизненной силы, сердца еще трепещут и жилы еще бьются в дрожащих внутренностях? Мы, полудикие или, выражаясь прямее и говоря ближе к истине и более соответствующим образом, дикие люди, которых печальная необходимость и дурной обычай научили употреблять их в пищу, иногда склоняемся к состраданию к ним, сами делаем упреки себе и, вникнув глубже в дело и рассмотрев его, осуждаем себя за то, что, оставив долг человечности, порвали общую, природную связь. И кто может поверить, что милосердные, благодетельные и кроткие боги находят удовольствие в умерщвлении животных и радуются, если последние погибают перед ними и жалким образом оставляют жизнь? Таким образом, удовольствие, как мы видим, не может служить причиной и основанием жертвоприношения, потому что при этом никакого удовольствия не бывает, и если может быть какое-либо удовольствие, то оно, как это выяснено, у богов никак не может быть.

5. Далее, нам следует рассмотреть также ту точку зрения, которая обыкновенно высказывается и входит в народное убеждение: жертвы приносятся небесным богам для того, чтобы они оставили гнев и раздражение и, по прекращении вспышек гнева, снова стали милостивыми и спокойными. Но если мы держимся того определения, которое нам всегда следует твердо помнить, — что все душевные волнения чужды богам, — то мы должны признать, что боги никогда не гневаются и что даже всякое душевное волнение столько же чуждо им, как то, которое, будучи наиболее свойственно диким зверям, приводит страдающих этим в беспокойное состояние через бурные порывы и ведет к опасности гибели. Ибо все то, что испытывает вследствие какого-либо волнения беспокойство, склонно, как известно, к страданию и разрушению, а что подвергается страданию и разрушению, это необходимо должно быть смертным, но гнев обеспокоивает и ослабляет страдающих от него, следовательно, должно быть признано смертным то,

что подвергается страсти гнева. Но мы знаем, что боги должны быть вечными и обладать бессмертной природой, а если это с несомненностью известно, то гнев должен быть далеким от них и чуждым их состоянию. Таким образом, нет никакого основания для желания умилостивлять в богах то, что, как вы видите, не может соответствовать их блаженству.

6. Но допустим, согласно с вашим мнением, что богам свойственно подобного рода волнение и что для умилостивления их приносятся жертвы и совершаются священные обряды: когда же следует применять эти дары или в какое время приносить их? Прежде ли, чем [боги] разгневаются и будут раздражены, или тогда, когда взволнуются и будут находиться в состоянии самого гнева? Если следует заранее предупреждать их, чтобы они не гневались, то вы выставляете их перед нами не богами, а дикими зверями, которым для того, чтобы они в раздражении не свирепствовали и не разламывали запоры клеток, бросают обыкновенно пищу, на которую они с яростью нападают и обращают на нее свое страстное возбуждение. Если же жертвы приносятся им как удовлетворение, тогда, когда они бывают раздражены и воспламеняются гневом, то я не спрашиваю и не исследую, может ли славное и высочайшее величие богов волноваться от оскорбления, наносимого жалкими людьми, и считать за обиду, если слепое и постоянно находящееся во мраке неведения существо сделает или скажет что-либо, через что умалялось бы их достоинство.

7. Я не требую также, чтобы мне сказали или сообщили, какие причины боги имеют гневаться на людей, так что посредством жертв должно умилостивлять их за нанесенное им оскорбление: разве они установили когда-либо какие-нибудь законы для людей и разве ими когда-либо было определено, что следует и чего не следует делать, что исполнять и чего избегать, или, по крайней мере, каким образом они хотят быть чтимыми, чтобы преследовать карами гнева совершавшееся вопреки их повелению и мстить за презрение к ним дерзким преступникам? Полагаю, что ими никогда ничто не было постановлено и узаконено, потому что никогда не видели их, и нельзя с точностью знать, существуют ли они. Что же за справедливость, что небесные боги по каким-либо причинам гневаются на тех, которых никогда не удостоили сообщением о своем бытии и которым не дали или не предписали законы с тем, чтобы последние уважались и ненарушимо исполнялись ими?

8. Но это, как сказано мной, я опускаю и обхожу молчанием. Об одном прежде всего спрашиваю я: что служит причиной того, что если я

заколю свинью, то бог изменяет свое душевное состояние и оставляет гнев и раздражение, если я сожгу перед его глазами на жертвенниках курицу или теленка, то он забывает об оскорблении и совершенно оставляет чувство обиды? Какое влияние это имеет на его печаль, или каким целебным средством служат гусь, козел или павлин, что из их крови проистекает исцеление разгневанного [божества]? Разве боги продают понесенные ими оскорбления и, как малые дети, получают для успокоения и прекращения плача воробушек, куклы, лошадок, пирожные, которые могли бы развлекать их, так бессмертные боги принимают эти умилостивительные средства, чтобы, благодаря им, оставить гнев и раздражение и снова оказывать благоволение своим оскорбителям? Но я думаю, что если есть только основание признавать, что боги испытывают волнения гнева, то они без всяких наград и без всякой мзды оставляют гнев и раздражение и прощают грешникам их проступки. Ибо божествам свойственно безвозмездно оказывать щедрые милости и прощать. Если же это невозможно, то гораздо более соответствовало бы мудрости стойко выдерживать оскорбления, нежели смягчаться вследствие подкупа дарами. Ибо увеличивается число грешников, когда дается надежда на искупление греха, и облегчается путь к грехам, если милость прощения можно покупать.

9. Вот, если бы какой-либо бык или другое какое-либо животное из закалываемых для умилостивления и смягчения гнева богов получили человеческий голос и так сказали: «Итак, Юпитер или какой бы ты ни был другой бог, человечно ли, хорошо ли и может ли быть признано хотя сколько-нибудь справедливым то, что когда другой согрешит, меня убивают, и что ты позволяешь удовлетворять тебя моей кровью, хотя я никогда не огорчал тебя, никогда умышленно или неумышленно не оскорблял твоего могущества и величия, — я животное, как ты знаешь, бессловесное, следующее простому влечению своей природы и не подчиняющееся различным влияниям разнообразных нравов? Разве я совершал когда-либо посвященные тебе игры не согласно с требованиями религии и небрежно? Разве я перед [началом их] проводил [по арене] какого-либо предводителя танцоров, оскорбившего твое имя? Разве я клялся ложно твоим именем? Разве я святотатственным образом похищал и грабил посвященные тебе дары? Разве я разрушал священные рощи, и подвергал поруганию, и осквернял какие-либо священные места через частные постройки? Что же служит причиной того, что чужая вина омывается моей кровью и на чужое беззаконие переносится моя невинная жизнь? Не то ли, что я — ничтожное животное, не обладающее разумом и способностью суждения, как говорят те,

которые называют себя людьми, но жестокостью превосходят зверей? Не из тех же ли элементов и не та же ли природа произвела и образовала меня? Не один ли и тот же жизненный дух управляет как ими, так и мною? Не таким же ли образом я дышу, вижу и пользуюсь прочими чувствами? Они имеют печень, легкие, сердце, кишки, желудок, а мне дано не то же ли число членов? Они любят своих детей и соединяются для рождения детей, а мне разве не свойственна забота об умножении потомков и радость после рождения их? Они разумны и произносят членораздельные звуки, но откуда им известно, не делаю ли я то, что делается мной, на основании своих соображений, и те звуки, которые я издаю, не служат ли словами свойственного мне рода, которые понимаются только нами? Обратись с вопросом к Справедливости: более ли справедливо меня убивать и уничтожать или человеку доставлять прощение и безнаказанность за проступки? Кто превратил железо в меч? Не человек ли? Кто принес бедствия войны народам и рабство племенам? Не человек ли? Кто составлял и давал [смертоносные] напитки родителям, братьям, женам, друзьям? Не человек ли? Кто изобрел или придумал столько злодеяний, что нельзя изложить их в десяти тысячах летописей или ежедневников[2]? Не человек ли? Поэтому не жестоко ли, не бесчеловечно ли, не ужасно ли и не представляется ли тебе, Юпитер, несправедливым и варварским меня убивать и уничтожать для того, чтобы тебя умилостивить и чтобы преступники оставались безнаказанными?». Таким образом, приношение жертв по этой причине, т. е. для умилостивления разгневанных божеств, без сомнения, тщетно, потому что разум учит нас, что боги никогда не гневаются и не желают, чтобы один умерщвлялся и уничтожался за другого и чтобы благодаря крови невиновного достигалось забвение о проступках.

10. Может быть, кто-нибудь скажет: мы для того приносим богам жертвы и другие дары, чтобы они, став вследствие наших молений благосклонными, ниспосылали нам счастье и отвращали от нас несчастья, помогали нам всегда проводить радостно жизнь и удаляли скорби и угрожающие случайные несчастья. Этот пункт требует тщательного рассмотрения, и сказанное не столь обычно, чтобы легко можно было согласиться с этим или поверить этому. Ибо тотчас явится целый сонм ученых[3], которые, утверждая и доказывая, что все проис-

[2]Имеется в виду род ежедневной хроники или газеты, издававшейся в Риме с 59 г. до Р. Х.

[3]Философов-стоиков.

ходящее совершается вследствие судьбы, отнимут у нас это мнение и уличат нас в том, что мы верим этому вследствие неосновательных убеждений. Все, скажут они, что совершилось, совершается и будет совершаться в мире, прежде было определено и установлено и имеет неизменные причины, вследствие которых все находится во взаимной связи, и непреодолимая необходимость соединяет прошедшее с будущим. Если это определено и установлено, то определено уже и то, что доброго или худого должно произойти с каждым. Если же это определено и установлено, то тщетна всякая помощь богов, тщетна вражда, тщетно благоволение их. Ибо они не могут как доставить то, что не может совершиться, так и воспрепятствовать совершению того, что необходимо должно произойти. Они могут, если захотят, даже сильнее выразить это мнение, сказав, что вы тщетно чтите самих богов и обращаетесь к ним с бесполезными молениями. Ибо так как они не могут нарушить порядок или изменить определения судьбы, то какая польза или какое основание может быть для того, чтобы утомлять слух и докучать тем, на помощь которых ты в крайней нужде не можешь надеяться?

11. Наконец, если боги отвращают скорби и несчастья, если они ниспосылают радостное и приятное, то откуда в мире такое бесчисленное множество бедствующих, откуда столько несчастных, проводящих плачевную жизнь в самом бедственном положении? Почему не свободны от бедствий те, кто каждую минуту, каждое мгновение приносят обильные жертвы на алтарях? Не видим ли мы, говорят, что некоторые из них служат очагами болезней, утратили зрение и лишены слуха, не могут передвигать ноги, искалечены и не имеют рук, от пожаров, кораблекрушений и обрушившихся строений гибнут, утопают, уничтожаются, лишившись огромных наследств, поддерживают себя наемной работой, нищенски выпрашивают жалкие подаяния, подвергаются изгнанию и опале, постоянно бывают опечаленными, сокрушаются об утрате детей, терзаются другими несчастиями, виды и формы которых невозможно перечислить и определить? Этого, без сомнения, не было бы, если бы боги могли отвращать и отклонять эти бедствия, будучи обязаны к этому вследствие значения жертв. Но так как в указанных [явлениях] нет никакого места для случайностей, но все происходит вследствие непреодолимой необходимости, то совершается предрешенный порядок и выполняется то, что раз определено.

12. Или небесные боги должны быть признаны неблагодарными, если они, имея возможность отвращать [несчастья], допускают несчастный род [человеческий] подвергаться столь многочисленным страда-

ниям и бедствиям. Но, может быть, будет сказано что-либо важное, что должно быть выслушано без введения в обман, серьезно и без пренебрежения. Но так как об этом пришлось бы слишком долго и много распространяться, то мы оставляем эту часть без рассмотрения и не будем касаться ее, ограничившись лишь указанием на то, что вы бесчестите ваших богов, утверждая, что они только тогда доставляют благоприятное и отвращают неблагоприятное, когда предварительно бывают подкуплены кровью коз, овец и прочими предметами, приносимыми на жертвенники. Ибо, прежде всего, непристойно думать, что божественные, высшие небесные силы продают свои благодеяния, — прежде получают [плату] и потом помогают, и затем, что гораздо гнуснее, — если они не получают, то никому не помогают и допускают несчастных испытывать бедственную участь, хотя могут воспрепятствовать этому и оказать помощь. Если из двух приносящих жертвы один преступен, но богат, а другой беден, но заслуживает похвалы невинностью и честностью, если тот заколет сто быков и столько же овец и ягнят, а бедный сожжет немного ладана или кусочек какого-либо [другого] благовония, и если божества помогают только после предшествующей платы, то не будет ли необходимым следствием признание, что они будут оказывать свое благорасположение богатому и отвращать взоры от бедного, которого заставила быть скупым не его воля, а скудость его материальных средств? Ибо где подающий ищет платы и мзды, там неизбежно милости должны оказываться соответственно величине дара, и благорасположение склоняется в ту сторону, откуда помогающий получает более мзды и постыдного подкупа. Если, затем, два народа, враждебно выступающие с оружием друг против друга, принесут одинаковые обильные жертвы на алтари и будут испрашивать для себя сил и помощи один против другого, то опять не должно ли признать, что если [боги] побуждаются платой оказывать помощь, то они должны будут колебаться между той и другой стороной, оставаться в нерешительности и не находить, что делать, сознавая, что милости обязательны для них вследствие принятия жертв? Ибо они должны будут или оказать помощь той и другой стороне, что невозможно, потому что они вели бы борьбу против себя самих и действовали бы вопреки своему благорасположению и желаниям, или отказать в помощи обоим народам, что, после принесенной им и полученной ими платы, было бы тяжким преступлением. Поэтому весь этот позор вполне должен быть устранен от богов, и вообще не следует говорить, что они через дары и плату привлекаются к тому, чтобы доставлять счастье и устранять несчастья, если только они истинные

боги и если за ними должны быть признаваемы прерогативы этого имени. Ибо или все происходящее совершается вследствие судьбы, и [в таком случае] нет места для особого благоволения и милостей богов, или, если исключается и устраняется судьба, то не соответствует божественному достоинству продавать благоволение, милости и дары.

13. Мы достаточно, как полагаю, показали, что тщетно приносятся бессмертным богам жертвы с относящимися к ним предметами, потому что они не питаются ими, не получают от них никакого удовольствия, не оставляют вследствие них гнева и раздражения, не доставляют счастья и не устраняют и не отвращают несчастий. Далее нам следует рассмотреть также тот пункт, который некоторыми обыкновенно причисляется и относится к причинам священных обрядов. Говорят именно, что эти священнодействия установлены для чествования небесных богов, и то, что совершают, совершается в честь богов и для возвеличения через это могущества их. Но что если бы подобным образом сказали, что мы бодрствуем и спим, гуляем, останавливаемся, что-либо пишем и читаем для того, чтобы почтить богов и возвеличить их достоинство? Что из крови животных и из прочих жертвенных обрядов придается им, что прибавляется и присоединяется к их могуществу? В действительности всякое чествование, получаемое, как говорят, кем-либо и оказываемое вследствие особого уважения, имеет по отношению к другому [лицу] относительный характер и состоит из двух частей: из уступки оказывающего [честь] и возвышения принимающего ее. Если, например, кто-либо, при виде сильного и влиятельного человека, уступает ему дорогу, встает перед ним, обнажает голову, выходит из экипажа и затем, склонившись перед ним, приветствует его, дрожит и выражает страх, подражая подобострастию раба, то я вижу, что происходит при подобного рода чествовании: через умаление одного сообщается весьма многое другому, и, таким образом, происходит, что кажется великим тот, кого уважение низшего возвысило и поставило выше собственного его положения.

14. Вся эта уступчивость и оказывание чести, о котором мы говорим, имеет место только среди людей, которых природная слабость и любовь к возвышению научает радоваться высокому положению и предпочтению перед другими. Но, спрашиваю, где у богов возможность [для получения] чести или какие совершенства придаются им через жертвоприношения? Разве они становятся более высокими и более могущественными вследствие заклания животных, разве прибавляется к ним что-либо отсюда и разве они начинают быть более богами через возвышение божественности их? Я, напротив того, при-

знаю близким к оскорблению и даже вполне оскорбительным, коль скоро говорят, что бог чествуется человеком и возвеличивается через приношение какого-либо дара. Ибо если чествование возвышает и усугубляет достоинства того, кому оно оказывается, то отсюда следует, что бог возвышается через человека, от которого он получил дар и чествование, и дело сводится, таким образом, к тому, что низшим оказывается бог, как возвеличиваемый через человеческое чествование, а высшим — человек, как возвышающий могущество божества.

15. Что же, — скажет кто-нибудь, — вы думаете, что богам совсем не следует воздавать никакого чествования? Если вы предлагаете нам таких богов, какими они должны быть, если они существуют, и каких все мы разумеем, называя этим именем, то каким образом мы можем не оказывать им наивысшего почитания, когда мы[4] имеем высшее повеление почитать даже людей, какого бы звания и состояния они ни были? Какое же это высшее [почитание]? Гораздо более соответствующее долгу, нежели оказываемое вами, и имеющее более значения. Скажите, — говорите вы, — какое мнение о богах достойное, правильное, заслуживающее уважения и свободное от порицания за позорное оскорбление? [Оно состоит] прежде всего в том, чтобы признавать, что они не имеют ничего подобного человеку и не ожидают ничего такого, что вне их находится и извне приходит, затем, что они, как мы часто говорили, не воспламеняются гневом, не жаждут чувственных удовольствий, не склоняются посредством даров к оказыванию помощи, не возбуждаются к причинению вреда, не продают благоволения и милостей, не радуются оказываемому им чествованию, не негодуют и не огорчаются при отсутствии его, но, как это свойственно божественному существу, знают себя на основании своей природы, а не судят о себе на основании лести других. Но, чтобы понять значение того, что утверждают, [мы спрашиваем]: что это за род чествования — заколоть положенного и обыкновенного барана или быка перед лицом бога и умерщвлять перед глазами его? Что это за род чествования — приглашать бога к крови, которую, как можно видеть, он получает и имеет сообща с собаками? Что это за род чествования — застилать небо дымом от горящих куч дров и покрывать изображения богов траурным черным цветом? Если вам угодно то, что делается, рассматривать соответственно собственному значению, а не судить об этом на основании предвзятых мнений, тогда то, что вы называете жертвенниками,

[4] Христиане.

и прекрасные алтари — это места сожжения несчастнейшего рода животных, костры и могильные памятники, устроенные с гнусной целью и изготовленные для того, чтобы служить вместилищем смрада.

16. Что говорите вы? Неужели смрад, поднимающийся и исходящий от горящих кож, от костей, от волос, от шерсти ягнят и от куриных перьев, служит даром и почестью для бога и через это возвеличиваются те, готовясь ко вступлению в храмы которых, вы являетесь ничем не запятнанными, омытыми и вполне чистыми? И что для них может быть более нечистым, гнусным и грязным, нежели [представление], что чувства их таковы по своей природе, что любят такие жестокости и находят удовольствие в том смраде, которого не могут вынести сами жертвоприносители и не [может], вдыхая его, выдержать тонкое обоняние? Но если вы думаете, что кровь животных служит чествованием для небесных богов и действует на настроение их, то почему вы не закалываете им мулов, слонов и ослов, собак, медведей и лисиц, верблюдов, волков и львов[5]? И так как птиц вы также причисляете к жертвенным животным, то почему вы не [закалываете] коршунов, орлов, аистов, грифов, соколов, воронов, ястребов, сов и вместе с ними саламандр, водяных змей, гадюк, тарантулов? Ведь и они имеют кровь и такого же рода жизненное дыхание и движение. Почему же те более, а эти менее, пригодны, так что эти не возвеличивают, а те возвеличивают, достоинство небесных богов? Потому что, говорят, тем следует чествовать небесных богов, чем сами мы питаемся, подкрепляемся и поддерживаем жизнь и что они по своей божественной благости даровали нам в пищу. Но те же боги дали вам и повелели употреблять в пищу также тмин, кресс, лук, сельдерей, артишоки, редьку, тыквы, руту, мяту, базилику, порей. Почему же вы не приносите также эти предметы на жертвенники, не посыпаете их душицей и не смешиваете их с пикантным луком?

17. Вот если бы собаки — ибо необходимо нечто вообразить себе, чтобы можно было видеть дело яснее, — если бы, говорю, собаки и ослы, если бы вместе с ними трясогузки, если бы щебечущие ласточки и вместе с ними также свиньи, получив в некоторой степени человеческую способность мышления, считали и признавали вас за богов и вознамерились чествовать вас жертвами не из других материалов и предметов, а из того, чем они обыкновенно питаются и вследствие природного влечения подкрепляют себя, то мы желали бы слышать от

[5]Некоторые из этих животных, птиц и растений приносились в жертву определенным божествам, но не были обычными жертвами.

вас, признали ли бы вы за чествование или за величайшее оскорбление, если бы ласточки умерщвляли и жертвовали для вас мух, а трясогузки — муравьев, если бы ослы приносили на ваши жертвенники сено и сыпали мякину, если бы собаки клали на них кости и сжигали человеческие извержения, если бы, наконец, свиньи выливали для вас нечистоты, взятые из отвратительных луж и из грязных помойных ям? Не воспламенились ли бы вы [гневом] вследствие поругания вашего достоинства и не признали ли бы тяжким оскорблением то, что вам предлагают нечистоты? Вы чествуете богов посредством мяса быков и через умерщвление других животных. Но чем это отличается от того, когда и это если не теперь, то вскоре, превратится в навоз и через короткий промежуток времени подвергнется гниению? Наконец, перестаньте поддерживать огонь на жертвенниках, и вы вскоре, без сомнения, увидите, что те священные внутренности быков, через которые вы чествуете богов, кишат червями и шевелятся, портят и делают вредным воздух и заражают вредными для здоровья испарениями окрестные страны, и если бы боги повелели вам такого рода питание употреблять ради вашего здоровья и готовить из него согласно с обычаем завтраки и обеды, то вы далеко убежали бы от этого, просили бы богов о прощении по причине отвратительного запаха и дали бы клятву, что никогда не будете приносить им таких жертв. Не значит ли это насмехаться, сознаваться и свидетельствовать, что вы не знаете, что такое Бог и какому могуществу должны присваиваться и приписываться понятие этого имени и [самое] наименование? Своей пищей вы возвеличиваете богов и чествуете их посредством чада и испарений, и так как для вас приятно и привлекательно то, что служит пищей для вас, то вы думаете, что также боги находят в этом удовольствие и, подобно лающим собакам, оставляют, благодаря [бросаемым] кускам, ярость и ласкаются к дающим часто подачки.

18. Так как у нас теперь идет речь о жертвенных животных, то что служит причиной и основанием того, что хотя бессмертные боги (пусть они и для нас будут такими, за каких признаются!) имеют одинаковую сущность или должны быть одинаковой природы, одного рода и свойства, однако по сакральным законам не все они умилостивляются всеми жертвами, но каждый особыми? Что служит причиной — повторю я вопрос, — что тот бог чествуется посредством быков, этот — посредством козлят или овец, один — посредством поросят, другой — посредством нестриженных ягнят, иной — посредством телок, другой — посредством рогатых козлов, этот — посредством бесплодных коров, а тот — посредством супоросых свиней, один — посредством белых, дру-

гой — посредством черных [животных], этот — посредством самок, а тот — посредством самцов? Если жертвы приносятся богам для оказания чести и уважения, то какая важность или разница в том, головой какого животного воздается этот долг и устраняются гнев и оскорбление? Разве для одного приятнее и привлекательнее кровь одного животного, а другому доставляет удовольствие и радость [кровь] другого? Или, может быть, как это обыкновенно бывает из уважения к религиозным или другим каким-либо требованиям, тот воздерживается от козьего мяса, другой избегает прикосновения к свинине, этому противно мясо овец, а иной, чтобы не обременять слабого желудка, избегает грубой говядины и пользуется нежным мясом молодых животных, чтобы оно легче переваривалось?

19. Но, говорят, ты ошибаешься и заблуждаешься, ибо для того, чтобы божествам мужского пола приносились в жертву самцы, а божествам женского пола — самки, есть сокровенное и глубокое разумное основание, неизвестное публике. Я не спрашиваю и не исследую, что предписывают и содержат сакральные законы, но если отдается предпочтение разуму и признается истина, что боги не имеют полового различия и не разделяются по полу, то не разрушаются ли неизбежно все эти основания и не оказываются и не являются ли они признанными вследствие нелепых предположений? Я не буду ссылаться на мнения философов, которые не могут удержаться от смеха, когда слышат о приписываемых бессмертным богам половых различиях, — я обращаюсь с вопросом ко всякому из людей: верит ли он сам и убежден ли в том, что боги различаются по полу, что они мужского и женского пола и наделены членами, необходимыми для рождения детей? Но если сакральные законы предписывают, чтобы полам приносились в жертву соответствующие полы, т. е. женским божествам [животные] женского пола и мужским — мужского, то какое может быть разумное основание для цвета, чтобы необходимо было одним приносить жертвы белые, а другим — темные и вполне черные? Говорят: небесным и тем богам, которые отличаются благоприятными предзнаменованиями, приятен цвет светлый, приносящий счастье радующей белизной, а богам неблагоприятствующим и обитающим в подземном мире более приятен цвет темный и мрачный. Но если также и здесь следовать доводам разума, что подземный мир — пустое, ничего не значащее слово и что под землей нет царств и жилищ Плутона, то необходимо должно быть ложным также то мнение, которое вы имеете относительно черных животных и подземных богов. А если нет подземного мира, то нет также богов Манов. Ибо если нет этих мест, то каким образом

можно утверждать, что существуют обитатели тех мест, которые не существуют?

20. Но допустим, согласно с вашим мнением, что есть подземный мир, что существуют Маны и что там обитают какие-то боги, служащие неблагоприятными предзнаменованиями и заведующие тем, что имеет мрачный характер. Что же служит причиной и основанием для того, чтобы им приносились жертвы темного и вполне черного цвета? «Потому что черное приличествует черным и мрачное приятно имеющим подобный характер». Что же? Разве вы не видите — займемся также и мы вместе с вами нелепостями, — что мясо жертвенных животных, кости, зубы, жир, сальник, мозг и мягкая сердцевина в костях имеют белый цвет? «Но шерсть и волосы животных черны». В таком случае приносите в жертву богам только шерсть и выдергиваемые из жертвенных животных волосы и предоставьте несчастным и невинным, хотя бы обобранным и остриженным, дышать воздухом и пользоваться пастбищами. И если вы думаете, что подземным богам приятно то, что имеет черный и темный цвет, то почему вы не заботитесь о том, чтобы все прочее, что обыкновенно приносится им в жертву, имело черный, дымчатый и темный цвет? Окрашивайте ладан, если он приносится в жертву, полевые плоды с солью и жертвенные возлияния, прибавляйте сажу и пепел к молоку, маслу и крови, чтобы последняя оставила пурпуровый цвет, а то чтобы было темным. Но если вы не считаете грехом приносить в жертву нечто белое и удерживающее светлый цвет, то вы сами разрушаете религиозные требования и основания, не соблюдая при принесении жертв единства и постоянства.

21. В настоящем месте естественно узнать от вас также следующее. Если бы козла, приносимого в жертву обыкновенно отцу Либеру и Меркурию, закололи для Юпитера или бесплодную корову, посвящаемую вами, согласно с правилами религиозных обрядов и обычаев, Прозерпине, [приносили в жертву] Ункции[6], то что в этом будет преступного, худого или нечестивого, коль скоро в отношении культа совершенно безразлично, посредством головы какого животного выполняется этот долг чести? Путать это, говорят, не позволительно, и смешение порядка религиозных обрядов и очистительных церемоний требует немалого искупления. Прошу указать причину. Потому что, [говорят], узаконено определенный, божествам посвящать определен-

[6]Юноне, см. выше III, 25, примеч.

ного рода жертвы и совершать определенные моления. Но что также служит причиной того, что определенным божествам узаконено посвящать определенного рода жертвы, совершать определенные моления? Ибо и самый закон этот должен иметь свою причину и происходить и выводиться из определенных оснований. Вы укажете на древность и обычай [как на причину]? Но [в таком случае] вы назовете мне человеческие установления и изобретения слепого существа[7], а я, требуя указать мне причину, желаю слышать нечто, ниспавшее с неба, или то, что более требуется существом дела: какую связь имеет Юпитер с кровью быка, что последний ему должен приноситься, а Меркурию и Либеру — не должен, или какие природные свойства имеет козел, что для этих [богов] он пригоден, а для жертвоприношений Юпитеру непригоден? Разве животные поделены между богами? Разве посредством заключения какого-либо договора обусловлено, что тот должен удерживаться от жертвы, приносимой этому, а этот — отказаться от прав на кровь, принадлежащую другому? Разве они, подобно завистливым детям, не хотят, чтобы другие участвовали в пользовании их животными, или, как рассказывают о народах, имеющих различные нравы, одни отказываются от той пищи, какой питаются другие?

22. Если это таким образом несостоятельно и не имеет никакого твердого основания, то и самое обоснование жертвоприношений несостоятельно. Ибо каким образом может иметь достаточную причину то, что [из другого] следует, когда то первое, из которого вытекает второе, оказывается вполне несостоятельным, пустым и не имеющим никакой твердой опоры? Говорят: матери Земле приносится в жертву супоросая и имевшая поросят свинья, а деве Минерве закалывается девственная телка, никогда не принуждавшаяся ни к какой работе. Но мы полагаем, что не следует приносить в жертву деве девственное, чтобы не оскорблялась девственность у животных, которой наиболее отличается богиня, и Земле не следует приносить в жертву беременных и рождавших животных из уважения к самому плодородию, к которому все мы стремимся, желая, чтобы плодородие всегда продолжалось беспрерывно. И если Тритонии[8] как деве следует приносить в жертву девственных животных и Земле как матери посвящать супоросых свиней, то Аполлону как музыканту должно приносить в жертву музыкантов, Эскулапу как врачу — врачей, Вулкану как кузнецу — кузнецов и Меркурию как красноречивому — красноречивых и ораторов.

[7] Человека.
[8] Минерве.

Но, если говорить это было бы бессмысленно или, выражаясь мягче, глупо, то гораздо безрассуднее Земле закалывать плодовитых животных потому, что она изобилует плодородием, и Минерве — чистых и девственных животных потому, что она целомудренна и обладает незапятнанной девственностью.

23. Что же касается известного нам вашего утверждения, что некоторые из богов добры, а другие злы и имеют наклонность к причинению вреда, и что тем приносятся жертвы для того, чтобы они помогали, а этим — для того чтобы они не причиняли вреда, то, сознаемся, мы не можем понять, на каком основании это утверждают. Ибо и святости, и религиозности, и истине соответствует то, что боги вполне благи и обладают кроткой природой, о злых же и неприязненных не следует слушать, потому что этой божественной силе чуждо и несвойственно стремление причинять вред. Но прежде всего следует рассмотреть, что такое все то, что может причинять бедствия, и это должно быть вполне устранено от имени Божия. Поэтому если мы согласимся с вами, что есть боги, содействующие счастливому и несчастному состоянию, то и в таком случае нет основания жертвоприношениями и дарами склонять одних к благосклонности, а других умилостивлять, чтобы они не причиняли вреда, ибо, прежде всего, благие боги не могут делать зла, если бы даже не чествовали и не возвеличивали их, потому что все благое и кроткое по природе далеко стоит как в действиях, так и в намерениях от причинения вреда, а злой не может обуздать своей наклонности к злу, хотя бы склоняли его к этому тысячью стад и тысячью жертвенников. Ибо горькое не может превратиться в сладкое, сухое — во влажное, жар огня — в холод и противоположное чему-либо не может воспринять и превратить в свою природу то, что противоположно ему. Так, например, если ты будешь гладить рукой гадюку или ласкать ядовитого скорпиона, то та укусит тебя, а этот при прикосновении вонзит жало, и нисколько не помогут эти ласки, потому что оба они побуждаются к причинению вреда не возбуждением гнева, а некоторым свойством природы; таким же образом, нисколько не поможет желание посредством жертв расположить к себе богов неблагоприятствующих, потому что будешь ли ты это делать или, наоборот, не будешь этого делать, они будут действовать сообразно со своей природой, и к тому, что они будут делать, влекутся врожденными законами и некоторого рода необходимостью. В таком случае те и другие не сохранили бы даже своей природы и своих свойств. Ибо если добрым богам приносятся жертвы для того, чтобы они помогали, а злым таким же образом совершаются моления для того, чтобы они не вреди-

ли, то отсюда вытекает необходимый вывод, что благоприятствующие [боги] нисколько не помогают, если не получают даров, и делаются вследствие этого злыми, а злые, если получают [дары], оставляют наклонность к причинению вреда и делаются вследствие этого добрыми, и, таким образом, дело сводится к тому, что и эти неблагоприятны, и те не неблагоприятны, или, что невозможно, те и другие вместе и благоприятны, и не благоприятны.

24. Но пусть будет так — допустим, что несчастные животные приносятся в жертву в храмах богов вследствие какой-либо религиозной обязанности и что совершаемое по привычке имеет какое-либо основание или причину, но если кажется величественным и прекрасным заколоть быков для богов и в целом, неуменьшенном виде сжигать мясо животных, то какое значение имеют прочие предметы, которые имеют связь с науками магов и которые в потайных сакральных законах восстанавливаются как жреческие мистерии и присоединяются к богослужению? Что, говорю, значат arexaones, hirciae, silicernia, longavi, которые служат названиями различных родов колбасы и из которых одни начиняются козлиной кровью, а другие измельченными легкими? Что значат taedae, neniae, offae, но не обыкновенные, а те, которые называются penitae? Из них стоящее на первом месте представляет сало, посеченное на мелкие кусочки подобно лакомствам, стоящее на втором месте служит продолжением кишки, через которую выходят извержения по выделению жизненных соков, а offa penita — это отсеченный хвост животного вместе с частицей мяса. Что значат polimina, omenta, palasea или, как некоторые называют, plasea? Из них omentum представляет известную часть, которой покрываются сосуды желудка, plasea — коровий хвост, покрытый мукой и кровью, затем polimina — это то, что мы более скромно называем proles, а обыкновенно называются testes[9]. Что значат fitilla, frumen, africia, gratilla, catumeum, cumspolium, cubula? Из них два первых составляют названия каш, но различного рода и качества, а последующий ряд заключает названия жертвенных пирожных, которые также неодинаковы. Ибо не нравится вам называть [обычными именами] ту часть мяса, которая берется из бедер быков, куски мяса жареные, внутренние части, посредством вертелов разогретые и поджаренные на горящих углях, наконец, соленья[10], составляющие смесь, состоящую из четырех видов муки, также кишки, то же, что hirae, которые в народном языке назы-

[9] То есть тестикулы.

[10] Разные виды жертвенной муки, смешанной с солью.

вают, таким же образом, и rumas, т. е. головки пищеводов, посредством которых жвачным животным свойственно удалять и возвращать пищу, дополнения к жертвам и тысячи видов колбас и каш, которым вы дали темные названия, чтобы сделать их более священными для народа.

25. Если все, что совершается людьми и в особенности в отношении религии, должно иметь свои причины и ничто во всех делах и при всяком исполнении обязанностей не следует делать без основания, то объясните нам и скажите, что служит причиной и основанием для того, чтобы также эти предметы посвящались богам и сжигались на жертвенниках? Здесь мы должны долее задержаться и остановиться на этом вопросе, желая знать, что общего бог имеет с кашами, с пирожными и различными колбасами, приготовленными из разнообразных бульонов и приправленными различными ингредиентами. Разве боги любят роскошные обеды или завтраки, что следует придумывать для них бесчисленные кушанья? Разве они страдают расстройством желудка и для устранения брезгливости требуется разнообразие вкуса, так что предлагают им то жареные [кушанья], то сырые, то полусваренные и полусырые? Если же боги любят получать все эти части, которые вы называете отрезными, и если они приятны им вследствие какого-либо чувства удовольствия или сладости, то что мешает или препятствует сразу приносить [в жертву] все это вместе с целыми животными? Что служит причиной или основанием того, что отдельно присоединяются как дополнения бедренные части, отдельно — части пищеводов, хвост и мясо с хвостом, особо — кишки и особо — сальник? Разве небесные боги любят разнообразные закуски и, как это обыкновенно бывает после насыщения роскошными и обильными обедами, употребляют эти маленькие кусочки как приятные лакомства не для того, чтобы посредством их утолять голод, а для того, чтобы раздражить нёбную полость и возбудить в себе по насыщению позыв к объедению? О, чудное величие богов, непостижимое для всех людей, непонятное для всех существ! Для того чтобы оказать помощь, они подкупаются тестикулами животных и не оставляют гнев и раздражение прежде, нежели увидят, что для них сжигаются приготовленные кишки и им посвящаются кусочки мяса вместе с хвостами!

26. Далее следует нам сказать что-либо о ладане и [жертвенном] вине без всяких излишеств. Ибо и эти виды обрядов находятся в тесной связи между собой и очень часто применяются в культе. И прежде всего мы спрашиваем и желаем получить сведения от вас относительно этого самого ладана, откуда или когда вы могли узнать о нем или по-

знакомиться с ним, чтобы по справедливости признать, что он должен быть приносим богам или что это вполне соответствует их воле. Ибо это почти новый предмет и не составляет неисчислимого ряда лет время, с которого распространилось здесь знание о нем и он удостоился употребления в храмах богов. И в героические времена, как полагают и утверждают, не было известно, что такое ладан, что подтверждается древними писателями, в сочинениях которых нет упоминания о нем, и Этрурия, виновница и мать суеверия, не имела представления и не слышала о нем, как показывают обряды, практиковавшиеся в ее храмах, и в течение четырехсотлетнего процветания Альбы он не употреблялся при жертвоприношениях, даже сам Ромул и опытный в религиозных установлениях Нума не знали о существовании и происхождении его, как это доказывает священная мука, употреблявшаяся обыкновенно при ежегодных жертвоприношениях. Откуда же получило начало употребление его, или каким образом в древний и старинный обычай вторглось нечто новое, так что то, что в течение столь долгого времени не было необходимым, получило среди обрядов первое место? Ибо если без ладана исполнение религиозных обязанностей недостаточно и действие его необходимо для того, чтобы сделать небесных богов благосклонными и милостивыми к людям, то древние грешили, и даже вся жизнь их была полна беззакония, коль скоро они по небрежности не приносили в жертву то, что наиболее приятно богам. Но если в древние времена ни люди, ни боги не требовали этого ладана, то это доказывает, что и теперь бесполезно и напрасно он употребляется, потому что и в древности не признавали его необходимым, и в новое время приняли его без всяких оснований.

27. Наконец, всегда держась того правила и определения, на основании которого было доказано и установлено, что все, делаемое человеком, должно иметь свои причины, мы также и здесь спрашиваем вас: что служит причиной и основанием того, что перед самыми статуями богов сжигается на жертвенниках ладан и полагают, что через сожжение его они делаются благосклонными и милостивыми? Какую пользу они получают через это, или что так влияет на расположение их, что мы справедливо должны признать, что он надлежащим образом употребляется, а не бесполезно и напрасно сжигается? Вы именно должны как объяснить то, почему вы приносите ладан богам, так и необходимо вам следует указать какую-либо причину, почему они не отвергают, но даже столь страстно желают его. Кто-либо, может быть, скажет: «Мы этим чествуем богов». Но мы желаем знать не ваше, а богов мнение, и спрашиваем не о том, что вами делается, а о том, как ценится ими

то, что приносится им в награду за благоволение. Но какое благочестие! Как велико или какого рода это чествование, оказываемое через запах огня и производимое посредством древесной смолы? Но пусть вам не будет неизвестным, что такое этот ладан или откуда он происходит: это смола, вытекающая из коры подобно смоле, капающей в виде сливающихся между собой слез из миндального и вишневого дерева. Неужели через это оказывается честь и возвышается божественное достоинство, и если причиняется когда-либо оскорбление, то оно парáми ладана уничтожается, и гнев успокаивается и прекращается? Почему же вы не сжигаете смолу всякого дерева без разбора и без всякого различия? Ибо если через это чествуются боги и если они бывают довольны, когда для них сжигается панхейский ладан (Panchaicas resinulas)[11], то какая важность в том, от чего образуется дым на священных жертвенниках или от какого рода смолы поднимается облако курения?

28. Может быть, кто-либо скажет, что ладан потому приносится богам, что он имеет приятный запах и ласкает чувство обоняния, а прочие [курения] неприятны и исключены как противные? В таком случае боги имеют носы, посредством которых они дышат, вдыхают и выдыхают воздух, чтобы в них могли проникать различные свойства запахов. Но, допуская это, мы подчиняем их закону смертности и исключаем из области божественности. Ибо все то, что дышет, попеременно вдыхает и выдыхает воздух, должно быть смертным, как сохраняющееся через питание воздухом. Но если у того, что сохраняется через питание воздухом, отнять те средства, через которые происходит животворное попеременное вдыхание и выдыхание, то неизбежно дыхание прекращается и жизненное начало разрушается и погибает. Таким образом, если боги дышат и вместе с воздухом воспринимают заключающийся в нем запах, то не без основания можно сказать, что они живут благодаря внешним дополнениям и по прекращении дыхания могут погибать. И откуда, наконец, вам известно, что если они воспринимают приятный запах, то те же предметы приятны им, какие вам, и что они такое же приятное чувство вызывают в природе богов, как в вашей? Разве не может быть, что то, что вам доставляет удовольствие, им, напротив того, кажется неприятным и противным? Ибо если сущности и субстанции неодинаковы, то каким образом может быть, что различное по свойствам чувствует и получает одно и

[11] Панхея (Panchaea, или Panchaia) — баснословный остров в Эритрейском (Красном) море, у восточного берега Аравии, богатый благовонными курениями.

то же ощущение? Разве мы не видим ежедневно также среди земных существ, что одно и то же для иных или горько, или сладко, что смертоносное для одних не пагубно для других и что услаждающее одних приятным запахом испускает пагубный для других запах? Причина этих явлений не заключается в предметах, которые не могут быть в одно и то же время и смертоносными, и благотворными, и сладкими, и горькими, но каждый сообразно со своей природой испытывает исходящее извне воздействие предмета и воспринимает качество, происходящее не от возбуждений со стороны предметов, а от природы собственного чувства и ощущения. Но все это отношение чуждо богам и далеко отстоит от них. Ибо если справедливо, как полагают философы, что они бестелесны и [следовательно], не имеют органа обоняния, то для них запах не имеет значения и испускание какого-либо запаха не может производить в них свойственного чувствам возбуждения, хотя бы зажгли тысячу фунтов мужского ладана[12] и закрыли все небо облаком поднимающихся паров. Ибо то, что не имеет телесной силы и субстанции, не может соприкасаться ни с какой телесной субстанцией, а запах телесен, как свидетельствуют ощущения носа; поэтому он никоим образом не может ощущаться богом, который чужд телесной силы и лишен всякого чувства и ощущения.

29. Ладану сопутствует вино, вследствие чего мы просим также объяснить, почему при сжигании его оно возливается. Ибо если не будет указано основания, почему это делается, и не будет изложена причина этого, то это должно будет поставить в укор не как забаву, но, выражаясь точнее, как безрассудство, безумие, ослепление. Ибо, как уже много раз говорилось, все то, что делается, должно иметь ясную причину для себя и не быть покрываемо каким-либо мраком или темнотой. Таким образом, если вы верите этому, то укажите и объясните, почему приносится эта влага, т. е. возливается вино на жертвенниках. Разве тела богов испытывают сильную жажду и необходимо бывает утолять жажду их какой-либо влагой? Разве, подобно тому как у нас, смертных, обыкновенно среди обедов употребляются напитки, они после твердой пищи из пирожных, каш и убитых жертвенных животных в изобилии наполняются и угощаются вином, чтобы пища легче разлагалась и переваривалась? Дайте, пожалуйста, бессмертным богам пить, достаньте бокалы, стаканы, чаши и ковшики, и так как они наполняются роскошными и жирными кушаньями и тяжелой пищей, то

[12]Мужской ладан (masculum tus) считался лучшим сортом для жертвоприношений.

поспешите помочь им, чтобы неудачно проглоченное с жадностью мясо не задержалось в желудке; дайте вина преблагому верховному Юпитеру, чтобы он не задохся: он хочет извергнуть [пищу], но не может, и если заграждение не будет ослаблено и устранено, то является великая опасность, что сдавливаемое дыхание может прерваться и небо может осиротеть и остаться без своих распорядителей.

30. Напрасно, говорят, ты насмехаешься над нами: мы не потому возливаем вино богам, что будто бы признаем их жаждущими или пьющими и услаждающимися приятным вкусом его. Оно приносится им ради чествования их для того, чтобы величие их было более высоким, более величественным и священным, мы льем его на самые жертвенники и извлекаем из угасших углей досточтимое благоухание. Но какое более тяжкое оскорбление может быть нанесено богам, нежели то, когда верят, что вследствие получения вина они делаются благосклонными, или когда считают за оказание им великой чести, если только несколько капель вина бросят или капнут на горящие угли? Мы говорим не с людьми, лишенными разума и не обладающими здравым пониманием истины; вам также присущи благоразумие и разумность, и вы сами по внутреннему суждению знаете, что мы говорим истину. Но что мы можем сделать с людьми, не желающими рассматривать самые вещи по существу и говорящими [только] с самими собой. Ибо вы делаете то, что видите совершающимся, а не то, что признаете необходимым делать, потому что для вас более имеет значения безосновательная привычка, нежели истинная сущность вещей, дознанная посредством исследования и обсуждения. Что общего с вином имеет бог, или какого рода и какая великая сила заключается в его веществе, что когда оно выливается, то величие бога возрастает и достоинство его считается возвышенным? Что общего, говорю, бог имеет с вином, которое весьма близко к сладострастию (Veneriis), ослабляет силы всех добродетелей, враждебно скромности, стыдливости и целомудрию и которое часто увлекало возбужденные умы к безумствам и неистовствам и побуждало унижать тех самых богов безумными хулениями? Не грешно ли таким образом и не служит ли преступным оскорблением религии — посвящать богам для оказания чести им то, что если бы ты с жадностью употреблял, то не знал бы, что делаешь, не сознавал бы, что говоришь, и, наконец, получил бы позорную репутацию пьяницы, кутилы и потерянного человека?

31. Стоит тут привести также самые слова, которые обыкновенно употребляют молящиеся при приношении вина в жертву: «Будь возвеличен через это приносимое вино». Слово «приносимое», говорит Тре-

баций[13], потому прибавлено и для того произносится, чтобы не начало быть посвященным и не было изъято из человеческого употребления все вообще вино, хранящееся в кладовых и погребах, из которых было взято приносимое в жертву. Таким образом, через присоединение этого слова будет посвященным только приносимое вино, а остальное не будет подлежать религиозному употреблению. Что же это за чествование, через которое на бога налагается как бы обязательство не домогаться большего, нежели дано было ему? И какая алчность самого бога, который, если бы не был удерживаем ограничивающим словом, мог бы простереть свои стремления далее и лишить молящегося его погребов? «Будь возвеличен через это приносимое вино»: это оскорбление, а не чествование. Что было бы, если бы бог пожелал более этого и не удовольствовался бы принесенным ему? Не следует ли сказать, что явно подвергается оскорблению тот, кто принуждается принять чествование под условием? Ибо если без присоединения ограничения все вообще вино, находящееся в кладовых, необходимо делается посвященным, то ясно, что и наносится оскорбление богу, для которого, вопреки его воле, устанавливается предел, и вы сами при священнодействии нарушаете религиозные обязанности, принося богу не столько вина, сколько, как видите, он желает получить. «Будь возвеличен через это приносимое вино» — что другое значит это, нежели сказать: будь настолько возвеличен, насколько я хочу, настолько возвышен, насколько я позволяю, получи столько чести, сколько я определяю тебе иметь и устанавливаю через ограничивающие слова? О, могущественнейшее величие богов, перед которым благоговеть и которое чтить должно при исполнении всех религиозных обязанностей, но на которое почитатель налагает обязательство, которому он молится, присоединяя условия и требования, и которое из страха перед одним словом удерживается от неумеренного влечения к вину!

32. Но пусть посредством вина и ладана, как вы утверждаете, воздается честь, пусть вследствие заклания и приношения в жертву животных умилостивляются гнев и раздражение богов. Неужели такое же действие на богов оказывают гирлянды, венки и цветы, звуки медных инструментов, потрясания кимвалами, тимпаны[14] и хоры музыкантов?

[13] С этим именем известны несколько писателей, и в особенности знаменитый юрист Требаций Теста, друг Цицерона.

[14] Кимвалы (род литавр) — два пустых металлических полушария, которые употребляли попарно, ударяя одним о другое. Тимпаны — тамбурин или род полубубна, они иногда имели также вид литавр.

Что? Неужели стук тактомеров (scabillorum) так действует, что когда божества слышат его, то считают это оказанием им почета и предают забвению и оставляют гнев и раздражение? Неужели, подобно тому как малые дети, запугиваемые шумом погремушек, удерживаются от бессмысленного плача, также и всемогущие божества от пронзительного звука флейт успокаиваются и при звуке кимвалов смягчают и ослабляют свое раздражение? Какую цель имеют те гимны пробуждения, которые вы поете по утрам хором под аккомпанемент флейты[15]? Значит, боги засыпают и должны бывают возвратиться к бодрствованию! Что такое те гимны перед сном (dormitiones)[16], в которых вы вместе с благоприятным приветствием желаете им покоя? Значит, они нуждаются в спокойном сне и для того, чтобы пользоваться им, должны слушать тихие песни (lenes neniae). Сегодня, говорят, омовение Матери богов[17]. Значит, боги загрязняются и для очищения от грязи нуждаются в омовении водой с присоединением какого-либо натирания золой. Завтра пир Юпитера (Jovis epulum)[18]. Таким образом, Юпитер обедает и должен наполняться многими кушаньями, — он уже давно голодает и в течение года не вкушал пищи. Торжественно совершается виндемия (сбор винограда) Либера[19]. Таким образом, боги возделывают виноградники и посредством договоренных виноградарей выжимают вино для собственного употребления. В ближайшие иды будут лектистернии[20] Цереры. Значит, боги имеют ложа, и, для того чтобы им можно было лежать на более мягких постелях, они поднимаются и возвышаются за счет подушек. Празднуется день рождения (natalis) Земли (Telluris)[21]. Значит, боги рождаются и имеют радостные дни, в которые им определено было получить начало жизни.

[15] По открытии дверей храма, при утреннем богослужении.

[16] Они пелись вечером, при закрытии дверей храма.

[17] Празднество омовения Кибелы (dies lavationis) происходило, по римскому календарю, 27 марта.

[18] Ежегодные торжественные пиры в честь Юпитера устраивались 13 сентября и 13 ноября.

[19] Сбор винограда (vindemia) соединялся с совершавшимся в октябре празднеством в честь Либера как покровителя виноделия (Wissowa. Religion und Kultus d. Römer. S. 247).

[20] Lectisternium (от lectos sternere — стлать постели) у римлян называлось умилостивительное жертвоприношение в виде угощения богов или пиршества для них, причем на священном ложе в виде софы или дивана с подушкой помещались изображения богов, а перед ними ставились столы с кушаньями.

[21] Вместе с представлением о dies natales богов как о днях рождения их в древности существовало сделавшееся впоследствии господствующим представление об этих днях как о днях основания или посвящения богам нового храма (см.: Besnard.

33. Но почему игры[22], совершаемые вами и называемые Florales и Megalenses[23], равно как все прочие, которые вы считаете священными и относите к религиозным обязанностям, должно было учреждать, устраивать и называть именами богов? Говорят: ими чествуются боги, и если они еще помнят об оскорблениях, нанесенных людьми, то это они оставляют, прекращают и снова оказывают нам свое благоволение и покровительство. Но что служит причиной также того, что они успокаиваются и делаются кроткими и милостивыми, если совершаются пошлости и праздные люди занимают ими глазеющую толпу? Неужели Юпитер оставит раздражение, если будет исполнен и продекламирован «Амфитрион» Плавта[24], или обуздает он движение гнева, если будут танцевать, изображая Европу, Леду, Ганимеда или Данаю? Неужели Великая Мать успокоится и смягчится, если увидит, как актеры повторяют старую басню об Аттисе? Неужели Венера забудет об обиде, если увидит пантомимиста танцующим в виде Адониса[25]? Неужели гнев Алкида[26] прекратится, если будут исполняться трагедия «Трахинянки» Софокла или «Геркулес» Еврипида? Неужели Флора может считать за оказание ей почета, если увидит, что на ее играх исполняются постыдные сцены и театры превращаются в публичные дома? Не значит ли это унижать достоинство богов, приписывать и посвящать им такие мерзости, которыми нравственное чувство возмущается и исполнители которых по вашему обычному праву

Des Afrik. Arnobius VII Büch. wider d. Heiden, Landsh, 1842, S. 631; Preller. Röm. Myth. 3 Aufl. II Bd. S. 155; Wissowa. Op. cit. S. 405).

[22]Общественные игры (ludi publici) у римлян изначально были религиозными празднествами в честь известного божества, хотя в позднейшее время религиозный характер их отступил на задний план, и они превратились почти исключительно в светские зрелища. Они делились на: a) игры в цирке (ludi circenees), состоявшие из езды на колесницах и в гимнастических состязаниях; b) игры гладиаторские (ludi gladiatorii), состоявшие из борьбы гладиаторов между собой или с дикими зверями и из примерных сражений на кораблях (naumachiae); и c) сценические или театральные представления (ludi scenici).

[23]Ludi Florales совершались с 28 апреля по 3 мая в честь богини Флоры (см. выше III, 23, примеч.), а ludi Megalenses — с 4 по 10 апреля в честь Кибелы, называвшейся Великой Матерью (Μεγάλη Μήτηρ, Magna Mater) или просто Великой (Μεγάλη).

[24]Тит Макций Плавт (ум. 184 г. до Р. Х.) — один из первых римских драматургов. В основе «Амфитриона» — классический сюжет греческой мифологии о рождении Геракла.

[25]Адонис, вследствие необычайной красоты, был любим Венерой и Прозерпиной, и когда был разорван на охоте вепрем, то Венера ежегодно оплакивала его в день его смерти.

[26]Геркулеса, сына Алкея.

признаются лишенными гражданской чести и причисляются к лицам опороченным[27]? Богам нравятся, конечно, мимы, и эта высочайшая сила, непостижимая никакими человеческими существами, с особой любовью и вниманием слушает тех, в группы которых она вводится, как ей известно, как предмет осмеяния; они находят удовольствие, как это обыкновенно бывает, в бритых головах шутов, в звуках и хлопанье пощечин, в гнусных действиях и словах и в бесстыдном обнажении членов. Затем если они видят женоподобных, изнеженных и расслабленных мужчин, как одни попусту поднимают крик, другие без причины бегают, иные, не нарушая дружбы, бьют и калечат себя в кулачном бою, другие состязаются в дыхании[28], надувают щеки и кричат громкими голосами, то они поднимают руки к небу, вскакивают, пораженные изумлением, громко выражают одобрение и снова оказывают благоволение людям. Если это приводит богов к забвению о гневе, если комедии, ателланы, мимы доставляют живейшее удовольствие им, то что же вы медлите, почему не решаетесь утверждать, что боги сами выступают в играх, потешаются, танцуют, сочиняют циничные песни и делают бесстыдные телодвижения? Ибо какая разница или какая важность в том, делают ли они это сами или обнаруживают любовь и испытывают удовольствие, когда это исполняется другими?

34. Откуда же возникли, или по каким причинам произошли эти превратные представления? Без сомнения, потому, главным образом, что люди, не будучи в состоянии знать, что такое Бог, что такое Его сила, природа, сущность и свойства, имеет ли Он какую-либо форму или не ограничен никакими телесными очертаниями, делает ли Он что-либо или не делает, постоянно ли Он бодрствует или иногда предается сну, бегает ли, сидит ли, ходит ли, или свободен от подобного рода движений и покоя, не будучи в состоянии, как сказано мной, знать и как-либо понять все это, они склонились к такого рода мнениям, что стали представлять богов подобными себе и приписали им свойственный им самим род действий, чувствований и желаний. Но если бы они могли понять, что они ничтожные существа, в незначительной степени отличающиеся от муравья, то они, без сомнения, перестали

[27] Актеры, за исключением исполнителей народных пьес (ателлан), не пользовались правом римского гражданства; они состояли обыкновенно из рабов и вольноотпущенников, и профессия их считалась недостойной римского гражданина и опорочивающей его, хотя некоторые выдающиеся актеры пользовались большим уважением в обществе.

[28] Кто дольше может говорить или петь, не переводя дыхания.

бы думать, что они имеют что-либо общее с небесными существами, и скромно держались бы в границах своего низкого состояния. Но так как они видят, что они имеют рот, глаза, головы, щеки, уши, носы и другие члены и части тела, то думают, что и боги имеют такие же формы и соответствующий телесному строю вид; так как они видят себя радующимися при благоприятных обстоятельствах и огорчающимися от неблагоприятных обстоятельств, то думают, что и божества радуются при радостных обстоятельствах, а от нерадостных впадают в уныние; им приятны игры: думают, что и сердца богов смягчаются от доставляющих удовольствия игр; так как им доставляет удовольствие освежать себя теплыми купаньями, то думают, что и богам приятна чистота, доставляемая омываниями; мы, люди, собираем виноград: думают и верят, что также боги совершают и празднуют сбор винограда; у нас есть дни рождения: думают, что и небесные силы имеют дни рождения. Если бы можно было приписать богам нездоровье и телесные болезни и страдания, то они не поколебались бы называть их страдающими селезенкой, гноеглазыми и больными грыжей, потому что сами они часто страдают селезенкой и воспалением глаз и бывают обременены грыжами огромной величины.

35. Так как речь, подвигаясь вперед, доведена до настоящего места, то мы теперь через сравнительное сопоставление отдельных пунктов вкратце рассмотрим, вы ли лучше думаете о предметах религии, или, наоборот, наше мнение гораздо более заслуживает уважения, более правильно и соответствует достоинству того, что имеет божественный характер. И прежде всего, что касается богов, бытие которых в мире предполагается или признается вами и статуи и изображения которых ставятся вами во всех храмах, — вы утверждаете, что они рождены и произошли из мужского и женского семени путем соединений. Но мы, напротив того, думаем, что боги, если они несомненно существуют и обладают авторитетом, могуществом и достоинством этого имени, или не рождены — ибо так верить требует религия, — или, если они имеют начало происхождения, [только] высочайший Бог знает, каким образом Он создал их или сколько веков протекло с того времени, как Он даровал им непрестанное божественное существование. Вы думаете, что боги имеют полы и что одни из них мужского, другие женского пола: мы утверждаем, что небесные силы не различаются по полам, потому что различие подобного рода дано земным существам, которые, по воле Творца мира, соединяются и рождают вследствие влечения к продолжению рода. По вашему мнению, они подобны людям и имеют облик смертных существ: мы думаем, что телесные формы

чужды им, потому что форма свойственна телесному существу, и если они имеют какую-либо, то мы с несомненной уверенностью утверждаем, что ее никто не может постигнуть. Вы утверждаете, что все они, подобно ремесленникам, имеют занятия: мы, слыша это, смеемся, потому что думаем и полагаем, что боги не нуждаются в искусствах и ремеслах, которые, как это ясно и несомненно, изобретены в помощь скудости.

36. Одни из них, как вы говорите, возбуждают раздоры, другие — эпидемии, третьи — любовь, иные — неистовство, некоторые ведут войны и радуются кровопролитию; но мы, напротив того, признаем, что это чуждо природе божеств, и если есть такие [существа], которые причиняют эти бедствия и подвергают им жалких смертных, то мы утверждаем, что они далеки от природы богов и не должны быть подводимы под понятие этого имени. Вы полагаете, что божества гневаются, волнуются и предаются и подвергаются прочим душевным движениям: мы думаем, что подобного рода движения чужды им, потому что это свойства существ необузданных и подлежащих смертности. По вашему мнению, им доставляют радость и удовольствие кровь животных, заклание и принесение животных в жертву, и, забыв об оскорблениях, они снова оказывают благоволение людям: мы полагаем, что небожители не имеют любви к крови и не настолько жестоки, чтобы удовлетворять и оставлять гнев вследствие умерщвления несчастных животных. Вы полагаете, что посредством вина и ладана воздается честь богам и возвышается их достоинство: мы признаем противоестественным и нелепым, чтобы кто-либо из людей верил, что посредством дыма бог делается более досточтимым или что он признает, что посредством немногих капель вина вполне свято и с почтением совершается моление ему. Вы убеждены, что звуки медных инструментов, игра на флейтах, лошадиные скачки и театральные зрелища доставляют удовольствие богам и приятны им, и вследствие этого удовлетворения успокаивается вызванный когда-либо гнев их: мы считаем несообразным и признаем даже неимоверным, что те, которые на тысячи ступеней возвышаются над всяким родом высшего совершенства, находят удовольствие и наслаждение в том, над чем человек разумный смеется и что кажется имеющим нечто приятное только малым детям и людям невежественным и пошлым.

37. При таком положении дела и при столь большом различии между нашими и вашими мнениями, почему мы [можем быть признаны] безбожными или вы богобоязненными, когда о богобоязненности и безбожии должно судить на основании сердечного настроения? Ибо не

тот, кто делает для себя какое-либо изображение с тем, чтобы чтить его как бога, и кто заколет невинное животное и сожжет ладан на священных жертвенниках, должен быть признаваем за преданного религии. Религиозность состоит из настроения и надлежащего представления о богах, когда не признают их склонными к чему-либо такому, что противно достоинству свойственного им величия. Ибо так как мы видим, что все, приносимое им, исчезает перед нашими глазами, то что другое мы должны признать достигающим их, как не представления, достойные богов и вполне соответствующие имени их? Это — самые надежные дары и истинные жертвы; потому что кашицы, ладан и мясо служат пищей пожирающего огня и находятся в тесной связи с жертвами, приносимыми умершим.

38. Говорят: если бессмертные боги не могут гневаться и если природа их не подвергается никаким душевным волнениям, то что значат те исторические и летописные повествования, в которых мы читаем, что вследствие некоторых оскорблений боги причиняли городам и народам моровые язвы, бесплодие, неурожаи и другие бедствия, но, будучи снова умилостивлены искупительными жертвами, они прекращали свой сильный гнев и изменяли к лучшему состояние воздуха и погоды? Что значат землетрясения и колебания почвы, происходившие, как мы знаем, потому, что игры совершались небрежно, без соблюдения формы и условий их, но после возобновления и повторения их со всей тщательностью, ужас, наводимый богами, прекращался, и они восстановляли свое попечение о людях и благоволение к ним? Как часто по требованиям прорицателей и вследствие ответов гаруспиков совершались жертвоприношения, призывались из заморских стран некоторые боги, строились для них храмы и ставились на высоких колоннах некоторые статуи и изображения и после того устранялись опасения угрожающих бедствий, обращались в бегство опаснейшие враги и возвышалось благосостояние государства радостными частыми победами и завоеваниями многих провинций? Этого, без сомнения, не было бы, если бы жертвоприношения, игры и прочие виды культа презирались богами и если бы они не считали себя чествуемыми через совершение их. Но если вследствие исполнения их весь пыл гнева богов остывает и то, что казалось приносящим ужас, принимает благоприятный оборот, то очевидно, что все это совершается не без воли богов и что без основания и вследствие полного неведения порицают нас за выполнение этого нами.

39. В течение нашей речи мы дошли, таким образом, до сущности дела, до пункта, вокруг которого все вращается, до существенно-

го и основного вопроса, который мы должны надлежащим образом рассмотреть без суеверных опасений и беспристрастно: боги ли те, относительно которых вы утверждаете, что они неистовствуют, если их оскорбляют, и что посредством жертвоприношений они укрощаются, или же они нечто совершенно другое и должны быть отделяемы от понятия этого имени и могущества. Мы не отрицаем, что все то, что приведено вами в возражении, содержится в летописных произведениях, потому что и мы сами по мере способностей и разумения читали и знаем, что в них говорится[29], что некогда во время самих игр в цирке, посвященных верховному Юпитеру, один хозяин прежде, чем они начались, провел тяжко провинившегося раба через арену цирка под ударами прутьев и после того по обычаю предал его смертной казни. Затем, спустя немного времени по окончании игр и прекращении скачек, моровая язва начала опустошать город, и так как с каждым днем это бедствие все более усиливалось и народ погибал толпами, то Юпитер сказал во сне некоторому поселянину низкого происхождения, чтобы он пошел к консулам и сообщил им, что он недоволен предводителем танцоров[30] и что положение города может улучшиться, если будет восстановлена святость игр и если они снова будут исполнены со всей тщательностью[31]. Так как тот [человек] не позаботился исполнить это или вследствие предположения, что это сновидение не имеет никакого значения и что он не найдет доверия у слушателей, или потому, что, помня о своем низком происхождении, избегал столь высоких должностных лиц и опасался идти к ним, то Юпитер сделался враждебным к медлителю и наказал его смертью сыновей. Вскоре после того, когда и ему самому угрожала погибель, если он не сообщит о вызвавшем недовольство предводителе танцоров, он, напуганный опасностью смерти, — потому что и его вследствие заразы поразила в сильной степени болезнь моровой язвы — был принесен, по решению близких ему лиц, в курию сенаторов, и когда рассказал о

[29]Относительно излагаемого далее рассказа см.: Tit. Liv. II, 36; Lact. II, 8; Aug. De civ. Dei IV, 26.

[30]Так назывался собственно передовой танцор, бывший предводителем и распорядителем группы танцоров. Такого рода группы участвовали, между прочим, в торжественных процессиях, которыми начиналось открытие игр. Но здесь это название применено к рабу, который как бы танцевал, уклоняясь от наносимых ему ударов.

[31]Если во время игр или перед началом их случалось что-либо, что не соответствовало их характеру или могло служить дурным предзнаменованием, то требовалось снова устроить их для предотвращения или прекращения гнева богов.

виденном сне, то тяжкая заразная болезнь оставила его. После того было постановлено возобновить игры, было обращено всевозможное внимание на эти зрелища, и народ вернулся к прежнему состоянию здоровья.

40. Мы не будем также отрицать, что нам известно, что некогда, при тяжких обстоятельствах города и государства, когда или пагубная моровая язва истребляла вследствие постоянного заражения народ, или сильные враги вследствие благоприятных для них битв уже угрожали опасностью уничтожения свободы, по требованиям и советам прорицателей призывались некоторые боги из заморских стран и были почтены великолепными храмами, и [после того] сильная моровая язва прекращалась, силы врагов сокрушались, одерживались многочисленные победы, расширялись границы государства, и бесчисленные провинции подчинялись вашему господству. Не безызвестно также нам то, что читается и описывается, как Капитолий и многие предметы на нем были поражены ударами молнии, причем также статуя Юпитера, стоявшая на высокой вершине, была сброшена со своего места. Гаруспиками после того дан был ответ, что это предзнаменует неблагоприятные и в высшей степени печальные события, состоящие в пожарах, убийствах, в нарушении законов и попрании прав, однако, главным образом, со стороны внутренних врагов и преступной банды заговорщиков; но это может быть отклонено, и преступные планы могут быть открыты, если только Юпитер будет поставлен на более высокой вершине и будет обращен к востоку, к лучам солнца. Сказанное исполнилось; ибо когда было воздвигнуто возвышение и статуя была обращена к солнцу, то тайные планы были открыты и совершены наказания за обнаруженные преступления.

41. Все сказанное имеет вид чудесного или, лучше сказать, признается таковым, если это в таком виде, как изложено, достигает человеческого слуха, и мы не отрицаем, что здесь есть нечто такое, что, как говорится, на первый взгляд может поражать слух и обманывать подобием истины. Но если мы глубже вникнем в события, в личности и в наклонности их, то не найдем ничего достойного богов и соответствующего, как мы уже часто говорили, понятию и достоинству этого имени. Кто, прежде всего, может поверить, что это был бог, который находил удовольствие в скачущих попусту лошадях и считал весьма приятным для себя развлекаться подобного рода зрелищем? Или, лучше сказать, кто согласится с тем, что это был Юпитер, которого вы называете верховным богом и творцом всего существующего, который отправлялся с неба смотреть на лошадей, состязающихся в быстроте

и делающих по семи круговых объездов (gyros)[32], и радовался, когда те, относительно кого он сам восхотел, чтобы они были неравными по телесной быстроте, обгоняют других и обгоняются, падают, склонившись вниз и опрокидываясь на землю, переворачиваются вместе с колесницами, а иные тащатся и хромают с переломаными ногами, и который находил величайшее удовольствие в нелепостях, соединенных с пошлостями и величайшими жестокостями, которые всякий человек, благовоспитанный и не стремящийся к строгой серьезности и важности, считал бы ребячеством и презирал бы, как пустую забаву? Кто, говорю, может поверить — будем постоянно повторять это выражение, — что тот был божественнного происхождения, кто воспылал сильным гневом и приступил к отплате мщением вследствие того, что во время игр через цирк был проведен [человек], имевший понести заслуженное наказание? Ибо если раб был виновен и должен был подвергнуться этому наказанию, то почему Юпитер должен был приходить в гнев, когда ничего несправедливого не было совершено, но, напротив того, виновный человек был подвергнут должному наказанию? Если же он был невиновен и не совершил никакого преступления, то сам [Юпитер] был виновником погрешности предводителя танцоров, потому что он не только не помог тому, кому мог помочь, но и допустил, чтобы произошло то, что он не одобрял, и чтобы другие наказали за дозволенное им. Почему же он после того жаловался и объявил, что он оскорблен предводителем танцоров вследствие того, что тот под ударами прутьев и бичей был проведен через цирк для предания крестной казни?

42. Что позорного или гнусного могло произойти из этого события, так чтобы это или делало цирк нечистым, или обесчещивало Юпитера, когда он в течение самого короткого времени ежеминутно мог видеть на земле столько тысяч погибающих от разнообразных родов смерти и от различных мучений? Говорят: [раб] был проведен [через цирк] перед началом игр. Если бы это произошло вследствие преступного настроения или пренебрежения к религии, то мы должны были бы извинить Юпитеру гнев его из-за того, что к нему отнеслись с пренебрежением и не оказали тщательной заботы о посвященных ему играх в цирке. Но если вследствие заблуждения или случайности скрытая погрешность не была замечена и узнана, то не было ли справедливым

[32] Участвующие в скачках должны были семь раз объехать шедшую посередине цирка небольшую стенку (spinam), и победителем считался тот, кто ранее других исполнял эту задачу и приезжал к цели (meta).

и достойным Юпитера оставить без внимания человеческие погрешности и оказать снисхождение и прощение слепой непредусмотрительности? Это, [говорят], должно быть наказано. Но может ли кто-либо после этого верить, что бог был тот, кто отомстил и наказал гибелью города за небрежное отношение к ребяческой забаве, и что неизменно сохранял достоинство и серьезность или твердость характера тот, кто с той целью, чтобы снова устроили для удовольствия и приятности ему скачки, отравил и сделал пагубным вдыхаемый воздух и решил губить людей посредством моровой язвы? Если устроившие игры правительственные лица не позаботились узнать, кто в тот день был проведен через цирк, и этим навлекли на себя вину, то чем провинился несчастный народ, что за чужие проступки был наказан смертью? Что сделали женщины, вследствие слабости устраненные от общественных дел, взрослые девицы, маленькие мальчики и, наконец, дети, еще питаемые кормилицами, что и на них в равной и одинаковой степени была распространена жестокость, и они должны были прежде испытать горечь смерти, нежели какую-либо сладость жизни?

43. Если Юпитер желал, чтобы с большей тщательностью были устроены и возобновлены для него игры, чтобы народу вполне возвратилось его здоровье и чтобы бедствие, которое он причинил, не распространялось далее и не увеличивалось, то не лучше ли было бы, чтобы он пришел к самому консулу, к кому-либо из государственных жрецов, к верховному понтифику или к своему фламину и ему во сне сообщил и о погрешности предводителя танцоров, и о причине злосчастного времени? Какое основание было для того, что человека, свыкшегося с деревней, неизвестного вследствие его низкого происхождения, незнакомого с городской жизнью, не знавшего, может быть, что такое praesul (предводитель танцоров), он избрал вестником своей воли и посредником требовавшегося удовлетворения? Если он как божественное существо должен был, без сомнения, знать, что тот уклонится от повиновения, то не было ли более удобным и более приличествующим божеству изменить настроение человека и склонить волю его к повиновению, нежели приступать к суровым мерам и, подобно разбойникам, без всякого основания повсюду проявлять жестокость? Если именно поселянин, старик, нескорый в исполнении дел, медлил исполнить приказание, задерживаемый указанными причинами, то чем провинились несчастные дети его, что на них обратились гнев и негодование и за проступки другого они должны были поплатиться лишением своей жизни? И кто из людей может поверить, что это был бог столь несправедливый, столь жестокий и не соблюдающий даже того, что

установлено среди людей, у которых считается великой несправедливостью (nefas) одного наказывать вместо другого и чужие проступки карать через наказания других? Но [говорят] и его самого он подверг жестокой моровой язве. В таком случае, если казалось необходимым это сделать, не лучше ли или, скорее, не справедливее ли было бы, чтобы наводящее страх наказание началось с самого отца, который был виновником столь сильного гнева и замедлил исполнить [приказание], нежели для причинения страданий ему причинять насилие его детям, и мучить, и губить невинных лиц? Какая беспощадность, какая великая жестокость была — погубив детей, устрашать отца опасностью собственной [погибели]! Если бы он немедленно, т. е. прежде, захотел сделать это, то и невинные дети не погибли бы, и нарушение воли божества сделалось бы известным. Конечно, по исполнении обязанности объявления [приказания] болезнь тотчас исчезла, и человек тот снова сделался здоровым. Но что удивительного в том, что он прекратил причиненное им бедствие и похвастался этим вследствие пустого тщеславия? Если обсудить дело основательно, то это было не благодетельным исцелением, а жестокостью, потому что он спас несчастного человека, желавшего также умереть после [смерти] детей, не для радостей жизни, а для того, чтобы он почувствовал свое одиночество и испытал страдания от утраты детей.

44. Можно было бы подобным образом пересмотреть другие рассказы и показать, что также в них и в истолковании их совершенно другое говорится и сообщается о богах, нежели следовало бы ожидать от них, как, например, в том самом [рассказе], который я далее приведу, присоединив к нему еще один или два, чтобы не наскучить излишеством[33].

<Мы не отрицаем, что все то, что приведено вами в возражении, содержится в летописных произведениях, потому что и мы сами, по мере способностей и разумения, читали то же самое и знаем об изложенном. Но сущность вопроса заключается в том, боги ли те, относительно которых вы утверждаете, что они неистовствуют, если их оскорбляют, и что посредством игр и жертвоприношений они укрощаются, или же

[33] Следующая затем (по рукописи и изданию Рейффершейда) часть главы, заключенная в нашем переводе в острые скобки, не имеет связи с предшествующей и последующей частями книги, лишена литературной обработки, состоит большей частью из повторений прежде сказанного и поэтому некоторыми издателями опускается, а большинством издателей, и в частности Орелли и Минем, присоединяется в виде приложения (как segmentum) к концу книги.

они нечто совершенно другое и должны быть отделяемы от понятия этого имени и могущества. Кто, прежде всего, может признать, что это были боги, или поверить, что это они, которые находят радость и удовольствие в сценических телодвижениях и танцах и в скачущих попусту лошадях, отправляются с неба смотреть на нелепые и пустые представления и огорчаются, считая себя оскорбленными и униженными в своем достоинстве, если танцор остановится на короткое время или флейтист, утомившись, даст себе небольшой отдых, которые объявляют о своем недовольстве предводителем танцоров, если через цирк пройдет какой-либо преступник, чтобы повести заслуженное наказание и казнь. Если глубже и с полным беспристрастием рассмотреть все это, то это окажется чуждым не только богам, но и всякому человеку, благовоспитанному и не склонному к высшей ступени важности и серьезности.

Кто, прежде всего, может признать, что это были боги, или поверить, что это они, которые обладают свойством причинять вред и проявлять жестокость и снова оставляют это, будучи умилостивлены ковшиком крови и курением ладана, которые сценические телодвижения и танцы актеров считают праздничными днями и удовольствиями, полными радости, которые отправляются с неба смотреть на лошадей, скачущих попусту и без всякой причины, и радуются, что одни из них обгоняют других, обгоняются, падают, склонившись вниз и опрокидываясь, на землю, переворачиваются вместе с колесницами, а иные, ослабев, тащатся и хромают с переломаными ногами, которые объявляют о своем недовольстве предводителем танцоров, если через цирк пройдет какой-либо преступник, чтобы понести заслуженное наказание и казнь, которые огорчаются, считая себя оскорбленными и униженными в своем достоинстве, если танцор остановится на короткое время или флейтист, утомившись, дает себе отдых, если какой-нибудь puer matrimus (мальчик, имеющий в живых мать) случайно упадет, поскользнувшись вследствие неустойчивости какого-либо [места]? Если все это обсудить основательно и вполне беспристрастно, то это окажется совершенно чуждым не только богам, но и всякому человеку, обладающему здравым смыслом и не наученному изучать истину через исследование оснований>.

После доставления богов из заморских стран, говорите вы, после построения им храмов и после обильного приношения жертв на алтарях народ, оправившись от болезни, выздоравливал, и заразительные болезни, по восстановлении здоровья, исчезали. Скажите, прошу вас: какие это боги? Вы говорите: Эскулап из Эпидавра, бог доброго

здоровья, водворившийся на острове Тибра[34]. Если бы мы имели намерение точнее исследовать это, то на основании ваших собственных свидетельств доказали бы, что отнюдь не был богом тот, который был зачат и родился из утробы матери и который в течение лет достиг того возраста, когда удар молнии, как говорится в ваших произведениях, лишил его жизни и света. Но мы оставляем этот вопрос — пусть он будет сыном Корониды, как вы утверждаете, из числа бессмертных, и пусть обладает постоянным небесным величием! Однако что другое было доставлено из Эпидавра, как не змея с большими изгибами? Если мы верим летописям и приписываем им несомненную истинность, то, по их сообщению, ничего другого не было. Что же мы в таком случае можем сказать? Восхваляемый вами Эскулап, высший бог, святой бог, податель здоровья, устраняющий, удаляющий и уничтожающий болезни, ограничен образом и чертами змеи, ползает, подобно червям, родившимся в грязи, по земле, касается подбородком и грудью земли, влачит себя посредством извивающихся изгибов и, чтобы быть в состоянии двигаться вперед, притягивает заднюю часть к делающей напряжения передней [части].

45. Так как мы читаем также об употреблении ею пищи, посредством которой сохраняется жизнь в телах, то она имеет широкую глотку, посредством которой проглатывает схватываемую раскрытой пастью пищу, имеет желудок, в котором она переваривает находящиеся там проглоченные тела, чтобы кровь доставлялась телу и восстанавливались силы, имеет также те задние каналы, через которые проходят грязные отбросы, освобождая тела от отвратительных нечистот. Если когда-либо она меняет место и из одних стран готовится перейти в другие, то не летит невидимо, как бог, через звезды небесные и не останавливается мгновенно, когда потребуют обстоятельства, но, подобно тяжелому животному, ищет судно, чтобы на нем держаться, избегает морских волн и, чтобы остаться целой и невредимой, всходит вместе с людьми на корабль, — и этот бог общественного здравия вверяет себя непрочному дереву и сколоченным доскам. Мы не думаем, чтобы вы могли доказать и подтвердить, что эта змея была Эскулапом, если только вы не захотите придать этому следующий вид, говоря, что бог превратился в змею для того, чтобы люди не могли тщательно рассмотреть, кто или каков он. Если бы это было сказано вами, то самая несообразность этого показала бы, как слабо и бессильно это утвер-

[34]Эскулап был доставлен из Эпидавра в Рим в виде змеи, переправившейся отсюда на Тибрский остров, который после того был посвящен Эскулапу.

ждение. Ибо если бы бог избегал быть видимым людьми, то он не должен был хотеть, чтобы люди видели его и в образе змеи, потому что во всяком виде он был бы не иным, но самим собой. Если же он имел целью дать себя видеть — ибо он не должен был не допускать, чтобы глаза смотрели на него, — то почему он не дал видеть себя таким, каким он знал себя и каким сознавал себя, как могущественное божественное существо? Ибо это было бы лучше, гораздо предпочтительнее и более соответствовало бы божественному достоинству, нежели превращаться в животное и принимать вид страшного существа, давая повод к противоречиям и сомнениям, был ли это действительный бог или что-то другое, совершенно отличное от божественного величия.

46. Но, говорят, если она не была богом, то почему она, оставив корабль и приползши на Тибрский остров, нигде после того не появлялась и перестала быть видимой, как прежде? Разве мы можем знать, не было ли какой-либо преграды, за которой она могла скрыться, или какого-либо отверстия? Вы должны сообщить, вы должны сказать, что это такое было или к какому роду предметов оно должно быть отнесено, если у определенных лиц должны быть определенные обязанности. Так как это ваше дело и так как речь идет о вашем боге и о вашей религии, то скорее вы должны сообщить и объяснить, что это такое было, нежели желать выслушать наши мнения и ожидать наших решений. Ибо что другое мы можем сказать об этом кроме того, что было [в действительности], что было видено, что сообщают все исторические повествования и что наблюдалось очевидцами? Но мы называем это именно змеей с весьма сильным туловищем и огромной длины, или, если это название непристойно, назовем ужом, пресмыкающимся, или другим каким-либо именем, какое представит нам практика и изобретет развитие языка. Ибо если это ползло, как змея, не двигаясь посредством ног и не делая шагов, не опираясь животом и грудью, если оно состояло из массы мяса и, скользя, простиралось в длину, если оно имело голову и хвост, спину, покрытую чешуей, кожу с пятнами разнообразных оттенков и пасть, наводящую ужас зубами и приспособленную к причинению укусов, то чем другим мы можем назвать это, как не земным существом, хотя оно было чрезвычайно огромным и по длине туловища и по силе превосходило ту [змею], которая была убита войском Регула[35]? Но мы думаем иначе [нежели вы] и колеблем и подрываем истину. В таком случае вы должны объяс-

[35] М. Атилия Регула, во время I Пунической войны.

нить, что это такое и какого рода это было, как называлось и какими свойствами обладало. Ибо каким образом это могло быть богом, если оно имело то, о чем мы говорили и чего боги не должны иметь, если они мыслят себя богами и обладающими преимуществами этого имени? Когда [змея] приползла на Тибрский остров, то после того она не появлялась: этим, [по вашему мнению], доказывается, что это было божество. Но разве мы можем знать, не было ли там какой-либо преграды, за которой она могла скрыться, какого-либо отверстия, какой-либо пустоты между неодинаково сложенными массами или нор, куда она быстро бросилась, ускользнув из вида зрителей? Может быть, она перепрыгнула через реку, переплыла ее или скрылась в лесной чаще. Слабый аргумент — признать змею богом на том основании, что она исчезла из вида, ускорив быстроту своих извивов, потому что посредством той же аргументации можно так же доказать, что это не был бог.

47. Но если эта змея не была являющим себя богом, то почему после прибытия ее сила моровой язвы ослабела и народ римский снова стал здоровым? Возразим и мы: если через книги судеб[36] и через ответы прорицателей было повелено призвать бога Эскулапа в город для того, чтобы он освободился от заразы и моровой язвы и был невредимым, и если он не отверг [приглашение] и явился, как вы утверждаете, приняв образ змеи, то почему город Рим так часто подвергался этому пагубному бедствию, так часто в различные времена был терзаем и мучим и, вследствие бесчисленных смертных случаев, уменьшался на тысячи сограждан? Ведь если бог был призван, как утверждают, для того, чтобы совсем устранить все причины, от которых происходила моровая язва, то отсюда следует, что город должен быть неприкосновенным и всегда оставаться свободным от вредных токов воздуха и невредимым. Но мы видим, что часто, как неоднократно было сказано нами, он подвергался пагубному для жизни действию этих болезней, и вследствие тяжелых утрат силы народа ослаблялись и истощались. Где же был Эскулап, обещанный досточтимыми оракулами? Почему он после построения ему храмов и устройства святилищ допустил, чтобы моровая язва продолжала иметь доступ в оказавший такие заслуги город, хотя он был призван для того, чтобы и спасти от бедствий того времени, и не допускать, чтобы в будущем проникло [в город] что-либо такое, чего опасались?

[36] Сивиллины книги.

48. Может быть, кто-нибудь скажет, что последующие и позднейшие поколения потому не имели защиты этого бога, что вели жизнь безбожную и порочную, а предкам он оказывал помощь потому, что они были невинны и свободны от всяких пороков. Это, может быть, можно было бы слышать и говорить не без некоторого основания, если бы в древние времена все до одного были добрыми или если бы в последующие времена все без всякого различия были злыми. Но так как дело так обстоит, что среди больших народов и племен и даже во всех городах род человеческий представляет смесь темпераментов, наклонностей и нравов, и как в древнейшие времена, так и в последующие могли быть добрые одновременно со злыми, то очень неразумно было бы говорить, что люди последующих времен не удостоились получить помощь богов по причине порочности. Ибо если по причине злых последующего времени не были защищены добрые того времени, то также по причине злых, бывших в древние времена, не должны были удостаиваться благоволения богов добрые древних времен, и если по причине добрых древнего времени также и злые того времени были спасены, то также по причине добрых последующего времени должно быть защищенным последующее время, хотя бы оно было порочным. Таким образом, или та змея уже после ослабления и прекращения болезни была доставлена и получила славу избавителя, хотя совсем никакой пользы не принесла, или предрекающие определение судьбы произведения следует признать отступающими от истинных предсказаний, потому что указанное ими средство оказывается послужившим в помощь не всем последующим временам, а только одному.

49. Но, говорят, и Великая Мать, призванная по требованию прорицателей из Пессинунта Фригийского, также доставила спасение народу и была для него причиной великих радостей. Ибо и бывший долгое время могущественным враг был изгнан из владений Италии, и прежний блеск города восстановлен через славные и знаменитые победы, и границы государства распространены в длину и ширину, и многочисленные племена, государства и народы лишены права свободы и подвержены игу рабства, и многие другие внешние и внутренние события укрепили с непреодолимой твердостью славу и величие народа. Если исторические рассказы говорят истину и ничего ложного не вносят в описание событий, то ничто другое, по сообщению их, не было доставлено из Фригии и прислано царем Атталом, как только некий небольшой камень, который без труда можно было нести рукой человека, имеющий черноватый цвет, неровный вследствие выступающих углов, и который, как все мы и теперь видим на этом самом исту-

кане, вместо лица представляет необделанное и грубое изображение, неясное подобие лица[37].

50. Что же мы должны сказать? Известного Ганнибала Карфагенского, могущественного и сильного врага, перед которым Рим, находившийся в опасном и критическом положении, дрожал и от которого величие его поколебалось, камень прогнал из Италии, камень сокрушил, камень сделал беглецом, трусом и непохожим на себя? И если город снова достиг высшей степени владычества и царственного господства, то это произошло не из-за мудрости и силы людей, и восстановлению его прежнего величия нисколько не содействовали военное искусство и опытность столь многих выдающихся полководцев? Неужели камень одним дал силы, а других обессилил, одних низверг с высоты благополучия, а других, находившихся в безнадежном положении, возвысил? И какой человек может поверить, что взятый из земли и лишенный чувства и движения камень черноватого цвета и [небольшого] объема был Матерью богов? Или кто может признать — ибо это только остается, — что в кусках камня и в жилах его была заключена и сокрыта, подобно огню, сила какого-либо божества? Но откуда произошла победа, если в Пессинунтском камне не было божества? Мы можем сказать: от старания и мужества борцов, от практики, времени, искусно рассчитанных планов, а также от судьбы и перемен счастья. Но если из-за помощи камня дело приняло благоприятный оборот и была одержана счастливая победа, то где была Фригийская Мать в то время, когда, из-за поражения столь многих и столь многочисленных войск, все государство клонилось к разрушению и дошло до опасности окончательной погибели? Почему она не выступила против грозного врага? Почему она не сокрушила и не отразила столь сильные нападения прежде, нежели нанесены были ужасные удары, от которых пролито было столько крови и были истощены почти все жизненные силы? Она, конечно, еще не была привезена, и ее не просили о помощи. Пусть так, но бескорыстный помощник никогда не требует, чтобы его просили, и всегда оказывает помощь добровольно. [Могут сказать]: она не могла поразить врага и обратить в бегство потому, что была еще отделена многими морями и странами от Италии.

[37]Это очень темное место переведено нами вслед за Мейзером (Studien zu Arnobiusю München. 1908, S. 14–15), причем нами приняты во внимание также сделанные им корректуры текста: quod вм. quem, simulacrum вм. et simulacrum (Орелли — et simulacro) и praebens вм. praebentem. Но большей частью это место понимается иначе (ср. Preller. Op. cit. S. 55; Wissova. Op. cit. S. 264, Anmerk. 5).

Но для бога, если он бог, нет вообще ничего далекого: для него вся земля — одна точка, и все подчинено его мановению.

51. Но пусть в этом самом камне находилось божество, как вы требуете верить; кто же из людей, хотя бы он был легковерен и охотно выслушивал всякие вымыслы, может, однако, признать, что или в то время была богиней, или теперь должна так называться и именоваться та, которая то желает одного, то требует другого, оставляет своих почитателей и пренебрегает ими, уходит из низших провинций и присоединяется к более сильным и более богатым народам? Она [могут сказать] любит войну и желает участвовать в боях, умерщвлении людей и кровопролитиях. Если богам свойственно — коль скоро они истинные [боги] и им приличествует присвоить понятие этого слова и могущество, обозначаемое этим именем, — не делать никакого зла и никакой несправедливости и ко всем людям относиться с одинаковым и равным благоволением без всякого пристрастия, то может ли кто-либо из людей поверить, что была божественного происхождения или обладала справедливостью, достойной богов, та, кто, вмешиваясь в человеческие распри, сокрушала силы одних и являлась покровительницей других, одних лишала свободы, а других возводила на высшую ступень владычества, и которая для того, чтобы возвысить одно государство, основанное на погибель рода человеческого, подвергла рабству неповинных обитателей земли?

Указатель имен и предметов*

Абдера г. V, 12.
Augmina VII, 24.
Авгуры IV, 35.
Авентин V, 1.
Авл Вулкентан см. Ол.
Аврора б. IV, 27.
Агд (Agdas) гора V, 5, 9.
Агдестис V, 5–7, 11–14, 16.
Агезарх VI, 6.
Агригант (Агригент) г. IV, 29.
Адмет IV, 25.
Адонис IV, 27; VII, 33.
Adoratio (adulatio) I, 39.
Aequitas б. IV, 1.
Азия — христианство в ней I, 16; II, 12.
Аий Локуций б. I, 28.
Академия II, 9.
Аканфа IV, 14.
Аквилий I, 40.
Акрисий VI, 6.
Актеры IV, 35; VII, 33.
Аламанны — христианство среди них I, 16.
Александр Македонский I, 5.
Алимунтские мистерии V, 28.
Алкивиад VI, 13.
Алкид VII, 33.

*Цифры при словах указывают книги и главы текста Арнобия; б. = бог или богиня, г. = город, р. = река, о-в = остров.

Алкиона IV, 26.
Алкмена II, 70; IV, 22, 26; V, 22.
Аллегорическо объяснение мифов V, 32–45.
Альба г. II, 71; VII, 26.
Альбанская гора II, 68.
Amensanguina VII, 24.
Амимона IV, 26.
Аммон (Юпитер) VI, 12.
Амулеты II, 32.
«Амфитрион», комедия Плавта VII, 33.
Амфитрита IV, 26.
Ангелы I, 43; II, 35.
Антиец см. Валерий Антийский.
Антиох историк VI, 6.
Антиох Кизикиец VI, 21.
Antithei (демоны) IV, 12.
Анубис VI, 25.
Анхиз IV, 27.
Apexaones VII, 24.
Апис I, 36; VI, 6.
Аполлодор IV, 25.
Аполлон I, 30, 36, 62; II, 68, 70, 73; III, 6, 21, 33, 34, 40, 43; IV, 14, 16, 24, 26; VI, 3, 21, 23; VII, 22; четыре Аполлона IV, 15, 17; Аполлон Делосский I, 26; IV, 22, 25; VI, 6, 12; Дидимский I, 26; VI, 6; Кларосский I, 26; Пифийский I, 26; III, 23; Сминфийский (?) I, 26; Филезийский I, 26. См. Пифиец.
Аполлоний (Тианский) I, 52.
Арабы — обоготворение ими камня VI, 11.
Аравия — христианство в ней II, 12.
Аргос г. VI, 23.
Аргус IV, 14; VI, 25.
Аристотель II, 9; III, 31.
Аркадия IV, 25.
Аркесилай II, 9.
Армений маг I, 52.
Армяне — понятие их о Боге едином IV, 13.
Арнобия время жизни I, 13; II, 71; служение его кумирам I, 39; обращение на путь истины I, 38.
Арриан II, 78.
Арсиноя IV, 26.
Архит II, 9.
Асканий II, 71
Ассирийцы I, 5.

Ателланы VII, 33.
Атлант II, 69; III, 21.
Атлантида I, 5.
Атомы и атомисты II, 9, 10.
Аттал II, 73; VII, 49.
Аттика V, 25, 39.
Аттис I, 41; IV, 29; V, 6, 7, 39, 42; VII, 33.
Аттическая страна V, 35.
Ахайя — христианство в ней II, 12.
Ахеронт р. II, 14; V, 28.
Ахеронтские книги II, 62.
Ахилл IV, 27.
Афины V, 24; VI, 6, 23.
Афиняне V, 26; VI, 13.
Аэтлий VI, 11.

Бавбо V, 25–27, 29, 35, 39.
Бакид I, 62.
Бактрийцы I, 5.
Бдения священные V, 24.
Бебул маг I, 52.
Безбожие — обвинение христиан в безбожии I, 29; III, 28; VI, 27; не христиане безбожники, а язычники I, 2; V, 30 и др.
Бел маг I, 52.
Беллоны б. I, 28; III, 26.
Берекинтия (Кибела) V, 13.
Бессмертие несоединимо с наказанием и страданием II, 14, 26, 30; вера в бессмертие душ склоняет людей к порокам II, 29, 30; бессмертие получается по дару и милости Божией II, 14, 32, через Христа II, 34, 65, 66. Бессмертен один Бог II, 35, 62, 72.
Бесы I, 50; см. демоны.
Блюстители храмов (aeditui) и сторожа VI, 20.
Бог единый I, 31, 35; II, 75; верховный, высочайший (primus) II, 6, 29, 52, 72; III, 2; VII, 35; первоисточник самой божественности III, 2; единый нерожденный и не произведенный когда-либо I, 31, 34; II, 35, 72; единый вечный I, 31, 34; II, 62, 72; виновник веков и времён I, 34; единый бессмертный I, 31; II, 35, 62, 72; безначальный I, 34; ничего не предшествовало Ему по существу, времени и имени I, 20; II, 72; не ограничивается никакими пределами времени II, 62; бесконечный I, 31; неизменяемый I, 17; не имеет телесной формы I, 31; III, 12, 19; везде присутствует VI, 4; чужд качества и количества, не имеет места, движения и вида I, 31; Он совершеннейшее Существо и неизменно пребывает в совершенстве (virtute) I, 17; II, 15, 37; Он выше всех человеческих достоинств и

добродетелей III, 19; всеведущий VI, 4; премудрый I, 23; II, 46; всемогущий I, 34; II, 35, 45, 62, 65, 72, 75; благой I, 31; II, 55; источник всех благ II, 2, 46; никому не отказывает в милости I, 49; чуждый гнева I, 17–19, 25, и др.; праведный II, 46; справедливый и беспристрастный I, 19; II, 46; блаженный I, 23; невидимый I, 31; непостижимый I, 31; никакой силой воображения не может быть дан образ Его II, 60; ничто о Нем не может быть сказано и выражено языком человеческим I, 31; III, 19; Он первопричина, место и пространство для всего существующего I, 31; от Него все земное и небесное получает жизнь и движение II, 2; отец, Первовиновник и Творец всего существующего I, 28, 34; II, 2, 35; III, 2; Ему мы обязаны тем, что существуем, дышим, живем и движемся I, 29; Он все создает совершенным и не может быть виновником зла, чего-либо порочного, вредного, худого, несовершенного II, 15, 44, 45, 46, 48, 55; Он Царь, Владыка, Повелитель, Устроитель Мира I, 25, 27, 29, 30, 31, 33; II, 6, 13, 15, 62, 74, 75; III, 2; по Его мановению и воле все продолжает беспрерывно существовать и все совершается в мире I, 28; II, 54; Он глава и опора всего существующего I, 29; врожденная идея о Боге I, 33; ср. I, 34; II, 3; свидетельство природы о Боге I, 33; отрицать и подвергать сомнению бытие Божие может только безумец I, 31; II, 60; одному Богу должно поклоняться III, 2; постоянно благодарить Его, коленопреклоняться перед Ним, обращаться к Нему с молитвами I, 31; познание Бога — источник (закваска) жизни II, 32.

Боги — существуют ли они III, 3; VI, 2; число богов III, 5; имена богов III, 4, 5; боги великие I, 53; III, 29; небесные III, 29; VII, 3, 25; боги воздуха (aerii) II, 41; боги Мира I, 63; подземные VII, 10, 20; низшие II, 3; III, 29; добрые VII, 23; злые VII, 23; благоприятствующие (dexteri) IV, 23; неблагоприятствующие (laevi) IV, 5, 19, 21; охраняющие (tutelatores) III, 24; покровители искусств и различных занятий III, 23–27; сирийские I, 36; требийские III, 44; боги из людей III, 39; IV, 29; одноименные боги IV, 13, 17; признание нескольких богов и богинь за одно божество III, 33–35; различные и противоречивые представления о богах III, 29–32, 37 — 44; аллегорическое объяснение сказаний о богах V, 1–7; различие богов по полам III, 6–11; безнравственные и позорные поступки, приписываемые богам III, 27, 28; IV, 22–28, 33–35; V, 6, 7, 9, 11, 18, 20–22, 28, 29; боги обитают в статуях VI, 17–20 и являют в них свое присутствие VI, 8; гнев на христиан и враждебное отношение к ним I, 17, 25, 26, 28; если боги существуют, то они обязаны своим происхождением и своими божественными свойствами Богу I, 28; II, 35, 36; IV, 19; истинные боги не могут гневаться и испытывать страстные возбуждения I, 17–19, 23; IV, 37; VI, 2; VII, 5, и др.

Борода философов и Эскулапа VI, 21.

Браки трех родов у римлян IV, 20.

Brimo V, 20, 35.

Бромий IV, 22.
Брундизий (Бриндизи) г. II, 12.
Букуры б. I, 36.
Бурн (?) б. IV, 9.
Бута V, 18.

Вакх см. Либер.
Вакханалии V, 19.
Валериан (Корнелий) VI, 7.
Валерий Антийский V, 1.
Валерий понтифик V, 7.
Варваризмы II, 6; в христианских писаниях I, 59.
Варрон см. Теренций Варрон.
Венера I, 36; II, 70; III, 6, 26, 27, 33; IV, 7, 17, 25, 27, 29, 35; V, 41, 43, 45; VI, 3, 6, 12, 23, 25; VII, 33; четыре Венеры IV, 15; Венера воинская IV, 7; Кипрская V, 18; Киферская IV, 24; Книдская VI, 13, 22.
Венки, гирлянды и цветы для богов VII, 32.
Вера — господство ее во всех человеческих делах II, 8; вера в авторитет философов и в их предположения вместо знания истины II, 9, 10; вера в то, что имеет божественный авторитет II, 11, 78; доказательства истинности христианской веры II, 4, 5.
Веррии I, 59.
Веста III, 32.
Весталки IV, 35.
Викта б. III, 25.
Виктория б. III, 31; IV, 1.
Виндемия VII, 32.
Вино — возлияние его богам VII, 29–30; воспрещение винопития женщинам в Риме II, 67.
Virtus б. IV, 1.
Войны опустошительные до христианства I, 5; уменьшение их и смягчение жестокости их через христианство I, 6.
Воскресение мертвых II, 13.
Врачи христиане II, 5.
Всенощные празднества (pannychismi) V, 24.
Вулкан II, 65, 70; III, 21, 23, 39; IV, 14, 24, 27; V, 41; VI, 12, 19, 25; VII, 12, 22; четыре Вулкана IV, 15; Вулкан Лемноский IV, 14; сын Нила IV, 14.
Вультурн III, 29.

Габиний II, 73.
Гадатели I, 24, 46.
Гадес см. Плутон.
Галаты — христианство среди них II, 12.

Галлия — христианство в ней I, 16; II, 12.
Галлы жрецы I, 41; V, 7, 13, 16, 17.
Ганимед (Катамит) V, 44; VII, 33.
Ганнибал (Пуниец) II, 73; VII, 50.
Гараманты VI, 5.
Гаруспики I, 24; IV, 12; VII, 38, 40.
Геенны II, 14.
Геката II, 71; III, 29.
Гелен I, 62.
Гении II, 25; гении городов I, 28; очагов IV, 6, 11; супругов II, 67; гений Юпитера III, 40, 43.
Геннская роща V, 35, 37.
Геракл см. Геркулес.
Гераклит II, 9, 10; V, 29.
Геркулес I, 30, 36, 38, 41; II, 68, 70, 74; III, 6, 39; IV, 22, 25, 26, 35; VI, 3; шесть Геркулесов IV,15.
Германцы I, 4; христианство среди них I, 16.
Гермес Трисмегист см. Меркурий Трисмегист.
Гермипп I, 52.
Гермы VI, 13.
Герои I, 23; II, 75; III, 41.
Гесиод III, 37.
Гесперид V, 19.
Гетулы — христианство среди них I, 16 (13, 5).
Гиацинт IV, 26.
Hierophantae V, 25.
Гила IV, 26.
Гиперборейская страна VI, 6.
Гипериона IV, 14, 22.
Гипероха VI, 6.
Гиппокоонт IV, 25.
Гиппон Мелосский IV, 29.
Гиппофоя IV, 26.
Гипсипила IV, 26.
Hirae VII, 24.
Hirciae VII, 24.
Гирций V, 8.
Гнид см. Книд.
Гомер IV, 25.
Гонения на христиан I, 26, 35, 55; II, 5, 76, 77; III, 36; IV, 17, 36; VI, 27.
Honos б. IV, 1.
Города, погибшие от наводнений и землетрясений I, 4.
Грамматики христиане II, 5.

Граний Флакк III, 31, 38, 39; V, 18; VI, 7.
Gratilla VII, 24.
Греция V, 25, 28, 29, 39.
Грундулийские Лары I, 28 (21, 2).
Гуси Капитолийские VI, 20 (282, 3).

Даира VI, 6.
Дактили Идейские б. III, 41.
Дамигерон маг I, 52.
Даная V, 22; VII, 33.
Дардан II, 73.
Дардан маг I, 52.
Дафна IV, 26.
Дева мужественная (Минерва) IV, 25.
Девкалион V, 5, 8.
Демокрит II, 9, 10.
Демоны I, 23, 43, 45, 56; II, 25, 35; IV, 12.
Деревья священные I, 39.
Децемвиры IV, 34.
Диагор IV, 29.
Диана I, 30, 36; II, 70; III, 21, 34; IV, 16, 17, 22, 29; VI, 6, 23, 25; три Дианы IV, 15.
Дигиты Самофракийские б. III, 41, 43.
Диндимена Пессинунтская IV, 35.
Диомеда поля IV, 4.
Диона I, 36; II, 70.
Дионис см. Либер; пять Дионисов IV, 15.
Дионисий Младший VI, 21.
Диоскуры IV, 22; см. Касторы.
Дисавл V, 25.
Дискордии б. III, 26.
Дит б. II, 68; IV, 25; V, 28, 32, 35, 40, 43; VI, 3.
Diurna VII, 9.
Добрая Богиня (Bona Dea) I, 36; V, 18.
Додона г. VI, 23.
Дожди каменные I, 3.
Dormitiones VII, 32.
Дракон IV, 26; V, 21.
Духи злые I, 46; II, 14.
Души — учение Христа о душе I, 38; души не созданы Самим Богом II, 15, 16, 36, 45, 46, 48, 53; но происходят от низшего творца II, 36, который неизвестен нам II, 47, 58; они не близки к Богу и не сродны Ему II, 15, 19, 26; не созданы по образу и подобию мира II, 25; не божественны II,

15, 19, 26; не бестелесны II, 26, 30; не бессмертны II, 15, 16, 19, 25; они обладают средней природой, двойственной и неопределенной II, 14, 31, 35, 36, 53; души, не знающие Бога, ввергаются врагами и противниками их в геенны и после продолжительных страданий в неугасимом огне погибают II, 14, 32, 33, 61; души, стремящиеся к познанию Бога и ведущие добродетельную жизнь, могут по дару и милости Божией избавиться от утраты жизни и получить бессмертие II, 14, 32, 33 через Христа II, 34, 65, 66; они заключены в тела, как в темницу и узы I, 29; II, 30, 45, 77 и вследствие природной слабости склонны к порокам II, 50; см. I, 49.

Еврипид — его трагедия «Геркулес» VII, 33.
Европа, дочь Агенора V, 22; VII, 33.
Египет I, 36; IV, 14; VI, 6; христианство в нем II, 12; понятие египтян о Боге едином IV, 13; имена ангелов у них I, 43; язык египтян IV, 16.
Ежедневники (diurna) VII, 9.
Excitationes VII, 32.
Елена I, 5.
Epulum Jovis VII, 32.
Ефес г. VI, 23.

Желуди и плоды диких деревьев как первоначальная пища людей II, 21, 66; V, 13.
Жертвоприношения VII 1–25; жертвы человеческие в Италии II, 68; христиане не приносят жертв и даров Богу VI, 3.
Животные — сходство их с человеком II, 16, 17, 18, 25; VII, 9, 34; обоготворяемые животные I, 28; VI, 10.
Жизнь истинная получается только через Христа II, 65, 66; дары Христовы в будущей жизни I, 39.

Законоведы христиане II, 5.
Законы Цинция II, 67; цензорские II, 67.
Защитники христианства III, 1.
Зевксиппа IV, 26,
Земля (Tellus) б. III, 37; VII, 22, 32.
Зенон из Минда VI, 6.
Зенон стоик II, 9.
Зло происходит не от Бога II, 44, 55; происхождение его неизвестно II, 55, 56; о нем нельзя судить с точки зрения личных интересов I, 9–12.
Змея — символ Эскулапа VII, 44, 45; змея в мистериях Сабазия V, 21.
Знамения небесные II, 67.
Знания человеческие ничтожны и приобретаются путем опытов, изучения и ошибок II, 18, 19, 25; они не получаются через воспоминания II, 19–28;

недостоверность их II, 7, 10, 56–59; вера в догадки и предположения вместо знания истины II, 10, 51.
Зороастр I, 5, 52.
Зостриан I, 52.

Иакх III, 10.
Игры общественные VII, 33; Florales, MegalensesVII, 33.
Иероним философ IV, 25.
Изида I, 36; II, 73; IV, 29; VI, 23.
Икарийцы — обоготворение ими чурбана вместо Дианы VI, 11.
Илион III, 40; V, 20.
Иммарад VI, 6.
Индигеты б. I, 36, 64.
Индигитаменты Помпилия II, 73.
Индия IV, 29; христианство в ней II, 12; понятие индийцев о Боге едином IV, 13.
Иниции V, 18.
Инуй III, 23.
Инфулы V, 23.
Испания I, 36; христианство в ней I, 16.
Италия II, 68, 73; III, 29; IV, 24; VII, 49, 50.
Иудейские писания III, 12; иудейские и саддукейские басни III, 12.
Ифигения V, 34.
Ия V, 7, 16.

Кавдинские ущелья IV, 4.
Caduceatores V, 25.
Каллиопы сын (Орфей) V, 26.
Камень — обоготворение его арабами и пессинунтцами VI, 11; символ Кибелы VII, 49, 50; камни священные I, 39.
Канарские острова VI, 5.
Canacheni VI, 23.
Канны V, 38.
Capite censi II, 29.
Капитолий II, 67; VI, 7, 23; VII, 40; Капитолии I, 34; IV, 16; V, 9; VI, 20; Капитолийский холм IV, 3.
Капротина б. III, 30.
Карийцы IV, 25.
Carmen malum IV, 34.
Карнеад II, 9.
Касторы (Диоскуры) I, 36; II, 70; IV, 22, 25; три рода их IV, 15.
Custus V, 18.
Катамит (Ганимед) IV, 26; V, 22.

Катон III, 16.
Catumeum VII, 24.
Квиндецемвиры IV, 35.
Квирин I, 41; IV, 3.
Квириты IV, 4.
Кекроп VI, 6.
Келей VI, 6.
Кибела см. Мать богов.
Кикеон V, 25, 26.
Киллен г. — Килленский глашатай (Меркурий) III, 32.
Кимвалы VII, 32.
Кинира IV, 24; V, 19; VI, 6.
Кипр VI, 22.
Кир I, 52.
Кирка нимфа IV, 14.
Клеох VI, 6.
Клетор IV, 26.
Клодий Секст V, 18.
Книги судеб (libri fatales) VII, 47; книги о богах IV, 18.
Книд (Гнид) о-в VI, 22.
Кокит р. II, 14.
Комиции II, 67.
Complices б. III, 40.
Concordia б. IV, 1.
Конс б. III, 23.
Consentes б. III, 40.
Conserentes б. V, 18
Копье — чествование его вместо Марса римлянами VI, 11; копье холостое II, 67.
Корибанты V, 19.
Корифа IV, 16.
Корифасия б. IV, 14. 16.
Корникул г. V, 18.
Корнифиций III, 38, 39.
Коронида I, 36; VII, 44.
Кратет III, 37.
Кратина VI, 13.
Крест — орудие позорной казни I, 36.
Крит III, 30; IV, 14, 25.
Кроний философ II, 10, 11.
Кронос III, 29.
Ксеркс I, 5.
Ктесий I, 52.

Cubula VII, 24.
Культ римский — всякое отступление от форм его как религиозное преступление, требующее умилостивления IV, 31.
Cumspolium VII, 24.
Купидоны III, 26; три Купидона IV, 15.
Курения для богов VII, 26–28.
Куреты III, 41, 43; IV, 24.
Курионы I, 51; IV, 35.

Лаверна б. III, 26; IV, 24.
Ладан VII, 7, 26–29, 32, 36, 37.
Лаодамия V, 22.
Лаодика VI, 6.
Лаомедонт IV, 25.
Ларвы III, 41.
Ларисса г. VI, 6.
Лары I, 28; III, 41, 42, 43; Грундулийские Лары I, 28.
Латеран б. IV, 6, 11.
Латин II, 71.
Латона II, 70; III, 21; IV, 22, 26; V, 22.
Λαῦραι III, 41.
Лациум IV, 24.
Леандрий VI, 6.
Лев — обоготворение его VI, 10.
Левая и правая сторона IV, 5.
Левкофрина VI, 6.
Леда II, 70; IV, 22; V, 22; VII, 33.
Лектистернии VII, 32.
Лемнос о-в IV, 24.
Леонт (Леон) Пеллейский, IV, 29.
Либентина IV, 9.
Либер (Вакх Дионис) I, 36, 38, 41; II, 65, 70, 74; III, 33, 39, 44; IV, 17, 22, 29; V, 6, 11, 19, 28, 29, 35, 39, 43, 45; VI, 12, 25; VII, 21, 32; Либер Нисийский и Семелийский V, 28; Либер Элевтерий VI, 23.
Либера б. V, 21.
Лидия V, 6.
Ликаон IV, 24.
Лима б. IV, 9.
Лиментин б. I, 28; IV, 9, 11, 12.
Лимы б. IV, 9.
Линкей IV, 23.
Локуций б. см. Аий.
Longavi VII, 24.

Лукреций III, 10.
Лукрии б. IV, 9.
Луна б. I, 29; III, 34; IV, 27.
Луперка б. IV, 3.
Луцилий V, 18; его Менипповы сатиры II, 6.
Луцина (Юнона) III, 10, 21.

Мавры — христианство среди них I, 16.
Маги I, 5, 43; IV, 12; VII, 24.
Магнезия г. VI, 6.
Макар IV, 24.
Македония I, 5; христианство в ней II, 12.
Манилий III, 38, 39.
Мания III, 41.
Маны III, 41; VII, 19, 20; царь Манов V, 24.
Марпесийская скала II, 24.
Марпесса IV, 26.
Марс III, 26; IV, 25, 27; V, 41, 43, 45; VI, 3, 12.
Марсы II, 32.
Марций I, 62.
Матута б. III, 23.
Мать богов (Кибела) III, 32; V, 6–9, 14, 16, 17, 39; VI, 25; VII, 32, 50; Великая Мать I, 41; III, 32; IV, 29, 35; V, 5, 7, 8, 13; VII, 33, 49; Фригийская Мать II, 73; VII, 50.
Майя I, 36; II, 70; IV, 14, 22; VI, 12.
Мегакло IV, 24.
Medicurrius (Меркурий) III, 32.
Мела р. IV, 25; сын р. Мелы (Гомер) IV, 25.
Меллония б. IV, 7, 8, 12.
Мелос о-в IV, 29.
Мемория б. II, 70; III, 37.
Меналиппа IV, 26.
Mens б. III, 37.
Меркурий (Гермес) Трисмегист II, 13.
Меркурий I, 30, 36; II, 13, 65, 70, 74; III, 23, 32; IV, 14, 17, 22, 24; VI, 12, 25; VII, 21, 22; пять Меркуриев IV, 14.
Мероп египетский VI, 3.
Мессенцы IV, 14.
Места собраний христиан, разрушение их IV, 36.
Метида б. III, 31.
Метродор II, 9.
Мидас II, 73; V, 7, 13.
Мидяне — христианство среди них II, 12.

Милет VI, 6.
Мимы — поношение богов ими IV, 35, 36.
Минерва I, 38; II, 70; III, 6, 31, 40; IV, 14, 16, 25, 29; V, 26, 45; VI, 6; VII, 22; пять Минерв IV, 14.
Мир (Pax) б. IV, 1.
Мир в целом и в частях не божество III, 35; он создан и устроен не для людей II, 43; дан людям Богом в пользование и обладание I, 29; округленная форма мира IV, 5; мир малый (человек) II, 25; мир подземный VII, 19, 20; различные мнения философов о мире II, 9, 56.
Мирмидон IV, 26.
Миртил III, 37; IV, 24.
Мистерии V, 18, 20, 23, 24, 26, 29, 39; Алимунтские V, 28; Сабазийские V, 21; Фригийские V, 20; Элевсинские V, 26, 39; Фесмофории V, 24; VI, 23.
Мистические формулы (symbola) V, 26; мистические ящик и корзина V, 26.
Мнасей III, 37.
Молитвы христиан за государей, правителей, друзей и врагов, за живых и умерших IV, 36.
Молния как знамение божественного гнева и очищение от него II, 69; V, 1.
Монтин б. IV, 9.
Мудрость человеческая — глупость перед Богом II, 6.
Музы II, 70; III, 37,38, 44; VI, 25; три рода их IV, 15.
Музыка для богов VII, 32.
Мурция б. IV, 9.
Мутун б. IV, 11.
Мучения, преследования и несчастия христиан, почему допускаются Богом II, 76, 77; мучения грешников в неугасимом огне и смерть II, 14; мучения и наказания в Тартаре II, 30.

Нана V, 6, 13.
Народ — деление его на пять классов у римлян II, 67.
Natales dies богов VII, 32.
Небо (Caelus) б. II, 71; III, 29, 37; IV, 14.
Небриды V, 39.
Нейт (Neith) б. IV, 16.
Неместрин б. IV, 7.
Neniae VII, 24, 32.
Нения б. IV, 7.
Нептун I, 5; II, 65; III, 31, 40, 43; IV, 25, 26; V, 45; VI, 12.
Нереида IV, 27.
Нигидий III, 32, 40, 41.
Низы I, 59.
Никагор Кипрский IV, 29.

Нил б. IV, 14, 16.
Нин I, 5.
Novensiles б. III, 38, 39, 42–44.
Нодут б. IV, 7.
Нодутеренса б. IV, 7, 11.
Нума Помпилий II, 12, 68, 73; III, 16; V, 1, 2, 4; VII, 26.
Нумений философ II, 11.
Нумидийцы — христианство среди них I, 16.
Нумик р. I, 36.

Огонь неугасимый II, 14.
Окризия V, 18.
Ол (Авл) Вулкентан VI, 7.
Omenta VII, 24.
Омовение Матери богов (Кибелы) VII, 32.
Омофагии V, 19.
Опа б. I, 36; II, 70, 71; III, 30; IV, 20.
Ораторы христиане II, 5.
Орбона б. IV, 7.
Орк V, 32.
Орнит IV, 25.
Орфей (сын Каллиопы) V, 26; (Фракиец) V, 19.
Ослы — приношение их в жертву скифами Марсу IV, 25.
Оссипага, Оссипагина б. III, 30; IV, 7, 8.
Острова блуждающие I, 36.
Offae penitae VII, 24.
Очаги у римлян II, 67.
Очищение от молнии V, 1; дни очищения III, 4.

Паворы б. I, 28.
Рах б. IV, 1.
Palasea VII. 24.
Палатинский холм IV, 3.
Палес бог III, 40, 43.
Палес богиня III, 23.
Паллада IV, 16.
Палладий IV, 25.
Паллант IV, 14, 16.
Памфил маг I, 52.
Панда б. IV, 3.
Панетий II, 9.
Паниасид поэт IV, 25.
Pannychisimi V, 24.

Панса V, 8.
Pantarces Pulcher VI, 13.
Пантика б. IV, 3.
Пантомимы II, 38; VII, 33; поношение богов в них IV, 35.
Панхейский ладан VII, 27.
Парфяне — христианство среди них II, 12.
Пасквили (carmen malum) — запрещение их законами XII таблиц IV, 34.
Пателла б. IV, 7, 8.
Пателлана б. IV, 7.
Патрокл Тургийский IV, 25.
Паф VI, 6.
Пекуния б. IV, 9.
Пеллония б. IV, 4.
Пелоп IV, 25, 26.
Пелопоннес I, 36.
Пенаты III, 40, 42, 43; четыре рода их III, 40.
Пентаполийцы — христианство среди них I, 16.
Перипатетики II, 9.
Персы — обоготворение рек VI, 11; понятие о Боге едином IV, 13; христианство среди них I, 16; II, 12.
Пертунда б. IV, 7, 11.
Перфика б. IV, 7, 11.
Пессинунт г. V, 7; VII, 49.
Пета б. IV, 7, 8.
Петр апостол II, 12.
Пигмалион VI, 22.
Pietas б. IV, 1; VII, 9.
Пизон консул II, 73.
Пизон летописец III, 38, 39.
Пик II, 71; V, 1, 2.
Пиндар IV, 24.
Пирифлегетонт р. II, 14.
Пирра V, 5, 8.
Пиршества для богов (pulvinaria) I, 41, 64; IV, 1.
Писание (Священное) — не все дела Христа и Его проповедников изложены в нем I, 58; многое в нем искажено по злобе демонов I, 56; недостаточность свидетельств Писания о божественности Христа I, 56.
Писания иудейские III, 12.
Писания наши (христианские) менее древни, нежели языческие, но более достоверны I, 57; написаны людьми простыми и необразованными и нечистым языком, но не искажены ложью I, 58, 59; сожжение их язычниками IV, 36.
Писатели наши (христианские) I, 56, 58.

Пифагор I, 40; II, 9, 10, 13, 21.
Пифиец (Аполлон) III, 23, 33; IV, 17, 25.
Pietas б. IV, 1.
Плавт — его комедия «Амфитрион» VII, 33.
Plasea VII, 24.
Платон I, 5, 8; II, 7, 9, 10, 11, 13, 21, 36, 52, 64; диалоги «Менон» II, 24; «Политик» II, 13; «Теэтет» II, 7, 13; «Тимей» II, 36, 52; IV, 16; «Федон» II, 14; «Федр» II, 7, 34.
Плектр VI, 12.
Плутарх IV, 25.
Плутон VII, 19.
Победа б. см. Виктория.
Пожары мира I, 8.
Полемон IV, 25.
Полиада б. VI, 6.
Poliandria (кладбище) VI, 6.
Polimina VII, 24.
Помана б. III, 30.
Помпоний см. Пута.
Помпоний — его сочинение «Марсий» II, 6.
Понтифики IV, 18; верховные понтифики I, 51; IV, 35; VII, 43.
Популония б. III, 30.
Посейдипп VI, 13, 22.
Потопы и наводнения I, 4, 8.
Потуя б. III, 25.
Поэты — поношение богов ими IV, 32–34.
Пояса земные обитаемые 1, 2; пояс жаркий I, 52.
Правая и левая сторона IV, 5.
Пракситель VI, 13.
Praesul, предводитель танцоров в цирке VII, 9, 39, 41–43.
Предзнаменования на остриях копий II, 67.
Прелюбодеяние — наказание за него в Риме IV, 23.
Престана б. IV, 3.
Приап III, 10; VI, 25.
Прозерпина I, 36; III, 33; IV, 14, 27; V, 21, 24, 32, 37, 40, 43; VII, 21.
Пролетарии II, 29.
Прорицатели I, 24, 46; VII, 47, 49.
Просимн V, 28.
Профоя IV, 26.
Псиллы II, 32.
Птолемей историк VI, 6.
Птолемей Филопатор VI, 6.
Pulvinaria см. Пиршества для богов.

Пута б. IV, 7, 8.

Регул I, 40; VII, 46.
Религия истинная, в чем состоит II, 2; сущность христианской религии I, 25, 27, 36; время происхождения христианской религии I, 13; II, 71; новая ли она II, 66–73; доказательства истинности ее II, 5.
Рим — VII, 50; время основания его II, 71; он основан на погибель рода человеческого VII, 47; христианство в нем II, 12.
Римский народ, — деление его на пять классов II, 67.
Риторы христиане II, 5.
Родос о-в IV, 14.
Ромул I, 41; II, 68; III, 16, 39; IV, 3; VII, 26.

Сабины III, 38.
Сабля — обоготворение ее скифами VI, 11.
Саддукейские и иудейские басни III, 12.
Salutem б. IV, 1.
Саммоник VI, 7.
Самосцы — обоготворение столба вместо Юноны VI, 11.
Сангарий V, 6, 13.
Сарды г. IV, 25.
Сатир IV, 26.
Сатурн I, 36; II, 68, 70, 71; III, 6, 29, 30, 32; IV, 9, 14, 20, 22, 24–26; VI, 12, 25.
Сатурниец (Юпитер) II, 70; V, 3.
Сатурния г. I, 36.
Свобода воли II, 64, 65; склонность людей к порокам вследствие врожденной слабости I, 27, 49; II, 50.
Семела II, 70; IV, 22; V, 44.
Семелеец (Либер, Вакх, Дионис) III, 33.
Серапис I, 36; II, 73; IV, 29; VI, 23.
Сервий царь V, 18.
Серы — христианство среди них II, 12.
Сивилла I, 62; Сивиллины книги см. Книги судеб.
Silicernia VII, 24.
Силлогизмы I, 58; II, 11.
Symbola — формулы мистические V, 23.
Симон волхв II, 12.
Сирия — христианство в ней I, 16; II, 12; Сирийские боги I, 36.
Сицилия IV, 25; V, 24.
Скавры I, 59.
Скифы I, 4, 16; IV, 25; VI, 11.
Служение истинное (культ) Богу — в сердце и в достойном представлении о Боге IV, 30.

Смерть видимая — отделение душ от тел II, 14; смерть истинная — уничтожение душ после долговременных мучений неугасимым огнем II, 14, 61.
Сминфа г. — Сминфийский (?) Аполлон I, 26; Сминфийские мыши III, 33.
Снотолкователи I, 24.
Собазий — Собазийские мистерии V, 21.
Собаки как стражи Капитолия VI, 20; приношение их в жертву Марсу IV, 25.
Сократ I, 40; II, 7, 9; V, 38.
Солецизмы II, 6; в христианских писаниях I, 59.
Солнце (Sol) б. I, 29; III, 30, 33; IV, 14, 17, 22; VI, 12; пять богов Солнца IV, 14.
Сосибий IV, 25.
Сосна, посвященная Кибеле V, 7, 16, 17, 39.
Софокл IV, 25; «Трахинянки» IV, 35; VII, 33.
Спартанские и лакедемонские пределы IV, 25.
Спасение только через Христа II, 65.
Статуи и другие изображения богов I, 38, 39; II, 67; III, 3; VI, 8–27; VII, 27, 35, 38.
Стеропа IV, 26.
Стикс р. II, 14; V, 28.
Суд будущий II, 29; см. I, 39.
Судьба — определение ее I, 42, 47; VII, 10–12; нападение ее I, 49; господство ее над богами VII, 10, 11.
Сулла V, 38.
Сумман б. III, 44; V, 37; VI, 3.

Тагет II, 69.
Taedae VII, 24.
Тайны Божии знают лишь те, кого Бог удостоил знанием их I, 63.
Тактомеры (scabilla) II, 42; VII, 32.
Танаквиль V, 18.
Тарентинец (Ринфон) V, 21.
Тарпейская скала IV, 3.
Тартар II, 30; V, 19, 28.
Театры — поношение богов в них IV, 36; V, 13; VII, 33.
Тевт (Тот) II, 69.
Теллена г. — Телленские нелепости V, 28.
Tellus б. см. Земля.
Телмесс г. VI, 6.
Телмес прорицатель VI, 6.
Тело — темница и узы для души I, 29; II, 30, 45, 77.
Теологи III, 11; IV, 14, 15, 18; V, 8.

Теренций Варрон III, 38–41; IV, 3; V, 8; VI, 6; VII, 1, 2; «О происхождении римского народа» V, 8; «О чудесном» (De admirandis) VI, 3; Saturae Menippeae (Menippeus) VI, 23; «Музы» VI, 11.
Тибрский остров VII, 44, 46.
Тизианы б. I, 36.
Тимофей V, 5.
Тимпаны VII, 32.
Тиндарей I, 36; II, 70.
Титаны I, 41; V, 19.
Тит Таций IV, 3.
Тифон б. IV, 27.
Тот см. Тевт.
Тразименское озеро IV, 4.
Требаций VII, 31.
Требия г. III, 38; Требийские боги III, 44.
Требоний I, 40.
Тринакрия (Сицилия) I, 36.
Триптолем I, 38; III, 6; V, 25.
Трисмегист см. Меркурий Трисмегист.
Тритония (Минерва) VII, 22.
Тритонская дева (Минерва) III, 21.
Трофоний IV, 14.
Троянская война V, 38.
Туле (Thyle, Thule) VI, 5.
Тулл II, 68.
Туллий см. Цицерон.
Тутун б. IV, 7, 11.

Унксия (Юнона) б. III, 25; VII, 21.
Упибилия (?) б. IV, 7.
Уран (Caelus, Небо) IV, 24.

Фабий IV, 26.
Фабий (Пиктор) VI, 7.
Фавн I, 28; II, 71; V, 1, 2.
Фалес II, 9, 10.
Phalli в культах V, 19, 28, 29, 39.
Фанатики I, 24.
Фатуя см. Фента Фатуя.
Фаэтонт IV, 27; V, 42.
Фебрута б. III, 30.
Felicitas б. IV, 1.
Фемида V, 5.

Фента Фатуя б. I, 28, 36; V, 18.
Феодор Киренейский IV, 29.
Фесмофории V, 24.
Феспийцы — обоготворение ими сука вместо Юноны VI, 11.
Фессалия IV, 26.
Фестий IV, 26.
Фесценнины IV, 20.
Фетида IV, 27.
Фециалы II, 67.
Фидий VI, 13.
Философия очищает души и освобождает от пороков II, 30.
Философы ничего не знают и взаимными спорами и разногласиями показывают, что ничего нельзя знать II, 10; учение их основывается на вере в предположения II, 10; заслуживают похвалы за нравственную чистоту и сведущи во всех областях наук II, 11; философы христиане II, 5; сходство некоторых мнений их с христианским учением II, 12, 13, 34.
Филостефан VI, 22.
Fitilla VII, 24.
Флакк см. Граний.
Фламин Юпитера (Flamen Dialis) I, 51; VII, 43.
Флора б. III, 23; VII, 33; Florales VII, 33.
Флювиония б. III, 30.
Фонт б. III, 29.
Формулы (Symbola) мистические V, 26.
Фороней VI, 3.
Фортуна б. II, 65; III, 40, 43; VI, 25; Фортуна Девственная II, 67.
Фракия IV, 25; Фракиец см. Орфей.
Фригийцы V, 6, 7; христианство среди них II, 12.
Фригия V, 5, 20, 42; VII, 49.
Фрина VI, 13.
Frumen VII, 24.
Фурии III, 26; V, 28.

Халдеи — понятие их о Боге едином IV, 13; тайные науки их I, 5.
Хаос V, 23.
Храмы — почему воздвигаются язычниками VI, 3, 4; храмы кошкам, жукам и быкам I, 28; храмы как места погребения умерших VI, 6, 7; христиане не строят их VI, 1, 3.
Хрисида VI, 23.
Хрисипп IV, 26.
Хрисипп стоик II, 9.

Христиане чтут высочайшего Царя и Повелителя, Бога всемогущего, Отца всего существующего I, 27, 28, 36 и служат Ему I, 26; II, 13; любят Его, благоговеют перед Ним I, 25; поклоняются Богу, повергаются ниц пред Ним I, 27; ежедневно молятся Ему I, 26, 38; возлагают на Него все надежды II, 13; чтут Христа как Бога, и ежедневно молятся Ему I, 36, 39, 42; предпочитают общение с Ним всем благам мира II, 5; веруют в воскресение мертвых II, 13; признают геенны и неугасимые огни, в которые ввергаются души II, 14; заботятся о спасении души II, 13; проникнуты любовью ко всем добродетелям II, 5; следуют заповедям Христа о невоздаянии злом за зло, о прощении обид, о воздержании от кровопролития I, 6; не строят храмов и не приносят жертв VI, 1, 3; места собраний и писания христиан I, 56–59; IV, 36; общие молитвы I, 27; молитвы за государей, правителей, друзей, врагов, за живых и умерших IV, 36; христиане составляют общество (corpus), Глава (praeses) которого — Христос I, 42; спасение возможно только для них II, 65; обвинение христиан в безбожии I, 2, 25, 26, 29; III, 23, 28; VI, 1, 27; в следовании новой религии II, 66–73; в том, что они чтут как Бога человека рожденного и умершего от позорной крестной казни I, 36, 40, 41; в причинении общественных бедствий через оскорбление богов I, 1–5 и др.; в легковерии II, 8; осмеяние христиан как безрассудных и говорящих глупости и вздор I, 28; II, 6, 13, 34; III, 15; гонения на христиан I, 26, 35, 55; II, 5, 76, 77; III, 36; IV, 17, 36; VI, 27; твердость христиан в вере, несмотря на жестокие преследования, пытки и мучения II, 5; распространение христианства в различных странах и во всем мире I, 6, 16, 46, 55; II, 5, 12; принятие христианства ораторами, грамматиками, риторами, законоведами, врачами и философами II, 5.

Христос истинный Бог I, 36, 42, 47, 53; II, 60; Бог по самому существу I, 53; Бог и Господь всех сил I, 42, 65; Он должен быть признан Богом уже по причине Его великих даров I, 38, 42; доказательства божественности Его: а) божественная сила, проявленная Им в чудесах I, 42, 46, 47; II, 11, 12; б) предоставление Им избранным простым необразованным лицам власти совершать такие же чудеса во имя Его I, 50, 51; в) преодоление и разрушение определений судьбы I, 42, 47; г) вера народов и племен в эти чудеса I, 42, 54; д) страх демонов перед Ним и обращение злых духов в бегство Его именем I, 45, 46; е) проникновение в тайные желания и помышления людей I, 46; ж) явления Его по оставлении Тела бесчисленным людям, с которыми Он беседовал, уча и наставляя их, и такие же явления теперь людям праведным I, 46; з) быстрое распространение христианства во всем мире I, 40, 55; II, 12; и) непоколебимость веры христиан I, 54, 55; к) свидетельство Св. Писания и предания I, 56; Он был послан на Землю из неведомых царств высочайшим Царем как Спаситель, ради величайшего дела спасения

рода человеческого I, 42, 53; II, 63, 64, 74, 75; почему Он поздно был послан II, 74, 75; Он принял образ человека в подобии нашему роду и сокрыл Свое могущество I, 60; II, 60; почему Он явился в образе человека I, 60, 61; Он был рожден I, 37; Тело — незначительная часть Его I, 53; никто не знал, кто Он и откуда Он, — Он считался одним из нас I, 53; Он неимоверно благ, кроток, тих, сострадателен, милосерден I, 63; Он помогал добрым и злым и никого не отвергал I, 49; Он никому не причинил никакого зла, но открыл путь спасения даже врагам I, 65; никто не мог обвинить и уличить Его ни в каком преступлении I, 64; чудеса Его I, 42–50, 63; II, 11, 12; Он не был маг I, 43; совершал чудеса собственной силой без магических и других внешних средств I, 43, 44, 48; одним словом и повелением I, 45, 46, 48, 50; или через прикосновение I, 45, 48; только силой Своего имени I, 44; Он совершал только достойное Бога, благотворное и спасительное для людей I, 44; Он избрал и послал к различным народам простых, необразованных людей, рыбаков и ремесленников, для совершения такого же рода чудес во имя Его I, 50, 51; Он великий учитель и законодатель I, 39, 63; Он провозвестник всего доброго и дела спасения, принес благие обетования и вести I, 64, 65; распространил свет знания и рассеял тьму неведения II, 72; от великих заблуждений привел нас к истине и дал нам истинное познание о Боге, Мире и человеке I, 38; II, 14; открыл нам средства спасения, пути к Небу, двери благочестия и бессмертия I, 65; II, 2; обуздал человеческую гордость и другие пороки I, 38, 63; дал нам заповеди о невоздаянии злом за зло, о перенесении обид, о непролитии крови I, 6; доказательства истинности Его учения II, 4, 5, 11–14; Он был умерщвлен посредством позорной смертной казни I, 36, 40; висел на кресте и умер не Сам Он как Бог, а человеческое естество (homo), которое Он принял и носил с Собой I, 62, 65; смерть Его была добровольна I, 63; Он смотрел на беззаконие людей по отношению к Нему как на детское неразумие (ineptiis) и не вменял им дерзость их в вину I, 63; позорная крестная смерть не опорочивает Его и не умаляет значения дел и учения Его I, 40; она последовала по таинственному божественному определению, ради совершения великого дела спасения, и была необходима для избавления людей от опасности смерти I, 62, 63, 65; по оставлении тела, когда Он был узнан, все стихии мира пришли в смятение I, 53; Он облагодетельствовал неблагодарный мир I, 6; дары Его людям в этой жизни и в будущей I, 38, 39, 42; Он Посредник (Ministrator) Бога I, 47; Он предоставил нам общение с Богом через молитву I, 38; Он страж душ и истребитель смерти; Богом Отцом только Христу предоставлено дело спасения — это единственный путь спасения, дверь жизни, доступ к свету, — только через Него можно избавиться от мучительной смерти и достигнуть бессмертия и истинной, вечной жизни I, 65; II, 34, 65, 66; спасение и избавление от

смерти простиралось и на тех, кто умер до Его пришествия в мир II, 63; Он привел людей от ложных религий к истинной I, 38; ввел и установил в мире истинную религию II, 2, 3; Он всех призывает, всем дает возможность приходить к Нему, для всех открыт источник жизни, но Он никого не принуждает и не устрашает грозными повелениями — пользование Его благостью зависит от свободной воли человека II, 64; Он Глава (Praeses) христианского общества (corporis) I, 42; вражда и ненависть язычников ко Христу I, 64, 65; II, 1.

Хронологические указания I, 13; II, 71.

Хронос см. Кронос.

Caelus б. см. Небо.

Цезеллии I, 59.

Цезий III, 40.

Цербер V, 28.

Церера I, 36, 38; II, 65, 73; III, 10, 32, 34, 40, 43; IV, 27; V, 16, 20, 22, 24, 25, 29, 32, 34, 35, 37, 39, 40, 43, 45; VI, 6, 25; VII, 32.

Цест I, 36.

Цинкция (Юнона) III, 25, 30; VI, 11.

Цинций II, 69; III, 38, 39.

Цирк — игры в цирке VII, 39, 41.

Цицерон III, 6, 7, 16; V, 38.

Целование дверных порогов в храмах язычниками I, 49.

Человек — душа, заключенная в тело II, 13; он не создан Богом II, 46; не имеет ничего общего с небесными существами VII, 34; не создан по образу и подобию всего мира II, 25; не обладает божественной и бессмертной природой II, 19, и если не обратится к познанию Бога, его ожидают мучительное наказание и смерть II, 61; подобен прочим животным или очень незначительно отличается от них II, 16, 17, 25; VII, 9, 34; не малый мир II, 25; существо бесполезное для мира II, 37, 38; ничтожное и жалкое II, 46; неопределенное, переменчивое, шаткое, обманчивое, многосложное и многообразное II, 7; слепое II, 7, 60, 74; не обладает сам по себе знанием истины II, 7; не знает самого себя II, 74; ничего не знает I, 38; II, 7, 60, 74; вследствие врожденной слабости склонен к порокам I, 27, 49, но обладает свободой воли II, 64, 65. См. Души.

Число девятиричное III, 38.

Чистота — соблюдение ее язычниками перед посещением храма VII, 16.

Эак IV, 27; VI, 3.

Эвбулей V, 25.

Эвгемер IV, 29.

Эвий V, 28.
Эвмолп V, 25.
Эвмолпиды V, 25.
Эгерия нимфа V, 1.
Элевсин V, 25, 35; VI, 6; Элевсинские мистерии V, 26, 39.
Элевтерий см. Либер.
Электра V, 22.
Элементы основные II, 56; пятый элемент, по Аристотелю II, 9.
Элий III, 38, 39.
Эндимион IV, 27.
Эней II, 71; III, 39; IV, 27.
Энний IV, 29.
Энтимемы I, 58; II, 11.
Эпидавр г. III, 21; VII, 44.
Эпикады I, 59.
Эпиктет II, 78.
Эпикур II, 9, 30.
Эпир — христианство в нем II, 12.
Эпихарм IV, 25.
Эрехтиды V, 26.
Эрихтоний VI, 6.
Эскулап I, 30, 36, 38, 41, 49; II, 65, 74; III, 23, 39; IV, 24; VI, 21, 25; VII, 22, 44–48; три Эскулапа IV, 15.
Эта г. I, 36; IV, 25.
Этна V, 24, 35.
Этрурия II, 62; VII, 26; Этрусские науки V, 18.
Эфес VI, 23.
Эфиопия I, 36; VI, 4.
Эфир б. IV, 14.
Эфор III, 37.
Эфуса IV, 26.

Юлиан маг I, 52.
Юнона б. II, 65, 70; III, 6, 10, 21, 23, 30, 40; IV, 22, 25; VI, 3, 23, 25.
Юпитер I, 34; II. 70, 71; III, 30, 31, 37, 40; IV, 14, 16, 20–26, 29, 34, 35; V, 1–4, 7, 10, 14, 19, 20, 32, 34, 35, 37, 40, 43, 44; VI, 12, 13, 21, 25; VII, 9, 21, 32, 33, 39–43; отец богов и людей IV, 21; прелюбодеяния и кровосмешения его IV, 22, 24, 35; V, 5, 9, 10, 20–23, 29, 35; три Юпитера IV, 14, 17; Юпитер Додонский I, 26; VI, 23; Капитолийский I, 51; VI, 16, 23; Олимпийский III, 31; VI, 13, 16; Стигийский II, 70; III, 31; Амон VI, 12.
Ютурна III, 29.

Язычники считают себя стражами, защитниками и почитателями богов V, 20; позорят и оскорбляют богов своими постыдными мнениями о них III, 6, 11; V, 30, 31; вражда и ненависть их ко Христу I, 64, 65; II, 1.
Ялис IV, 14
Яникул г. I, 36; III, 29.
Янус I, 36; III, 6, 29, 44; VI, 25.
Ярмо IV, 4.
Ясион IV, 27,

Арнобий

А84 Против язычников / Под ред. А. Д. Пантелеева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 398 с. (Ver sacrum: Религиозные верования и культы в античном мире)
ISBN 978-5-288-04692-6

ББК 86.31

Научное издание

Арнобий

ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор
Т. Н. Пескова

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 25.07.2008. Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Заказ 423.

Издательство СПбГУ.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

Издательство С.-Петербургского университета

предлагает учебники, учебные пособия, научную и научно-популярную литературу по

истории,
экономике,
психологии,
философии,
филологии,
языкознанию,
естественным и точным наукам

студентам, преподавателям, научным сотрудникам, а также учителям, школьникам — всем, кому интересен мир книги.

Книги можно приобрести в магазинах Издательства, а также через отдел реализации:

199034, С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

«Книга-почтой»

Наша служба «Книга—почтой» предлагает широкий ассортимент научной и учебной литературы по всем университетским дисциплинам. Вы можете заказать как вышедшую, так и готовящуюся к изданию литературу более чем 100 издательств Москвы и Санкт-Петербурга. Информацию о новинках этих издательств можно найти в газете «Книжное обозрение» (подписной индекс: 50051). Мы работаем с частными лицами и организациями.

Условия оплаты зависят от региона и выбора клиента.

- **СНГ, дальнее и ближнее зарубежье** — только предоплата (отправка книг заказной корреспонденцией).
- **Россия** — наложенный платеж или предоплата по выбору клиента.

В соответствии с заказом мы комплектуем ценные бандероли весом до 2 кг. В сумму оценки входит примерно 30% от стоимости заказанных книг на почтовые расходы. Отправка книг осуществляется в течение месяца после получения заказа.

E-mail: post@unipress.ru

Подробнее — на нашем сайте
www.unipress.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА